

Е. Перехвальская

РУССКИЕ ПИДЖИНЫ

УДК 81(035.3)
ББК 81.2-03
П27

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ
(«Языковая карта России:
языки российско-китайского пограничья»,
проект № 06-04-00575а)*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Программы Санкт-Петербургского Научного центра РАН*

Рецензент к.ф.н. *Е. В. Головкин*

Перехвальская Е. В.

П27 Русские пиджины / Е. В. Перехвальская. — СПб. : Алетея, 2008. — 363 с.

ISBN 978-5-91419-131-0

В монографии рассматриваются основные понятия креолистики, подробно освещены теории возникновения и развития пиджинов и креольских языков, в том числе сформировавшихся при участии русского языка. Прослеживаются различные этапы формирования этих пиджинов, а также грамматические особенности, характерные для каждого из них. Представлены тексты на русских пиджинах, в том числе и ранее не публиковавшиеся материалы.

УДК 81(035.3)
ББК 81.2-03

ISBN 978-5-91419-131-0

9 785914 191310

©Е. В. Перехвальская, 2008
©Институт лингвистических исследований РАН, 2008
©Издательство «Алетея» (СПб.), 2008
©«Алетея. Историческая книга», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Введение

Сокращения и условные обозначения

Глава 1. Пиджины и креольские языки

Контактные языки

Социолингвистическая классификация языков

Пиджин и иные типы языков

Пиджины

Структурные особенности пиджинов

Теории происхождения пиджинов

Условия пиджинизации и стадии развития пиджина

Формирование расширенных пиджинов и креольских языков

Постпиджинный и посткреольский континуум

Генетическая принадлежность контактных языков

Глава 2. Русские пиджины: материалы, история изучения, проблема формирования

Контактные языки на русской основе

Материалы по русским пиджинам

История изучения русских пиджинов

Происхождение русских пиджинов

Глава 3. Очерки по грамматике русских пиджинов

Части речи в русских пиджинах

Части речи в редуцированном пиджине

Части речи в расширенном пиджине

Структура простого предложения в сибирском пиджине

Выражение числа в сибирском пиджине

Грамматические особенности мезолектных вариантов пиджина

Лексический состав русских пиджинов

Заключение

ЧАСТЬ II. МАТЕРИАЛ

Тексты на русских пиджинах с комментариями

Словарь сибирского пиджина

Список использованной литературы

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Введение

Креолистика – дисциплина, изучающая контактные языки – за последние сорок лет превратилась в самостоятельную область языкознания. Креолистика изучает пиджины, креольские и смешанные языки, то есть языки с необычной историей формирования, возникновение которых связано с нарушением языковой непрерывности. За прошедшие десятилетия появились сотни работ, посвященных как путям возникновения, так и особенностям конкретных языков такого типа.

Зарубежные исследования по креолистике давно вышли за рамки поверхностных описаний. Креолисты работают в нескольких направлениях: помимо систематического описания структуры данных идиомов, проводятся подробнейшие исследования их внешней истории с целью проследить этапы их формирования, учесть все возможные языковые влияния, которые могли иметь место в ходе этого процесса. Проводятся исследования, которые призваны определить вклад каждого из языковых компонентов при формировании конкретного контактного языка.

Большое внимание уделяется также общим вопросам: изучаются условия формирования языков данного типа, причины их возникновения, характер их отношения к языку-лексификатору. При этом нужно заметить, что исследование пиджинов, смешанных и креольских языков важно не только само по себе, этот материал имеет чрезвычайный интерес для общего языкознания в целом. Это определяется следующими факторами. Изучение языков, явившихся результатом интенсивного языкового контактирования, помогает раскрыть природу языковых контактов, являющихся одной из важнейших причин языковых изменений. Кроме того, возникновение пиджинов, формирование на их основе креольских языков можно рассматривать как модель «возникновения нового языка». Исследование становления таких языков может пролить свет на понимание сущности языка, его природы и генезиса.

В последние годы появились многочисленные обобщающие работы по контактным языкам и по проблематике языковых контактов в целом. Однако в фокусе исследований по-прежнему находятся в основном пиджины, креольские и смешанные языки, возникшие на основе западноевропейских языков, прежде всего, английского, французского, португальского и испанского. Все эти языки складывались в весьма сходных условиях: как правило, в процессе работорговли и плантационного подневольного труда. Этот факт ставит под сомнение многие выводы, которые делает креолистика, поскольку всегда остается вероятность того, что описываемые ею процессы не являются универсальными.

Изучение пиджинов, возникших в других условиях, на основе языков иного типа, оказывается чрезвычайно важным для теории языковых контактов и креолистики: оно может внести коррективы в понимание общих механизмов пиджинизации. К таким «другим» идиомам относятся и пиджины, возникшие на основе русского языка (далее они будут называться для краткости «русскими пиджинами»). Особенностью русского языка по сравнению с западноевропейскими языками, которые стали лексической основой для большинства известных пиджинов и креольских языков, оказывается его богатая словоизменительная морфология. Кроме того, русские пиджины возникали в иных социолингвистических условиях: это, прежде всего, торговые языки, обслуживавшие сферы

торговли, обмена, сбора ясачного налога, а не принудительного труда на плантациях, куда из разных свозились люди, не имевшие общего языка.

Все это делает русские пиджины чрезвычайно интересным объектом для креолистики. К сожалению, к настоящему времени они изучены совершенно недостаточно. По-настоящему в мировой научный оборот введен только русско-норвежский пиджин, или руссенорск, а также смешанный медновский язык; по остальным русским пиджинам имеются лишь фрагментарные публикации.

Целью настоящей работы было восполнить обозначенный пробел и проверить некоторые выводы креолистики на новом материале, проследить процессы возникновения и дальнейшего «расширения» пиджинов, возникших на основе русского языка. Помимо уже введенных в научный оборот руссенорска и говорки (таймырский пиджин), существовали и другие пиджины. Можно говорить об заволжско-уральском пиджине, упомянутом в «Детских годах Багрова-внука» С.Т. Аксакова. Л.Н. Толстой в «кавказских» рассказах дал несколько образчиков северокавказского пиджина. В произведениях М.М. Пришвина есть упоминания об архангельском пиджине, который известен и как «соломбальский английский» (или «соломбала-инглиш»), или, по крайней мере, близок к последнему.

Основное внимание уделено систематическому описанию грамматического строя и лексического состава русского пиджина, распространённого в XVIII-XX веках на территориях, поэтапно присоединяемых к России. Этот пиджин я предлагаю называть *сибирским пиджином*. Сибирский пиджин существовал во многих разновидностях. В художественной и научной литературе можно найти немало упоминаний о нём или примеров речи на пиджине. Например, в известном романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» на пиджине говорят тунгусы.

Лучше всего документированной оказалась дальневосточная разновидность сибирского пиджина. На это были свои причины. Этот язык был весьма распространен на Дальнем Востоке и широко употреблялся в приграничной русско-китайской торговле, в городе Харбин, вдоль Восточно-Китайской железной дороги, во Владивостоке и внутренних районах Приморья, вдоль Уссури и Амура. На нем говорили европейцы (не только русские, но и поляки) не только с китайцами, но и с монголами, корейцами, нанайцами, удэгейцами, негидальцами и представителями других дальневосточных народов.

Пиджин не имеет никакой кодифицированной нормы, а его грамматика является «мягкой», допускающей многие отклонения. Поэтому дошедшие до нас варианты оказываются неодинаковыми. Однако в них, очевидным образом, имеется значительная общая составляющая. В этой книге выявляется и описывается этот инвариант, «идеальная» форма русских пиджинов. При этом прослеживаются их изменения во времени, а также их варианты, возникшие на разных территориях и у разных этнических групп.

Рассматриваются следующие стадии развития пиджинов: исходный «редуцированный вариант», затем «стабильный, расширенный пиджин», и, наконец, стадия декреолизации, растворения пиджинов и постепенного превращения их в своеобразные диалекты русского языка.

Сокращения и условные обозначения

1 л.	– 1 лицо
2 л.	– 2 лицо
3 л.	– 3 лицо
англ.	– английский язык
ед ч.	– единственное число
ж. р.	– женский род
Им. п.	– именительный падеж
м. р.	– мужской род
мн ч.	– множественное число
соб.	– собиратель
франц.	– французский язык
сиб. п.	– сибирский пиджин
рн.	– руссенорск (русско-норвежский пиджин)
говор.	– таймырский пиджин говорка
Ak	– пример из произведений С.Т Аксакова
Al	– пример из статьи А. Александрова
Ar	– пример из произведений В.К. Арсеньева
Fd	– пример из произведения А. Фадеева
Bch	– пример из статьи о. Иакинфа (Бичурина)
Bk	– пример из расшифровки магнитофонных записей, сделанных в Пожарском р-не Приморского края
Chr	– пример из статьи С.Н. Черепанова
Ja	– пример из статьи А. Яблонской
K	– пример из расшифровки магнитофонной записи, сделанной в пос. Кукан (китайский этнолект)
Kk	– пример из расшифровки магнитофонной записи, сделанной в пос. Кукан (русский этнолект)
Sch	– пример из статьи Г. Шухардта
Shk	– пример из романа В.Я. Шишкова
Shr	– пример из статей и архивных материалов А.Г. Шпринцына
Tl	– пример из произведений Л.Н. Толстого
Tz	– пример из расшифровки магнитофонной записи, сделанной в пос. Михайловка Ольгинского р-на Приморского края
Vr	– пример из статьи С.А. Врубеля
St	– пример из статьи Диттера Штерна
Gv	– говорка
RN	– руссенорск

ПИДЖИНЫ И КРЕОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

КОНТАКТНЫЕ ЯЗЫКИ

Одним из разделов социолингвистики является *теория языковых контактов*, изучающая условия влияния одних языков на другие, процессы этого взаимовлияния, результаты языкового контактирования. При этом изучаются не только социальные условия такого контактирования, но и процессы, происходящие в самих языках на разных языковых уровнях – в лексике, грамматике, фонетике, фонологии. Теория языковых контактов смыкается со многими собственно лингвистическими дисциплинами, так как языковые контакты являются одной из важнейших причин языковых изменений.

Процессами языкового контактирования занимаются лингвисты, изучающие билингвизм (и, шире, мультилингвизм) и диглоссию, заимствование и интерференцию из одного языка в другой на разных языковых уровнях, механизмы переключения и смешения кодов, образование языковых союзов, которое рассматривается как следствие интенсивных языковых контактов. К этой области примыкают такие ставшие актуальными, особенно в последние годы, области исследований, как SLA (“Second language acquisition” – овладение вторым языком взрослыми), изучение разного рода национальных и местных вариантов языка, психолингвистические исследования индивидуального билингвизма.

Одним из важных направлений теории языковых контактов является также *креолистика* (или, иначе, *контактология*). Эта дисциплина изучает формирование, функционирование и дальнейшее развитие пиджинов, креольских и смешанных языков, которые объединяются в понятие «контактные языки». Такие языки возникли в ходе интенсивных языковых контактов в результате резкой редукции или упрощения языков-источников либо в результате различных форм «смешения» элементов лексических и грамматических систем контактирующих языков. Языки этих типов представляют немалый интерес для общего языкознания, поскольку их изучение может пролить свет на некоторые вопросы, связанные с поисками причин и направлений языковых изменений.

В языкознании долгое время главенствовала идея о том, что языкового смешения не существует, что влияние одного языка на другой обычно ограничивается лексическими заимствованиями, и что даже в ситуации интенсивного языкового контактирования один язык всегда выходит «победителем»¹. Таковы были представления, распространённые в XIX в., прежде всего у представителей младограмматического направления.

В качестве реакции на эту и другие идеи младограмматиков стали появляться мнения о том, что результаты интенсивных языковых контактов могут быть совершенно иными. Такие мысли высказывали прежде всего те, кто не соглашался с младограмматической картиной развития и существования языков, с их представлением о «родословном древе» как о последовательной дивергенции языков из единого предшествующего состояния. Действительно, младограмматическое «родословное древо» не оставляло никакой возможности для языкового контактирования и других процессов языковой конвергенции.

К началу XX века появились критики младограмматической концепции языкового развития, среди которых были Г. Шухардт и И.А. Бодуэн де Куртене.

Бодуэн де Куртене вплотную подошёл к пониманию языковых контактов как одной из причин языковых изменений. Он критиковал многие положения младограмматиков, в том числе их тезис о «безысключительности фонетических законов», которые воспринимались как аналог «законов природы». В действительности же эти законы – «известное единообразие фонетических соответствий, ... которые исторически обусловлены происхождением из общего

¹ См. например, развернувшуюся в Институте языкознания АН СССР дискуссию о теории субстрата (Дискуссия 1955).

источника, точнее говоря, из общих источников» (разрядка моя – Е.П.). «Действительные “законы”, законы причинности, скрыты в глубине, в запутанном узле самых различных элементов.», – писал Бодуэн, – «“Законы” существуют, но не там, где их ищут». (Бодуэн де Куртене 1963, II, 206-208).

Во вступительной лекции к курсу Сравнительной грамматики славянских языков, читавшейся им осенью 1900 г., Бодуэн де Куртене фактически постулировал языковое влияние как причину расхождения родственных языков. Он приводит в пример славянские и романские языки, армянский и цыганский, латышский, сформировавшийся под значительным влиянием финских языков (Бодуэн де Куртене 1963, I, 364-365). В связи с языковым смешением Бодуэн де Куртене упоминает и русские пиджины: «В последние века образовались пограничные смешанные говоры в тех местах, где китайцам приходится сноситься с европейскими народами. Таково, между прочим, кяхтинское, или маймачинское, наречие русского и вместе с тем китайского языка; таковые же международные говоры английско-китайский и португальско-китайский» (Бодуэн де Куртене, 1963, I, 366).

Одним из критиков младограмматизма был и Г. Шухардт. Он также настаивал на тезисе о «смешанном характере всех языков» (Шухардт 1950), и в поисках подтверждения своих теорий начал поиск таких языков, в истории которых смешение было бы очевидным. Он обратился к изучению креольских языков, материал которых начал появляться в лингвистической литературе. В течение ряда лет он списывался с представителями колониальной администрации, миссионерами, журналистами, учителями, жившими в местах, где могли существовать креольские языки. За это время он получил 124 ответа. Полученные описания были в разной степени подробны, однако помогли ему вчерне составить карту распространения контактных языков в мире. Вскоре в Вене вышли одиннадцать выпусков его «Исследований по креольским языкам» (Kreolische Studien), посвященных анализу материала конкретных контактных языков, сформировавшихся в результате контактирования языков разного строя (Schuhardt 1882). В одном из этих очерков упоминался кяхтинский язык, бытовавший на границе России и Монголии в городе Кяхта, центре русско-китайской торговли (Schuhardt 1882, IX, 101-122). Краткий очерк этого языка появился и по-русски (Шухардт 1884).

Г. Шухардт по праву считается основоположником креолистики, хотя работы, посвященные креольским языкам, начали появляться значительно ранее. Тем не менее именно Шухардт одним из первых предложил объяснение того, как именно возникли подобные языки. Особенно его интересовал вопрос о том, каков вклад каждого из контактировавших языков в грамматику и словарный состав сложившегося креольского языка.

Однако Г. Шухардта интересовали прежде всего именно креольские языки, то есть полноценные языки, которые отличаются от других только необычностью своего происхождения. Пиджинам Шухардт уделял значительно меньше внимания.

За прошедшие сто двадцать лет со времени выхода «Исследований по креольским языкам» были изучены многие креольские языки, пиджины, а также смешанные языки. Эти исследования оформились в отдельную отрасль языкознания.

* * *

Креолистика является частью теории языковых контактов, которая, в свою очередь, как уже говорилось, традиционно относима к социолингвистике. Можно сказать, что это «самая лингвистическая» часть социолингвистики.

Такое отнесение креолистики к «ведомству» социолингвистики представляется оправданным, поскольку единственное, что, в сущности, отличает контактные языки от языков «обычных» – это особые условия их возникновения и, в некоторой степени, условия их функционирования. Другими словами, они выделяются на основании не столько собственно лингвистических, сколько социолингвистических критериев. Тем не менее, в строении данных языков прослеживаются определённые закономерности, что даёт возможность говорить о некоторых лингвистических особенностях данного типа языков. Таким образом, изучение контактных языков смыкается с лингвистической типологией и дескриптивным описанием языков, то есть с собственно лингвистическими дисциплинами.

Социолингвистическая классификация языков

В современном языкознании существует несколько непересекающихся классификаций языков, которые осуществляются на различных основаниях: это генетическая классификация, а также несколько типологических, созданных в русле различных лингвистических дисциплин.

Социолингвистика, в отличие от других областей языкознания, таких как типология или компаративистика, не выработала чёткой классификации языков по их функции в обществе, статусу и особенностям образования и функционирования. Слишком большое количество параметров в социолингвистике затрудняет создание непротиворечивой классификации. Одна из достаточно удачных попыток систематизировать различные типы языков с социолингвистической точки зрения принадлежит Р.Т. Беллу (Белл 1980, 200). Эта классификация строится на основе как социолингвистических, так, отчасти, и лингвистических параметров. Вот эти параметры:

- стандартизация (наличие/ отсутствие кодифицированной нормы);
- жизненность (наличие/ отсутствие собственного коллектива исконных носителей);
- гомогенность (выводимы ли основные черты языка из предыдущих стадий его развития);
- автономность (воспринимается ли данный идиом как самостоятельный, отличный от других языков);
- редуцированность (использует ли данный язык меньший набор единиц, чем родственные ему разновидности того же языка);
- смешение (состоит ли язык из единиц и структур, выводимых из одного источника);
- наличие фактической нормы.

На основе этих параметров Р.Т. Белл выводит следующие типы языков (в скобках даны конкретные примеры):

- литературный язык (литературный английский);
- классический язык (английский язык перевода Библии);
- региональный язык (афроамериканский диалект);
- диалект (кокни);
- креольский язык (крио);
- пиджин (неомеланезийский пиджин);
- искусственный (Basic English, эсперанто);
- Х-ированный язык (индийский английский);
- интерязык (английский язык конкретного лица N, для которого английский не является родным);
- язык для иностранцев (упрощенный английский, обращенный к иностранцу);

Нет смысла останавливаться на подробном разборе и критике социолингвистической классификации языков Р.Т. Белла, которая, разумеется, ни в коем случае не является бесспорной. Эта классификация, тем не менее, представляется показательной, поскольку очевидным образом демонстрирует тот факт, что многие лингвистические дискуссии (например, полемика, является ли тот или иной идиом отдельным языком или диалектом какого-то языка), которые ведутся с привлечением собственно лингвистической аргументации, сводятся к проблематике социолингвистики, и, соответственно, решаться должны в её русле, с привлечением таких понятий как «самосознание», «функции языка» и т. п.

Для нас важно, что среди нескольких «типов» языков, приведенных Р.Т. Беллом, четыре характеризуются как «смешанные», т. е. состоящие из единиц и структур, не выводимых из одного источника. Это: пиджин, креольский язык, Х-ированный язык и интерязык. Под «смешением» Белла понимается высокая степень интерферированности, т. е. наличие разнообразных влияний со стороны какого-то другого языка.

Пять языков оказываются редуцированными: пиджин, креольский язык, искусственный язык, интерязык и язык для иностранцев. Классификация Р.Т. Белла даёт основания для формулировки достаточно чёткого определения не только пиджина и креольского языка (о которых подробно ниже), но и других типов идиомов, которые будут упоминаться по ходу изложения.

«*X-ированный язык*» – идиом, не обладающий кодифицированной нормой, но имеющий норму «де-факто», не имеющий коллектива исконных носителей. Это региональный вариант языка, который не является родным ни для кого, кто на нем говорит. В результате такой язык вбирает в себя множество элементов другого языка или языков (родных для говорящих). Происходит интерференция на всех языковых уровнях. При этом, однако, такой идиом не воспринимается как совершенно другой язык, к тому же он не является редуцированным. Примерами таких «*X-ированных языков*» могут служить «заморские» варианты европейских языков – индийский английский, французский язык Западной Африки, португальский язык Анголы и т. п. На базе русского языка такие языки могут сформироваться, например, в странах Средней Азии, если получат некую норму, чего пока, как мне кажется, ещё не произошло. По-видимому, название «*X-ированный язык*» для языка такого типа не слишком удачно, однако, за неимением другого, я буду пользоваться им².

«*Региональный язык*» отличается от «*X-ированного языка*» тем, что является родным для говорящих на нем. Примеры региональных языков: французский язык Канады, испанский язык Кубы, португальский Бразилии. Такой язык часто также оказывается весьма интерферируемым, хотя это и не является его неперенной чертой. Отличия региональных языков от языка метрополии могут объясняться иными процессами, например, сохранением архаичных черт, переносом в них черт территориальных диалектов и т. п. В то же время региональный язык – это не территориальный диалект. Под территориальным диалектом понимается разновидность языка на традиционной территории его распространения; диалект противопоставлен литературному, общенациональному языку. Региональный язык противопоставлен языку метрополии. На основе русского языка региональными вариантами могли бы быть указанные выше варианты русского языка стран, бывших республик СССР в Средней Азии, если бы эти варианты стали родным языком подавляющего числа населения.

«*Интерязык*» – не имеющий ни нормы (даже нормы «де-факто»), ни собственного коллектива носителей, редуцированный и смешанный идиом, не воспринимающийся, однако, как отдельный язык. Это, по существу, идиолект, являющийся «недоученным вариантом» целевого языка. Совокупность таких идиолектов, каждый из которых представляет собой особый вариант «недоученности», может получить собственное название, если все эти идиолекты принадлежат людям определенной группы (язык гастарбайтеров в Германии). «*Интерязык*», как правило, характеризуется высокой степенью вариативности, это очень интерферируемый идиом, однако он не лишен некоторой внутренней логики. Такие идиомы изучаются в рамках дисциплины, рассматривающей «усвоение второго языка» (Second language acquisition). На основе русского языка «интерязыком» можно считать, например, «русский язык рабочих-таджиков» и т. п.

«*Язык для иностранцев*» – особый регистр, упрощенный язык, который используется при обращении к иностранцу. Наличие особого регистра для общения с иностранцами более характерно для тех областей, где такое общение оказывается регулярным, при этом особенности этого регистра не зависят от языка, на котором говорит сам «иностранец». Таким образом, этот идиом не является интерферируемым. «*Язык для иностранцев*» противопоставлен «интерязыку», на котором говорят сами иностранцы. В реальном общении они часто не коррелируют друг с другом. К гастарбайтерам в Германии и России, как правило, обращаются на обычном языке, не употребляя особого регистра для иностранцев.

² Часто для обозначения языков такого типа (например, по отношению к английскому языку в Индии) используется термин «региональный язык». Однако последний термин у Р.Т. Белла закреплён за языком, который является родным (единственным) для говорящих на нём. Существуют также синонимичные термины «заморский вариант», «национальный вариант». Последние также могут относиться и к «региональному варианту».

По классификации Белла *пиджин* отличается от «интерязыка» наличием нормы «де-факто», т. е. у пиджина имеется некий коллектив носителей, который эту норму вырабатывает, пусть даже пиджин не является родным ни для кого из говорящих на нём.

Креольский язык, по Беллу, отличается от пиджина наличием собственного коллектива исконных носителей, для которых этот язык является родным.

Остановимся подробнее на том, чем пиджины и креольские языки отличаются от других типов языков.

Пиджин

Пиджины возникают в условиях так называемых «экстремальных» языковых контактов, когда у двух или нескольких групп людей, которым необходимо договориться о чём-то конкретном, нет общего языка. Говорящие на разных языках люди прибегают к внеязыковым формам коммуникации (жесты, мимика), при этом они используют и отдельные слова своих родных языков. Если ситуация общения повторяется, и в ней участвуют одни и те же люди, вырабатывается звуковой язык, т. е. появляются слова, понятные всем участникам контакта, а также набор правил для связи этих слов. Важно, что целью обеих контактирующих групп является не изучение языка друг друга, а установление взаимопонимания. Такой идиом называется пиджином.

Таким образом, пиджин – это редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей. Чаще всего он не воспринимается как «язык» даже самими говорящими. Обычно пиджин принимается за *девиантный диалект*, описываемый как «ломаный», «испорченный», «искаженный» язык. Пиджин служит вспомогательным средством коммуникации, спонтанно возникающим в стандартных коммуникативных ситуациях. Типичная ситуация возникновения пиджина – обмен товарами, торговля, ситуация подневольного труда.

Считается, что слово «пиджин», возникшее в английском языке, восходит к названию старого китайско-английского пиджина «Pidgin-English», впервые зафиксированное в 1807 году. При этом слово *pidgin*, по-видимому, восходит к английскому *business* ‘дело’ в китайском произношении (Беликов, Крысин 2001, 116). Предлагались и другие этимологии, более или менее удачные, возводящие это слово к древнееврейскому *pidjom* ‘обмен, торговля’, португальскому *osiração* ‘занятие, дело’ и *baixo* ‘низкий’, английскому *beach* ‘морской берег’ (Holm 1988, 9), и даже к китайскому *bizhen* ‘очень похожий’ (Ян Цзе 2007, 67).

О пиджинах говорят как о вспомогательных языках, поскольку они служат целям коммуникации тогда, когда общение на других языках оказывается невозможным. Это средство вербальной коммуникации, к которому прибегают в отсутствие иных языковых средств.³

Креольский язык

Первоначально *креольскими языками* (*креолами* или, иначе *креолями*) называли только языки, возникшие из пиджинов в результате процесса *нативизации*, т. е. такого процесса, когда пиджин становится родным языком для некоторого коллектива говорящих. В этом случае бывший пиджин превращается в полноценный язык, который является первым, а часто и единственным языком некоторого языкового сообщества (см., например, Holm 2000, 6).

Креольский язык, в отличие от пиджина, обслуживает все необходимые для языкового сообщества коммуникативные ситуации и выполняет все языковые функции. В результате грамматика такого языка значительно усложняется – в креолистике принят термин *расширение грамматики*. В случае полного отрыва от языка-лексификатора, происходит достраивание грамматики в соответствии с иными языковыми моделями. Происходит *реструктуризация* языка.

³ Именно поэтому в настоящее время возникновению новых пиджинов в определенной степени препятствует распространение английского языка, которым, по мнению Д. Кристалла, владеет каждый второй житель планеты (Crystall 1997). Скорее всего, впрочем, таких людей значительно меньше, и новые пиджины все же возникают.

При этом оказывается, что многие креольские языки, сформировавшиеся на разной основе, например, франкокреольские, англокреольские и португалокреольские, имеют множество общих черт в грамматике. Объяснение появления таких сходных структур в пиджинах и креольских языках, сформировавшихся в разных условиях на основе разных языков, является одной из основных дискутируемых проблем креолистики.

В последнее время появились теории, согласно которым креольские языки могут образоваться, минуя стадию пиджина, непосредственно из языка-источника. В этом случае под креольскими языками понимают языки, возникшие «в контактных ситуациях», не обязательно прошедшие стадию пиджинизации (см., например, Томасон 2001, 159-160). Представляется, что отказ от классического определения креольского языка как пиджина, ставшего для кого-то родным (первым) языком, вносит путаницу в понятие «контактные языки» — это даёт возможность рассматривать любой язык, в котором произошла редукция некоторого начального состояния, как креольский, что может привести к полному размыванию данного термина.

Возможно, имеет смысл различать собственно *креольские языки*, возникшие в результате нативизации пиджинов, и *креолизированные языки*, что иногда и делается. Под креолизированными в таком случае понимают языки, в истории которых происходили процессы коренной ломки структуры, напоминающие процессы креолизации, но при этом эти языки не прошли стадию пиджина. Впрочем, и этот термин представляется не особенно удачным, поскольку перестройка и даже редукция грамматической системы в той или иной мере происходила в истории почти любого языка. Принятие такой точки зрения даёт возможным считать креолизированными не только английский, но, например, и все романские языки, историю формирования которых из латыни можно также рассматривать, применяя термин «редукция»⁴.

Смешанные языки

Помимо языков, приведенных у Р.Т. Белла, в теории языковых контактов и, более узко, в креолистике, выделяются и другие типы «контактных языков», т. е. таких, которые возникли как результат языковых контактов и характеризуются параметром «смешение». Это упомянутые выше креолизированные языки, а также *смешанные языки*. Как и креольские, смешанные языки используются «новыми» социумами. «Под смешанными языками с относительно недавних пор понимается вполне определенный класс языков с особыми структурными свойствами и сходной историей возникновения... Смешанный язык — это язык, который образовался как результат негенетического развития двух языков, причем он возник не в качестве языка-посредника, необходимого для обеспечения коммуникации, а как средство групповой самоидентификации для внутригруппового общения. Исходно все члены группы — билингвы, владеющие теми двумя языками, на базе которых возникает смешанный язык. Образовавшийся смешанный язык как бы составлен из различных частей языков источников, при этом лексика взята из одного языка, а большая часть грамматических структур — из другого.» (Вахтин, Головкин 2004, 149-150).

С участием русского языка образовался язык алеутов острова Медный, или медновский язык.

Лингва-франка

Этот термин имеет два значения. Первоначально так назывался торговый язык, использовавшийся в Средние века в средиземноморской торговле. В переводе это выражение означает: «язык франков, т. е. французов или иных европейцев, говоривших на романских языках». О конкретных особенностях этого языка известно мало (см., например, Vianello 1955, Cortelazzo 1965, Whinnom 1977). Считается, что он был использован Мольером в комедии

⁴ «Редукция» — «использование данным языком меньшего набора единиц, нежели родственные ему разновидности того же языка» (Белл 1980: 201).

«Мещанин во дворянстве», где на нем говорят мнимые турки. Эта средневековая лингва-франка, возможно, была пиджином.

В современной социолингвистике этот термин употребляется для обозначения языка-посредника, неродного никому из говорящих. Например, русский язык, использующийся для коммуникации группами таджиков и эстонцев, будет играть роль лингва-франка. Такой язык не является непременно редуцированным, однако обычно оказывается сильно интерферированным.

Для разграничения этих терминов я буду называть средневековый торговый язык *lingua franca* (латинскими буквами).

Пиджин *versus* иные типы языков

Пиджин и национальный вариант языка

Как мы видим, пиджин – это не «испорченный», «ломаный» вариант языка, не диалект языка лексификатора, а идиом особого типа. Стоит еще раз остановиться на том, чем отличается пиджин от других типов языков, выделяемых в социолингвистике. От креольского языка, смешанного языка, языка для иностранцев и регионального варианта пиджин отличается тем, что он является неродным никому из тех, кто им пользуется. Родным для говорящих оказывается какой-то другой язык, который они используют во всех обычных ситуациях, при этом для разных групп говорящих это будут разные языки.

Остановимся на том, чем отличается пиджин от «Х-ированного варианта языка», «интерязыка» и «лингва-франка».

Примером «Х-ированного языка» может служить, например, английский язык Индии или французский язык Западной Африки. Такие «заморские», «национальные» варианты отличаются от языков метрополии на всех уровнях иногда весьма значительно. Но, тем не менее, они считаются и, по существу, остаются вариантами этих языков.

Их можно назвать своеобразными «национальными» диалектами. Эти местные варианты языков бывших колониальных держав не являются самостоятельными языками, хотя существует мнение о том, что подобные варианты могут со временем стать языками, а их совокупность семей языков (Crystal 1997, 114). Тем не менее на синхронном этапе это, безусловно, варианты того же самого языка, пусть даже подвергшиеся а) значительной интерференции со стороны местных языков (языков *субстрата*), а также б) упрощению в результате интенсивных языковых контактов.

Может показаться, что различие между собственно пиджином и таким «Х-ированным вариантом языка» только количественное. И тот, и другой представляют собой языки – т. е. системы со своей фактической нормой, которую должны выучивать говорящие на них. С такой точки зрения пиджин может рассматриваться как язык, где все те тенденции, которые встречаются в «Х-ированном варианте языка», проявились в крайней степени. Но на самом деле различие между пиджином и этим «этническим вариантом» языка не количественное, а *качественное*. Пиджин – это другой язык, а «Х-ированный вариант языка» – это форма того же языка. Пиджин имеет иную грамматическую структуру. Пиджин является не продуктом упрощения данного языка, а продуктом полной перестройки этого языка: он прошел стадию «прагматического кода» (см. ниже), после чего стал строиться по совершенно иной модели, во многих случаях не имеющей отношения к модели языка-лексификатора.

Приведу в пример чабакано – пиджин, возникший на основе испанского языка на Филиппинских островах под сильным влиянием тагальского языка. Чабакано не просто количественно, а качественно отличается от испанского языка Манилы, который является местным (этническим) вариантом испанского. В нём произошли коренные структурные изменения – утратились одни грамматические категории (род), изменили форму выражения другие (число), полностью отсутствует словоизменение и слабо выражено словообразование, перестроена система глагола. В процессе пиджинизации языка произошла резкая редукция на всех языковых уровнях; затем данный язык расширился, превращаясь в нормальное средство

коммуникации, призванное передавать всю необходимую информацию. Вследствие этого структура усложнилась, причём за счет собственных ресурсов. Так, категория числа в данном языке «восстановилась» – в чабакано она выражается препозитивной частицей *manga* тагальского происхождения. Категория рода не была восстановлена, как явно избыточная. (Whinnom 1956, Taylor 1957).

Ср. следующие примеры на этом языке:

- (1) *Ta pensa yo sabe-ng=sabe ya bos kusi*
Pst думать 1Sg знать-Фос-знать уже 2Sg шить
'Я думал, ты уже научилась-таки шить';
- (2) *El manga pariente ni dale limosna el poble vyeha.*
Art Pl родственник Neg давать милость Art бедный старуха
'Родственники не давали приюта бедной старушке'.⁵

Как видно уже из этих примеров, в чабакано глаголы имеют единую неизменяемую форму. Видо-временные формы образуются аналитически, при помощи препозитивного показателя: *pensa* 'думать' – *ta pensa yo* 'я думал'; либо редупликацией: *sabe* 'знать, уметь' – *sabeng-sabe vos* 'ты научилась'.

Интересно сравнить чабакано с испанским языком Экваториальной Гвинеи, который, без сомнения, относится к типу «X-ированный язык». Это местный вариант испанского языка, на котором говорят в небольшой африканской стране. Испанский язык является единственным официальным языком Экваториальной Гвинеи. Однако он не родной для подавляющего большинства населения. В Экваториальной Гвинее говорят на нескольких языках банту, самым распространенный из которых – язык фанг. На острове Аннобон распространен также португалоязычный креольский язык, близкий к креолу острова Сан-Томе.

«Гвинейский испанский» обладает большим своеобразием, он отличается от испанского Испании многими особенностями на всех языковых уровнях, от фонетики до синтаксиса. Так, например, в словах, начинающихся с гласного, произносится гортанная смычка («твердый приступ») в соответствии с правилами языка фанг: *hacían* 'делали' произносится как [ʔaθían] (Quilis, Casado-Fresnillo 1995, 77-78). В морфологии наблюдаются многочисленные выравнивания по аналогии, ср. в глаголе: *obrido* вместо *abierto* 'открытый', *andé* вместо *anduve* 'я пошел', *tosta* вместо *tuesta* 'жарит'. В устных и письменных текстах отдается предпочтение аналитическим глагольным формам перед синтетическими, которые оказываются синонимичными по значению: *voy a salir* и *saldré* 'я выйду' (Quilis, Casado-Fresnillo 1995, 199-214). Эти особенности можно считать продолжением тенденций, существующих в испанском языке метрополии.

Одновременно в «гвинейском испанском» отмечаются ошибки, свойственные только иностранцам. К ним относится, например, неправильное употребление личных окончаний глагола: *yo salió* вместо *yo salí* 'я вышел'; *ella vi* вместо *ella vió* 'она увидела'. Неверно употребляются, по существу, смешиваются вспомогательные глаголы *ser*, *estar* и *haber*. Неверно употребляются артикли, предлоги, союзы (Quilis, Casado-Fresnillo 1995, 215-269).

Вместе с тем, перед нами, безусловно, испанский язык. Вот пример записанного устного рассказа на «гвинейском испанском» из книги Антонио Килиса и Селии Касадо-Фреснильо (рассказчица – носительница языка фанг, 69 лет, воспитательница детского сада):

- (3) *La tortuga y tigre⁶ eran amigos, y un día, ya tuvieron hambre, ya no tenían comida suficiente, sobre todo, la carne. Cada uno de ellos trampaba, y no cazaba nada. Entonces, dijo, la tortuga dijo a su amiga, a su amigo tigre: «Amigo...»*

'Черепашка и тигр были друзьями. Однажды, они уже были очень голодны, у них уже не было достаточно еды, в особенности, мяса. Каждый из них ловил, но не добывал ничего. И тогда сказала, черепаха сказала своей подруге, своему другу тигру: «Друг...»' (Quilis, Casado-Fresnillo 1995, 535-536)⁷.

⁵ О структуре простого предложения в чабакано, см.: (Перехвальская 1984).

⁶ Имеется в виду, скорее всего, леопард, поскольку тигры в Африке не водятся.

⁷ В книге приводится фонетическая и орфографическая запись.

При сравнении «гвинейского испанского» с испанским Испании видно, что подавляющее количество форм (лексических, грамматических) совпадают с таковыми собственно испанского языка. Чабакано же – язык с другой грамматикой. Им нужно специально овладевать, чтобы понимать и порождать формы, приведенные в (1) и (2). Такое овладение или обучение может быть достаточно быстрым, но оно необходимо. Текст же на «гвинейском испанском» понятен любому владеющему испанским языком.

Приведу другой пример. Французский язык Западной Африки подвергся существенной интерференции со стороны местных языков и значительно отличается от «стандартного французского» (Duponchel 1975; Клоков 2000). Вот пример текста, написанного на «ивуарийском французском». Это начало рассказа, написанного писателем Кессе Моньяном, родным языком которого является язык дан-гуэта:

- (4) *“Cette histore est une très vieille histoire, mais vraie. Un couple vivait une fois dans un village appelé Gbablasso. La femme accoucha d’un garçon. Cet enfant était d’une beauté extraordinaire. Dans l’histoire des hommes, il n’y avait jamais eu un si beau bébé, et n’aura jamais”*. (Mognan 2005, 34).

«Эта история случилась давно, но она правдива. Одна чета жила в деревне, которая называлась Гбаблассо. Жена родила мальчика. Это был невероятно красивый ребёнок. Во всём мире не было таких красивых детей и не будет».

Письменный текст не даёт представления о фонетике ивуарийского французского, характерными особенностями которого является произнесение фонемы /r/ в конечной позиции, а также скоплений согласных (в результате чего происходит, например, нейтрализация *chambre* ‘комната’ и *champs* ‘поле’ в [šã]); недоразличение фонем /r/ и /l/; нейтрализация огубленных гласных: /i/ и /y/ в /i/, а /ε/ и /ø/ в /ε/.

Представленный текст, написанный на «ивуарийском французском», содержит множество отклонений от литературной нормы: порядок слов, неверное употребление артиклей, в том числе партитивного артикля *de*, неверное употребление времен. Тем не менее, это, без сомнения, текст на французском языке. Заметим, что он не содержит ошибок, касающихся словоизменительной морфологии.

У меня нет образцов текста на пиджине, который возник бы на основе французского языка. Приведу в качестве примера художественный текст, написанный на креольском языке Гаити. Перед нами начало романа Франкетенна «Дезафи», написанного на основе гаитянского фольклора:

- (5) *“Branch bwa makònin nan fon youn vié lakou. Ròch ak grinn sab maré vinn latè. Doulè mode zantray. Rita rédi travay tout jounin san manjé*. (Frankétienne 1975, 11).

«Ветви деревьев сплетались в глубине старого двора. Камень и зерна песка перемежались на земле. Боль раздирала внутренности. Рита с трудом начинала работу каждый день без еды.»

Вот текст из учебника для начальной школы «Nan jaden lèt ak mo» (В саду букв и слов):

- (6) *Jodi a, Ayiti ap jwe foubòl ak yon lòt peyi.*
сегодня Art.Def Гаити Prog играть футбол с Art.Ind другой страна
Ekip nasyonan la an.fòm. Granmoun, timoun, tout pral nan
команда национальный Art.Def в.форме взрослый ребенок весь брат на
estad Pòtoprens pou gade jwèt la.
стадион Порт-о-Пренс чтобы смотреть игра Art.Def

‘Сегодня Гаити играет в футбол с другой страной. Национальная команда в хорошей форме. Взрослые и дети, все пришли на стадион Порт-о-Пренса, чтобы посмотреть игру.’ (Nan jaden 1985, 37).

Тексты на гаитянском креоле непонятны для франкофона. Поверхностного знакомства с примерами (5) и (6) достаточно, чтобы увидеть, что в данном языке имеется постпозитивный определенный артикль, не выражено число, а знаменательные слова, как существительные, так и глаголы, имеют неизменяемую форму. Видо-временные формы глагола, например прогрессив, выражаются при помощи служебных слов. Перед нами совершенно другой язык, и понять данный отрывок можно, только обратившись к грамматике и словарю данного языка.

Характерно также, что и сами говорящие на гаитянском креоле считают его, без сомнения, отдельным языком. И если словарь Л. Дюпоншеля озаглавлен «Dictionnaire du Français de Côte d'Ivoire» («Словарь французского языка Кот д'Ивуара»), то словарь гаитянского языка называется «Ti diksyonnè kreyol-franse. Dictionnaire élémentaire creole haïtien-français» («Краткий гаитянский-французский словарь») (Bentolila 1976).

Сравните с приведенными выше примерами один из первых письменных памятников сибирского пиджина – записи из статьи С.Н. Черепанова, написанной в середине XIX столетия. Перед нами описание русского городского костюма, увиденного глазами китайского купца:

- (7) *Одина шуба ниту, толико один сукона халаза вортеника меха пиришивай еси. За ево маленьки курема поде большина курема поноси еса; туто преда шолека, зада холесета; шолека показывай еса, побольшане курема адали ворота не запирай еса.*

«У некоторых шубы нет, только к суконному халату пришивают меховой воротник. Ещё они носят под большою курткой маленькую куртку, у которой передняя часть шелковая, а задняя холщевая; шелковая часть всегда на виду, для чего большая куртка носится не застегнутою, как открытые ворота». (Черепанов 1853; Neumann 1966).

Вряд ли этот пассаж понятен обычному носителю русского языка. И дело тут не только в том, что передается произношение китайцами русских слов. В этом языке другая грамматика. Знаменательные слова имеют неизменяемую форму, при этом глаголы внешне совпадают с русским императивом. Кроме того, глаголы могут иметь при себе вспомогательный показатель *еси* и *еса* (из рус. *есть*), обозначающего, возможно, эвиденциалис⁸.

Приведенные выше примеры показывают, что контактные языки (пиджины и креольские языки) – это не местные (национальные, этнические) варианты языка, пусть и не родные тем, кто на них говорит – «Х-ированные варианты языка» (по Беллу). Различие между ними не чисто количественное. Пиджин, в отличие от интерферированного варианта – другой язык.

Пиджин и «интерязык»

Стоит остановиться и на различии пиджина и «интерязыка». Термин «интерязык» возник в рамках дисциплины, изучающей усвоение второго языка. Там он обозначает «самостоятельную языковую систему, являющуюся результатом попыток изучающего иностранный язык воспроизвести нормы целевого языка» (Selinker 1972, 210). «Целевым языком» (target language) называется изучаемый язык, овладение которым является «целью» говорящего. Можно лишь добавить, что «интерязык» связан не только с процессом сознательного обучения, но и спонтанного усвоения языка в процессе общения.

Важным является то, что говорящий на «интерязыке» стремится овладеть иным языком и правильно говорить на нем. У говорящего на пиджине нет цели изучить какой-то язык, а есть лишь цель передать некую конкретную информацию, добиться, чтобы его поняли. Кроме того, носители целевого языка, с которыми коммуницирует носитель интерязыка, отвечают ему на обычном языке, а не повторяют его ошибки.

Интерязыки довольно редко адекватно фиксируются. Однако в моем собрании хранятся письма, написанные женщиной с родным грузинским языком, адресованные русской знакомой. Они могут служить примером письменного интерязыка. Вот выдержка из одного письма:

- (8) *...как теперь вы чувствуете перестаньте возить за собаками смотрите за собой ато если здоровье потеряйте потом что будет. ... такие жаркие дни температура около 50-60 было в начале июля такие дни не помню дышать было трудно совсем не было воздух. вобщем такие делишки я уже вышла на работе с первого. сейчас готовимся когда он приедит Саша. хочу приготовит кое-что вкусную будет маленький стол.*

⁸ О значении этого показателя см. Главу 3.

В этом документе много ошибок против системы русского языка: неверное употребление падежей (*не было воздух, вышла на работе*); неправильное понимание и, как следствие, переразложение русских выражений (*возить за собаками* = возиться с собаками); стилистические ошибки (разговорное *такие делишки*, которое не вяжется с общей тональностью письма). Интересно, что интерференция со стороны грузинского языка прослеживается даже в графике – в письме практически отсутствуют заглавные буквы (в грузинской графике нет разделения на заглавные и строчные буквы).

О.Ю. Клонова, исследовавшая интерязык норвежцев, изучающих русский язык, пишет о том, что флективная морфология в каком-то виде появляется на ранних стадиях усвоения русского языка: «...необходимо отметить, что норвежские информанты проявляли чувствительность к флективности русского языка уже на ранних этапах; об этом свидетельствуют, например, фразы “видишь *kirka* / *kirky*”, “два два *дука* маленьких”, в которых русские падежные окончания добавляются к норвежским словам *kirka* ‘церковь’, *duk* ‘утка’ ». (Клонова 2006а, 18).

Эта ситуация резко контрастирует с тем, что мы находим в русских пиджинах с их полным отсутствием словоизменительной морфологии.

Важно заметить и то, что на пиджине коммуницируют обе контактирующие стороны, в то время как говорящему на интерязыке чаще всего отвечают на обычном языке. Это очень существенное различие. Интерязык не является обоюдным, это в некотором роде несамостоятельное средство коммуникации.

Пиджином же пользуются обе стороны. Художественная литература в этом отношении часто вводит читателя в заблуждение. Когда описывается ситуация общения на пиджине, на нем обычно говорят только представители «менее престижной» группы. Так, у В.К. Арсеньева на пиджине говорит только Дерсу Узала; русские же – как казаки, так и лирический герой – отвечают ему на литературном русском языке. Скорее всего, ситуация была иной. А. Фадеев, герой которого впервые попадает в тайгу и сталкивается с удэгейцами, описывает это так:

(9) – *Ничего, Сарл, ничего... Моя ходи, – сказал Сережа, почему-то ломая язык.*

Другие русские герои романа А. Фадеева «Последний из удэге» также иногда переходят на пиджин.

Если люди, плохо владеющие каким-то языком, составляют в обществе достаточно заметную группу, то совокупность их интерязыков может создать впечатление существования некоторого особого идиома. В качестве примера такого «идиома» в литературе часто называют «немецкий язык гастарбайтеров в Германии». Однако в действительности это не язык, а совокупность недоученных вариантов. Сами гастарбайтеры говорят на этом языке с немцами по необходимости – они не умеют говорить иначе. Немцы отвечают им на немецком языке, не копируя интерязык своих собеседников.

Носители целевого языка могут использовать также особый регистр для общения с иностранцами. Такая ситуация, как мы увидим ниже, может быть одним из путей образования особого контактного языка. Это отмечается многими креолистами, которые видят объясняют возникновение пиджинов именно через подобные ситуации.

Пиджин и «язык для иностранцев»

Термин «язык для иностранцев» (foreign talk) был предложен известным социолингвистом Чарльзом Фергюсоном в 1968 г. Фергюсон предположил, что в языке может существовать особый регистр упрощенной речи, который используется при обращении к лицу, плохо владеющему данным языком (см., например, Ferguson 1971). Для английского языка одной из характерных черт такого регистра оказывается, например, пропуск связки. При этом, как показало исследование К.С. Федоровой, что соответствует и моим наблюдениям, носители русского языка практически не упрощают русскую морфологию, обращаясь к иностранцу.

Приведу примеры К.С. Федоровой (Федорова 2006) (фразы обращены к иностранцам:

(10) *У тебя большая квартира, да?*

(11) *Сколько в Англии средняя заработная плата? Тысяча фунтов? Больше?*

(12) *Если в троллейбусе, то до конца едете, до самого конца.* (Федорова 2006, 181-183).

Как показывают данные примеры, речь русских, обращенная к иностранцу, оказывается «более литературной», чем обычная разговорная речь. Так, говорящие используют полный стиль произношения, как более «понятный», избегая аллегро-стиля («тыща», «скоко»), сокращений («зарплата»).

Конечно, записи К.С. Федоровой охватывают коммуникацию лишь с теми иностранцами, которые приехали с образовательными или туристическими целями. К сожалению, отсутствуют примеры диалогов, которые имели бы более прагматическую направленность – на рынке, при найме квартиры, когда цель обучения языку отступает на задний план, и нужно прежде всего добиться взаимопонимания.

Мои собственные наблюдения за поведением русских в республике Кот д'Ивуар (работников Российского посольства), косвенно подтверждают, однако, выводы Федоровой. В данном случае речь идет об общении с африканцами, которые все владеют французским языком. Местный вариант французского языка играет в Абиджане, где находится посольство, роль лингва-франка. Посольские работники в большинстве своем не владеют или очень плохо владеют французским языком, их задачей является установление взаимопонимания. Вот некоторые примеры:

(13) (водитель на платной стоянке): *Комбьен? Я тебя спрашиваю, комбьен?* (фр. combien 'сколько');

(14) (посетитель в интернет-кафе расплачивается с работником, у которого нет сдачи): *Что? Триа сан, откуда? Вот тебе миль франк. Сдачи нет? Давай, давай, ищи. Надо ещё сет сан франк.* (фр. trois cents 'триста'; mille francs 'тысяча франков'; sept cents francs 'семьсот франков').

Подобные примеры можно умножить. Характерным для такой речи оказывается то, что по-французски произносятся только те элементы, которые несут важную информацию. Русские фразы, обращенные к иностранцу, никак не адаптируются, не происходит никакого упрощения языка. С другой стороны, говорящий заведомо знает, что его не поймут, и потому не старается сделать речь более понятной.⁹

Таким образом, само наличие в современном русском языке особого регистра, который представлял бы собой последовательно упрощенную речь, обращенную к иностранцу, весьма сомнительно.

Пиджин и лингва-франка

Как уже говорилось, лингва-франка – это язык, являющийся средством межэтнического общения, т. е. коммуникации двух или нескольких групп людей, говорящих на разных языках, при этом сам язык коммуникации не является родным ни для одной из групп. При этом термин лингва-франка чаще всего употребляется, когда речь идет о какой-то достаточно стабильной ситуации. Например, мы можем сказать, что в Дагестане в качестве лингва-франка используется русский язык.

Лингва-франка подвержена интерференции и может быть весьма «смешанным» идиомом. Она может значительно упрощаться. Так, известно, что языки, которые используются преимущественно как средство межэтнического общения, значительно упрощают структуру: происходят такие явления как выравнивание парадигм по аналогии, устранение «неправильных» и «дефектных» парадигм и т. д.

Однако в качестве лингва-франка используется обычно какой-то существующий язык, обладающий своим собственным коллективом говорящих. Существует вариант русского языка, на котором говорят при встрече армянин и аварец, и в этом русском языке, возможно, будут замечены интерференционные процессы. Однако есть и собственно русский язык,

⁹ Такая смешанная речь является довольно типичной для русских в африканских странах. Здесь они вынуждены общаться с местным населением на европейских языках (французском или английском), то есть в какой-то мере на языке местного населения. В то же время само это население обладает в глазах говорящих весьма низким престижем, отсюда стремление говорить с ними по-русски. В Европе и США русские редко употребляют такую форму речи.

свободный от таких процессов. Он и служит «целевым языком», т. е. таким, на котором *хотели бы* говорить упомянутые армянин и аварец.

Существуют и иные случаи, когда язык употребляется преимущественно как язык межнационального общения. В этой ситуации интерференционные особенности могут закрепиться в языке, и появится своеобразная норма *de facto*. Возникнет ситуация, подобная ситуации английского языка в Индии. Появится региональный вариант языка («Х-ированный язык» по Беллу), о котором речь шла выше.

Пиджин отличается от лингва-франка тем, что нет такого народа, для которого он был бы родным. Пиджин – это не язык какого-то народа, употребляющийся для общения между собой носителями других языков. Пиджин – исключительно средство вспомогательной межкультурной коммуникации.

Таким образом, пиджины и креольские языки представляют собой совершенно особый тип языков. Остановимся подробнее на рассмотрении особенностей их формирования, и дальнейших путей развития.

Пиджины

Структурные особенности пиджинов

Выше говорилось о том, что «пиджин» – понятие социолингвистическое, т. е. при его определении мы опираемся прежде всего на экстралингвистические условия его формирования. Тем не менее, в определении пиджина присутствует и важный лингвистический параметр: редукция. Редукция – это резкие изменения, связанные не с упрощением формального представления каких-то грамматических категорий, а с устранением самих категорий. К примеру, это не выравнивание парадигм по аналогии, а исчезновение самих парадигм.

Как мы видим, существуют, безусловно, и характерные лингвистические особенности пиджинов как особого языкового типа. Эти особенности разделяются всеми пиджинами. Речь идет о своеобразном сочетании определённых лингвистических черт.

Лексика пиджинов, как правило, заимствуется из языка одной из контактирующих групп; такой язык называется «*язык-лексификатор*». Это обычно язык более престижной группы, поэтому в роли лексификаторов часто выступают европейские языки: английский, французский, португальский, русский и т. д. Первоначально даже предполагали, что пиджины всегда образуются на основе европейских языков. Впоследствии в научный оборот были введены материалы пиджинов, возникших на основе неевропейских языков. Так, например, «чинук-жаргон» сформировался на основе североамериканского языка чинук; пиджин «полисмоту» возник на Новой Гвинее на основе языка хири-моту и т. д. Имеются также случаи, когда лексика пиджина восходит к двум языкам, примером чего служит русско-норвежский пиджин (руссенорск), о котором речь пойдет ниже. Таким образом, некорректно говорить, как это делалось в некоторых прежних работах, что пиджин – это редуцированная форма европейского языка.

Словарь пиджина обычно очень невелик. Пиджин – результат «минимизации» языка, когда в целях передачи простейшей коммуникативной информации используются крайне ограниченные средства. Поэтому можно выделить некоторые особенности номинации предметов ограниченными лексическими средствами пиджина. «Однако узость таких лексиконов компенсируется некоторыми их характерными чертами: многофункциональностью слов (слово может употребляться в различных синтаксических контекстах); полисемией (одно и то же слово имеет несколько значений); использованием перифрастических конструкций (лексемы представляют собой не отдельные слова, а словосочетания)» (Holm 2000, 108).

Важно отметить, что сказанное касается не только однозначной лексики, но и служебной. Так, в ток-писине¹⁰ имеется предлог *bilong* с очень широким спектром значений. В руссенорске также используется в самых разных функциях предлог *på* (см. ниже пример 15), где *på* обозначает место или направление («в избе» или «в избе»), а также тему разговора «о Христе».

Полнозначные лексемы могут иметь очень широкий спектр значений. Например, в сибирском пиджине *kapitána* означает не только «капитан», но и «господин, сударь» (вежливое обращение к мужчине), а также и просто «мужчина-европеец»; *sə́kúra* означает «шкура» и «кожа» (материал), «кожа» (человека). В ток-писине слово *gras* имеет несколько значений, объединенных значением «поросль, то, что растет» (Romaine 1988, 35):

ток-писин	английский	перевод
<i>gras</i>	grass	‘трава’
<i>mausgras</i>	moustache	‘усы’
<i>gras bilong fes</i>	beard	‘борода’
<i>gras bilong hed</i>	hair	‘волосы (на голове)’
<i>gras bilong pisin</i>	feather	‘перья’
<i>gras antap long ai</i>	eyebrow	‘брови’
<i>gras nogut</i>	weed	‘сорняки’

Использование перифрастических конструкций является одной из характернейших черт пиджина. Многие из них создаются ситуативно (15). (16), некоторые могут закрепиться и стать частью идиома. Ср., например, в руссенорске:

(15) *Moja på stova på Kristus spræk stannom*

‘Я был в избе, где говорят о Христе (т. е. «в церкви»)’.

Бокситский жаргон:

(16) *Кель камарад цан-царап препарэ, дормир-манже иси.*

«какого-то человека схватили, он спит-ест здесь («тюрьма»)».

Немногочисленные лексемы с предельно широким значением организованы в пиджине простейшим способом со значительной опорой на дискурс. Значительная часть лексики пиджина – дейктические слова (указательные местоимения и наречия). Так, по остроумному замечанию, автора, записавшего бокситский жаргон, слово *sa* (франц. *ça* ‘это’) может обозначать ‘это, вот это, то; рубашка, часы, картошка, лук’, а также ‘таблетки’ (Бокситский язык, 1, 6), то есть ситуативно любое существительное с предметным значением. То же самое можно сказать и об обычном языке, однако в жаргоне однозначных слов очень мало – слова с дейктическим значением составляют около четвертой части всех зафиксированных слов бокситского жаргона.

Первое, что бросается в глаза при изучении грамматической структуры пиджинов – это их значительное сходство. Грамматическая система языка-лексификатора не сохраняется, и можно говорить о редукции его грамматики. Ср. пример из сибирского пиджина:

(17) *Так худо ходи, его стреляй буду, думай наша чушка еси.*

‘Так нам идти нельзя, они могут принять нас за кабанов и выстрелят по нам’ (В.К. Арсеньев «Дерсу Узала»).

В данном примере *ходи, стреляй, думай* – неизменяемые глагольные формы, сами по себе не выражающие видовременных значений, не изменяющиеся по лицам, числам, роду; *его, наша* – личные местоимения, не имеющие ни рода, ни падежа и выступающие во всех синтаксических функциях; *чушка* – существительное, также лишенное рода, числа, падежа; *буду* и *еси* – служебные слова. Мы видим, что будущее время образуется при помощи аналитического постпозитивного показателя *буду*, также не изменяющегося по лицам.

¹⁰ Пиджин на английской лексической основе, один из официальных языков Папуа-Новой Гвинеи.

Пиджины лишены словоизменительной морфологии, прежде всего синтетической. Это приводит к сокращению эксплицитно выражаемых в языке грамматических категорий¹¹. Это справедливо для всех языковых уровней. Так, китаезычный пиджин Дальнего Востока, заимствовав из китайского языка лексику, упростил тональную систему, которая используется в этих лексемах, до двух тонов¹².

М. Себба выделяет следующие структурные черты, свойственные любому пиджину:

- отсутствие поверхностной грамматической сложности¹³;
- отсутствие словоизменительной и словообразовательной морфологии;
- семантически прозрачные композиты;
- редуцированный словарь – малое количество лексем, и особенно малое количество функциональных слов, таких как местоимения¹⁴, предлоги, послелогов и т. п. (Sebba 1997, 54).

Если «перевести» сказанное с генеративной терминологии на традиционно-лингвистическую, то получится следующее:

1) В пиджинах нет грамматических категорий, таких как время, вид, наклонение, залог, род, число, падеж.

2) Ни одно грамматическое значение не выражается синтетически.

3) Грамматические значения выражаются аналитически – при помощи служебных слов, но их набор чрезвычайно мал.

4) Словарь редуцирован, необходимые значения передаются метафорически (отсюда очень широкая полисемия), либо описательно (возникновение большого количества перифрастических конструкций и композитов).

Пиджины, следовательно, оказываются структурно «менее сложными», чем языки, имеющие обычную историю. Однако нельзя согласиться с мнением И. Сингх о том, что «пиджины – упрощенная версия полных языков» (Singh 2000, 6). В этой связи стоит напомнить о том, что следует различать «упрощение» языка и «редукцию» языка. Указанные выше типичные структурные черты пиджина – это явления редукции языка. Однако такие черты, как выравнивание по аналогии, устранение нерегулярностей в грамматике и словаре, следует относить к процессам «упрощения» языка. Редукция языка, как уже говорилось – не выравнивание парадигм, а утрата самих парадигм. Таким образом, процесс пиджинизации можно описать как полную редукцию языка. Этим, следовательно, и объясняется сходство пиджинов, поскольку они возникли в результате одного и того же процесса: «редуцированные идиомы» оказываются сходными независимо от того, насколько различаются между собой их языки-лексификаторы.

Сара Томасон, которая, по-видимому, поставила своей задачей развенчать большинство устойчивых стереотипов, связанных с пиджинами и креольскими языками, утверждает, что представление о структурном сходстве пиджинов и креольских языков – миф. «Пиджины и креольские языки не являются ни максимально простыми, ни похожими друг на друга», пишет она (Thomason 2001, 167). По её мнению, пиджины обычно считаются максимально простыми, а пиджины и креольские языки структурно сходными вследствие двух изначальных представлений: во-первых, о том, что пиджины и, в особенности, креолы – это упрощенные версии своих языков-лексификаторов, а во-вторых, о том, что сходство может устанавливаться по отсутствию каких-то черт. Структурное сходство пиджинов заключается в отсутствии у них морфологии, отсутствии «экзотических» звуков и стечений согласных, в установлении порядка слов SVO. Эти черты (первую из которых, как мы видели, выделяет и М. Себба), не являются, по мнению С. Томасон, свидетельствами особого

¹¹ По замечанию К.С. Фёдоровой, «... русский язык характеризуется более развитой, по сравнению со многими другими европейскими языками, системой словоизменительных флексий<...> Русская ломаная речь, в известном смысле “более ломаная”, чем, например, английская или даже немецкая» (Фёдорова, 2002, 15).

¹² Е.В. Перехвальская 2005: «Китайский язык аборигенов Приморья» (рукопись).

¹³ Как и многие исследователи контактных языков, М. Себба использует генеративистскую терминологию.

¹⁴ Имеется в виду отсутствие словоизменения у местоимений, неразличение личных и притяжательных местоимений.

«сходства» пиджинов и креольских языков¹⁵ – их объединяют лишь «отрицательные признаки» (немаркированность лингвистических черт).

Однако позиция С. Томасон не находится в противоречии с позициями других исследователей. Так, говоря о кажущейся простоте пиджинов, она пишет: «можно резонно предположить, что пиджин, возникающий в новой контактной ситуации в отсутствие общего языка и в очень узких коммуникативных целях (подобно стереотипному “я тебе ружьё, ты мне шкуру бобра”) ... будет иметь лишь рудиментарную структуру и минимальный словарь» (Thomason 2001, 168). Таким образом, она, по существу, соглашается с основными представлениями о структуре пиджинов. Основной пафос её работы касается дальнейшей судьбы возникших пиджинов, и, в особенности, процесса формирования креольских языков; по поводу этого она выступает со своей оригинальной теорией, которая будет рассмотрена подробнее ниже.

Итак, «пиджин – редуцированный язык, возникающий в условиях расширенных контактов между группами людей, не имеющих общего языка» (Holm 2000, 5). Таким образом, пиджины можно определить не только социолингвистически, но и структурно.

Развиваясь, пиджин усложняет грамматику, расширяет словарь и может превратиться в обычный язык. При этом, что важно, он утрачивает свои «минималистские» свойства и перестает быть редуцированным и вспомогательным. Его уже непросто определить как «былой» пиджин. Поэтому не существует таких специфических черт, которые позволили бы с уверенностью сказать, что тот или иной язык когда-то в прошлом развился из пиджина, если история его образования и функционирования нам неизвестна. Иногда возникают предположения относительно «креольского» характера какого-то языка, поскольку этот язык по мере своего развития утратил словоизменительную морфологию. Стремление объяснить всякую утрату морфологии процессами пиджинизации, имевшими место в прошлом, дало начало полемике относительно того, прошел или нет этот язык в своей истории стадию пиджинизации. В этом плане показательной оказывается, например, полемика относительно «креольского» характера английского языка (см., например: Bailey, Maroldt 1977, Domingue 1977; критический разбор: Dalton-Puffer 1995). Поскольку креольский язык – понятие социолингвистическое, анализ структуры языка сам по себе не может дать ответа на этот вопрос.¹⁶ По известному выражению Р. Холла, «не существует структурных критериев, которые сами по себе могли бы определить язык как креольский в отсутствие исторических свидетельств» (Hall 1966, 122).

Теории происхождения пиджинов

Одной из интересных проблем оказывается проблема того, при каких обстоятельствах формируются пиджины. Беглого взгляда на карту распространения пиджинов и креольских языков достаточно, чтобы прийти к выводу, что они возникают в каких-то особых ситуациях. Многоязычие региона при этом совершенно не существенно. Так, в Дагестане, в Калифорнии до прихода европейцев, в Камеруне и других областях, отличающихся значительной языковой дробностью, не зарегистрировано ни одного пиджина. Напротив, бассейн Карибского моря – средоточие большого количества креольских языков. Вообще, подавляющее большинство пиджинов и креольских языков расположены по берегам морей и океанов и явно связаны с мореплаванием.

Поскольку само понятие «контактный язык» принадлежит социолингвистике, многие теории, рассматривающие причины и условия формирования контактных языков (пиджинов, креолов и смешанных языков), представляют модели контактных ситуаций, в которых могли сформироваться языки того или иного типа. В этих моделях часто используются термины

¹⁵ С. Томасон пишет о том, что пиджины и креольские языки считаются похожими (alike) вследствие структурного сходства (similarity), что, по-моему, напоминает словесную игру; процитирую по-английски: «Early specialists noticed a number of *similarities* immediately and found them important enough to motivate the hypothesis that all these contact languages are in fact *alike*...» (Thomason 2001: 167, *курсив мой*).

¹⁶ Объяснение языковых изменений, имевших место в прошлом, по моему мнению, вообще нельзя ни доказать, ни опровергнуть (см. Перехвальская, 2001).

«билингвизм», «заимствование», «переключение кодов» и другие термины теории языковых контактов.

Я рассмотрю более подробно теории, касающиеся возникновения пиджинов, а на теориях возникновения контактных языков иных типов остановлюсь менее подробно.

Выше были рассмотрены сходные лингвистические черты пиджинов, которые объясняются тем, что эти языки являются редуцированными. Возникает вопрос, чем можно объяснить сходство процессов редукции, почему в разные исторические эпохи в результате процесса пиджинизации формируются языки одного и того же типа, и как именно это происходит? Другими словами – чем объясняется и как происходит процесс пиджинизации?

Основные дискутируемые проблемы, связанные с происхождением контактных языков, лежат в двух разных плоскостях:

1. Источник модели пиджинизации. Создавались ли пиджины в каждой конкретной зоне контакта независимо друг от друга, или они строились по уже известной модели «устройства пиджина», которая была принесена в данную зону извне людьми, уже владевшими каким-то пиджином?

2. Проблема субстрата. Возникает вопрос о том, каков вклад каждого из контактирующих языков в структуру контактного языка (лексику, грамматический строй). Эта проблематика затрагивает в большей степени процессы формирования креольских языков.

Источник модели пиджина

В поисках ответа на вопрос об источнике модели пиджина выдвигались разнообразные теории, которые располагаются между двумя полюсами: 1) все пиджины обязаны своим появлением распространению одной и той же модели, следовательно, восходят к одному источнику; 2) при пиджинизации всякий раз срабатывают универсальные процессы редукции языка, следовательно пиджины образуются совершенно независимо друг от друга. Это соответствует теориям моногенеза и полигенеза пиджинов и креольских языков.

Теория моногенеза объясняет сходство пиджинов и креольских языков распространением единой модели. В соответствии с этими представлениями, некий пиджин возник однажды при каких-то особых обстоятельствах, а затем распространился в других регионах среди других народов, говорящих на иных языках. Придерживаясь определения креольского языка как «нативизированного» пиджина, мы получаем ситуацию, когда все существующие пиджины и креольские языки могут быть возведены к одному источнику.

Впервые эти идеи высказал К. Уинном в работе 1956 года, посвященной испаноязычным креольским языкам Филиппин (Whinnom 1956). Он заметил, что на Филиппинах в креольских языках, языком-лексификатором для которых был испанский, тем не менее, довольно много португальских слов, причем это слова весьма частотные. К. Уинном предположил, что первоначально на Филиппинах существовали португалоязычные пиджины, а затем португальская лексика заменилась испанской. Следы «португалоязычного прошлого» очень заметны и в других креольских языках, расположенных в совершенно иных областях – в языке папиаменту (острова Кюрасао, Аруба и Бонайре в Карибском море), в языках сармаккан и сранан (Суринам). При этом для папиаменту основным языком-лексификатором был испанский, для сранана – голландский, в сармаккане более сложная ситуация, о чем будет рассказано подробнее.

Позднее К. Уинном выступил с идеей общего происхождения пиджинов и креольских языков, возникших на базе западноевропейских языков (Whinnom 1965). Смену языка-лексификатора стали объяснять процессом, получившим название *релексификации* (полной или почти полной смены лексики при сохранении структуры). Релексификация – явление обычное в контактных ситуациях, она начинается с появления многочисленных лексических дублетов.

Образование *дублетов* – слов с аналогичным значением, восходящих к разным контактирующим языкам – явление нередкое при языковых контактах. Например, в руссенорске зарегистрировано значительное количество русско-норвежских и даже русско-английских дублетов (*ryba – fiska, kapitan – prinsipal, njet – ikke, tvaja – ju* и др.). В дальневосточном варианте сибирского пиджина имеются русско-китайские дублеты: *эта – чега, моя – во, кушай – чифань*. В сарамаккане: ‘пить’ *driingi* и *bebé*.¹⁷

При определенных условиях язык престижной группы может внезапно смениться. В этом случае и слова «прежнего» языка вытесняются и заменяются словами «нового» языка. Этот процесс был показан Д. Тейлором на примере двух креольских языков Суринама, имеющих общее происхождение.

Суринам, первоначально британская колония, в 1667 г. был передан Англией Голландии в обмен на остров Манхэттен. В настоящее время Суринаме имеется три креольских языка: сранан, сарамаккан и дьюка. Д. Тейлор сравнивал между собой первые два. Один из них (сранан) был исторически языком поселений, близких к побережью и городам; другой (сарамаккан) является продолжением языка беглых рабов (*bush-negros*), селившихся в глубинных районах. Сарамаккан представляет собой «застывший» вариант креола, который практически не был подвержен влияниям извне. Сранан же, будучи языком городов и прибрежных поселений, испытывал различные влияния и заметно изменялся, т. е. представляет собой «измененный» вариант первоначально того же языка.

Д. Тейлор проанализировал лексику этих языков по 200-словному списку Сводеша и обнаружил, что по своему происхождению лексика разделяется следующим образом (Taylor 1971):

источник заимствования язык	английский	португальский	голландский
сранан	118	7	25
сарамаккан	72	50	6 ¹⁸

Оказалось, что в обоих языках Суринама присутствуют слова португальского, английского и голландского происхождения. При этом в сарамаккане оказалось много португальских слов (50), в сранане же их нашлось всего 7. Напротив, в сранане оказалось 25 слов голландского происхождения, а в сарамаккане их было 6. Очевидно, что в креольском языке к моменту отделения сарамаккана оставалось много португальских слов, хотя английская лексика составляла уже несколько большую часть словаря. После отделения сарамаккана в креольском языке побережья продолжалась замена португальских слов английскими. С приходом нидерландской администрации в язык стала активно попадать голландская лексика, которая значительно медленнее проникала во внутренние районы, где население говорило на сарамаккане.

Подсчёт слов разного происхождения в двух креольских языках Суринама провёл также Ян Воорхуве по более полным словарям. По его подсчетам в сранане оказалось 94% слов английского происхождения, тогда как в сарамаккане их было только 59%. (Voorhoeve 1973, 138-139), к тому же в сранане оказалось значительно больше слов голландского происхождения. Десятью годами позже Норвал Смит сравнивал лексический состав сарамаккана со словарём другого креольского языка Суринама – дьюка. По данным Н. Смита, 34% слов сарамаккана являлись словами португальского происхождения, и только 50% слов восходили к английскому языку, в то время как в дьюка лишь 5% слов были португальского происхождения (Smith 1987).

¹⁷ Акут указывает на высокий тон, отсутствие акцента обозначает низкий тон (сарамаккан является языком со смысловыми различиями тонами).

¹⁸ Общая цифра не равна 200, поскольку невозможно собрать соответствия всем 200 единицам списка Сводеша. Одни единицы заведомо отсутствуют («снег»), другие не зафиксированы словарями.

Эти факты говорят о том, во всех трех языках Суринама происходил процесс релексификации. При этом предполагается, что эти языки в их современном виде являются результатами релексификации португальского пиджина. В сранане и дьюка этот процесс практически закончился, а в сарамаккане оказался незаконченным вследствие отрыва его от «новых» языков-лексификаторов. Я. Воорхуве также отмечает в сарамаккане большое количество лексических дублетов (Voorhoeve 1973, 139). Суринам был британской колонией до 1667 г., следовательно сранан и дьюка к этому моменту заменили португальскую лексику на английскую, после чего в сранане стали появляться голландские слова, сарамаккан же сохранил старые черты (историю формирования креольских языков Суринама см. в: Migge 2003; Arends 1995, 2002; Bruyn 1995).

На основе этого и других подобных фактов была высказана следующая теория: все пиджины и креольские языки возникли путём релексификации старого португалоязычного морского пиджина. Это основное положение теории моногенеза. В соответствии с ней, этот португалоязычный «прото-пиджин», в свою очередь, оказывается наследником средиземноморского контактного языка, известного под названиями *lingua franca*¹⁹ или *сабир*. Этот язык использовался в средиземноморской торговле и служил языком-посредником между говорящими на западноевропейских языках с носителями арабского, турецкого и других языков Средиземноморья²⁰. По-видимому, это был язык с упрощенной грамматической структурой и значительной лексической вариативностью, при этом лексика состояла, главным образом, из слов испанского и итальянского происхождения (Vianello 1955; Cortelazzo 1965; Whinnom 1977).

Теория моногенеза не столь фантастична, как может показаться на первый взгляд. Действительно, пиджины и креольские языки, первыми попавшие в поле зрения лингвистов – это идиомы, так или иначе связанные с мореплаванием, с работоторговлей, а затем и с плантационным хозяйством Нового Света. Эти языки, особенно креольские языки по обе стороны Атлантического океана, действительно демонстрируют поразительное структурное сходство на всех языковых уровнях – от фонетики до синтаксиса, независимо от языка-лексификатора, на что неоднократно указывалось (см., например, Томпсон 1972).

Многие структурные особенности современных пиджинов, насколько об этом можно судить по имеющимся данным, были характерны и для средневековой средиземноморской *lingua franca*. Что же касается процесса релексификации, то, учитывая весьма небольшой словарь пиджина, особенно на его ранних стадиях, такой процесс представляется вполне вероятным, поскольку смена лексики в данном случае не затрагивает структуру языка – порядок следования элементов, как и сам набор этих элементов, остаётся прежним, меняется лишь план выражения (фонетическая оболочка слов) при полном сохранении плана содержания. Пиджин может достаточно легко и быстро сменить язык-лексификатор, т. е. заменить всю лексику с английской по происхождению на французскую и т. п., чему способствует наличие в пиджинах слов-дублетов.

Теория моногенеза пиджинов и креольских языков представлена в радикальном и умеренном вариантах. В радикальной форме она была высказана К. Уинномом, который утверждал, что вообще все пиджины и креольские языки, т. е. все языки подобного типа, обязаны своим происхождением моногенезу, а именно, восходят к *lingua franca*. Другими словами, модель для данных языков не создавалась независимо каждый раз при формировании нового контактного языка, а заимствовалась – всегда «под рукой» имелись люди, уже знакомые с тем, как *должны* строиться подобные языки. Они и воспроизводили данную модель на новом языковом (точнее, лексическом) материале. В соответствии с теорией моногенеза в этом виде (Whinnom 1965; Voorhoeve 1973, Hellinger 1985), все пиджины и кре-

¹⁹ В данном случае речь идет об исторической лингва-франка (о термине см. выше).

²⁰ Основными носителями и распространителями *lingua franca* К. Уинном считает живущих среди турок иностранцев, говоривших на самых разных языках: европейцев (христиан-ренегатов и пленных христиан, которые принадлежали к разным народам), а также евреев и мавров, среди последних имелись и берберы, да и сами мавры говорили на разных диалектах арабского языка. Таким образом складывалось очень гетерогенное в языковом отношении сообщество (Whinnom 1977, 300).

ольские языки возникли в результате процесса релексификации португальского прото-пиджина.

В более умеренном варианте теория моногенеза касается только атлантических пиджинов и креольских языков, а также тех, возникновение которых было так или иначе связано с развитием мореплавания (распространённые на островах или на морских побережьях) – именно о них пишет, например, Р.У. Томпсон в упоминавшейся работе. Дж.Ф. Хэнкок постулирует общее происхождение англоязычных пиджинов и креольских языков из «корабельного английского пиджина», а креольские языки Карибской зоны выводит из креольского языка Барбадоса (Hancock 1980). На самом деле, большинство сторонников теории моногенеза, говоря о пиджинах и креольских языках, в первую очередь говорят о тех, которые возникли на базе европейских (прежде всего – западноевропейских) языков, но и тут существуют ограничения. Сейчас никто всерьёз не считает, что тихоокеанские пиджины, например, ток-писин, являются продуктами релексификации португальского прото-пиджина. Даже Дж.Ф. Хэнкок, будучи одним из адептов теории моногенеза, говорит о португальском прото-пиджине лишь как о некоторой «исходной модели», не имея в виду, что конкретные креольские языки Карибии являются прямыми продуктами его релексификации.

Обсуждение теории моногенеза. Здесь необходимо сделать одно важное замечание. Выше речь шла о «пиджинах и креольских языках» как о рядоположенных сущностях. В действительности же процесс пиджинизации, характеризующийся редукцией языка, и последующий процесс креолизации, т. е. построения на основе пиджина полноценного языка, способного передавать все необходимые лексические и грамматические значения – это два совершенно различных процесса. В большинстве работ, где затрагиваются проблемы происхождения пиджинов и креольских языков, эти два процесса не разводятся или разводятся нечётко, что может приводить к ложным интерпретациям.

Проблемы происхождения пиджинов касаются прежде всего вопросов о том, как именно происходит редукция языка и что может редуцироваться в языке, а что все же необходимо для того, чтобы идиом удовлетворял требованию передачи некоторой, пусть очень ограниченной информации. Рассматривая формирование креольских языков, исследователи решают проблемы того, как из редуцированных фрагментов создаётся новая языковая система.

Поскольку темой данной работы является описание пиджина, я буду анализировать теории моногенеза и полигенеза в первую очередь в приложении к процессу пиджинизации.

Действительно, факты свидетельствуют о том, что языки упрощаются сходным образом. Это может объясняться либо 1) тем, что данный способ редукции заложен в каждом конкретном языке, следовательно, в Языке как присущем человеку способе коммуникации; либо тем, что 2) модель редукции передаётся через людей, знакомых с нею. Теория моногенеза идет по второму пути.

Отказ от радикального варианта теории моногенеза, и признание того факта, что при наличии соответствующих условий в языке совершенно независимо произойдут подобные же изменения, равносителен отказу от теории моногенеза. Если предполагать, что модель пиджинизации, которая, как будет показано ниже, характеризуется редукцией языка, воспроизводится независимо в нескольких местах (например, независимо для атлантических и тихоокеанских пиджинов и т. п.), опять возникнет вопрос, откуда же эта модель взялась. Другими словами, в мягком варианте теория моногенеза перестаёт быть самой собой, и уже ничего не объясняет, кроме некоторых частных строя атлантических креольских языков.

В жёстком же варианте, теория моногенеза сводит к одному источнику все пиджины вообще. Ее можно переформулировать следующим образом: модель «упрощенного языка», будь то язык общения с иностранцами или с «дикарями», язык, возникающий при «общении на пальцах», не придумывается всякий раз заново, а передаётся от одного говорящего другому. Предполагается, что говорящие сами по себе не знают, как упростить язык, а учатся этому у кого-то, кто уже умеет это делать.

Исследования регистров общения с маленькими детьми и общения с иностранцами, проведенные К.С. Фёдоровой и Т.О. Гавриловой, показали, что, вопреки ожиданиям, в русском языке в подобных случаях не происходит ни упрощения, ни тем более редукиции языка (Фёдорова 2002, Гаврилова 2002). Это можно объяснять либо 1) тем, что не соблюдаются условия, необходимые для возникновения пиджина, либо тем, что 2) говорящие не знакомы с моделью пиджина и *не знают*, как следует упрощать язык.

Известно, что практически все пиджины так или иначе связаны с обменом или торговлей, а многие и с мореплаванием. Это позволяет защитникам теории моногенеза говорить о том, что распространителями модели «упрощения и редукиции» языка были купцы и моряки – самая подвижная часть общества. Выстраивается следующая схема: модель «контактного вспомогательного языка», до предела упрощенного и редуцированного, который можно легко изучить за весьма краткий период времени, возникла единожды в ходе морской торговли – возможно, как *морской жаргон*.

Следует учесть чрезвычайную многонациональность корабельных команд начиная с эпохи Великих географических открытий вплоть до XX в. На одном корабле могли плавать моряки с самыми разными родными языками, включая баскский. В романе Каро Барохи описывается такая корабельная команда – из сорока человек команды было 5 басков, ядро составляли голландцы и португальцы, также в команде были англичане, французы и испанцы, один даяк с Борнео, один африканец, а главой португальской партии был бразилец, в действительности, наполовину индеец (Baroja 1911). При этом состав команды все время менялся, в порту моряк мог покинуть один корабль и наняться на другой. На кораблях и в портах действительно должен был существовать некий «морской жаргон», представлявший собой простой редуцированный язык.

Предполагается, что это произошло в период Средневековья в Средиземном море при участии европейцев (прежде всего испанцев, итальянцев португальцев), а также арабов и других народов, возможно, турок. Затем эта модель была перенесена торговцами и моряками в другие регионы, в том числе на север Европы через посредство ганзейской торговли. Отсюда эта модель вместе с торговцами распространилась далее на Сибирь и Дальний Восток. Через посредство арабов эта же модель проникла в Африку, куда первыми пришли именно арабские купцы и работорговцы. Европейские же матросы могли распространить ее по всем приморским торговым центрам – в Юго-Восточной Азии и т. д. Такова приблизительно логика сторонников радикального варианта теории моногенеза пиджинов и креольских языков.

Тем не менее, даже в этом случае остаются в стороне некоторые контактные языки, возникшие без всякого участия моряков и торговцев Старого света. Таков, например, чинук-жаргон, сложившийся на северо-западе Северной Америки на основе америндийских языков чинук и нутка до прихода европейцев. Он явно был в стороне от португалоязычного пиджина. Тем не менее однако и этот язык характеризуется сходными механизмами упрощения и редукиции. Это говорит о том, что модель пиджинизации не обязательно заимствуется.

Теория моногенеза неоднократно критиковалась, однако отказ от нее требует выдвижения каких-то альтернативных теорий.

Теории полигенеза

С точки зрения теорий *полигенеза*, пиджинизация происходила независимо в каждой из областей контактирования, где соблюдались необходимые социолингвистические условия. Структурное сходство пиджинов в этом случае объясняется типологической универсальностью процессов, происходящих при интенсивном языковом контактировании. Если же пиджин создается всякий раз, когда в языке такого типа возникает необходимость, значит, его модель заложена в самом человеческом языке, и, следовательно, является либо врожденной (мнение генеративистов), либо диктуется особенностями человеческого мышления (мнение когнитивистов).

Существует несколько теорий объясняющих независимое возникновение пиджинов.

Теория детской речи (Baby talk theory), впервые выдвинутая Ч. Фергюсоном (Ferguson 1971), предполагает, что при образовании пиджинов были использованы те же языковые стратегии, которыми носители пользуются при общении с детьми. Действительно, в каждом языке существует особый регистр общения с детьми. В английском языке этот регистр по многим параметрам близок к пиджинам, языком-лексификатором для которых явился английский – «baby talk» характеризуется, например, такими чертами, как: пропуск связки, артикля, предлогов (см., напр. Holm 2000, 58). Этот же регистр употребляется и при общении с иностранцами, с глухими, т. е. с людьми с ограниченными лингвистическими возможностями.

Ч. Фергюсон при этом не имел в виду, что с иностранцами разговаривают, уподобляя их детям; он исходил из того, что существуют универсальные механизмы упрощения языка, которые являются едиными и проявляются в каждом из тех случаев, когда говорящему необходимо упростить свою речь. Фергюсон сравнивает этот регистр с языком телеграмм, который также характеризуется пропуском артикля, связки и предлогов (Ferguson 1971, 143) и предполагает, что подобный упрощенный регистр должен существовать в каждом языке.

Однако, наличие единого упрощенного регистра характерно вовсе не для всех языков. Как показало диссертационное исследование Т.О. Гавриловой, изучавшей регистр общения с детьми носителей русского языка, сходений между этим регистром и пиджинами на русской лексической основе, практически не оказалось. Носители русского языка не используют при общении детьми ни упрощения языка, ни тем более редукции грамматической системы. В то время как характерной особенностью русскоязычных пиджинов оказывается падение словоизменительной морфологии, отсутствие категорий падежа, рода и числа, ничего подобного не наблюдается в регистре общения с детьми даже как тенденция. По-видимому, ничего подобного не было и в прошлом, по крайней мере, сохранившийся детский фольклор не несет никаких следов такой ситуации.

Не соответствует действительности и идея Ч. Фергюсона о том, что подобным образом говорят сами дети: русский материал этого не подтверждает. Речь самых маленьких детей характеризуется ошибками в роде или падеже, однако само наличие этих категорий не вызывает сомнений, по крайней мере лингвисты, специально занимающиеся русской детской речью, ничего подобного не отмечают²¹ (Гвоздев 1961; Говорят 1996, 3-9; Негневицкая, Шахнарович 1981, 37-55; Цейтлин 2000).

Даже если пренебречь данными русского языка и представить себе, что в случае английского языка именно baby-talk лёг в основу формирующегося пиджина, поскольку работницы и прочие носители европейского языка-лексификатора говорили с рабами как с людьми с ограниченными возможностями, резонно возникает прежний вопрос – откуда взялся сам baby-talk? Является ли он врожденным, как считал Ч. Фергюсон, или же это специальный регистр, которому обучаются? Если сами дети говорят так, а не иначе, происходит ли это потому, что так говорят с ребенком взрослые? Таким образом, в любом случае обращение к регистру общения с детьми или к речи самих детей не приближает нас к решению вопроса о том, является ли резкая редукция языка при пиджинизации частью Языка или это стратегия, которой обучаются.

То же самое касается *теории языка для иностранцев* (Foreign talk theory), которая является разновидностью теории детской речи. В соответствии этой теорией, у говорящих на любом языке имеется специальный регистр для общения с иностранцами, людьми заведомо плохо знающими и понимающими язык. Этот регистр призван, по мнению использующих его, повысить уровень успешности коммуникации. Люди стремятся упростить язык, а оттого избавляются от «лишних» грамматических категорий, таких как падеж, род и число, чтобы сделать свою речь более понятной. На таком языке они общаются с партнерами по торговле, рабами и т. п., т. е. предъявляют им заранее искаженный язык. Наличие такого регистра в любом языке также вызывает сомнения. По крайней мере,

²¹ Ср. примеры речи самых маленьких детей: «Я Мишку накормляю (2,4 года)», «Купает куклу: – Вот притонула, а вот и вытонула (2 года)» (Говорят 1996, 77, 120).

носители русского языка, обращаясь к иностранцам, не устраняют из языка категории времени глагола, рода и числа существительного и т. п., а используют совершенно другие стратегии (об этом подробно см. выше). Однако так происходит не во всех языковых сообществах. Засвидетельствованы сообщества, где иностранцы, «чужаки» намеренно обучаются упрощенному или искаженному варианту языка, но они достаточно редки.

В любом случае, необходимо решить, оказывается ли подобный регистр фактом данного языка, т. е. подобно регистру общения с детьми, выучивается носителями. Иначе приходится прибегнуть к упоминавшейся универсальной стратегии «упрощения» языка.

Следует также отметить, что теория языка для иностранцев возводит пиджины к регистру языка для иностранцев, а не к недоученным вариантам языка, на которых изъясняются сами иностранцы.

В основе *теории поэтапного удаления от языка-источника* лежат представления об универсальности механизмов редукции языка. Ее приверженцы сопоставляют процессы пиджинизации с процессами усвоения второго языка. Поскольку сходство это достаточно очевидно, их сравнивали неоднократно. Плохо говорящие на языке иностранцы делают два типа ошибок – либо подставляют вместо единиц изучаемого языка соответствующие единицы родного (интерференция), либо же упрощают изучаемый язык, вследствие чего происходит нейтрализация многих грамматических оппозиций²². Поверхностно многие элементы «недоусвоенных» вариантов языка могут совпадать с элементами пиджинов и креольских языков. Например, в речи людей, для которых русский язык не является родным, часто нейтрализуется грамматическое противопоставление по роду. Эта особенность русской речи иностранцев неоднократно отражалась в художественной литературе, в анекдотах и т. п.²³ Действительно, плохо говорящие на каком-то языке люди упрощают его, а именно:

- сокращают количество обязательных грамматических категорий;
- значительно редуцируют словоизменительную морфологию;
- выравнивают парадигмы по аналогии;
- резко сокращают словообразование.

Эти изменения происходят вовсе не потому, что людей обучают такому заранее редуцированному языку (см. теорию детской речи и теорию языка для иностранцев). Аналогичные изменения происходят и во время обучения языку в аудитории, где с учащимися заведомо не говорят на упрощенном языке. По-видимому, существует универсальный механизм «упрощения» языка, который люди «включают» при необходимости как-то организовать лексические единицы незнакомого или плохо знакомого им языка.

Теория поэтапного упрощения языка-лексификатора разрабатывается, главным образом, французскими специалистами по контактному языку. Она представляет формирование контактных языков, прежде всего креольских, как достаточно длительный процесс. Одним из её виднейших сторонников является Робер Шоденсон. Он разработал эту теорию на основе изучения франко-креольских языков Индийского океана (Chaudenson 1979), однако распространяет на все контактные языки вообще. По его мнению, первые рабы, попавшие в колонии, обучились французскому языку у французов-колонистов, при этом они овладели этим языком не в совершенстве. Их язык, несомненно, подвергся интерференции со стороны родных языков рабов. После перехода к плантационному хозяйству вновь прибывшие рабы общались уже не с самими хозяевами, а с ранее приехавшими, которые являлись связующим

²² Этими вопросами занимается особая отрасль прикладного языкознания, Second language acquisition. Прикладной характер данной дисциплины определяется тем, что она направлена на устранение ошибок в изучаемом языке, вызванных как интерференцией со стороны родного языка, так и стратегией «упрощения» структуры.

²³ Ср., например, анекдот о том единственном посетителе буфета, употребившем слово «кофе» в мужском роде: «один кофе». Им оказался человек, в русском идиолекте которого вообще отсутствовала категория рода: «и адын булочка». Таким образом, неразличение существительных по роду является стереотипной чертой недоусвоенного русского языка.

звеном между новыми рабами и их хозяевами. Таким образом, они изучали уже несовершенный французский, но и его они постигали не в полной мере. Так, согласно Р. Шоденсону, произошла поэтапная дивергенция языка рабов от языка хозяев. На каждой из стадий срабатывали законы обучения второму языку, при этом целевой язык всё более отдалялся от собственно французского.

В данной теории креольский язык рассматривается, как «очень девиантный» вариант французского языка, при этом особенности языков субстрата оказываются далеко не решающим фактором в его образовании – как раз напротив, роль родных языков рабов представляется не очень значительной. Сходные идеи высказывались и ранее, по поводу того же гаитянского креола было сказано следующее: «Нигде в Америке, ни в папиаменту, ни в ямайском жаргоне, ни в Антильских диалектах невозможно наблюдать какого-либо влияния африканских языков» (Faine 1936, 116).

Теория поэтапного упрощения языка, которая не предполагает наличия каких-то специальных процессов пиджинизации и креолизации, а объясняет всё «несовершенным овладением» языком, также неоднократно подвергалась критике (например, Thomason 2001, 186-187). Эта теория не объясняет многих моментов в образовании контактных языков. Так, например, остаётся непонятным, на каком же языке коммуницировали между собой многочисленные рабы после перехода к плантационному хозяйству, пока они медленно и несовершенно осваивали французский, на котором говорили слуги их хозяев. Ведь известно, что это были люди с разными родными языками, чаще всего совершенно не взаимопонятными.

Кроме того, при всём сходстве между формами недоусвоенного языка и формами пиджина, между ними есть и принципиальное различие (подробнее об этом выше). Большинство недоусвоенных вариантов некоторого языка представляют собой пусть упрощенную, но всё же систему этого же языка. Девиантные идиомы «особенно неполноценных» носителей могут характеризоваться высокой степенью упрощения, но это – идиолекты отдельных индивидов, в то время как пиджин – это особый язык, имеющий свой коллектив говорящих, он непонятен носителям языков-источников, и его надо специально учить (Arends 1994, 25).

Интерязык (недоусвоенный язык конкретного человека) не имеет даже нормы *de facto*, такая речь представляет собой континуум форм – в большинстве идиолектов наблюдается высокая степень вариативности. При этом по мере повышения компетенции индивида в данном языке происходит приближение его речи к формам целевого языка: наиболее удаленные от него варианты постепенно вовсе исчезают из речи носителя недоученного языка, заменяясь на более близкие к формам целевого языка. При пиджинизации же, заметим, целевой язык вообще отсутствует.

Наконец, поэтапное формирование контактного языка по модели Р. Шоденсона требует значительного времени. Пиджин же возникает стремительно. Сравнительно немного времени требуется для его превращения в «язык», т. е. на приобретение фактической нормы. Вот что пишет Сара Томасон: «Новый пиджин появляется в новой ситуации мультилингвального контакта для использования в ограниченных коммуникативных областях», и далее: «Прикидки по времени, необходимому для стремительного сценария возникновения контактного языка, делаются от 5 до 25 лет, поскольку необходимо время для его полной кристаллизации в язык контактного сообщества – для стабилизации словаря и грамматики, которые выучивались бы всеми, кто хочет говорить на данном языке, включая носителей языка-лексификатора» (Thomason 2001, 177-178).

Повторю, главным отличием пиджина от недоусвоенного языка является то, что это язык некоторого контактного сообщества, пусть и не родной ни для кого из говорящих, а потому имеющий некоторую фактическую норму, которой приходится овладевать.

Теория «прагматического кода». Мне представляется плодотворным использование при объяснении механизмов пиджинизации понятия «прагматического кода». Это понятие было выдвинуто Т. Гивоном (Givón 1979), который понимает под ним следующее: прагматический код – это совокупность таких стратегий: а) движение порядка

слов от темы к реме; б) свободная сочинительная связь (отсутствие подчинительных конструкций); в) соотношение именных основ при глаголе минимально, приблизительно 1 : 1; г) отсутствие флективной морфологии; д) особая интонация — понижение тона на теме, затем переход к мелодическому повышению на реме; е) минимальность анафорики и, соответственно, зачаточное состояние местоимений как грамматической категории. Такое состояние языка, как пишет Т.М. Николаева, является «исходной позицией эволюционного цикла» (Николаева 1984).

Такой код универсален. Это связано, однако, не с тем, что он является врожденным; он универсален, поскольку соответствует тому, как человек видит и воспринимает мир, т. е. обусловлен когнитивными особенностями человеческого мышления. Так, движение высказывания от темы (того, что уже известно) к реме (тому новому, что говорится), скорее, более естественно, чем наоборот. Подчинительные конструкции, анафорика — являются достаточно сложными языковыми способами, которыми человек овладевает (будь то первый язык или второй) достаточно поздно.

Т. Гивон не применял понятие «прагматический код» конкретно к исследованию пиджинов. Однако перечисленные им особенности прагматического кода довольно точно совпадают со многими особенностями пиджинов. Сравните стратегии этого кода и структурные особенности пиджинов, о которых речь шла выше.

Определяющим фактором образования пиджинов, по моему мнению, является стадия, при которой язык оказывается редуцированным до состояния, близкого к «прагматическому коду». Иначе говоря, в течение какого-то времени язык функционирует как совокупность «лексических обломков», организованных самым примитивным из способов, при котором возможна передача информации. При этом такая передача происходит при опоре на актуальную для говорящих ситуацию. Так можно объяснить резкую редукцию языка, характерную для пиджинизации.

Именно наличие в прошлом этой стадии можно считать критерием при решении вопроса, возможно ли отнести тот или иной язык, контактировавший с другими языками, к пиджину, или перед нами иные формы языковых контактов (см. также Перехвальская 1986).

Принятие такой точки зрения на формирование пиджинов интерпретирует сам механизм пиджинизации совершенно определённым образом. Пиджинизация происходила всякий раз, когда складываются определенные социолингвистические условия, при которых люди были вынуждены воспользоваться прагматическим кодом для простейшей организации высказывания. Для подтверждения этого тезиса имеет смысл обратиться к так называемым «независимым» пиджинам, т. е. к таким, для которых нельзя предположить связь с морскими торговыми языками и которые развились на иной (не западноевропейской) лексической основе.

Первый пример, материал для которого взят из статьи Сары Томасон (Thomason 1980), касается торгового языка на делаварской основе. Этот язык был, по-видимому, распространен в Северной Америке до прихода европейцев и употреблялся индейцами племени делавар при контактах с другими племенами. По сравнению с «нередуцированным» языком, как указывает С. Томасон, этот жаргон характеризуется «бедностью словоизменительной и словообразовательной морфологии», его типичной чертой является «отсутствие морфосинтаксической избыточности». Более конкретно, в данном жаргоне: а) глаголы практически не изменяются; б) нет различия по одушевленности/неодушевленности в транзитивизирующих суффиксах; в) из целого набора делаварских отрицательных частиц присутствует только одна; г) сложная система местоимений заменяется однотипными префиксами, и т. п. Как видно уже из данного перечисления, процессы, происходившие при образовании данного торгового языка, аналогичны процессам пиджинизации, и могут быть определены как «редукция», т. е. «меньший набор структурных отношений и единиц», по определению Р.Т. Белла (Белл 1980).

Второй пример — сибирский пиджин, возникший на русской основе, и употреблявшийся в конце XIX — начале XX вв. в нескольких разновидностях (кяхтинский язык, китайско-русский пиджин; дальневосточный пиджин, зафиксированный у В.К. Арсеньева), который до сих пор помнят представители старшего поколения нанайцев, удэгейцев и других народностей

Дальнего Востока. Основным процессом, происходившим при его формировании, также оказывается редукция. По сравнению с русским языком, утраченными оказываются категории одушевленности, рода, числа, падежа у существительных; глаголы, не изменяясь по лицам, имеют лишь две собственно морфологические формы (настоящего и прошедшего времени), личные и притяжательные местоимения имеют одну общую форму (*мине, тибя, йиво, наша, ваша, ихинь*). Следует отметить, что такая редукция не может быть объяснена просто влиянием языков местного населения – так, тунгусо-маньчжурские языки обладают развитым словоизменением и словообразованием агглютинативного типа, в то время как контактный язык, о котором идет речь, является аналитическим.

Приведенные примеры показывают, что «независимые» пиджины структурно сходны с теми, для которых защитниками теории моногенеза постулировалась гипотетическая общность происхождения. Причина этого сходства заключается не в том, что с рабами или туземцами говорили, как с детьми, или как с глухими, а в том, что сам механизм редукции разных языков оказывается сходным. Сказанное выше еще раз демонстрирует особую важность изучения «независимых» пиджинов, возникших вне зоны морской торговли на лексической основе иной, нежели западноевропейские языки. Изучение таких пиджинов может пролить свет на механизмы пиджинизации вообще.

Таким образом, при пиджинизации в течение короткого времени, «моментально», язык оказывается редуцированным до ситуации, близкой к «прагматическому коду» – языку без грамматики, который, по удачному выражению Т.М. Николаевой, и оказывается исходным языковым состоянием. Это происходит не потому, что модель такого кода передается от одного говорящего другому, а затем реализуется на новом языковом материале (релексификация), а потому, что сам прагматический код оказывается универсальным, т. е. свойством человеческого языка.

Следующий шаг в развитии пиджина – построение из лексических обломков «новой» грамматики. Тут уже включаются совершенно иные механизмы, о которых речь пойдет ниже. Сначала рассмотрим те условия, при которых язык низводится до прагматического кода.

Условия пиджинизации и стадии развития пиджина

Возникает вопрос, почему в одних случаях происходит пиджинизация, резкая ломка языковой структуры, а в других случаях образуется местный, региональный, национальный вариант того же языка? И в тех, и в других случаях речь идет о ситуации интенсивных языковых контактов, когда для коммуникации используется лексика, заимствованная из языка престижной группы. При этом многие из говорящих на этом «престижном» языке так и не овладевают им в полной мере, и он остаётся недоученным. Условия возникновения пиджина и местного варианта языка кажутся очень сходными. Тем не менее, по какой-то причине на островах Карибского моря возникли пиджины, которые затем превратились в креольские языки, а в большинстве африканских стран говорят на местных вариантах французского, английского, португальского или испанского языков. Однако в Республике Сьерра-Леоне также возник пиджин, а затем на его основе сформировался креольский язык крио. Очевидно, что «комбинация демографических, социальных и политических факторов определяет судьбу контактного языка» (Grimshaw 1971, 423).

Было высказано немало предположений относительно того, какое же именно сочетание факторов приводит к возникновению пиджина. Если суммировать все когда-либо упоминавшиеся факторы, получится достаточно внушительный список. Чаще всего называют следующие условия:

- контактируют две или несколько групп, не знающих языка друг друга;
- идиом обслуживает стандартную контактную ситуацию (торговля, обмен, подневольный труд, и т. п.);
- данная ситуация периодически повторяется;
- идиом не является родным ни для кого из говорящих;
- контактирующие стороны социально неравны;
- низкая грамотность колонизируемых народов;

– незаинтересованность носителей языков-источников в том, чтобы местное население овладевало их языком, и др.

Список можно было бы увеличить за счёт всё большей дробности факторов ситуации. Между тем, указанные условия вовсе не всегда оказываются необходимыми. Так, руссенорск возник в ситуации, когда обе контактирующие стороны были равноправными в отношении большей/меньшей престижности. В то же время в районах, где сосредоточено большое количество невзаимопонятных языков (например, на Балканах, в Дагестане), не образовалось ни одного контактного языка.

Стоит остановиться на условиях пиджинизации подробнее. Действительно, определяющим условием возникновения пиджина оказывается ситуация, когда у двух или нескольких групп людей нет никакого средства коммуникации. Люди не владеют языками друг друга, а также никаким общим языком-посредником. Перед нами языковой контакт в отсутствие билингвизма. Во взаимодействующих группах не находится даже отдельных двуязычных индивидов, которые могли бы взять на себя роль переводчиков-толмачей. Именно поэтому пиджины не возникают в областях, где большая часть населения является дву- или многоязычной, или там, где существует языки-посредники. В таких областях, как Балканы или Дагестан происходят обычные «неэкстремальные» языковые контакты.

Итак, перед нами две группы, не имеющие общего языка. Тем не менее, им необходимо передавать друг другу какую-то информацию. Сам факт полного отсутствия двуязычия говорит о том, что контакты между этими группами начались недавно и носят непостоянный характер. В ходе этих контактов вырабатываются вспомогательные, часто неязыковые способы передачи информации. Если ситуация общения повторяется, эти способы закрепляются. Следовательно, важным условием оказывается повторяемость стандартной ситуации контакта. Это может быть торговля, обмен, работа на плантациях или, например, общение в медпункте, где работают европейские врачи, не знающие местных языков²⁴.

На мой взгляд, важной составляющей ситуации, приводящий к возникновению пиджина, оказывается тот факт, что у говорящих нет мотивации к изучению языка друг друга. Они стремятся не говорить на каком-то языке, а передать и понять достаточно простую информацию. Идея овладения языком контактирующей группы часто даже не возникает (например, при общении европейских врачей и местных пациентов). Это коренным образом отличает пиджин от «интерязыков» (недоученных вариантов), которые возникают в процессе овладения другим языком. По-видимому, именно этот параметр имели в виду те исследователи, которые в качестве важных условий пиджинизации называли социальное неравенство контактирующих групп и неграмотность колонизируемых народов (см., например, Дьячков 1987, 10). Сама по себе неграмотность и социальное неравенство не приводят непременно к образованию пиджинов, чему доказательство – образование региональных вариантов английского и французского языков в Африке. В случае же образования руссенорска, пиджин возник в отсутствие социального неравенства и, возможно, при достаточно распространенной грамотности у контактировавших сторон.

Таким образом, следующие социолингвистические условия возникновения нового пиджина представляются мне релевантными:

- наличие ситуации нового контакта;
- стандартность ситуации контакта;
- отсутствие общего языка общения;
- отсутствие билингвизма;
- отсутствие мотивации к изучению другого языка.

В результате возникает *редуцированный пиджин*, язык, очень близкий к прагматическому коду. В креолистике за такими языковыми образованиями закрепился

²⁴ В.Б. Касевич сообщил о пиджине, возникшем в Таиланде в ходе коммуникации между российскими специалистами и местным обслуживающим персоналом.

термин *жаргон*²⁵. Большинство подобных идиомов не осознаются как языки и исчезают, как только одно из вышеперечисленных условий перестаёт выполняться. Например, в случае если контакты между данными группами людей выходят за рамки узких стандартных ситуаций, если появляется какой-то язык посредник, или кто-то выучивает чужой язык и появляются двуязычные индивиды. Жаргон может сохраниться, если произойдет его стабилизация, то есть появятся какие-то устойчивые лексические единицы и правила их соединения. Разумеется эти правила окажутся «мягкими», вероятностными, и все же такое образование можно назвать «язык». Для оформления первоначального жаргона в язык, обладающий некоторой относительно устойчивой нормой, требуются дополнительные условия.

Стабилизация пиджина, как уже говорилось, происходит в случае, когда ситуация контакта регулярно повторяется и в ней участвуют одни и те же люди. Например, в одни и те же летние месяцы русские привозят муку и крупу к берегам Норвегии (порты Тромсё, Вардё и др.) и меняют ее у норвежских моряков на рыбу. Основа коммуникации – обсуждение обменного «курса» муки на рыбу, торг и лишь в значительно меньшей степени обсуждение других тем, не связанных с меновой торговлей. Налицо стандартная коммуникативная ситуация. Она повторялась из года в год предположительно, с конца XVII до 20-х годов XX века. При этом, вопреки тому, что иногда пишут о руссенорске, этот язык был достаточно стабилен²⁶. Действительно состав русской и норвежской группы со временем менялся, однако всегда было некое ядро – люди, из года в год занимавшиеся этой торговлей. Это подтверждает и лингвистический материал. Материалы по руссенорску оказываются весьма гомогенными, это вовсе не хаотичный жаргон, как считают М. Дьячков, И. Сингх и некоторые другие исследователи.

Безусловно, важным, хотя всё же не непременно условием стабилизации пиджина является требование, чтобы им пользовались группы людей, не знающие языка-лексификатора этого пиджина. Это условие было впервые сформулировано К. Уинномом. Он назвал такую ситуацию «третичной гибридизацией» (tertiary hybridization). Обычный языковой контакт между двумя группами людей Уинном назвал «вторичной гибридизацией» – результатом ее является лингвистическая интерференция. Одной интерференции, какой бы значительной она ни была, для пиджинизации недостаточно. Она происходит, по Уинному, лишь при условии «третичной гибридизации». В этом случае язык используется как средство общения группами людей, которые одинаково плохо владеют им, он оказывается неродным, недоученным для любой из контактирующих сторон, и при этом единственным общим для них языком. Это условие оказывается, по Уинному, основным условием пиджинизации (Whinnom 1971). В действительности, пиджины часто возникают и в ситуациях, когда одной из контактирующих сторон являются носители языка-лексификатора. Иначе совершенно непонятно, почему именно этот язык стал лексификатором.

Другое дело, что при возникновении пиджина мы имеем дело с нестабильным жаргоном, идиомом, близким к прагматическому коду. В ситуации, когда пиджин начинает использоваться теми, кто не знает языка-лексификатора, нет опасности проникновения заимствований из этого языка. Заведомо не возникает ситуация постпиджинового континуума, о которой будет подробно рассказано ниже.

Действительно, ситуация, когда язык-лексификатор, на основе которого сформировался редуцированный пиджин, является малознакомым для всех коммуникантов,

²⁵ Термин *жаргон*, обозначающий начальный этап формирования пиджина, давно устоялся в креолистике – хотя, возможно, он и не является особенно удачным, поскольку в других разделах социолингвистики он имеет иное значение.

²⁶ Вот, что со ссылкой на М. Себбу пишет И. Сингх: «Однако... каждая группа постоянно принимала одних членов и утрачивала других. Таким образом, руссенорск по существу заново воссоздавался каждый год с одной и той же целью. Такой воссоздание системы означало, что некоторые черты ее словаря, фонологии и грамматики были изменчивыми, при этом вариативность было главным образом, определялась родным языком говорящего. Например, русский носитель руссенорска мог сказать «и», в то время как норвежец говорил «ог» (Singh 2000, 2).

оказывается очень важной для стабилизации пиджина и оформления его в полноценный язык. Благодаря «третичной гибридации» происходит следующее:

- сокращается чрезмерная вариативность, свойственная стадии *жаргона* (*редуцированного пиджина*);
- устанавливаются относительно устойчивые лексические и грамматические конвенции (т. е. вырабатывается фактическая норма);
- развивается грамматическая структура, независимая от грамматики языка-источника (см. например, Mühlhäusler 1986).

Фактор «третичной гибридации» начинает работать только на стадии стабилизации контактного языка. Он объясняет, каким образом хаотичный, лишенный какой-либо нормы, сверхвариативный протопиджин (жаргон) с «мягкой грамматикой», превращается в достаточно стабильный язык.

Таким образом, мы видим, что для превращения примитивного жаргона в полноценный язык требуется довольно причудливое сочетание социолингвистических условий. Поэтому жаргоны и пиджины по большей части оказываются недолговечными. Большинство из них исчезает, и им на смену приходят варианты языка, близкие к языкам-лексификаторам, вытесняющие прежние пиджины. Возникают местные, национальные варианты языков, часто очень интерферированные. Лишь единичные пиджины получают широкое распространение, расширяют сферу употребления, вместе с чем усложняется их грамматическая структура и словарь. Некоторые пиджины становятся родными языками новых поколений, превращаясь таким образом в *креольские языки*. Рассмотрим этапы развития пиджина.

Стадии развития пиджина

Как мы видели, исходной точкой развития пиджина оказывается *жаргон* – идиом, близкий к прагматическому коду. Он характеризуется высокой степенью вариативности и отсутствием нормы, широким использованием внеязыковых средств коммуникации. Его использование не приводит к коммуникативному провалу лишь благодаря однотипности и узости ситуации общения (например, только меновая торговля). Стандартность ситуации позволяет опираться по большей части на контекст. Например, указательного местоимения *это*, которое сопровождается указательным жестом, оказывается достаточным для сообщения информации о сделанном на рынке выборе. Наречие *вот*, сопровождаемое, широким жестом руки, передает значение «Выбирайте из того, что у меня есть» (Петрова 2007). Все эти высказывания непонятны без поддержки со стороны внеязыковых средств и одновременно без опоры на контекст.

Такую форму языка называют иногда также *редуцированный пиджин* – хотя, как представляется, этот последний термин описывает идиом несколько более стабильный, чем жаргон. Жаргон нестабилен как лингвистически, так и социально (Mühlhäusler 1986, 147), редуцированный пиджин – всё же язык, хотя он и остается средством общения в исключительно ограниченной коммуникативной ситуации; чаще всего он обслуживает только одну ситуацию, вроде упоминавшейся меновой торговли. В этом случае он сводится к очень небольшому количеству грамматических и лексических элементов.

Термин *жаргон* в креолистике употребляется по отношению к различным явлениям, которые, на мой взгляд, неправомерно сводятся к одному и тому же термину. Так, в англоязычной литературе примером жаргона, как уже говорилось, служит руссенорск, что неверно, он являлся, по всей видимости, пиджином, уже достаточно стабилизированным (см., например, Broch 1930, Broch, Jahr 1981). Другим примером жаргона, переходящим из работы в работу, является язык германских гастарбайтеров, при этом он описывается как «собрание индивидуальных вариантов немецкого языка, каждый из которых представляет собой различные степени овладения вторым языком одним из рабочих-мигрантов» (Sebba 1997, 80). Вряд ли можно считать такого рода «собрание» недоученных идиолектов (интерязыков) единым кодом, даже дав ему название «жаргон». Третьим примером жаргона оказывается гипотетический язык «американца, покупающего солнцезащитные очки на рынке в

Лиссабоне».²⁷ По мнению Дж. Холма, такой «предпиджин» может возникнуть за несколько часов (Holm 1988, 5). Возможно, это последнее «языковое образование» и соответствует тому, что определяется как жаргон.

Однако для стабилизации жаргона в полноценный пиджин требуется значительно больше время – по оценке Сары Томасон, от нескольких лет до жизни поколения (20-25 лет) (Thomason 2001, 177). Пиджин, выработавший норму «де-факто», становится *стабильным пиджином*. Это язык, обладающий своей собственной грамматической системой, которой приходится *овладевать*. Такой идиом оказывается непонятным для незнакомого с ним носителя того языка, который послужил для этого пиджина лексификатором.

При благоприятных условиях стабильный пиджин может значительно расширить сферы своего употребления, в результате чего существенно обогащается его словарь, усложняется его грамматическая структура. В креолистике этот процесс принято называть *расширением* пиджина, а его результат – *«расширенным пиджином»*. Такой пиджин представляет собой полноценный язык, отличающийся от других языков лишь тем, что нет людей, для которых он был бы родным. Примером расширенного пиджина может служить ток-писин (или неомеланезийский пиджин), один из официальных языков Папуа–Новой Гвинеи. На нем говорят около двух миллионов человек с 860 родными языками, выходят газеты, печатаются книги, на него переводят тексты правительственных указов, он же является основным рабочим языком правительственных организаций и большинства провинциальных администраций (см., например, Holm 2000, 96-101; Беликов, Крысин 2001, 143). Разумеется, такой язык должен был выработать средства передачи всей необходимой в подобных случаях информации. «...такое лексическое и структурное расширение пиджина не сопровождается его нативизацией, и пиджин становится основным языком общества, ни для кого или почти ни для кого не становясь родным. ... Высокий социальный престиж этого пиджина ведет к тому, что даже в этнически однородных коллективах он становится основным языком...» (Беликов 1998, 16).

При этом для нас важно, что в процессе расширения пиджин «достраивает себя до полноценного языка», используя свои собственные языковые ресурсы, а не заимствует их из языка-источника.

Если же пиджин находится в постоянном контакте со своим языком-лексификатором, он может заимствовать недостающие структуры из этого языка. Такую ситуацию в креолистике называют ситуацией *постпиджинного континуума*, но это путь к депиджинизации и фактическому «растворению» пиджина. Подробнее об этом пойдет речь ниже.

Формирование расширенных пиджинов и креольских языков

Пиджин, ставший родным (возможно, единственным) языком некоторого коллектива говорящих, становится *креольским языком* (или иначе *креолом*).

Несмотря на то, что на основе русского языка креольские языки не сформировались, стоит всё же рассмотреть основные теории образования этих языков. Это тем более важно, поскольку процессы, которые происходят при *нативизации* (формировании креольских языков), во многом сходны с теми, которые имеют место при образовании *расширенных пиджинов*.

Креольские языки – это обычные языки, и единственное, что отличает их от других языков – это их «особая связь» с языком-лексификатором. Значительно огрубляя ситуацию, можно сказать, что это языки, сохранившие лексику языка-лексификатора при полной перестройке грамматики. При этом, в отличие от редуцированного пиджина, креольский язык, как и расширенный пиджин обладают достаточно сложной грамматикой, способной выражать все необходимые грамматические значения, передавать всю нужную информацию. Возникает вопрос о том, откуда эта «новая» грамматика взялась.

²⁷ Мне трудно установить источник этого образа, но он мигрирует из одной контактологической работы в другую (см. Беликов, Крысин 2001, 117).

Современные теории возникновения креольских языков либо придерживаются более традиционного определения этих языков как нативизированных пиджинов, либо допускают формирование креольского языка непосредственно из языка-лексификатора, минуя стадию пиджина. Рассмотрим различные точки зрения на то, как возникают креольские языки.

Влияние субстрата

Одним из дискутируемых вопросов развития контактных языков является вопрос о том, каков вклад каждого из контактировавших языков в формирование расширенного пиджина или креола. Как правило, спор происходит относительно степени влияния на контактный язык со стороны *языков субстрата*.

Языки субстрата – это родные языки тех групп говорящих, которые, как правило, общаются между собой на другом языке или уже полностью перешли на другой язык. При этом, если общение происходит на пиджине, то к языкам субстрата не относится язык-лексификатор. В теории языковых контактов и в некоторых других отраслях языкознания, например, в сравнительно-историческом языкознании, языками субстрата чаще всего называют языки, уже вышедшие или выходящие из употребления. В креолистике этот термин употребляется преимущественно при изучении креольских языков, где так называют языки, уже вышедшие из употребления, поскольку креольский язык – это не язык межэтнического общения и не язык-посредник, а родной язык некоторого языкового сообщества. На стадии пиджина эти языки субстрата еще употребляются говорящими, это их родные языки.

Естественно предположить, что строй языков субстрата мог оказать существенное влияние на расширяющуюся структуру пиджина, будущего креольского языка. Такая точка зрения была практически общепринятой в 1960-1970-е годы (Hall 1968, 365; Taylor 1971). Теория, объясняющая возникновение особенностей пиджинов и креольских языков влиянием родных языков говорящих, получила название *теория субстрата*. Одним из наиболее убежденных сторонников этой теории был Дуглас Тейлор, писавший в 1977 году следующее: «Несмотря на то, что лексические заимствования из африканских языков достаточно редки в большинстве креольских языков Вест-Индии, заимствования грамматических конструкций очень многочисленны и просто бросаются в глаза» (Taylor 1977, 7).

Поскольку нативизация пиджина не происходит в одночасье, и этот процесс захватывает, по крайней мере два-три поколения, не вызывал сомнений тот факт, что при построении «новой» грамматики из лексических обломков языка-лексификатора говорящие ориентировались на свои родные языки. Для креольских языков Атлантической зоны, языками субстрата оказались языки Западной Африки, поскольку именно оттуда была привезена подавляющая часть рабов. Эти языки являются разноструктурными и принадлежат к нескольким неблизкородственным языковым семьям. Тем не менее, в них наблюдаются типологически сходные явления, параллели которым находят и в атлантических креольских языках. Подробно эти вопросы рассматриваются в последней книге Джона Холма, которая частично посвящена решению вопроса о происхождении грамматики и конкретных грамматических показателей в креольских языках (Holm 2000), а также в частных работах, посвященных конкретным языкам, например, гаитянскому креолу (Sylvain 1936, Hall, Comhaire-Sylvain, McConnell, Métraux 1953), а также другим креольским языкам (Taylor 1963, Cassidy 1980, Finney 2004).

Существует и другая точка зрения, согласно которой влияние африканских языков на формирование креольских было настолько незначительным, что им можно пренебречь – такова точка зрения К. Уиннома, Ч. Фергюсона, Дж. Хэнкока (см. Whinnom 1965, Ferguson 1971, Hancock 1986).

Вариантом теории субстрата, в соответствии с которой креольские языки могли возникнуть минуя стадию пиджина, является *теория релексификации* Клер Лефевр (Lefebvre 1993; 1996; 1998). В данном случае под релексификацией понимается не процесс смены языка-лексификатора пиджином или креольским языком, который был рассмотрен выше, а несколько иной процесс. К. Лефевр предположила, что креольские языки явились

продуктами широкомасштабного заимствования из языка-лексификатора. Это могло произойти, по её мнению, следующим образом: стремясь говорить на языке-лексификаторе, но не имея возможности изучить его, носители языков субстрата брали слова (т. е. лексемы в той форме, в какой они их запоминали) из языка-лексификатора и подставляли их в предложения на родном языке. Произошла постепенная «релексификация», т. е. подмена всех лексических единиц, а также грамматических показателей элементами, заимствованными из другого языка. При таком понимании процесса креолизации нет необходимости говорить о необходимом этапе пиджина. Весь процесс можно считать процессом заимствования, просто его масштаб превосходит обычные случаи.

К. Лефевр исследовала формирование гаитянского креола, который по её мнению возник путём вышеописанного процесса релексификации синтаксических структур языка фон²⁸. Эти идеи совсем не новы. Ещё в 1936 году С. Сильвен сделала в своей диссертации вывод, казавшийся в те времена совершенно парадоксальным: «Гаитянский креол – это язык эве с французской лексикой» (Sylvain 1936). Впрочем, С. Сильвен не объясняла, как именно возник такой язык, а потому не следует приписывать ей роль основоположника данной теории.

Такая модель формирования креольского языка подразумевает наличие в языковом сообществе достаточно большого количества двуязычных носителей языка фон и какого-то, скорее всего, недоученного, варианта французского языка. При этом сам факт недоученности французского языка не играет никакой роли, поскольку язык фон заимствует из французского «звуковые цепочки», внешние оболочки лексем. При этом семантика этих «новых слов», их сочетаемость, их синтаксическое поведение по-прежнему принадлежит языку фон. По существу, можно сказать, что скорее французский влияет на фон, а не наоборот. Иначе сформировался бы фон–интерферируемый вариант французского языка, похожий на региональные варианты французского в странах Западной Африки.

Очевидным слабым местом теории К. Лефевр является то, что хотя эта теория достаточно непротиворечиво объясняет факты формирования гаитянского креола, она с трудом приложима к иным креольским языкам.

Универсальные закономерности построения языка

Выдвинутая Д. Бикертоном *теория биопрограммы* представляет собой приложение к креолистике идей Н. Хомского о существовании у человека некоторого врожденного лингвистического модуля, который определяет глубинные структуры языка, и следствием существования которого является лингвистические универсалии в разноструктурных языках (Chomsky 1965, 1981, 1982). В соответствии с другим принципом (Subset Principle, см. Berwick 1985; Wexler, Manzini 1987) в ходе усвоения грамматики родного языка дети сначала усваивают некий «упрощённый» (restricted) вариант, несмотря на то, что в инпуте (input) присутствует и более сложная грамматика. Развивая эти идеи, занимавшийся вопросами языкового контактирования Ч. Фергюсон заметил, что имеются свои универсалии также и у упрощенных вариантов языка (детская речь, язык для иностранцев, язык телеграмм и т. п.), к таковым он относил, например, пропуск связки в английском языке (Ferguson 1971). Фергюсон стал основоположником соответствующей теории возникновения пиджинов (см. выше *Теория детской речи*), т. е. его теория касалась прежде всего процессов упрощения языка. Дерек Бикертон применил эти идеи к креольским языкам (Bickerton 1974, 1975, 1977 и особенно 1981, 1988, 1999). Он утверждал, что при расширении пиджина и превращении его в креольский язык срабатывают врожденные языковые универсалии, в том числе «естественная аспекто-темпоральная система, которая укоренена в особых отделах мозга» («rooted in specific neural properties of the brain») (Bickerton 1980, 12). Д. Бикертон, таким образом, сопоставил процесс креолизации не с процессами овладения вторым языком, как это неоднократно делалось ранее, а с процессами овладения первым языком. В то время как взрослые говорят на

²⁸ Язык фон распространён главным образом в Бенине и входит в группу ква, подгруппа гбе. Одним из ближайших к нему оказывается язык эве.

нестабильном жаргоне с «мягкой грамматикой», дети, для которых этот язык – первый и единственный, конструируют нормальную «жесткую» грамматику, опираясь на структуры, заложенные в их мозгу. Именно поверхностному выражению врожденных грамматических структур, как считает Д. Бикертон, креольские языки обязаны, например, распространением системы трех аспекто-темпоральных частиц, предшествующих глаголу, и некоторых других подобных черт.

Теория биопрограммы объясняет, почему некоторые креольские языки устроены сходным образом. С этой точки зрения, получается, что креольские языки находятся ближе к глубинной структуре Языка, поскольку появились непосредственно в результате действия «лингвистического модуля». Для сторонника теории биопрограммы изучение креольских языков представляет особый интерес, так как является способом выйти на устройство врожденного универсального Языка.

Идеи Д. Бикертонa неоднократно критиковались – многие факты конкретных креольских языков игнорировались сторонниками биопрограммы или подгонялись под теорию (критику теории биопрограммы см. в: Singler 1996, Baker 2000). Изучение конкретных креольских языков и расширенных пиджинов, в особенности тех, которые возникли на основе не западноевропейских языков, показали, что в них вовсе не так много общих структурных черт, как это предполагалось прежде. По выражению С. Томасон, «креольские языки вовсе не столь уж значительно похожи друг на друга» (Thomason 2001, 178-179). Языковые универсальные законы устройства Языка, разумеется, играют значительную роль при первоначальном возникновении пиджина (см. Теория «прагматического кода»), однако дело не во «врожденных модулях», а в общности когнитивных способностей человека.

С точки зрения *теории «усвоения второго языка»* формирование креольского языка рассматривается как результат процессов, происходящих при усвоении второго (неродного) языка взрослыми. При этом эти процессы оказываются, по существу, универсальными, т. е. общими для процесса усвоения любого языка. Во многих отношениях эта теория повторяет основные положения теории возникновения контактных языков, как пиджинов, так и креольских языков, путём поэтапного удаления от языка-источника (см. выше). Высказанная Джоном Ламсденом, эта теория не отмечает иные объяснения формирования креольских языков, а интегрирует их (Lumsden 1999). Так, по его мнению, *релексификация* (в смысле Клер Лефевр) является одним из трех основных ментальных процессов, которые приводят к возникновению креольского языка. Она же является и обычной стратегией изучающих второй язык взрослых. Это «построение новых лексем путём комбинирования фонологических форм с уже существующими синтаксическими и семантическими характеристиками» (Lumsden, 1999, 129). Вторым, не менее важным процессом является «функциональный категориальный эллипсис», т. е. пропуск в речи необходимых грамматических категорий, которые «домысливаются» слушающим. Такой эллипсис характерен как для недоученного языка, так и для регистра «для иностранцев», а также для креольских языков. Третьим из сущностных процессов при обучении второму языку, Ламсден считает *реанализ* (переразложение) лексических и грамматических форм изучаемого языка.

Теория «торга» Сары Томасон

Достаточно убедительной теорией возникновения пиджинов и креольских языков, оказывается предложенная Сарой Томасон теория о том, что контактные языки есть результат своеобразной «торговли» (*bargaining*). Суть этой теории состоит в том, что конкретные формы этих языков – это результат попыток найти некий общий языковой знаменатель между разными языками (Thomason 2001, 159-161). Этот процесс «торговли» включается, когда при попытках договориться отсутствует общий язык, отсутствует билингвизм, отсутствует стремление овладеть языком другой стороны. Говорящий предлагает разные варианты

высказываний в надежде, что его поймут²⁹. Некоторые варианты действительно оказываются удачнее других, говорящий запоминает их и использует в дальнейшем. В результате происходит нахождение «общего знаменателя» между разными языками как в лексике, так и в грамматике и в фонетике. С. Томасон замечает, что невыраженность большинства грамматических значений в пиджинах (и многих грамматических значений в креольских языках) обязана своим происхождением именно «торгу». Общим языковым знаменателем чаще всего оказывается как раз «невыраженность» той или иной категории.

Эта теория может считаться компромиссом между теорией субстрата и теориями универсалистов. Она верно трактует многие стороны процесса расширения пиджина или креольского языка – на тот момент, когда происходит строительство «новой» грамматики. Сама С. Томасон, однако, считает, что данный процесс возможен и без стадии пиджинизации, т. е. без превращения языка-лексификатора в набор простейших лексем, организованных линейным соположением, отражающим лишь тема-рематическую организацию высказывания (прагматический код).

Однако, как представляется, объяснить коренную ломку грамматики без обращения к стадии прагматического кода, практически невозможно. Другое дело, что очень быстро начинается строительство новой грамматики – сначала «мягкой грамматики» пиджина, затем жёсткой грамматической конструкции креольского языка. Тут срабатывают многие факторы, в том числе и языковой «торг» между носителями разных языков.

Компромиссные решения

В последние годы все большее количество специалистов по креольским языкам и креолистике в целом принимают компромиссную точку зрения, согласно которой признаётся сложность и многоплановость процесса формирования «новой» грамматики креольских языков. Среда таких лингвистов можно назвать прежде всего Мервина Аллейна (Alleyne 1986, 1993), Саликоко Муфвене (Mufwene 1986, 1999, 2000), Джона Синглера (Singler 1992, 1993, 1996) и некоторых других. Это креолисты, принимающие во внимание одновременно как лингвистические факты, так и конкретные социальные и исторические условия формирования отдельных креольских языков. «Креолизация – социальный, а не исключительно структурный процесс» (Mufwene 2000).

Действительно, существуют неоспоримые свидетельства в пользу каждой из рассмотренных выше теорий, и принятие того или иного сценария креолизации зависит не только от точки зрения исследователя, но и того, какой именно аспект языка он исследует (фонологию или фонетику, лексикон или семантику, собственно грамматику, синтаксис). По-видимому, имело бы смысл говорить о том, что на формирование креольских языков оказали значительное влияние как языки субстрата, так и суперстрата (языки-лексификаторы); значительную роль сыграли и правила «универсальной грамматики», а также закономерности овладения вторым языком взрослыми. Именно этой точки зрения придерживается автор данной работы.

Каждый из упомянутых факторов, несомненно, сыграл определённую роль в процессе поэтапного формирования креольского языка, а также (что важно для настоящей работы) в процессе «расширения» грамматики пиджина. В дальнейшем это будет показано на материале русских пиджинов.

Постпиджинный и посткреольский континуум

Как мы видели при определенных обстоятельствах расширенный пиджин и креольский язык могут стать полноценными языками с достаточно устойчивой нормой. Такой язык не будет ничем отличаться от любого другого языка, кроме особенностей своего происхождения. В таком случае данный контактный язык воспринимается говорящими, как самостоятельный, отличный от других языков, в том числе и от языка-лексификатора. Это последнее

²⁹ Ср. стратегию «перебора синонимов», которая является одной из основных в русском регистре «общения с иностранцами» (Фёдорова 2002).

обстоятельство оказывается одним из решающих при стабилизации данного идиома и его превращения в глазах говорящих в полноценный язык.

Если же пиджин или креольский язык сосуществуют в постоянном контакте со своим языком-лексификатором, он часто продолжает восприниматься большинством говорящих как «испорченный», «искаженный» вариант лексификатора, как «не-язык» или «недо-язык». В этом случае язык-лексификатор продолжает оставаться для них целевым языком (*target language*), т.е. языком, на котором они «хотели бы говорить, если бы могли». В ситуации, когда одной из сторон, постоянно пользующейся пиджином, оказываются сами носители языка-лексификатора, вариативность форм пиджина значительно повышается. Возникающая ситуация носит название «*постпиджинный континуум*», в случае пиджина, или «*посткреольский континуум*», если речь идёт о креольском языке.

Рассмотрим эту ситуацию подробнее. Пиджин или креольский язык в этом случае не считается самими говорящими полноценным языком, речь на нём воспринимается как «некультурная», а сам такой идиом ассоциируется с низшими слоями общества. В этом случае говорящие стремятся овладеть языком-лексификатором, что удаётся им в разной степени. Причиной, как правило, оказывается отсутствие доступа к языку. В каком-то смысле повторяется ситуация с недоученным языком, по отношению к которому родной язык человека является диалектом или близкородственным языком. Речь каждого конкретного носителя будет содержать различные формы от собственно пиджинных или креольских (наиболее далеких от языка-лексификатора) до форм, приближающихся к формам языка-лексификатора, а также большое количество промежуточных форм. По существу, возникают многочисленные интерязыки, сходные с интерязыками изучающих иностранный язык. Впервые посткреольский континуум был описан для креольского языка Ямайки (DeCamp 1971). Поскольку понятие посткреольского и постпиджинного континуума оказывается важнейшим при изучении русских пиджинов, в особенности, сибирского пиджина и говорки, я остановлюсь на нём подробнее.

Характеристика посткреольского и постпиджинного континуума

Постпиджинный и посткреольский языковой континуум характеризуется очень высокой вариативностью форм. Вариативность в данном случае оказывается значительно большей, чем обычная вариативность языка, в особенности, если принимать во внимание все варианты, возможные не у какого-то конкретного носителя, а в данном коллективе говорящих в целом. Сам этот коллектив является гетерогенным – в него входят как носители языка-лексификатора, которые «упрощают» свою речь, стараясь говорить на пиджине или креоле, так и носители собственно пиджина или креола, старающиеся приблизить свою речь к нормам языка-лексификатора – так, как они их понимают. В тот же языковой коллектив входят носители разного рода промежуточных вариантов. Так, У.Р. О’Доннелл и Л. Тодд выделили в городском креольском языке Гайаны 17 вариантов выражения фразы «I gave him» – от нормативного английского (вариант 1) до собственно креольского *Mi bin gi am* (17-ый вариант) (O’Donnell, Todd 1980). Ср. некоторые из них (цифрами показаны степени удаленности от нормативного английского):

1	I	gave	him
2	a	geev	him
6	a	giv	im
8	a	did giv hii	
12	a	di gii	ii
13	mi	di gii	ii
15	mi	bin gi	ii

Пример 15 представляет собой высказывание на креольском языке, где в качестве подлежащего выступает имеющее единую лично-притяжательную форму местоимение 1 л. ед ч. *mi*, перфектив выражен препозитивным глагольным показателем *bin*, глагол выступает в абсолютной (неизменной) форме *gi*, а прямое дополнение – в форме единого лично-притяжательного местоимения 3 л. ед ч. *ii*. Предложение «Он дал мне» будет выглядеть со-

ответственно в системе 1: *he gave me*, а в системе 15: *ii bin gi mi*. В промежуточных вариантах используется приглагольный показатель *did/di*, который можно трактовать двояко. Во-первых, как прошедшее от вспомогательного глагола *do*, тогда все предложение будет вариантом допустимого в английском: *I did give him*. С другой стороны, *did/di* можно рассматривать как приглагольный показатель прошедшего или перфектива, аналогичный креольскому *bin*, присоединяемый к глаголу, имеющему неизменяемую форму.

Базилект, мезолект, акролект

Очевидно, что описывать столь разнородную систему непросто, тем более что взаимопонимание между носителями крайних вариантов (стандартного английского и собственно креольского языка) невозможно. Это разные языки, и понять каждый из них можно лишь, изучив их или овладев ими³⁰. Тем не менее, носители промежуточных вариантов, по-видимому, способны понимать как стандартный английский, так и креольский. Можно сказать, что возникает континуум, напоминающий диалектный континуум между двумя близкородственными языками.

Для описания подобного рода ситуаций варианты, встречающиеся в континууме, стали делить на *базилектные* (т. е. принадлежащие собственно пиджину или креольскому языку) и *акролектные* (приближенные к языку-источнику), между которыми располагаются *мезолектные* (промежуточные) формы. Подробное исследование вариативности языкового континуума предпринял Д. ДеКамп в отношении креольского языка Ямайки (DeCamp 1961, 1971). Если расположить приводимые ДеКампом варианты предложения «Я ем» в креольском языке Ямайки на оси между базилектом и акролектом, получится следующее:

<i>mi a nyam</i>	– базилект
<i>me a eat</i>	
<i>me eatin'</i>	– мезолектные варианты
<i>I eatin'</i>	
<i>I is eatin'</i>	
<i>I am eating</i>	– акролект

Вариант *I is eating* следует, по моему мнению, также относить к акролекту, поскольку он «близок» к собственно английскому языку, его можно считать «ненормативным», но уже в пределах английского языка. Возможно, то же самое касается и формы *I eatin'*. Тем более, как указывает М. Себба, акролект – это не язык-лексификатор, хотя бы потому, что он разделяет с базилектом многие фонетические черты, так что его можно определить как «английский с ямайским акцентом» (Sebba 1997, 212). При этом акролект также характеризуется высокой степенью вариативности (см., напр. Irvine 2004).

Анализ постпиджинного и посткреольского континуума в терминах *базилект*, *мезолект* и *акролект* является перспективным и при анализе пиджинов на русской лексической основе. Ср. пример постпиджинного континуума у носителей тунгусо-маньчжурских языков: *магазина нукупи ничо́... сё па со́пкам хо́дим*, где первая часть высказывания содержит базилектные формы (отсутствие категорий числа и падежа у существительного, лица и числа в глаголе), а окончание фразы – акролектные формы (отличающиеся от литературного русского языка «акцентом»). Этот пример показывает, что варьирование происходит не только в языковом коллективе, но и внутри одного идиолекта.

Последнее утверждение, как будто, находится в противоречии с тем, что носители языка-лексификатора и контактного языка (пиджина или креола) не понимают друг друга. Тем не менее, это действительно так, поскольку крайние формы (например, приводимые выше формы креольского языка Гайаны *I gave him* и *Mi bin gi ii*) не могут быть порождены одним и тем же носителем. В этом смысле вариативность в языковом сообществе в целом существенно шире, чем вариативность форм в речи каждого конкретного говорящего.

³⁰ Сейчас принято различать изучение языка (learning) и овладение языком (acquisition). Первое предполагает специальное мотивированное изучение, возможно, с использованием особых методик; второе – овладение языком в естественных условиях коммуникации без использования специальных методик, преподавателей и т. п.

Идиолекты разных людей могут охватывать различное количество вариантов, что зависит от широты их социальных контактов. ДеКамп пишет следующее: «Каждый говорящий по-ямайски располагает некоторой частью этого континуума, широта которой зависит от его социальных контактов; бригадир команды строительных рабочих, например, располагает бóльшим спектром вариантов, чем домохозяйка из среднего класса, проживающая в пригороде» (DeCamp 1971, 350).

Методика импликационных шкал

Существуют определенные пределы варьирования в рамках индивидуального идиолекта. Действительно, Д. ДеКамп отметил, что употребление одних черт возможно с одними элементами и невозможно с другими. Не любые базилектные, мезолектные и акролектные черты могут сочетаться друг с другом. Более того, наличие некоторой черты «А» в речи индивида с неизбежностью влечет за собой наличие в его идиолекте и черты «Б». ДеКамп предлагает использовать для исследования мезолектных вариантов метод, названный им «методика импликационных шкал» (DeCamp 1971, 355). Они указывают на возможность сочетания тех или иных языковых элементов между собой. Так, он выделил шесть черт, отличающих акролектную и базилектную формы ямайского креола, и рассмотрел особенности их употребления у семи информантов. Были выбраны лексемы (*child* – *pikni* ‘ребенок’, *eat* – *nyam* ‘есть’, *granny* – *nana* ‘бабушка’), грамматические черты (приглагольное отрицание *didn’t* – *no ben/ no did*), фонетические особенности (произношение /θ/ как /t/ и /ð/ как /d/).

Акролектные черты		Базилектные черты	
+A	<i>child</i>	-A	<i>pikni</i>
+B	<i>eat</i>	-B	<i>nyam</i>
+C	/θ/	-C	/t/
+D	/ð/	-D	/d/
+E	<i>granny</i>	-E	<i>nana</i>
+F	<i>didn’t</i>	-F	<i>no ben/ no did</i>

Со знаком «плюс» выступают акролектные черты, со знаком «минус» – базилектные.

Выяснилось, что имелись следующие варианты соотношения данных черт в речи различных носителей «ямайского языка»³¹:

1.	+A	+B	+C	+D	+E	+F
2.	+A	+B	+C	-D	+E	+F
3.	+A	+B	-C	-D	+E	+F
4.	-A	+B	-C	-D	+E	+F
5.	-A	+B	-C	-D	+E	-F
6.	-A	+B	-C	-D	-E	-F
7.	-A	-B	-C	-D	-E	-F

Как видно из таблицы, если в идиолекте употребляется глагол *nyam* ‘есть’, то в нём должны присутствовать и все остальные базилектные черты, другими словами, этот глагол можно считать диагностическим словом принадлежности данного варианта языка к базилекту. Если же говорящий произносит межзубное /ð/, значит, он является носителем акролекта, практически смыкающегося со стандартным английским языком. Сочетание этих двух черт в языке одного и того же говорящего невозможно.

Из таблицы также видно, что может существовать вариант языка, который отличается от стандартного английского языка лишь произношением (акцентом), в частности заменой межзубных согласных на обычные дентальные.

Методика, предложенная Д. ДеКампом – это достаточно удачная попытка исследовать континуум вариантов, поскольку традиционно лингвистика оперирует дискретными величинами, такими как «язык» и «диалект». Здесь же мы видим, насколько нечёткой может быть граница, разделяющая разные идиомы. Становится очевидным, как трудно определить

³¹ Я привожу таблицу в другой последовательности, чем это было сделано у ДеКампа – в направлении от акролекта к базилекту.

точную границу, которая отделяла бы формы, находящиеся в рамках языка-лексификатора, пусть это будут ненормативные, девиантные формы, от форм другого языка, имеющего уже иную грамматическую структуру, и не взаимопонятного с языком-источником.

Тем не менее, реальность существования контактных языков, сформировавшихся в результате коренной перестройки языка-лексификатора, оказывается при таком подходе, совершенно очевидной.

Декреолизация

Как показывает история большинства пиджинов и креольских языков, существовавших в ситуации постпиджинного или посткреольского континуума со своими языками-лексификаторами, в них происходит постепенное отмирание наиболее удаленных от целевого языка форм – сначала базилектных, а затем и мезолектных. В результате, контактный язык действительно превращается в своеобразный диалект своего языка-лексификатора. Этот процесс называют *декреолизацией*. Считается, что именно такой путь проделал диалект афро-американцев США (Afro-American Vernacular English). По-видимому, он является декреолизированным диалектом креольского языка гулла, до сих пор распространённого на юго-востоке США (см. напр. Dillard 1972, Alleyne 1980). Афро-американский диалект английского языка сравнивали не только с гулла, но и с таким «классическим» англокреольским языком, как сранан, распространённый в Суринаме. В структурном отношении афро-американский диалект достаточно далек от креольских языков Карибской зоны, так, например, в нём значительно сужено употребление сочетаний видо-временных показателей. В то же время афро-американский английский обнаруживает сходство со срананом как на уровне выражения, так в категориально-содержательном отношении. В частности, здесь оказывается выраженной такая глагольная категория, как итеративность. Приводятся и другие факты сходства в структуре афро-американского диалекта и креольских языков Карибской зоны, что свидетельствует в пользу возможного развития этого диалекта из креольского языка в результате процесса декреолизации (обзор этой проблематики см. в: Перехвальская, Погосов 1984).

При изучении пиджинов, возникших на русской лексической основе, применение методик, выработанных для изучения постпиджинного и посткреольского континуума тем более важно, что, как будет показано ниже, перед исследователем стоит задача восстановления, «реконструкции» собственно базилектного состояния, которое как таковое зарегистрировано лишь в очень ограниченном количестве источников. При этом существенную часть таких источников представляют собой мезолектные варианты, а также декреолизированные диалекты, превратившиеся в своеобразные диалекты русского языка.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КОНТАКТНЫХ ЯЗЫКОВ

Традиционно немало споров вызывает проблема генетической классификации пиджинов и креольских языков. Эти языки имеют необычную историю формирования, а потому представляются не укладывающимися в традиционное представление о языковых семьях и их дивергенции.

С одной стороны, резонно предположить, что конкретный пиджин или креольский язык должен в генетическом плане считаться продолжением своего языка-лексификатора или языком, родственным лексификатору. Так, например, считал А.А. Реформатский, который в своем известном учебнике поместил в романскую группу языков также «Креольский – скрещенный французский с местным языком на острове Гаити» (Реформатский 1967, 415). Такое решение, однако, может вызывать возражения, ведь перед нами «скрещенный французский», следовательно, он должен относиться к языкам, произошедшим из французского. Используя метафору родословного древа, можно сказать, что креольский язык следует считать ответвлением ветви «французский язык», а не «латынь».

Кроме того, можно ли вообще считать этот креольский язык родственным французскому? Ответ на этот вопрос зависит во многом от того, как мы определим понятие

«родственные языки». Вот, что писал по этому поводу классик сравнительно-исторического языкознания А. Мейе: «...два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше. Совокупность родственных языков составляет так называемую языковую семью» (Мейе 1938, 50-51). Основываясь на таком определении, трудно отнести пиджины и креольские языки к той же семье, что и их языки-лексификаторы. Это, правда, также зависит от того, что мы будем понимать под «языковой эволюцией». Входят ли в это понятие рассмотренные выше процессы пиджинизации, расширения пиджина, креолизации, образования посткреольского континуума? Если да, то, следовательно, пиджины и креольские языки являются результатом своеобразной эволюции своего языка-лексификатора. Однако, как мы знаем, языков-лексификаторов может быть и два, как у руссенорска. Такие случаи в сравнительно-историческом языкознании не предусмотрены, и вовсе не могут быть представлены на родословном древе.

Помимо возможности наличия двух, а то и большего числа языков-лексификаторов вопрос о генетической принадлежности пиджинов и креольских языков осложняется предполагаемыми процессами релексификации. В истории некоторых языков, таких как сранан, сарамаккан и дьюка, релексификация засвидетельствована (см. выше *Теория моногенеза*). В истории других языков она предполагается, например, в папиаменту и чабакано. В процессе релексификации пиджин или креол меняют свой лексификатор: с португальского на испанский или с португальского на английский, а потом и на голландский. Если считать пиджины и креольские языки языками родственными лексификатору, то получится, что в результате релексификации язык сменил свою генетическую принадлежность, например, перешел из романской языковой семьи в германскую. Причем это произошло постепенно в ходе эволюции, без утраты языковой непрерывности. Обычно считается, что в истории языков такие переходы не засвидетельствованы и, с точки зрения сравнительно-исторического языкознания, невозможны. Это служит основанием для того чтобы считать, что пиджины и креольские языки не укладываются в рамки генетической классификации.

С другой стороны, вряд ли можно всерьез утверждать, что афроамериканский диалект английского языка (Afro-American Vernacular) принципиально не является германским языком. А ведь он, как считается, оказывается декреолизированным вариантом креольского языка гулла (Gullah). Гулла, в свою очередь, довольно типичный креольский язык карибской зоны, строй которого сходен со строем других креольских языков, как англокреольских, так и франкокреольских, а также папиаменту, сарамаккан и т. д. Их строй настолько сходен, что для них постулируется либо общность происхождения из португальского прото-пиджина, либо сильнейшее субстратное влияние языков Западной Африки. В любом случае, такое сходство требует объяснения. Гулла, по мнению сторонников особого статуса креольских языков, не входит ни в какую языковую семью, либо входит в особую семью пиджинов и креолов. В то же время, его непосредственное продолжение оказывается диалектом английского языка. Получается, что в процессе декреолизации язык может приобрести генетическую принадлежность, которой не было ранее. Опять же это происходит без утраты языковой непрерывности, эволюционно.

Однако вот что пишет С.А. Старостин, несомненно, самый авторитетный ученый в области отечественной, а возможно, и мировой компаративистики: «Возможна ли ситуация, при которой базисная лексика языка за короткий период заменяется на другую? Такие случаи известны, и чаще всего классифицируются как смена языка. Несомненно, что базисная кельтская лексика в первые века нашей эры сменилась латинской на территории современных Франции и Испании. Характерно, однако, что мы при этом называем французский и испанский языки потомками латыни, а не местных кельтских языков. Дело в том, что если уж начинает активно заимствоваться базисная лексика, то остальная лексика, как правило, проникается заимствованиями в еще большей степени, Этот процесс сопровождается и активным заимствованием грамматической системы, в результате чего язык фактически меняет свою генетическую принадлежность» (Старостин 2007, 783).

Следовательно, процессы релаксификации в духе Клер Лефевр происходили и раньше, и языки меняли свою генетическую принадлежность. Отличие креольских языков заключается в том, что эти процессы проходили практически «на наших глазах», а в иных случаях, вроде описанного выше, мы имеем дело с результатом давно завершившегося процесса.

Как мы видим, проблема генетической принадлежности пиджинов и креольских языков оказывается весьма сложной и, по-видимому, трудно разрешимой для классического сравнительно-исторического языкознания.

В то же время в рамках современной компаративистики понятие языкового родства далеко не так просто, как его определял А. Мейе. Мейе работал в области сравнительного изучения индоевропейских языков, генетическое родство которых, по существу, для лингвиста очевидно. Вот что пишет С.А. Старостин: «Фактически проблема родства языковых семей в каждом отдельном случае решается голосованием: славянская семья, индоевропейская семья, картвельская семья и т. д. признаются существующими, поскольку существует согласие подавляющего большинства специалистов в этих областях. В существовании алтайской семьи высказываются сомнения, поскольку не все специалисты по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам согласны с алтайской теорией...» и далее: «Единство славянских, романских, тюркских языков очевидно для самих носителей этих языков, поэтому оно практически никогда не оспаривается в академических кругах. Связь между отдельными ветвями индоевропейских языков гораздо отдаленнее. Она неочевидна для носителей, но убедительна для лингвистов, знакомых с несколькими индоевропейскими языками и с предъявляемыми в индоевропеистике доказательствами» (Старостин 2007, 780-781). Родство между этими языками тем более очевидно, что письменная история многих из них известна на протяжении столетий и даже тысячелетий. Помимо введения понятия языкового родства сравнительно-историческое языкознание выработало свой метод, который может считаться методом доказательства языкового родства. Этот метод в настоящее время применяется современными компаративистами для установления языкового родства, которое не очевидно не только для носителей языка, но и для многих лингвистов-регионалистов. Его применяют: во-первых, к бесписьменным языкам с целью установления новых или уточнения состава уже известных языковых семей; во-вторых, к изолятам (языкам, не входившим в традиционно выделяемые семьи) с целью обнаружить, возможно, не сразу очевидную генетическую связь с какой-то известной семьей; в третьих, к реконструированным праязыкам для установления отдаленного родства между языковыми семьями. Традиционное же сравнительное языкознание использовало этот метод для доказательства уже а priori известных семей.

Сущность этого метода состоит в следующем: между фонемами языков в сходных словах должны устанавливаться регулярные соответствия. Поскольку такие соответствия могут возникнуть и в процессе массовых заимствований из одного языка в другой, вводится ограничение на словарь, в котором происходит поиск соответствий. Его ограничивают базовой (базисной) лексикой, которая, как считается, наименее всего подвержена заимствованию. Эта лексика задается семантически, по значению. Обычно используются списки слов (значений), которые составил Морис Сводеш (Сводеш 1960a; 1960b). Это списки из 200 и 100 слов. Список из 100 известен как «стословный список Сводеша». Некоторое дополнение к списку внес С.Е. Яхонтов, выделив в стословном списке 35 наиболее «устойчивых» слов³². С.А. Старостин использовал анкету из 110 слов (Старостин 2007, 784).

Наличие регулярных звуковых соответствий на материале базовой лексики и есть доказательство языкового родства. Как мы видим, современные компаративисты не обязательно привлекают соображения структурного сходства языков. Разумеется, наличие регулярных звуковых соответствий также и в служебных, а не только в полнзначных

³² В этот список входят слова с такими значениями: blood, bone, die, dog, ear, egg, eye, fire, fish, full, give, hand, horn, I, know, louse, moon, name, new, nose, one, salt, stone, sun, tail, this, thou, tongue, tooth, two, water, what, who, wind, year.

морфемах очень желательно и делает выводы относительно генетической связи между языками более фундированными. Однако оно не является обязательным условием. Структурное сходство может, напротив, ввести в заблуждение. Так, Мейе считал родственными турецкий и финский языки: «Сходства, ограничивающиеся общей языковой структурой, как это, например, наблюдается в отношении турецкого и финского языков – языков несомненно родственных – или в отношении китайского и дагомейского языков (по-видимому, языка фон – ЕП), у которых нет шансов быть в родстве, – ничего не доказывают.» (Мейе 1938, 50). Утверждение наличия родства турецкого и финского языков, которые по современным представлениям, оказываются родственными лишь на ностратическом уровне, только подтверждает справедливость мысли, высказанной А. Мейе.

Апелляция к «языковой непрерывности» и «естественной дивергенции» также не всегда помогает. Если считать, что сохранение языковой непрерывности – это отсутствие каких-либо влияний со стороны иных языков, отсутствие массовых заимствований, упрощения, связанного со значительными языковыми контактами, изменения под влиянием контактов, то таких языков, которые развивались бы «естественно», окажется довольно мало. Можно сказать, что в большинстве случаев строй языка в широком смысле, его, так сказать, «физиономия» определяется не столько его генетическими связями, сколько ареальными, то есть такими, которые возникают в результате языковых контактов.

При определении родства между бесписьменными языками, история которых неизвестна, очень трудно говорить о языковой непрерывности, о происхождении от одного предка. Это можно предполагать, но не более того. Предок может быть реконструирован, но это лишь реконструкция. Сравнивая между собой романские языки, можно реконструировать их предполагаемого предка, но мы не получим классическую латынь.

Г.С. Старостин провел исследование, посвященное определению генетической принадлежности языка хадза, который ранее относили к группе койсанских языков (Старостин Г.С. 2007). Лексика этого языка крайне интерферирована, в ней широко представлены единицы, восходящие к четырем макро семьям Африки: койсанской, банту, нилотской и афразийской. Это касается и базовой лексики хадза. Г.С. Старостин действовал методом поиска соответствий в 100-словном списке, и определял, каких слов больше и какие соответствия более надёжны.

Как мы видим, современное представление о том, что такое «языковое родство» не во всем совпадает с представлениями традиционного языкознания. Это нужно иметь в виду, приступая к решению вопроса о генетической принадлежности пиджинов и креольских языков.

Сами специалисты по контактному языку придерживаются двух точек зрения по этому вопросу: 1) к пиджинам и креольским языкам в принципе неприменимо понятие «языкового родства», и они не могут занять никакого места в генетической классификации языков; 2) к этим языкам применимы обычные процедуры определения языкового родства.

Ярким выразителем второй точки зрения является пионер креолистики Роберт Холл, который еще в 1966 году писал о гаитянском креоле: «Этот язык, без сомнения принадлежит к романской группе языков, к ее галло-романской подгруппе» (Hall 1966). Сходные мысли высказывает в своей последней книге и Саликоко Муфвене (Mufwene 2001).

Такого же мнения придерживаются и лингвисты, работающие в области компаративистики (сравнительно-исторического языкознания), приведу в пример мнение наиболее авторитетных российских компаративистов: «При пиджинизации то, что относится к области «собственно языка», берется по большей части из языка-лексификатора, а «способ обхождения с языком» – из языка-субстрата (языков-субстратов)» (Бурлак, Старостин 2001, 74), «не бывает языков смешанных “в равной пропорции”» (Бурлак, Старостин 2005, 70).

Многие лингвисты, работающие в области изучения языковых контактов, отказываются решать вопрос о генетической принадлежности пиджинов и креольских языков,

считая их языками смешанными, и, следовательно, не сводимыми к одному источнику. Некоторые выступают даже достаточно резко³³.

Можно только согласиться с тем, что пиджины и, в особенности, креольские языки являются смешанными в том смысле, что языки субстрата сыграли в их формировании важнейшую роль. Во многих их них значительная часть грамматических конструкций, возможно, восходит к субстрату, если не по форме, то по своему грамматическому значению. В то же время, этот второй компонент смешанного языка определить далеко не так просто, как первый. Используя метафору «родства», следует заметить, что один из «родителей» креольского языка, а именно язык-лексификатор, всегда хорошо известен, а вот другой «родитель» (или «родители») – язык, из которого заимствованы структуры – часто определяется весьма туманно. Например, в отношении креольских языков Карибской зоны – таким «родителем» выступают «языки Западной Африки», при этом часто называются то эве, то йоруба, то фон. При этом если эве и фон очень близки друг к другу, то йоруба весьма далек от них.

Как мне представляется, споры относительно генетической принадлежности пиджинов и креольских языков являются следствием неверного понимания сущности сравнительно-исторического метода. Эту мысль очень точно сформулировал М. Хаспельмат, полемизируя с А. Айхенвальд и Р. Диксоном, писавшими о несостоятельности понятия «родословного древа» (Aikhenvald, Dixon 2001). «Родословное древо языков “ведёт в тупик”, только если ему приписывают большую объяснительную силу, нежели оно имеет. Никто никогда не утверждал, что языковые изменения, обязанные своим появлением языковому контакту, должны находить отражение в родословном древе ... оно отражает лишь небольшую часть значительно более сложной лингвистической картины... (разрядка моя – ЕП)» (Haspelmath 2004).

Как уже говорилось выше, окончательным критерием при определении генетического родства языков является *установление регулярных звуковых соответствий между базовой лексикой* сравниваемых языков. Таким образом, генетическое родство оказывается весьма определенным понятием, выводимым на основании конкретной процедуры. Из сказанного следует, что само по себе установление генетического родства между языками ничего не говорит ни об их дальнейшем развитии, ни о самом характере исторических отношений между ними. Цыганские диалекты (языки?) остаются языками новоиндийскими, несмотря на их чрезвычайно интерферированный характер, что легко устанавливается при применении к ним сравнительно-исторического метода (Елоева, Русаков 1990).

Если принять тезис о том, что контактные языки не укладываются в рамки существующей генетической классификации, то следует признать уникальный характер процессов образования контактных языков в современном мире, поскольку все известные традиционные языки в эту классификацию укладываются. В то же время очевидно, что пиджины и креольские языки могли существовать и в прежние эпохи, и совершенно не обязательно все они бесследно исчезли. Какие-то из них могли дать начало современным языкам, которые, заметим, укладываются в рамки генетической классификации.

Если применить к пиджинам и креольским языкам процедуру определения языкового родства, то окажется, что такой язык однозначно связан со своим лексификатором, являясь в сравнительно-историческом плане его филиацией. Другое дело, что по своей грамматической структуре (нерелевантной для установления генетического родства) они могут значительно отличаться от соответствующего языка-источника.

В качестве вспомогательной процедуры при сравнительно-исторических исследованиях используется также метод глоттохронологии (лексикостатистики). Цель его – определение времени предполагаемого расхождения родственных языков. Интересно проверить эффективность глоттохронологической методики в приложении к языкам, процессы фор-

³³ Ср., напр.: «Самый факт существования языков, обязанных своим появлением в первую очередь конвергентным процессам, ставит жирный крест на романтической идее реконструировать праязык человечества» (Беликов 2005: 12).

мирования которых отличаются от процессов, происходящих при образовании традиционно рассматриваемых групп и семей.

Нами были взяты 100-словные списки Сводеша для следующих франко-креольских языков: гаитянского, доминиканского, креольского языка Гвианы (Карибское море), а также для маврикийского креола (Индийский океан). Подсчёты показали, что время расхождения между французским и соответствующими креольскими языками колеблется от 240 до 380 лет, что в целом соответствует исторической реальности. Время «дивергенции» креольских языков Карибского бассейна (Гаити, Доминика, Гвиана) – от 135 до 205 лет. Время же дивергенции между каждым из трех языков бассейна Карибского моря и креольским языком о. Маврикий колеблется от 240 до 380 лет (Перехвальская, Русаков 1986). Таким образом, метод глоттохронологии указывает на независимое происхождение маврикийского креола. Языки же Карибского моря оказываются значительно более близкими друг к другу, и можно предположить либо существование какого-то старого креольского языка (или пиджина?), продолжением которого они являются; либо наличие между ними языковых контактов в прошлом.

Таким образом, несмотря на отсутствие при формировании креольских языков лингвистической непрерывности, что связано с особенностями процессов пиджинизации, глоттохронологические исследования скорее подтверждают выводы о генетическом статусе креольских языков.

По-видимому, споры относительно положения контактных языков в рамках генетической классификации вызваны непониманием того, на каких основаниях строится эта классификация. Приняв возможность интерференции, калькирования, релексификации, мы тем самым вовсе не отрицаем существования языковых семей и не ставим под сомнение сравнительно-исторический метод. Действительно, есть языки, которые не находят себе места в генетической классификации. Но это вовсе не креольские языки, а изоляты. Их считают изолированно стоящими именно на том основании, что не удаётся установить их связи с другими языками – ни с одним языком мира не удаётся найти регулярные звуковые соответствия в базовой лексике.

Таким образом, можно лишь согласиться с традиционной точкой зрения, согласно которой, пиджины и креольские языки являются в генетическом отношении продолжением своих лексификаторов.

Глава 2

РУССКИЕ ПИДЖИНЫ: МАТЕРИАЛЫ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ

По мере расширения границ России на ее окраинах в ходе контактов русских с народами Кавказа, Урала, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока возникали многочисленные вспомогательные языки, и среди них пиджины, основой для которых был русский язык. Свидетельства о некоторых из этих идиомов дошли до нас в виде упоминаний в путевых заметках и мемуарах, иногда в художественной литературе в качестве цитат при изображении речи инородцев. Примеры таких записей – язык башкир в «Детских годах Багрова-внука» С.Т. Аксакова, речь кавказцев в рассказах Л.Н. Толстого. Лучшие образцы таких записей – передача речи проводника-нанайца из романов В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу» и других, а также речь удэгейцев, китайцев и корейцев в романе А. Фадеева «Последний из удэге», где особенности местного русского пиджина переданы весьма точно.

Произведения В.К. Арсеньева, Л.Н. Толстого, А. Фадеева являются, скорее, исключениями. Значительно чаще упоминания о русских пиджинах весьма кратки и неточны, обычно они позволяют идентифицировать некий идиом как пиджин, однако совершенно недостаточны для анализа его структуры, лексического состава и т. п.

Известно, что контактные языки на начальной стадии своего формирования остаются незамеченными не только для исследователей, но и для самих говорящих. Этим идиомам не придается не только статуса языка, но и вообще статуса коммуникативного средства. Языки такого типа замечаются как отдельные идиомы только начиная со стадии стабильного пиджина (в ряде случаев, возможно, и редуцированного пиджина). При этом статус их, как правило, очень низок, их рассматривают как «ломаную», «испорченную» речь, фиксировать или изучать которую никому не приходит в голову. Поэтому не является неожиданным тот факт, что фиксация контактных языков на русской лексической основе также началась поздно и носила за редким исключением непоследовательный, случайный характер

Контактные языки на русской основе

В книге «Пиджины и креольские языки. Введение», вышедшей под редакцией Дж. Арендса и П. Мэйскина (Arends et al 1994) приводится список всех известных хотя бы по названию пиджинов, креольских и смешанных языков мира. Среди них упомянуты следующие языки, образовавшиеся при участии русского языка:

«Европа, североатлантические пиджины:

руссенорск (русско-норвежский) – использовался при общении между русскими и норвежскими рыбаками;

соломбала-Инглиш (английско-русский пиджин) – использовался в конце XIX века в порту Соломбала (Архангельск).

Камчатка:

*камчадалско-русский*³⁴,

корякско-русский.

Китайско-русские пиджины:

кахтинский китайско-русский – этот торговый пиджин использовался на русско-монгольской (в то время русско-китайской) границе к югу от озера Байкал с начала XVIII века до середины XIX века в торговом городе Кяхта (Россия) и Маймачин (ныне город Алтинбулаг, Монголия);

уссурийский китайско-русский пиджин – этот пиджин, сформировавшийся в XX веке, использовался при контактах русских с представителями тунгусских народов, в

³⁴ По-видимому, русско-ительменский.

особенности с удэгейцами и нанайцами, жившими по реке Уссури, являющейся границей между Россией и Китаем;

маньчжурский китайско-русский пиджин – контактный жаргон, использовавшийся между русскими и поляками с одной стороны и китайцами с другой в Маньчжурии, в особенности в городе Харбин, где жило около 100 тысяч русских. В течение 1950-х годов практически всё русское население Харбина эмигрировало в Австралию и другие страны, и данный пиджин исчез. Существовало две разновидности данного языка – одна для русских, другая для китайцев;

приморский китайско-русский пиджин – использовался для коммуникации между русскими и японцами в Приморье.

Северная Азия. Сибирь:

медновский язык (смешанный алеутско-русский) – менее 10 говорящих на острове Беринга,

транстундровый христианский русский (смешанный долганско-русский) – более не существует, заменен долганским языком.»
(Arends et al 1994, 363-364).

На картах в изданном под редакцией С. Вурма двухтомном «Атласе языков межэтнического общения бассейна Тихого океана и сопредельных регионов» (Atlas 1997)³⁵, имеется карта «Некоторые языки-посредники и пиджины северной Сибири и северной зоны Тихого океана в начале XX века» (карта составлена С. Вурмом и Е. Хелимским). На карте отмечены следующие языки:

эскимосско-русский пиджин (пункты Коцебу, Нум);

корякско-русский пиджин (XVIII–XIX века) – центральная и северная Камчатка;

ительменско-русский пиджин (XVIII–XIX века) – южная Камчатка;

русский торговый пиджин

аляскинский русский торговый пиджин

русско-китайский пиджин

(Атлас 1996, I, см. карту в Приложении).

Далеко не все пиджины, указанные как в книге Дж. Арендса и П. Мэйскина, так и в «Атласе» С. Вурма хоть как-то зафиксированы, пусть даже в виде цитаций при передаче прямой речи инородцев в мемуарах и тому подобных произведениях. Лингвистический материал имеется лишь по незначительной части этих идиомов.

В упомянутом «Атласе» С. Вурма имеется большое количество обзорных статей по различным областям Кавказа, Сибири и Дальнего Востока России, где указывается, какой из языков играл роль языка-посредника в ситуации межэтнического общения в конкретном регионе (Головкин 1997, Володин 1997, Груздева 1997). Однако большинство этих очерков не приводят собственно лингвистического материала, а ограничиваются историко-социолингвистическими сведениями, а также указаниями на то, какой именно из языков и в какие эпохи играл роль лингва-франка.

Таким образом, с сожалением следует констатировать, что приводимые в книгах под редакцией Дж. Арендса П. Мэйскина, а также в Атласе под редакцией С. Вурма солидные списки пиджинов, сформировавшихся при участии русского языка, на проверку оказываются списком языков, о которых не известно ничего, кроме названия. Что такое *транстундровый христианский русский пиджин*? Я не нашла сведений по этому языку, хотя авторы, разумеется, на что-то опирались. Возможно, речь идет о пиджине, которым пользовались миссионеры в ходе христианизации народов тундры? Некоторые названия оказываются просто «слепыми», например, *русский торговый пиджин*. Все «старые» русские пиджины были по преимуществу торговыми. Они возникали в ходе обмена или сбора «пушного налога»

³⁵ «Сопредельные регионы» понимаются в данном Атласе весьма широко, так в Евразии карты языков межэтнического общения достигают Кавказского региона. Вообще, данный Атлас является бесценным источником информации по контактным языкам значительной части мира; к сожалению, он незаслуженно мало известен.

(ясака). Пиджинов возникших, скажем, в ходе подневольного труда, в том числе плантационного, в России не существовало.

В книге Дж. Арендса и П. Мэйскина перечислены также четыре «китайско-русских пиджина»: *кяхтинский, уссурийский, маньчжурский и приморский*. При этом остается непонятным их соотношение друг с другом. Являются ли они вариантами одного языка или образовались независимо друг от друга? Если это независимые языки, возникшие самостоятельно в местах интенсивных контактов, то почему уссурийский и приморский пиджин называются *китайско-русскими*, хотя первый возник в ходе контактов русских с удэгейцами и нанайцами, а второй с японцами? Если это все же варианты одного и того же языка, то каковы отношения между ними? Является ли уссурийский потомком кяхтинского, хотя их разделяет временной разрыв в полвека? Ответы на эти вопросы я постараюсь дать в данной и следующей главах.

Заметим, что в «Атласе» С. Вурма четырем указанным идиомам соответствует один: *русско-китайский пиджин*. Следовательно, это скорее один язык, существовавший в нескольких вариантах. Название «русско-китайский пиджин» распространено в научной литературе, хотя и не очень удачно, поскольку предполагает, что перед нами пиджин, сформировавшийся на лексической основе китайского языка при контактировании китайцев с русскими. Это название допускает также толкование этого пиджина, как имеющего два языка-лексификатора, подобно руссенорску (русско-норвежскому). Языковой материал, однако, показывает, что в действительности мы имеем дело с пиджином на русской лексической основе. Слова иного происхождения (китайского, монгольского, нанайского, удэгейского и т.д.) составляют незначительную часть лексикона этого языка, и к тому же характерны не для всех его вариантов.

Таким образом, следует говорить о *русском* пиджине, который использовался при контактах с китайцами, монголами, японцами, а также коренными тунгусо-маньчжурскими народами Сибири и Дальнего Востока, в том числе и с эвенками, расселенными по огромной территории. Вряд ли стоит называть такой пиджин китайско-русским, поскольку его использовали не только при контактах с китайцами. Более того, он и возник вовсе не в ходе контактов русских с непременно китайцами. Поэтому от этого названия приходится отказаться.

В креолистике существует несколько способов наименования «вновь возникших» пиджинов, креольских и разного рода смешанных языков. Они могут получать этимологически прозрачные названия, обозначающие язык такого типа: *крио* ‘креольский язык’; иногда эти обозначения являются уничижительными: *чабакано* из испанского *chabacano* ‘вульгарный, низкопробный’. Многие из этих названий могут быть одновременно местными лингвонимами. Например, *ток-писин* – местное название данного языка, означающее «речь на пиджине» (talk pidgin); полис-моту³⁶ – вариант языка моту, «которым пользуются полицейские и другие представители власти»; *суржик* – смешанный русско-украинский идиом³⁷. Языки могут именоваться также по названиям тех народов, которые являются основными контактирующими сторонами: *руссенорск* ‘русско-норвежский’; либо лишь по языку лексификатору: *пиджин-инглиш*, *чинук-жаргон*. Один из наиболее частых способов номинации такого «нового» языка – указание на место, где он используется: *гаитянский креол* ‘франкокреольский язык острова Гаити’; *медновский язык* ‘язык алеутов острова Медный’ и т. п. Такая номинация представляется наиболее нейтральной.

Вследствие этого я предлагаю называть русский пиджин, использовавшийся вдоль российско-китайской и российско-монгольской границы, в Маньчжурии и на Дальнем Востоке, а также во многих районах Сибири *сибирским русским пиджином*.

Возвращаясь к названиям русских пиджинов из «Атласа» С. Вурма, следует отметить, что *эскимосско-русский, корякско-русский, ительменско-русский* и *аляскинский* пиджинов,

³⁶ Полис-моту – пиджин, языком-лексификатором для которого послужил язык *моту*. Он был широко распространен в Папуа-Новой Гвинее как язык межэтнического общения, но в последние десятилетия его в значительной степени вытеснил ток-писин.

³⁷ От *суржа* «поле, засеянное смешанными пшеницей и рожью».

даже если они и существовали в прошлом, остаются совершенно неизвестными. Мы ничего не знаем ни об их строе, ни об иных лингвистических особенностях.

При этом нельзя утверждать, что лингвистических данных по русским пиджинам не существует вовсе. Если собрать все записи, сделанные в разное время лингвистами и нелингвистами – тексты, фразовые примеры, отдельные слова – получится корпус, с которым можно работать, и на основе которого можно сделать выводы о том, какими были эти языки.

В этой книге я попыталась собрать воедино все источники по русским пиджинам. Скорее всего, какие-то источники остались мне неизвестными, в особенности, если речь идет и мемуарной литературе или о записках путешественников. Я не претендую на абсолютно полный охват всех источников, однако я собрала все, что смогла найти. Поскольку все эти записи весьма разнородны, каждую из них следует рассматривать, принимая во внимание особенности, которые свойственны источникам данного конкретного типа.

Материалы по русским пиджинам

Прежде чем перейти к рассмотрению языковых особенностей русских пиджинов, я должна остановиться на том, какие источники по их изучению мною привлекались.

Принципы разграничения ненормативных форм русской речи и пиджинов на русской основе

В первой главе мы подробно останавливались на том, чем отличаются пиджины от других идиомов, которые также характеризуются как интерферируемые (смешанные) или упрощенные. При сборе материалов по пиджинам, особенно при работе с нелингвистическими источниками, важной задачей оказывается разграничение ненормативных форм языка (просторечие, территориальный диалект, региональный вариант, интерязык) и собственно пиджина. Проводилась следующая процедура.

Выделялся корпус текстов, которые фиксируют формы русской речи, выходящие за рамки нормы русского языка, т. е. содержат разного рода «ошибки», «речь с акцентом», «ломаный язык» и т. п. При этом имелось в виду, что «ошибки» в русском (или любом другом) языке бывают двоякого рода:

1) ошибки против языковой нормы и/или узуса: просторечие, диалектные формы, стилистические ошибки и т. п.

2) ошибки против грамматической системы русского языка, недопустимые ни в каком варианте (вроде упоминавшегося «одын булочка»).

Письменная фиксация речи «на русском языке», в которой встречались ошибки второго рода, рассматривалась в отношении того, не является ли эта форма речи пиджином на русской основе. Были выделены диагностические черты, которые свидетельствуют о том, что данный идиом является именно пиджином, а не иным типом «смешанного языка» (Х-ированный язык, интерязык).

Критериями при отнесении представленной в источнике формы языка к пиджинам были следующие:

1) наличие в идиоме ошибок против грамматической системы русского языка;

2) отсутствие или непоследовательное выражение большинства грамматических категорий, выраженных в русском языке морфологическими средствами;

3) отсутствие сложных предложений, малое число актантов при глаголе (обычно не более двух);

4) порядок слов отличается от порядка слов в русском языке;

5) значение большинства лексем не совпадает со значением соответствующих слов в русском языке;

6) представленный идиом должен быть достаточно устойчивым средством межкультурного общения между носителями аборигенных языков с носителями русского языка, или и при

общении их между собой, имеющим (или имевшим в прошлом) какую-то норму «de facto» или хотя бы «стабильность»³⁸;

Сравним несколько примеров. Первый: отрывок из уже упоминавшейся переписки (письма грузинки средних лет, адресованные русской знакомой):

- (18) *«Зелёные ткемали 3-4 рублей стоит, огурцы 2-3 руб. помидоры 4-5 руб, тиглени 5-6 руб. маленькие. Обычно мы знаем весной жаренный тигленок с ткемали, гоми с сулгун. сулгун вы наверно знаете сыр вкусный и там кладём когда гоми горячий. сулгуни таит и что-то необыкновенным вкус.»*

Представим себе, что это законченный отрывок, который мы изучаем в поисках материалов на пиджине. Здесь соблюдается первое из указанных выше требований и лишь отчасти второе. В данном отрывке имеются ошибки против грамматической системы русского языка. В системе существительного практически не выражена категория падежа, а также рода; однако категория числа выражена последовательно. Глагол полностью сохраняет лицо и число. Синтаксис не является элементарным, есть сложные предложения, в том числе и сложноподчиненные. Порядок слов совпадает с порядком слов в русском предложении. Значение большинства слов совпадает со значением соответствующих слов в русском языке; исключением является употребление глагола *знать* в значении ‘делать, готовить’. Вряд ли представленный идиом когда-либо имел некую фактическую норму и был коллективным средством межэтнического общения. Перед нами не пиджин, а интерязык.

Второй пример: расшифровка аудиозаписи свободной беседы с пожилым удгейцем (1921 г. рождения).

- (19) *Уто эта, видишь, а потом дети, дети. Он види вот этот школьникэ разный, и фулиганам занали ... Это плохой дело пойду все люди. Никаки, никаких хорошими не будет. И если в руку не возьмёт, его в руку, вот так, ещё десять года перейдет, и его не справит.*

‘Видишь, что происходит. А ещё с детьми проблема. Видишь (?), вот эти школьники уже всякие бывают, многие уже известные хулиганы. Все они будут заниматься дурными делами. Никто хорошим не вырастет. Если их в руки не взять, вот так, еще десять лет, и будет не справиться.’

Данный отрывок уже не вполне понятен без перевода. В нем имеются многочисленные ошибки против грамматической системы русского языка. Все грамматические категории, как глагольные, так и именные или отсутствуют, или выражены не просто непоследовательно, а совершенно хаотично. Многие лексемы имеют не только иное значение, но и демонстрируют иное синтаксическое поведение, например, *фулиганам занали* ‘их знают как хулиганов’; *его не справит* ‘с ними будет не справиться’ или ‘ему будет не справиться’; *плохой дело пойду все люди* ‘все они будут заниматься дурными делами (станут преступниками)’. Порядок слов отличается от порядка слов в русском языке: сказуемое имеет тенденцию заканчивать предложение; дополнения стоят перед сказуемым; позиция подлежащего колеблется, оно может находиться и в постпозиции к сказуемому. По одному отрывку мы не можем судить о том, насколько данный идиом в прошлом служил языком межэтнического общения. В настоящий момент говорящий окружен людьми, которые обращаются к нему на русском языке. Однако записи, делавшиеся в данном селе ранее, свидетельствуют о том, что в прошлом говорящих на сходном идиоме было значительно больше. По-видимому, он был широко распространен еще в 1940-1950-е годы.

Представленный идиом я отношу к пиджину, находящемуся в ситуации постпиджинного континуума, т. е. в процессе депиджинизации под влиянием языка-лексификатора.

Вот отрывок из книги В.К. Арсеньева «Сквозь тайгу»:

- (20) *Стреляй не надо! Моя люди!.. Спасибо, капитан, – сказал он. – Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.*

³⁸ «На стадии пиджина не может сложиться эталонная языковая норма, но возникает стандарт как преобладающая стабильная разновидность языка» (Беликов 1997, 95).

‘Не стреляйте! Я человек!.. Спасибо, капитан (вежливое обращение к мужчине-европейцу), – сказал он. – Я очень голоден, сегодня ничего не ел.’

Применяя указанные критерии, мы приходим к выводу, что перед нами пиджин на русской основе.

Приведу более сложный пример. Речь идет о романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река», где есть два персонажа, говорящих на идиомах, похожих на пиджин. Это ссыльный черкес Ибрагим-Оглы, живущий в русском поселке, и тунгус-оленеводец, кочующий вместе с семьей по тайге.

Вот как передается речь старика-тунгуса:

(21) *Это мой баба... Шибко хорошо стрелят.., медведя бил, самого амикана-батюшку... Шибко много... Борони-и-и бог!.. Вот слепился... Мало-мало кудой глаз стал...*

В данном отрывке соблюдается большинство структурных критериев выделения пиджина, однако, с остальным текстом контрастирует выражение *самого амикана-батюшку*. И хотя *амикан* – слово эвенкийского (тунгусского) языка, означающее ‘дед’ и ‘медведь’, само словосочетание можно определить как «русское литературное поэтическое». Сомнительно, что его может породить человек, говорящий *мало-мало кудой глаз стал* ‘стала совсем плохо видеть’. Вызывает сомнения также винительный падеж *медведя*.

Можно предположить, что перед нами адекватная запись особенностей речи тунгусов, с которыми автор, безусловно, был хорошо знаком. Однако, как справедливо указывает В.И. Беликов, говоря о стабилизации пиджинов, «стабильны, конечно, не грамматические структуры, а те рамки, в которых допустимо их колебание» (Беликов 1997, 94). Колебание структуры между формами русского поэтического языка и формами, не выражающими никаких грамматических категорий, невероятно. Вследствие этого я не рассматриваю выражение *самого амикана-батюшку* как часть цитаты на пиджине, поскольку это, без сомнения, авторское добавление, необходимое для решения художественных задач произведения. Таким образом, речь тунгуса в изображении В.Я. Шишкова может считаться пиджином, если исключить некоторые явно авторские вставки.

Несколько сложнее обстоит дело с речью Ибрагима-Оглы. Вот как изображается его речь:

(22) *Ружье тьфу! Кынжал – самый друг, самый кунак!.. – крутил горец сверкающим кинжалом. – Ночью Кавказ едем свой сакля... Лес, луна, горы. Вижу – бэлый чалвэк на дороге. Крычу – стоит, еще крычу – стоит, третий раз – стоит... Снимаим винтовка, стрэляим – стоит... Схватыл кынжал в зубы, палзем.., подпалзаим... Размахнулся – раз! Глядим – бабья рубаха на веревке. Цх!*

Если не считать последовательной передачи «акцента», речь этого персонажа сходна с пиджином по следующим характеристикам: непоследовательным выражением грамматических категорий имени (падеж, род), нераспространенностью предложений. Однако порядок слов и их лексическое значение целиком соответствуют таковым в русском языке. В целом пиджинных черт меньше, чем в приводившемся выше интервью с носителем депиджинизированного диалекта. Возможно, речь Ибрагима-Оглы также можно было бы рассматривать как результат депиджинизации, и, следовательно, включить соответствующие цитаты в круг материалов по русским пиджинам. Однако этому препятствует социолингвистический критерий: очевидно, что данный персонаж не воспринял данную форму языка от местных сибирских народов, он жил в русской среде. Он мог выучить такой язык на Кавказе. Однако данных о существовании там русских пиджинов очень мало. По существу, это только рассказы Л.Н. Толстого. Напротив, известно, что «На Северном Кавказе основным языком межэтнического общения был тюркский (или, как его называли русские «татарский язык»)» (Беликов 1997, 91). По этим причинам цитаты, содержащие речь данного персонажа, не включались в корпус материалов по русским пиджинам.

Корпус материалов по русским пиджинам

Тексты, где встретились цитации любой длины (от слова и более), удовлетворяющие приведенным выше критериям, названы мною «источники по русским пиджинам» или

сокращенно: «источники». Таких источников обнаружено достаточно большое количество, хотя далеко не все они содержат равноценную информацию. Содержащийся в источниках языковой материал я буду называть материалом по русским пиджинам, а его собрание корпусом таких материалов.

Все собранные записи русских пиджинов можно разделить на несколько групп по следующим основаниям.

I. Записанные лингвистами с научными целями и записанные литераторами с целью передачи особенностей речи персонажей.

В лингвистических работах проявляется стремление последовательно передать особенности записываемого языкового материала. Если все же наблюдаются неточности и непоследовательности, это происходит вопреки воле автора. Писатель, стремящийся передать речь персонажа, не может выйти за рамки «понимаемости» этой речи. Часто особенности языка фиксируются в первых фразах, а затем автор как бы пересказывает то, что говорит его герой, уже обычным языком. Для сравнения отошлю читателя к Части II (см. тексты, записанные С.Н. Черепановым, с одной стороны, и отрывки из произведений В.К. Арсеньева, А. Фадеева, В.Я. Шишкова, с другой). К тому же писатель стремится решать не только задачи отражения реальной речи, но и художественные задачи, что также может влиять на передачу речи персонажа. Так, например, на пиджине чаще всего говорит только «иноплеменник», но никогда – русский человек. Научные же записи фиксируют и русский этнолект пиджинов.

II. Записи целых отрывков текста и записи отдельных слов или фразовых примеров.

Многие заметки о русских пиджинах, сделанные лингвистами, не содержат связных текстов. Это следствие того, что материал, как правило, собирался ненаправленно, и записаны были наиболее запомнившиеся фразы (материалы М. Хасановой, С. Врубеля). То же самое касается записей в мемуарной литературе и записках путешественников (П.Я. Песецкий, Ю.Б. Симченко и др.). Эти цитаты, как правило, весьма коротки и содержат самые ходовые фразы. Этой же особенностью отличаются очерки, основанные на чужих материалах (А. Александров, Г. Шухардт). Напротив, в художественной литературе часто можно найти не только диалоги, но и небольшие нарративы на пиджине, что существенно повышает ценность этих источников.

III. Записи по памяти и расшифровка аудиозаписей

Многие записи, сделанные лингвистами и тем более путешественниками и создателями мемуаров, оказываются записями по памяти, осуществленными иногда через значительный промежуток времени после того, как соответствующие фразы были услышаны (С.Н. Черепанов, М. Хасанова, Ю.Б. Симченко). Этому недостатка лишены расшифровки аудиозаписей, сделанных за последние двадцать лет (Е.А. Хелимский, записи, сделанные мною вместе с Ф.А. Елоевой, В.И. Беликовым, В.В. Барановой). Однако аудиозаписи делались по понятным причинам, лишь начиная с 1985 года, соответственно фиксировались лишь те идиомы, которые существовали в этот период. Многие из них были уже достаточно «размыты» в процессе депиджинизации, хотя и сохраняли отчетливые пиджинные черты.

Помимо аудиозаписей, весьма надежными представляются записи лингвистов, сделанные «по горячим следам», в особенности если сбор информации проходил направленно. Это записи руссенорска, сделанные О. Броком; записи русского пиджина, использовавшегося вдоль КВЖД А. Яблонской; записи пиджина, на котором говорили в Маньчжурии и Владивостоке, А.Г. Шпринцына.

IV. Записи языка в живом употреблении и записи, сделанные у информантов-вспоминателей

Существенным моментом является также и то, насколько тот, кто фиксирует пиджин, сам был свидетелем живого использования этого языка. Во многих случаях лингвисты опрашивали людей, которые пользовались пиджином в прошлом и вспоминали фразы, слова, моделировали диалоги. Это относится в первую очередь к записям О. Брока, который опрашивал норвежских моряков, ранее участвовавших в поморской торговле, а также к записям А. Яблонской, собиравшей материал у поляков, когда-то работавших на КВЖД. Причем во втором случае временной разрыв был уже довольно значительным (не менее

двадцати лет). Этот недостаток разделяют и современные аудиозаписи пиджинной речи. За редким исключением записывается речь единичных носителей, которые уже достаточно хорошо понимают обращенную к ним речь на русском языке. Исключением являются записи, сделанные в поселке Кука, где пиджин был языком семейного общения, и по крайней мере один из участников коммуникации плохо понимал русскую речь.

По данному параметру нестрогая фиксация пиджина писателями, путешественниками и мемуаристами оказывается более валидной, поскольку они сами наблюдали пиджин в живом употреблении.

Как мы видим, ценность того или иного источника зависит от того, какие цели ставит перед собой исследователь. Например, статья А. Яблонской (Jabłonska 1957) может случить лишь ограниченным источником для анализа грамматической структуры и словаря пиджина, поскольку содержит несколько фразовых примеров и значительное количество отдельных слов. Однако здесь подробно разбираются «европейский» и «китайский» этнолекты пиджина, обращается большое внимание на фонетический облик слов. Для изучения грамматической системы пиджина более интересны данные В.К. Арсеньева (Арсеньев 1983), который не был лингвистом, однако записывал живой язык, приводя связные отрывки текстов. Однако произносительные особенности либо не фиксируются вовсе, либо передаются очень приблизительно.

Таким образом, материалами по изучению русских пиджинов можно считать любое цитирование говорящих на этих идиомах, будь то научная или художественная литература, при этом объем цитат также может быть любым (от одного слова до связного текста), а сами говорящие могут быть носителями как базилекта, так и мезолекта³⁹.

Ниже приводится список основных источников по русским пиджинам. Эти записи сделаны в разное время и с разными целями. Дается краткая характеристика важнейших из источников.

При перечислении основных источников по русским пиджинам принят следующий порядок: сначала будут рассмотрены записи, сделанные лингвистами, а затем записи, почерпнутые из художественной и другой ненаучной литературы. Внутри каждого из разделов источники приводятся в хронологическом порядке их создания.

Записи пиджина в научной литературе

К этой группе источников относятся записи пиджина, сделанные с научными целями, прежде всего, в них в той или иной степени дается лингвистическая характеристика данного идиома. Ниже перечислены научные статьи, содержащие оригинальный материал по русским пиджинам.

Заметка о.Иакинфа (Бичурина) (далее в примерах **Bch**) (Бичурин, 1831). Первое замечание о русских пиджинах, содержащая языковой материал. Заметка была напечатана в газете Московский телеграф за 1831 год и содержит пятнадцать фразовых примеров на кяхтинском языке. Здесь же имеется указание на существование у китайских купцов особых словарей «с русским переводом, написанных китайскими буквами».

время: первая половина XIX века;

место: г. Кяхта;

коммуниканты: русские и китайцы;

записанные этнолекты: китайский;

вариант: базилект.

³⁹ О терминах «базилект», «мезолект», «акролект», см. раздел «Постпиджинный и посткреольский континуум». В креолистике он используется обычно для разграничения вариантов пиджина или креола в ситуации постпиджинного или посткреольского континуума, т. е. в синхронии. Я использую эти термины для разграничения вариантов пиджина как в синхронии, так и в диахронии, поскольку наиболее удаленные от лексификатора варианты (базилект) со временем полностью вытеснились; на разных территориях это вытеснение происходило с различной скоростью.

Статья С.Н. Черепанова (далее в примерах: **Chr**), (Черепанов 1853). Первая крупная лингвистическая работа по русским пиджинам. Она содержит достаточно пространные образцы текстов на пиджине: диалог между торговцем-китайцем и русской покупательницей; письмо, написанное на пиджине; а также заметки по его грамматике. Это памятник «кяхтинского языка»⁴⁰, характеризовавшегося достаточно высокой степенью стандартизации. Скорее всего, тексты – творчество самого С.Н. Черепанова.

время: конец первой половины XIX века;
место: г. Кяхта;
коммуниканты: русские и китайцы;
записанные этнолекты: китайский, русский;
вариант: базилект.

Очерк А. Александрова (далее в примерах: **Al**) (Александров 1884) опубликован на русском языке в Варшаве. Приводится несколько фраз и словосочетаний, при этом автор обращает основное внимание на фонетическую сторону произношения китайцами русских слов. Пиджин назван «маймачинским наречием»⁴¹; по-видимому, автор хотел подчеркнуть тем самым, что пиджин был создан в значительно большей степени китайцами, а не русскими.

время: середина XIX века;
место: г. Маймачин;
коммуниканты: русские и китайцы;
записанные этнолекты: китайский;
вариант: базилект.

Заметка Г. Шухардта (далее в примерах: **Sch**) (Шухардт 1884). Краткая статья о «маймачинском наречии», отклик на заметку А. Александрова. Содержит несколько фразовых примеров на пиджине. Описывается вариант, близкий к кяхтинскому, хотя язык также назван маймачинским. Возможно, Г. Шухардт также относил его на территорию Китая или просто повторил название, использованное А. Александровым.

время: середина XIX века;
место: г. Маймачин;
коммуниканты: русские и китайцы;
записанные этнолекты: китайский;
вариант: базилект.

Статья С.А. Врубеля (далее в примерах: **Vr**) (Врубель 1931) посвящена китайскому этнолекту русского пиджина. Она содержит несколько десятков фразовых примеров на пиджине, в том виде, в каком он употреблялся китайцами, жившими в 1920-х годах во Владивостоке. К сожалению, в статье нет ни одного связного текста. Многие из записанных С.А. Врубелем примеров можно толковать и как сино-язычный пиджин, поскольку они целиком составлены из лексем китайского происхождения. Примеры, которые даёт Врубель, возможно, следует рассматривать не как устойчивый пиджин, а как «жаргон», продукт вторичной гибридизации по К. Уинному⁴² – «идиом», который, по сути, является собранием недоученных вариантов языка – вроде немецкого языка гастарбайтеров. Недостатки статьи С.А. Врубеля во многом определяются его теоретическими установками: статья была написана в духе «нового учения о языке»⁴³, и ее целью был показ того, как именно происходит языковое «скрещение».

время: 1920-е годы;

⁴⁰ Пиджин, использовавшийся в приграничной Кяхте, где была сосредоточена торговля с Китаем.

⁴¹ «Маймачин (по-китайски торговое место) – в Монголии общее название торговых предместий, которые обыкновенно стоят отдельно от городов и обнесены деревянной стеной; в них живут купцы, без семейств. В частности, М. называется кит. слобода, расположенная в Монголии у русской границы, напротив Кяхты» (Брокгауз 1896: 381). В действительности, как указывает Ян Цзе, Маймачен по-китайски означает «город по продаже лошадей» (Ян Цзе 2007, 69).

⁴² см. Глава 1, раздел *стабилизация пиджина*.

⁴³ «Новое учение о языке» – система взглядов по вопросам общего языкознания, выдвинутая в 20-е гг. XX века Н.Я. Марром; в ней отрицались достижения сравнительно-исторического языкознания, предполагалось, что существующие языковые семьи сложились путём «языкового скрещения» (подробнее см.: Алпатов 1991).

место: г. Владивосток;
коммуниканты: китайцы и русские;
записанные этнолекты: китайский;
вариант: базилект.

Статья А. Яблонской (далее в примерах: **Ja**) (Jabłonska 1957) представляет собой описание элементов русского пиджина в том виде, в каком он употреблялся служащими польского происхождения, обслуживающими работу КВЖД⁴⁴. В статье приводятся отдельные фразовые примеры, анализируются различия между китайским и «европейским» этнолектами. История создания статьи неизвестна, скорее всего она была написана на основании данных, собранных у бывших сотрудников КВЖД, вернувшихся в Польшу после Второй мировой войны.

время: первая половина XX века;
место: г. Харбин, китайский участок КВЖД;
коммуниканты: русские, поляки и китайцы;
записанные этнолекты: «европейский», китайский;
вариант: базилект.

Материалы А.Г. Шпринцына (далее в примерах: **Shr**) (Шпринцын 1932, 1968, Шпринцын арх). Автор опубликовал только две статьи, которые разделяет более тридцати лет. Первая – отклик на работу С.А. Врубеля; вторая – краткий анализ материалов по русскому пиджину, собранных автором в 1920–1930 годах во Владивостоке и Маньчжурии. Обе работы посвящены, главным образом, китайскому этнолекту пиджина. Статья 1968 года основывается на обширных материалах и представляет собой «верхушку айсберга», т. к. значительно большее количество материалов находится в архиве А.Г. Шпринцына, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке (Санкт-Петербург). Архивные материалы содержат большое количество как фразовых примеров, так и текстов, в том числе фольклорных.

время: первая половина XX века;
место: г. Владивосток, Маньчжурия;
коммуниканты: русские и китайцы;
записанные этнолекты: китайский, русский;
вариант: базилект.

Статья М. Хасановой (далее в примерах **Hs**) (Хасанова 2000) посвящена описанию лингвистических результатов языкового контактирования негидальского и русского языков. По-видимому, автор не занимался целенаправленной фиксацией пиджина, а записывал наиболее типичные примеры, который следует рассматривать как полевой материал.

время: 1970-1980-е годы;
место: пос. Владимировка Хабаровского края;
коммуниканты: русские и негидальцы;
записанные этнолекты: негидальский;
вариант: мезолект.

Три статьи Е.А. Хелимского (Хелимский 1987, Хелимский 1996, Хелимский 2000) представляют собой очерк истории и грамматики таймырского пиджина, вошедшего в научный оборот под названием *говорка* (далее: **Gv**). Статьи содержат некоторое количество фразовых примеров, а также небольшой связный текст.

время: середина XX века;
место: п-ов Таймыр;
коммуниканты: русские и нганасаны, энцы, восточные ненцы, долганы, эвенки;
записанные этнолекты: нганасанский;
вариант: мезолект.

⁴⁴ Китайской восточной железной дороги, построенной Россией на китайской территории в 1903 г., управление которой находилось в г. Харбин.

Статьи Д. Штерна (Stern 2002 и особенно 2005) посвящены, главным образом, *говорке* – таймырскому пиджину, и содержит очерк его внешней истории, а также истории изучения русскоязычных пиджинов вообще. Приводятся замечания по грамматике данного пиджина и и большое количество фразовых примеров.

время: вторая половина XX века;

место: п-ов Таймыр;

коммуниканты: русские и нганасаны;

записанные этнолекты: нганасанский;

вариант: мезолект.

Материалы по руссенорску (русско-норвежскому пиджину) (Broch 1927, Broch 1930, Broch, Jahr 1981; 1990) были собраны и опубликованы Олафом Броком в 1927-1930 гг. и позднее были дополнены внучкой О. Брока Ингрид Брок, которая работала в соавторстве с Э. Яром. Все материалы по этому пиджину представляют собой фразовые примеры, среди которых есть несколько кратких образцовых диалогов, одно поэтическое произведение (четверостишие), но ни одного связного текста (нарратива).

время: начало XX века;

место: р-н Баренцева моря;

коммуниканты: норвежцы и русские;

записанные этнолекты: норвежский, русский;

вариант: базилект.

Аудиозаписи

В данную группу вошли источники, которые представляют собой расшифровку аудиозаписей, сделанных автором данной работы в период с 1985 по 2004 годы. Особенность данной группы источников состоит в том, что записывалась живая речь людей, говорящих на пиджине (базилектные и мезолектные формы). Большинство информантов не владели русским языком и могли изъясняться только на пиджине, в том числе когда к ним обращались по-русски. В то же время большинство этих людей пассивно понимали русскую речь, т. к. в последние годы жили в русскоязычных сообществах. Исключение составляют записи, сделанные в посёлке Кукаан Хабаровского края, где пиджин был языком семейного общения. Однако и в этом случае, за пределами конкретной семьи, пиджин также не использовался. Таким образом, записывалась речь людей, которых можно определить следующим образом: в прошлом они являлись носителями пиджина и продолжают употреблять пиджинные формы в настоящее время; однако такие формы варьируют с формами, приближенными к формам собственно русского языка.

Дополнительной особенностью этой группы источников является то, что записывалась спонтанная устная речь, и к пиджинным характеристикам прибавились особенности, свойственные устной речи вообще: паузы, гезитации, повторы, фальстарты, эллипсис, незаконченные предложения. Это затрудняет интерпретацию текстов, поскольку следует отделять черты собственно пиджина от черт разговорной речи как таковой.

В моем распоряжении имелись следующие магнитофонные записи речи на русском пиджине:

Бикинский вариант (далее в примерах: **Bk**), расшифровка аудиозаписей (общая длительность – около двух часов), сделанных мною совместно с Ф.А. Еловой (в 1985 г.), а также совместно с В.В. Барановой (в 2004 г.) в селе Красный Яр Пожарского района Приморского края у удэгейцев. Данный вариант можно охарактеризовать как удэгейский этнолект, форму пиджина как мезолект (у некоторых информантов как мезолект, близкий к базилекту).⁴⁵

время: вторая половина XX века;

место: север Приморского края, Пожарский район;

⁴⁵ Анализ некоторых особенностей этого варианта пиджина см. в (Елова, Перехвальская 1986; Елова, Перехвальская 1987).

коммуниканты: русские и удэгейцы;
записанные этнолекты: удэгейский;
вариант: мезолект.

Записи из поселка Кукан (далее в примерах: **К** и **Кк**) представляют собой расшифровку 90-минутной магнитофонной записи, сделанной в 1990 году мною совместно с В.И. Беликовым в пос. Кукан Хабаровского края. Данный вариант является собственно китайско–русским пиджином. Во время, когда производилась запись, этот идиом служил средством семейного общения (домашним языком) между отцом, китайцем Ли-Юан-Чинем (1911 г. р.), с его сыном, Виктором Тарасенко (1953 г. р.) и тремя внуками (1976, 1979 и 1984 гг. рождения). Речь Ли-Юан-Чина (в примерах – **К**) представляет собой базилект со многочисленными мезолектными вставками (китайский этнолект); речь В. Тарасенко (**Кк**) ещё более приближена к мезолекту (русский этнолект). Это единственная аудиозапись русского этнолекта русско-китайского пиджина, а также диалогов на этом языке.

время: вторая половина XX века;
место: юго-западная часть Хабаровского края, Еврейская АО;
коммуниканты: китайцы и русские;
записанные этнолекты: китайский, русский;
вариант: базилект с чертами мезолекта.

Этнолект тазов (далее в примерах: **Tz**). Расшифровка аудиозаписей (около 30 минут), сделанных в 1990 г. у представителей старшего поколения тазов⁴⁶. Записи сделаны мною совместно с В.И. Беликовым в пос. Михайловка Ольгинского района Приморского края. Речь самых старших представителей тазов можно охарактеризовать как мезолектную, для неё характерна очень высокая степень вариативности, в речи даже самых старших представителей тазов встречаются и акролектные формы.

время: вторая половина XX века;
место: юг Приморского края, Ольгинский район;
коммуниканты: тазы (уссурийские нанайцы) и русские;
записанные этнолекты: этнолект тазов;
вариант: мезолект, часто с чертами акролекта.

Художественная, и мемуарная литература, записки путешественников

Ниже перечислены тексты, содержащие цитации на пиджине. Многие из них дают достаточное количество фразовых примеров, диалоги, нередко отрывки связных текстов; в некоторых источниках сделана попытка передать фонетические особенности речи на пиджине. Этими источниками ни в коей степени не следует пренебрегать, поскольку многие из них были составлены людьми, которые сами владели пиджином и употребляли его. Вследствие этого ценность некоторых из этих источников представляется весьма высокой. Разумеется, эти записи также делались «по памяти», и не являются фиксацией спонтанной речи. Однако таковыми не являются и записи С.Н. Черепанова, хотя они по общему мнению представляют собой важнейший источник для изучения кяхтинского варианта русского пиджина. Г. Шухардт и А. Александров, а возможно, и А. Яблонска, основывали свои очерки на чужом материале, скорее всего на сообщениях тем же самых «очевидцев», чем и объясняется краткость этих очерков и малое количество содержащегося в них языкового материала. То же самое касается материалов О. Брока по руссенорску – они представляют собой собрание отдельных фраз, которые ещё могли вспомнить сами участники русско-норвежской торговли (через много лет после того как эта торговля закончилась), а также письменных свидетельств, почерпнутых из той же самой художественной и публицистической литературы (как норвежской, так и русской). По справедливому замечанию Дж. Никольс, «Можно пред-

⁴⁶ Тазы – китаеязычное национальное меньшинство, проживающее в Ольгинском районе Приморского края. Тазы являются потомками уссурийских нанайцев, перешедших на китайский язык в первой половине XX вв. (о тазах см. Бритова, Самарина 2005).

положить, что в произведениях художественной литературы зафиксирован “язык для иностранцев”, поскольку высказывания были составлены самим автором, в то время как в нехудожественной литературе мы находим “ломаный язык” как таковой, поскольку данные диалоги имели место в действительности. Однако очень часто научные работы писались через несколько десятилетий после того, как были услышаны и записаны отдельные фразы, и многое оказалось забыто, а художественные произведения, как правило, писались людьми, которые сами жили в этих местах и которые могли очень точно зафиксировать особенности такой “ломаной” речи» (Nichols 1980, 400).

Памятники данного типа характеризуются тем, что в противоположность многим лингвистическим работам, дают большое количество языковых примеров конкретного бытования данного идиома – в диалогической, реже в монологической речи. При этом, разумеется, эти особенности используются как речевая характеристика человека, как способ создания адекватного местного колорита. Поэтому регистрация особенностей пиджинов, как и многих других особенностей речи персонажей в художественной литературе, является непоследовательной (как и передача в литературе иностранного акцента, дефектов речи, диалектных и даже просторечных черт). Тут следует отметить такую характерную черту передачи устной речи в художественной литературе, как «задание языковых параметров». Автор может отразить особенности идиолекта персонажа в нескольких первых предложениях, а затем перейти на обычный русский язык. В этом случае автор задаёт параметры речи данного человека – фонетические, морфологические, синтаксические особенности, а затем отвлекается от них, сосредотачивая внимание на передаваемой информации. При этом подразумевается, что заданные в начале текста языковые параметры сохраняются. Если этого не делать, а методично продолжать фиксировать акцент, дефект речи и т. п., текст становится трудным для восприятия. Поэтому часто автор как бы «пересказывает» речь персонажа, хотя она может быть и отмечена как прямая.

В качестве примера приведу выдержки из произведений В.К. Арсеньева. В некоторых случаях он достаточно точно передаёт речь на пиджине, причём на базилекте: *Глаза есть, посмотри не могу, понимай нету* (Ag) ‘Глаза у тебя есть, но ты ничего не видишь, ничего не понимаешь’. Единственное возражение может вызвать фонетический облик слова *есть* — в базилекте он звучал, скорее всего, как *еси*. Однако такого рода примеры соседствуют с другими, где попадаются формы, заведомо невозможные в пиджине, и не только в базилекте, но и в мезолектных формах: *Царь есть, много всяких капитанов есть и хунхузы есть* (Ag) ‘[В той стране] есть царь, есть много разных начальников, есть и разбойники’. О том, что передаётся речь на пиджине, бесспорно свидетельствует только специфическое употребление слова *капитан* ‘господин; уважаемый человек, облечённый властью’, и в меньшей степени слово *хунхуз* ‘таёжный разбойник обычно китайского происхождения’. Однако здесь же находим невозможный, пожалуй, даже в акролекте родительный падеж множественного числа, зависящий от квантификатора «много»: *много всяких капитанов*. Это явный пересказ слов персонажа (Дерсу Узала). Часто такие «русские» вкрапления оказываются менее заметными: *Чего-чего рыба кушай, потом кабан рыбу кушай, теперь надо наша кабана кушай* (Ag) ‘Сначала рыба что-то съедает, потом кабан съедает эту рыбу, а теперь мы будем есть этого кабана’. Формы винительного падежа *рыбу* и *кабана* являются «русскими вкраплениями», падежные формы вообще невозможны в базилекте – а на то, что перед нами базилект бесспорно указывает глагол в «абсолютной» форме. Тем не менее эти формы понадобились Арсеньеву, чтобы не затемнять актантную структуру предложения, поскольку «*кабан рыба кушай, наша кабан кушай*» могут быть проинтерпретированы неоднозначно. Кроме того модальное слово *надо* в пиджине должно занимать позицию после глагола «*теперь наша кабан кушай надо*», примеров именно такого положения модальных слов множество у того же Арсеньева, однако в этом предложении он изменил порядок слов, по-видимому, с той же целью – сделать предложение понятным для читателя.

Приведенные примеры показывают, что помимо использования метода «задания языковых параметров» писатели, передающие указанные особенности речи персонажей, часто

прибегают к методу «пересказа речи» средствами русского литературного языка, причем эти «вкрапления» могут быть не только предложениями, но даже отдельными словами.

Такие источники, как произведения В.К. Арсеньева, А.А. Фадеева, В.Я. Шишкова, путевые заметки С. Максимова, публицистическая книга А.М. Хазанович «Мои друзья нганасаны» (нелингвистические источники) тем не менее принадлежат людям, которые сами хорошо знали пиджин, и, по-видимому, говорили на нём. Стоит сравнить степень достоверности их записей с материалами, которые приводит в своей статье А. Александров (источник «лингвистический»). Попутно замечу, что А. Александров основывает свой очерк на материалах, почерпнутых из двух дневников путешествий (Rejchman 1878, Пясецкий 1880).

В своём очерке А. Александров приводит несколько «типичных» фраз и выражений, обращая внимание на фонетическую сторону произношения китайцами русских слов. Он указывает на такие характерные черты, как отсутствие групп согласных, замену /š/ на /s/, а /r/ на /l/. В морфологии отмечается «распространение одной формы на другие». Так, в существительных и прилагательных «окончание –а сделалось общим и единственным для форм мужского и женского рода единственного и множественного числа, а также для наречий» (Александров 1884, 163).⁴⁷ Однако приводимые Александровым примеры вызывают недоверие, ср.: *kalasy* ‘хорошо’ *tópyla l’út’i* ‘добрые люди’ *majá sa tyvajá fčalá xat’i pylá* ‘я у тебя вчера был (была)’. В этих и подобных примерах русские звонкие последовательно заменены глухими, и при этом отмечается палатализация согласных, как это имеет место в русском языке, место ударения также соответствует месту ударения в русских словах. К тому же для слова *вчера* указано произношение *fčalá*, однако в пиджине такое скопление согласных в начале слова невозможно (*твая* передается как *tyvajá*). Варианты произношения, приведённые А. Александровым, не подтверждаются другими источниками – в интервокальной позиции произносится слабый согласный (звонкий) – *xadi* ‘ходить’, *l’údi* ‘человек’. Удивляет также место ударения в слове *pylá* ‘был/была’, все остальные источники единодушно дают: *býla* с ударением на первый слог. Таким образом, данный лингвистический источник оказывается также не совершенно надёжным. Поэтому материалы, почерпнутые в ненаучной литературе, необходимо использовать с учетом указанных особенностей этих источников.

К таким источникам относятся произведения как литературы XIX века (Л.Н. Толстой, С.Т. Аксаков, И.А. Гончаров), так и литературы XX века – художественной (В.Я. Шишков, А. Фадеев) и мемуарно-публицистической (В.К. Арсеньев, Семён Бытовой, Ю.Б. Симченко, А. Шелудяков) и др.

Среди нелингвистических источников, которые следует упомянуть в данном разделе, нужно выделить особо следующие произведения, авторы которых, во-первых, редко пользуются приёмом «задания языковых параметров», и с большей последовательностью отражают особенности речи персонажей на всём её протяжении, стремясь как можно более точно отразить особенности конкретного идиолекта. Эти произведения включены в общий список источников по русским пиджинам:

С.Т. Аксаков (далее в примерах: **Ak**): В его книге «Детские годы Багрова-внука», русский пиджин звучит в сцене встречи русского помещика и башкир.

время: конец XVIII века;

место: Башкирия;

коммуниканты: башкиры и русские;

записанные этнолекты: башкирский, русский;

вариант: мезолект, часто с чертами акролекта.

В.К. Арсеньев (далее в примерах: **Ar**), книги “Дерсу Узала”, “Сквозь тайгу”, “Лесные люди удэгейцы”, “В горах Сихотэ-Алиня”, “По Уссурийскому краю” – многочисленные цитации речи нерусского населения уссурийской тайги.

время: начало XX века;

⁴⁷ В действительности, как верно указал Г. Шухардт в своём отклике на заметку А. Александрова, «это явление имеет чисто фонетическое основание <...> берётся в представители всех падежей имён мужского рода родительный собственно на –а, который при сходстве с винительным в словах, обозначающих одушевленные предметы, является самым употребительным падежом» (Шухардт 1884, 319).

место: юг Хабаровского края, Приморский край;
коммуниканты: русские и уссурийские нанайцы, удэгейцы, китайцы;
записанные этнолекты: нанайский (уссурийский), удэгейский, китайский, русский;
вариант: базилект, иногда с чертами мезолекта.

А.А. Фадеев (далее в примерах: **Fd**): Роман «Последний из удэге», русский пиджин используется при общении русских с китайцами, корейцами, удэгейцами.

время: 1920-е годы;
место: Приморский край;
коммуниканты: русские и удэгейцы, китайцы, корейцы, нанайцы;
записанные этнолекты: «местный», русский;
вариант: базилект.

В.Я. Шишков (далее в примерах: **Shk**): Роман «Угрюм-река», русский пиджин звучит в сцене встречи русских купцов и тунгусов (эвенков).

время: конец XIX века;
место: Восточная Сибирь;
коммуниканты: русские и эвенки;
записанные этнолекты: эвенкийский;
вариант: базилект, часто с чертами мезолекта.

Л.Н. Толстой (далее в примерах: **Тl**): Повесть «Кавказский пленник», рассказ «Набег» – примеры речи на пиджине представителей северокавказских народов.

время: первая половина, середина XIX века;
место: Северный Кавказ;
коммуниканты: русские и народы Северного Кавказа;
записанные этнолекты: «кавказский»;
вариант: мезолект, часто с чертами акролекта.

В XX веке появились и другие произведения, где была отражена речь представителей народов Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока. Назову лишь некоторые, представляющие наиболее ценный материал.

Арамулов И. Путешествие на Кульдур. Рассказы охотника. М., Советский писатель, 1951.

Бронский Б.Ш. На золотой Колыме. Воспоминания геолога. М., 1965.

Бытовой С. Поезд пришёл на Тумнин. Л., Советский писатель, 1951.

Симченко Ю.Б. Зимний маршрут по Гыдану. М., 1975.

Хазанович А.М. Мои друзья нганасаны. М., 1986.

Шелудяков А. Из племени кедра. М., 1972.

Работы по теории языковых контактов

Отдельные фразовые примеры на русских пиджинах встречаются в научной литературе, посвященной проблематике языковых контактов. Описания русских пиджинов (обычно в ситуации постпиджинного континуума на стадии мезолекта) можно найти в лингвистических статьях, посвященных вариантам русской речи той или иной этнической группы. Авторы не всегда чётко различают собственно пиджинные формы и интерферированные варианты русского языка. В ряде случаев мезолектные формы пиджина принимались за «искаженную, ломаную речь». Особенностью этого класса источников является то, что в них достаточно подробно описывается фонетика, значительно меньше внимания уделено морфологии и синтаксису, отсутствуют связные тексты на описываемых идиомах. Имеющиеся примеры, как правило, – это отдельные слова или фразы, обычно довольно короткие. К таким источникам следует отнести:

Богородицкий В.А. Неправильности русской речи чуваш – Этюды по татарскому тюркскому языкознанию, Казань, 1933.

Володин А.П. О влиянии русского языка на ительменский – Russian linguistics, 1994, Vol. 18, N 3, pp. 323-340.

Селищев А.М. Русский язык у инородцев Поволжья – Slavica, 1925, вып. 4, сс. 26-43.

Селищев А.М. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис – Уч. зап. Ин-та языка и литературы, 1927, Т. 1, сс. 34-71.
Убратова Е.И. Язык норильских долган, М., 1969.

Материалы по другим контактным языкам, сформировавшимся при участии русского языка

Среди источников безусловно следует упомянуть работы, посвящённые другим типам контактных языков, сформировавшимся при участии русского языка. Это, прежде всего, Медновский язык (Меновщиков 1964; Вахтин 1985; Головкин, Вахтин 1990; Головкин 1994; 1996b; 2003; 2005). Своеобразный «смешанный язык», возникший в результате контактов русского языка с алеутским. Медновский язык представляет собой в некотором роде «перевернутую» ситуацию по отношению к русским пиджинам, поскольку его отличительной чертой оказывается совмещение алеутской лексики и словообразования с русской словоизменительной морфологией. Медновский язык, безусловно, стоит совершенно особняком среди контактных языков, сформировавшихся при участии русского языка, и в строгом смысле не принадлежит к русским пиджинам, поскольку языком-лексификатором для него послужил алеутский язык, а не русский. Рассмотрение истории формирования и функционирования медновского языка выходит за рамки данной работы. Я отошлю читателя к работам, раскрывающим данную проблематику.

Как мы видим, уже одно перечисление и краткая характеристика источников, откуда были почерпнуты материалы по русским пиджинам, показывает, что сложность изучения сибирского пиджина коренится вовсе не столько в скудости данных, сколько в чрезвычайной неоднородности материалов по этому идиому. Возникает парадоксальная ситуация: языковых материалов по руссенорску в общей сложности сохранилось значительно меньше, чем по сибирскому пиджину, однако исследован этот язык очень подробно и значительно лучше, чем другие русские пиджины. Материал по говорке невелик, собирался лишь в последние двадцать лет, но публикаций по ней за это время вышло столько же, сколько по сибирскому пиджину. При этом по-прежнему больше всего исследователей занимается именно руссенорском. Причина сложности изучения сибирского пиджина коренится в разнородности данных по этому идиому. Временной разброс составляет более 200 лет, территориальный – от Поволжья до Приморского края. Для сравнения – материалы по руссенорску охватывают несколько десятилетий с конца XIX по начало XX вв, все они были собраны на небольшой территории в северо-восточной Норвегии недалеко от русской границы.

Вариативность материалов связана с тем, что в них одновременно присутствуют:

- более ранние и более поздние варианты;
- ареальные варианты, возникшие на отдельно взятых территориях;
- этнолектные варианты, различающие речь людей в соответствии с их родным языком, даже если они являются коммуникантами в рамках одной и той же ситуации (этнолект китайца будет отличаться от этнолекта корейца и, тем более, от этнолекта русского или поляка);
- базилектные/мезолектные/акролектные варианты, зависящие от степени сохранности в языке специфических пиджинных форм.

Все эти параметры варьирования следует учитывать при выявлении некоторого инварианта, «идеальной» базилектной формы сибирского пиджина, которая менялась со временем, изменяясь по-разному на разных территориях, принимала несколько иной вид в устах носителей разных языков. Выявление такого инварианта, а также рассмотрение его изменения во времени и пространстве, и составляет одну из целей данной книги.

История изучения русских пиджинов

Начало изучения русских пиджинов. Г. Шухардт.

Как и другие пиджины, торговые жаргоны, смешанные языки и т. п., пиджины на русской лексической основе не привлекали внимания исследователей, а соответствующие формы считались языковедами, как и вообще говорящими по-русски, «испорченной, ломаной» речью, не заслуживающий ничего, кроме порицания. Такой оценочный подход к ненормированным вариантам языка был характерен не только для России, но и для других стран. Он связан, прежде всего, с пониманием языкознания как предписывающей науки, задачей которой является насаждение «правильных» форм языка, а также запрет тех форм, которые выходят за пределы нормы⁴⁸. С этой точки зрения, формы пиджина, которые нарушали не только нормы литературного языка, но и законы русского языка вообще, и которые целиком состояли из «аграмматичных высказываний», не могли представлять интереса для науки, поскольку а priori предполагалось, что эти формы языка лишены какой-либо внутренней логики, представляют собой хаотичное сочетание «исковерканных» слов, и, следовательно, анализ этого идиома невозможен и не нужен.

Важность изучения пиджинов и других контактных языков для понимания процессов глоттогенеза также не осознавалась, равно как и вообще проблематика языковых контактов, как важнейшего стимула и причины языковых изменений.

В западноевропейской лингвистической традиции первым к изучению пиджинов и креольских языков приступил Г. Шухардт, причем его интерес к языкам такого типа диктовался прежде всего общетеоретическими установками. Г. Шухардт, «диссидент от младограмматиков», обратился к изучению языковых контактов, рассчитывая проверить известный тезис младограмматиков о том, что смешанных языков не бывает, и каждый язык является результатом развития только одной языковой линии. Г. Шухардт первым описал несколько креольских языков (Schuhardt 1882); он же был автором небольшой заметки о «китайско-русском пиджине» (Шухардт 1884). Он первым ввел этот материал в международный научный оборот, хотя отдельные записи языков такого типа, сформировавшихся на основе западноевропейских языков, прежде всего французского, появлялись и ранее (см. библиографию литературы по пиджинам и креольским языкам: Reinecke, Tsuzaki 1975).

XIX век: «Кяхтинский язык» или «маймачинское наречие»

Первое сообщение о существовании в пограничной Кяхте особого «торгового языка», как считается, появилось в путевых очерках Е.Ф. Тимковского, вышедших в 1824 году (Тимковский 1824)⁴⁹. Эти очерки, однако, не содержали собственно языковых примеров. Во втором томе своих путевых заметок Е.Ф. Тимковский пишет, что для общения при торговле в Кяхте появился своеобразный язык, представляющий из себя «сильно испорченный русский», которым овладевали купцы, выходцы из Китая. Это было «смешанное наречие, на коем производят важные коммерческие дела Шааньсийцы на Кяхте с нашими купцами, которые никогда не учатся по-китайски» (Тимковский 1824, II, 180-181). Вслед за Тимковским в путевых заметках, рассказах очевидцев появляются все новые свидетельства о существовании в Кяхте особого «языка», приводятся отдельные слова и выражения (см., например, Бичурин 1831; Рассказы 1849).

Первой лингвистической публикацией, посвященной русскому пиджину, и содержащей грамматический разбор языка, а также тексты, была статья С.Н. Черепанова о языке, который был назван автором «кяхтинский язык» (Черепанов 1853). Кяхтинский язык, таким образом, был первым пиджином на русской лексической основе, который привлек внимание

⁴⁸ Для иллюстрации такой точки зрения на грамматику и задачи лингвистики приведу цитату из статьи В.А. Звегинцева: «И понимание нормы формулировалось затем почти что на языке уголовного кодекса: “Носители литературной нормы не могут не подчиняться норме... Общество предписывает её (норму) своим носителям как категорию обязательную. Нарушения нормы остро воспринимаются обществом, фиксируются им и осуждаются”. А если всё же происходят отклонения от предписаний академической грамматики и возникают “употребления ненормативные”, то они “требуют фиксации и запретительных характеристик” (Шведова 1977: 300). Читая эти строки, ощущаешь чувство незаконченности: им явно не хватает перечисления мер пресечения отклонению от нормы» (Звегинцев 1996: 24-25).

⁴⁹ Имеются косвенные свидетельства существования русских пиджинов в предыдущие эпохи, ср. упоминание формы «моя» в русском азбучнике в XVII веке (Алексеев 1968, 141).

лингвистов, что, по-видимому, было следствием высокой степени его стандартизации. Стандартизация кяхтинского торгового языка происходила сознательно с китайской стороны: китайским купцам вменялось изучение «русского языка», т. е. русского пиджина, в их распоряжении имелись соответствующие разговорники и словари, где русские слова (слова русского пиджина?) записывались китайскими иероглифами (Александров 1884, 160). «С этой целью в Калгане (Чжянцзякоу) была открыта специальная школа...» (Беликов 1997, 96).

Экземпляр такого разговорника имелся в рукописном отделе Института Востоковедения (Санкт-Петербург). Он упомянут в «Кратком обзоре небуддийской части китайского рукописного фонда ИВАН СССР», сделанного К.К. Флугом: «Из рукописных словарей и пособий для переводчиков занимателен китайско-русский тематический словарь Э ло сы фань юй, предназначавшийся, вероятно, для китайских купцов. Вторая его часть состоит из отдельных русских фраз, переданных при помощи китайских знаков, причем значение этих фраз уловить иногда довольно трудно. Так, например, фраза, звучащая в пекинском произношении: Ду-лу-гуай ма-нянь-эр нянь-ду, означает “другой манер (сорт) нету”, а Ди-би гэ-дао-эр-ли чи-лао-вэй-кэ “тебе который человек” соответствует, вероятно, русскому “откуда ты родом” и т.д.» (Флуг 1935, 92).

С.Н. Черепанов указывает, что для составления этих разговорников привлекались монголы, игравшие роль ранее роль посредников при торговых сделках. Это представляется вероятным, так как именно монгольский был первоначально местной лингва франка, по крайней мере все китайские купцы во второй половине XVIII – начале XIX веков знали монгольский язык (Stern 2005, 176-177).

По-видимому, именно благодаря стандартизации кяхтинского торгового пиджина, он первым был осознан как особый язык, который имел некую норму *de facto*, и который приходилось специально учить. Поэтому именно этот идиом был «открыт» языковедами, и ему были посвящены первые очерки о контактных языках на русской основе. Таких очерков в течение второй половины XIX века вышло несколько, считая краткую статью С.К. Булича из энциклопедии Брокгауза и Евфрона, подписанную инициалами С. Б-ч. (Булич 1896). Статья в энциклопедии написана на основе упоминавшейся статьи С.Н. Черепанова, а также опубликованного в 1884 году очерка А. Александрова «Маймачинское наречие». А. Александров основывал свой анализ на опубликованных записках о путешествиях П.Я. Пясецкого (Пясецкий 1880: 14-23, 363-368) и Б. Рейхмана (Rejchman 1879), т. е. на записях, сделанных не лингвистами. А. Александров изменил наименование языка, сделав тем самым акцент на том, что это не столько язык русского города Кяхта, сколько китайского Маймачина. Он назвал этот язык «маймачинским наречием», и тем самым указал на то, что основными носителями этого идиома были китайцы, а не русские. А. Александров упоминал также и о том, что русские говорят на своём обычном языке, а китайцы отвечают им на пиджине, что связано с тем, что китайцы специально изучают такой язык и, прежде чем приступить к торговле, сдают экзамен на знание русского языка (Александров 1884: 160-161). Данные С.Н. Черепанова, однако, свидетельствуют о том, что русские купцы, обращаясь к китайцам, также использовали пиджин. Существование стабильного пиджина поддерживалась резкой сегрегацией русских и китайцев, которые жили в разных городах и отношения между которыми строго регламентировались китайским правительством.

Статья Г. Шухардта, появившаяся в следующем номере того же периодического издания, была откликом на статью А. Александрова. Хорошо знакомый с другими пиджинами и креольскими языками Шухардт провел аналогии с пиджин-инглиш, и указал на то, «что на кяхтинском (маймачинском) языке говорят не только в Кяхте/ Маймачине, но вдоль всей “сибирско-китайской границы”, особенно вблизи Айгуна–Благовещенска и в окрестностях Владивостока». Вследствие этого, он предлагает назвать язык «китайско–русским». (Шухардт 1884, 318). В то же время Г. Шухардт первым описал, как мы бы сейчас сказали, «этнолектную вариативность» китайско–русского пиджина. «Этот язык торговли не всегда и не всюду бывает одинаков; кажется, особенно оказывают на него влияние, видоизменяя его, рядом с китайским различные языки монгольских и маньчжурских пограничных племен. Если кяхтинские образцы речи существенно не уклоняются один от другого, то не следует

удивляться, что оттенки Владивостокского говора представляют некоторые особенности» (Шухардт 1884, 319).

По сути дела Г. Шухардт поставил тот вопрос, который и поныне по-разному решается креолистами, изучающими русские пиджины. Можно ли считать пиджины, распространённые на разных территориях среди людей с различными родными языками, вариантами одного и того же языка? Сам Г. Шухардт считал именно так. Или все же следует считать их различными языками? Считая их различными, должны ли мы предполагать их независимое формирование? Г. Шухардт высказал также ряд интересных предположений относительно формы, в которой лексемы заимствуются из русского языка в пиджин.

Таким образом, в XIX веке появилось лишь несколько работ, посвященных пиджинам на русской основе, большинство из которых оказываются очень краткими и дают лишь самые общие представления о грамматике этого языка. Все они посвящены кяхтинскому (маймачинскому) языку, хотя Г. Шухардт упоминает о существовании и других вариантов пиджина – владивостокском и айгунском, которые также использовались в китайско–русском языковом взаимодействии. Все остальные существовавшие пиджины, менее стандартизованные, оставались, по-прежнему, вне внимания исследователей.

В то же время в художественной литературе XIX века появляется достаточное количество произведений, содержащих записи пиджинов в качестве передачи речи персонажей. Первым таким свидетельством, известным мне, была речь башкир из «Детских годов Багрова-внука» С.Т. Аксакова. При этом география пиджинов является существенно более широкой, чем считал Г. Шухардт: это Поволжье, Северный Кавказ, Сибирь. Именно из произведений художественной литературы мы узнаём, что контактные языки на русской лексической основе не только не ограничивались Кяхтой и Маймачином, но не ограничивались и контактами с китайцами. Очень сходные формы языка использовались также при общении с другими народами Российской империи. При этом примечательным оказывается тот факт, что в структурном отношении, равно как и в отношении лексического состава, эти языки оказываются очень сходными между собой, а также и с кяхтинским языком.

Изучение русских пиджинов в 20-60е гг. XX века

С 1920-х годов в связи с изменением общетеоретических подходов к изучению языка в мировой лингвистике началось обращение к тем формам бытования языков, на которые ранее не обращалось внимания. Это сказалось и на изучении русских пиджинов. Практически одновременно вышли работы, посвященные двум контактным языкам на русской лексической основе – руссенорску (русско-норвежскому) и сибирскому (китайско–русскому) пиджину (Broch 1927, Broch 1930, Врубель 1931). Эти работы, разумеется, совершенно неравноценны по представленному материалу и по уровню осмысления контактных явлений. О. Брок собрал и опубликовал все известные к тому времени материалы по руссенорску, и его работа до сих пор не утратила своей научной значимости. Статья С. Врубеля была написана в русле «нового учения о языке» и полна вульгарно-социологических объяснений языковых явлений. Однако эта статья была замечена молодым китаистом А.Г. Шпринцыным, работавшим во Владивостоке и Маньчжурии, который написал на неё отклик (Шпринцын 1932), где подверг критике некоторые положения Врубеля, однако высоко оценил сам факт обращения к подобному языковому материалу. По-видимому, статья С. Врубеля дала толчок к сбору материалов по русскому пиджину, который, хотя и не был опубликован в полном объеме, всё же был собран и хранится в отделе рукописей РНБ (Шпринцын, арх).

Исследование О. Брока, главным образом, опубликованные им материалы, ввели руссенорск в международный научный оборот. Немалую роль в этом сыграл, разумеется, тот факт, что они вышли в Норвегии на норвежском языке, всё же более доступном большинству западных лингвистов, нежели русский. В результате материал руссенорска постоянно используется в различных работах по креолистике, в том числе и в самых общих работах по введению в изучение пиджинов и креольских языков (см., например, Дьячков 1987; Holm 2000; Singh 2000). Этот материал, правда, берется из вторых рук и часто довольно

неадекватно интерпретируется, однако руссенорск можно считать самым известным русским пиджином, равно как и самым изученным. Всё это произошло благодаря работам О. Брока.

Исследования остальных пиджинов или вариантов пиджина, которые существовали на территории России, начались позже и проходили с заметно меньшей интенсивностью. После появления статей С. Врубеля и А.Г. Шпринцына о «русско-китайских скрещениях» эта тема надолго была забыта. Характерно, что следующая по времени статья, посвященная русским пиджинам, появилась снова за границей – речь идет о статье А. Яблонской, посвященной русскому пиджину, сформировавшемуся вдоль КВЖД, и в городе Харбине. В этой статье проанализированы в первую очередь фонетические особенности пиджина, здесь впервые четко противопоставлены различные этнолекты внутри одного варианта языка. Рассмотрение этих этнолектов ограничивалось прежде всего рассмотрением фонетических различий между ними, и практически не касалось различий в грамматике и словоупотреблении, однако ценной была сама постановка такой проблематики. Она положила начало «теории этнолектов».

Как известно, в советском языкознании после 1953 года тематика языковых контактов (как следствие критики марровской концепции «языкового скрещения») была практически закрыта. Дискутировался вопрос о возможности языковых взаимовлияний, в частности о влиянии субстрата как причины языковых изменений (см. Дискуссия 1955). В послевоенное время никаких статей, которые были бы посвящены пиджинам на русской основе, не выходило.⁵⁰ Сам факт исследования ненормативных, сильно интерферированных вариантов языка был бы порицаем в условиях интенсивной русификации при проведении политики возвышения «великого и могучего русского языка» (Алпатов 2000: 102-117).

Начиная с 1960-х годов появились несколько небольших, но очень значимых публикаций, касающихся контактных языков на русской основе. Речь идёт о сравнительно небольшой статье А.Г. Шпринцына, опубликованной в альманахе «Страны и народы Востока» (Шпринцын 1968) и статье Г.А. Меновщикова об особенностях языка алеутов о. Медный (Меновщиков 1964). Обе публикации были достаточно краткими, их авторы скорее стремились обозначить явления, чем провести их подробный анализ. В 60-е годы стало возможно писать на эти темы. При этом очевидно, что наблюдения, которые оказались опубликованными в это время, на самом деле делались и раньше: так, известно, что А.Г. Шпринцын собирал материалы по китайско–русскому пиджину в течение нескольких десятилетий, и что основные материалы были им собраны в 1920-30 годы. В результате А.Г. Шпринцын опубликовал лишь небольшую статью, большая часть материалов осталась неопубликованной. Записи А.Г. Шпринцына, в отличие от работы А. Яблонской, лишь приблизительно отражают особенности произношения слов в пиджине. Шпринцын пользовался для записи слова либо кириллицей, либо китайской иероглификой. Обе системы записи могут дать лишь приблизительное представление о звучании слов. Вместе с тем, эти записи дают материал для исследования собственно грамматической структуры пиджина, поскольку в них имеются не только фразовые примеры, но и образцы текстов, в том числе записи фольклора на пиджине. Они проливают совершенно иной свет на бытование китайско–русского пиджина в Маньчжурии и Владивостоке в 1920-1930-е годы. Они показывают, что пиджин в то время значительно расширил сферы своего употребления и вышел за пределы собственного торгового языка.

Материалы Г.А. Меновщикова отражали результаты экспедиции 1962 года и были сразу же опубликованы. При этом, целью экспедиции был сбор материалов по диалектам алеутского языка. Однако столкнувшись с любопытными данными смешанного языка, исследователь предпринял его пилотное описание, обозначив тем самым проблему и введя в научный оборот этот уникальный материал.

В определенном смысле можно констатировать, что общее направление изучения и фиксации контактных языков, сформировавшихся при участии русского языка, начиная с XIX

⁵⁰ Возможно, эта тематика стала ещё более одиозной, поскольку исследователь руссенорска норвежский славист О. Брок, имевший звание иностранного члена-корреспондента Академии наук СССР, был в 1949 году исключен из АН СССР «за его клеветническую и враждебную Советскому Союзу деятельность». По крайней мере, сослаться на О. Брока и его материалы стало невозможно.

века по конец 1960-х годов, вёлся примерно в одном русле. Фиксировались наиболее показательные базилектные черты, наиболее удаленные от языка-источника: отсутствие флективной морфологии, особенности фонетики, совмещение форм личных и притяжательных местоимений, единая глагольная форма, часто совпадающая с формой императива русского языка, и некоторые другие. Они более всего бросались в глаза при беглом изучении пиджина. Однако детального анализа полученного материала не проводилось. Велась, хотя далеко не всеми авторами, работа по сбору лингвистического материала по этим идиомам. Многие статьи, можно сказать, обозначали тему, что несколько не уменьшает их значимости. Это был совершенно логичный этап в изучении пиджинов. В дальнейшем изучение контактных языков на русской основе пошло в сторону углубления уже по разным направлениям.

Изучение русских пиджинов в рамках общей креолистики

Перелом в изучении русских пиджинов, как в России, так и за рубежом, произошёл с середины 1970-х годов, и был связан с бурным развитием изучения пиджинов и креольских языков, сформировавшихся на основе западноевропейских языков. Это произошло, как известно, после конференции в Гонолулу, по результатам которой вышел первый серьёзный сборник статей, целиком посвященный вопросам креолистики (Hymes 1971). После выхода этого сборника число исследований пиджинов и креольских языков во всем мире (хотя в первую очередь в англоязычном лингвистическом мире) стало расти, как снежный ком, и очень скоро креолистика превратилась в модное лингвистическое направление. В России появились первые переводные работы (НЛ 1972), где были собраны статьи ведущих креолистов того времени. Это привлекло внимание российских лингвистов к проблематике контактных языков на русской лексической основе.

Новые идеи, разработанные на материале прежде всего «атлантических креольских языков», примеряли и к русским пиджинам. Можно сказать, что появившиеся за последние 40-45 лет работы по контактным языкам, сформировавшимся при участии русского, отражают различные направления в общей теории языковых контактов и креолистики, в частности. Вниманию первых зарубежных исследователей контактных языков особенно привлекала проблема причин формирования пиджинов/ креолов как языков особого типа. При этом значительно больший интерес вызывала проблема формирования «новой грамматики» при расширении пиджина и, особенно, при креолизации. В научной литературе развернулась полемика между сторонниками теорий «моногонеза» и «полигенеза», «субстратистов» и «универсалистов» и т. п. Как отражение этих идей в 1974 году выходит статья И.Ш. Козинского «К вопросу о происхождении кяхтинского (русско-китайского) языка» (Козинский 1974). Автор применил теории, выдвинутые по отношению к креольским языкам по обе стороны Атлантики, к русским пиджинам. Он постулировал моногоenez всех русских пиджинов из некоторого средневекового языка «общения с инородцами», возникшего при контактах русских с носителями каких-то, по-видимому, алтайских или уральских языков. Небольшая статья И.Ш. Козинского, безусловно, стала явлением в изучении русских пиджинов, поскольку он первый свёл воедино известные в то время материалы. Большинство писавших о русских пиджинах ранее, как правило, даже не знали о существовании других подобных языков или о существовании других вариантов описываемого ими пиджина. Следует заметить, что появившиеся новые данные⁵¹ не меняют сути предложенных И.Ш. Козинским важных постулатов, в первую очередь, о сходстве структуры различных русских пиджинов и их лексического состава, которое трудно объяснить схождением или случайным совпадением, и, следовательно, о возможном, моногонезе этих пиджинов.

Двумя годами позже появилась статья Г. Ноймана (Neumann 1976), который рассмотрел китайско-русский пиджин, опираясь на материалы из упоминавшейся статьи С.Н. Черепанова. Нойман приводит те же самые тексты (с переводом на немецкий язык), и анализирует

⁵¹ Например, «открытие» таймырского пиджина; предположение о том, что русский сибирский пиджин (кахтинский язык) мог сформироваться под влиянием монгольского языка или даже монгольского пиджина (см. Stern 2005, 176-177).

примерно в том же ключе, как это делали его предшественники. К сожалению, и Нойманн, и другие зарубежные исследователи русских пиджинов были вынуждены опираться на всё тот же очень небольшой корпус материалов, которые можно было найти в лингвистических статьях предшественников, либо на материалы ненаучной литературы.

Таких материалов, даже учитывая мемуарную литературу и записки путешественников, было сравнительно немного (ср. список из 16 источников Дж. Никольс: (Nichols 1980, 407). В Норвегии делались серьёзные попытки розысков новых материалов по руссенорску, главным образом, по архивным и литературным источникам. Благодаря усилиям дочери О. Брока Ингрид Брок, работавшей вместе с Э. Яром, действительно были найдены новые тексты, при этом они оказались практически аналогичны тем, которые уже имелись в наличии. Это было лишним доказательством высокой степени стандартизации руссенорска, хотя он, очевидным образом, является редуцированным пиджином. Благодаря высокой степени его гомогенности, а также последовательным усилиям норвежских лингвистов, руссенорск оказывается в настоящее время наиболее изученным пиджином, возникшим при участии русского языка. Хорошо описаны его структура, словарный состав, а также история его формирования и бытования (Broch, Jahr 1981; Broch, Jahr 1984; Broch, Jahr 1970; Lunden 1978), ведутся этимологические изыскания, призванные установить происхождение конкретных лексических и грамматических элементов (см., например, Laakso 2001). В этом отношении исследование руссенорска продвинулось значительно дальше, чем исследование других русских пиджинов и их вариантов. Учитывая конечный характер материалов по русско-норвежскому и их «однообразию», трудно предположить, что здесь можно ждать каких-то новых неожиданных открытий.⁵²

В 1980 году вышла небольшая статья Джоанны Никольс, посвященная пиджинам на русской основе (Nickols, 1980). Автор собрал по разным источникам (всего 16 литературных произведений) те цитации из прямой речи персонажей, которые по определенным параметрам сходны с пиджином. В результате анализа этих источников Дж. Никольс разделила такого рода идиомы на три группы: китайско-русский пиджин (Chinese Pidgin Russian), «ломаный русский» (broken Russian) и «упрощенный русский» (simplified Russian). Первый из них (китайско-русский пиджин), по словам Дж. Никольс, «наиболее явно представлен в работах В.К. Арсеньева, отражён более или менее последовательно у А. Фадеева, и несколько «менее последовательно» в произведениях некоторых других авторов» (Nichols 1980, 396). Диагностическими чертами того, что передаётся речь на пиджине, Дж. Никольс считает следующие: а) утрата русского словоизменения, б) использование преимущественно императивных форм для большинства, хотя и не для всех глагольных основ, в) использование притяжательных форм местоимений в качестве личных.

«Ломаный русский» представляет собой русскую речь с ошибками, главным образом, в словоизменении. Правда, такое определение позволяет относить сюда и собственно пиджинные формы. Однако «ломаный русский» отличается значительной вариативностью, а также не столько полным отсутствием словоизменительной морфологии, сколько ошибками в ней.

«Упрощённый русский» представляет собой русский язык «без собственно грамматических ошибок, но выделяющийся своим упрощенным синтаксисом, порядком слов, неудачным подбором лексики» (Nichols 1980, 398-399). «Для него характерны рубленые предложения, отсутствие подчинительных союзов. В контексте эти пассажи резко контрастируют с родным русским языком собеседника» (там же).

Очень важным мне представляется замечание Дж. Никольс относительно форм глагола, которые, как часто утверждается, соответствуют русскому императиву. Никольс справедливо указывает на то, что это происходит далеко не всегда. Она приводит в пример формы глаголов *хóчу/хóчи* (с ударением на первый слог) ‘хотеть’, ср. Chg *хычи* ‘хотеть’ и *могу*

⁵² Исследование русско-норвежского продолжается: в настоящее время в СПбГУ выполнена работа, автор которой сравнивает материалы по русско-норвежскому пиджину с экспериментальными данными в рамках исследований по усвоению второго языка (“Second Language Acquisition”) (Клонова 2007).

‘мочь’, которые не совпадают с формами императива. Она указывает также на несуществующие в пиджине формы *моги* и *хоти*, звучавшие в фильме Акиро Куросавы «Дерсу Узала» в тех эпизодах, которые были сняты не по Арсеньеву.

Как мы видим, попытка имитировать пиджин людьми, которые его не знают, оказывается несостоятельной. Пиджин нужно учить, как и любой другой язык.

Статья Дж. Никольс может рассматриваться как исследование постпиджинного континуума с выделением различных «лектов», в зависимости от их близости/ удалённости от собственно русского языка. Так, «китайско-русский пиджин» соотносится с базилектом, «ломанный русский» — с мезолектом (мезолектами), а «упрощённый русский» — с акролектом. Такое разделение вариантов и изучение различных источников в рамках постпиджинного континуума представляется очень плодотворным.

В дальнейшем Дж. Никольс снова возвратилась к изучению дальневосточного варианта русского пиджина. В 1996 году в сборнике, посвященном категории эвиденциальности и способам ее выражения в разных языках мира, вышла ее статья о эвиденциальности в китайско-русском пиджине (Nichols 1996). Материалом для исследования послужили исключительно произведения В.К. Арсеньева. Автор приходит к выводу о том, что в варианте пиджина, представленном в этих источниках, единственной глагольной категорией, выраженной последовательно, была именно эвиденциальность. Подробнее эта гипотеза будет рассмотрена ниже в связи с анализом грамматической структуры сибирского пиджина.

Можно сказать, что Дж. Никольс в своих исследованиях сделала максимум того, чего можно было добиться, изучая имеющиеся литературные источники.

Новые находки

Новый этап в изучении пиджинов на русской основе начался после опубликования Материалов собранного в Москве в 1987 году рабочего совещания, посвященного возникновению и функционированию контактных языков. Помимо докладов, которые интерпретировали уже известные материалы (Давыдов, Пономаренко, Куратова 1987; Перехвальская 1987), появились оригинальные исследования, которые вводили в научный оборот новый материал. Речь идёт прежде всего о статье Е.А. Хелимского о таймырском пиджине, который был назван им «говорка» (Хелимский 1987). Это название, появившееся в заголовке статьи, так и закрепилось за этим вариантом русского пиджина. Е.А. Хелимский, равно как и занимающийся сейчас исследованием говорки Диттер Штерн, рассматривают её как отдельный пиджин, сформировавшийся на основе русского языка, независимо от других пиджинов. Эта точка зрения представляется мне не вполне верной, что совершенно не умаляет вклада данных учёных в изучение русских пиджинов. Дополнительное значение этого сообщения заключалась также в том, что Е.А. Хелимский показал, что русские пиджины можно искать не только в публикациях, поднимая архивные данные и перечитывая записки путешественников, но и в полевых условиях в настоящее время. Он продемонстрировал, что идиомы этого типа живы, и на них говорят. «Автору удалось записать многочисленные примеры высказываний и целых текстов на пиджине в основном в ходе работы с нганасанами, которая велась, начиная с 1986 года» (Хелимский, 2000: 279). В дальнейшем этот доклад, дополненный и переработанный, вошёл в книгу «Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи» (Хелимский 2000). К сожалению, в обеих публикациях Евгения Арнольдовича по «говорке» приводится один и тот же текст, и других публикаций собственно языкового материала он не предпринял. Однако сама «революционность» его выступления была очевидной — появилась сознание того, что ещё можно найти живые пиджины. Как ни покажется странным, многие лингвисты, сталкиваясь в своей полевой работе с пиджинами, находящимися в ситуации постпиджинного континуума, не всегда определяли их как пиджины, тем самым разделяя обычную ненаучную точку зрения на пиджин как на «ломанный», «испорченный» язык.

На том же рабочем совещании был сделан доклад о смешанном языке алеутов о. Медный (Вахтин, Головкин 1987), которые также основывали своё сообщение на полевых материалах. В сущности, Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин заново ввели в научный оборот «меднов-

ский язык». С точки зрения авторов (см. Вахтин, Головки 1987; Вахтин 1985; Головки 1996b) медновский язык не является пиджином на русской основе, и вообще его природа достаточно сложна. Это пример так называемых «смешанных» языков, рассмотрение которых выходит за рамки настоящего исследования. Поэтому в дальнейшем я не буду использовать материал медновского языка. Однако само появление большого количества исследований, посвященных одному из контактных языков, сформировавшемуся при участии русского, является знаковым. Если первооткрыватель этого языка Г.А. Меновщиков ограничился фактически лишь указанием на существование такого феномена, но более не возвращался к его исследованию, то, выступая с новых научных позиций теории языковых контактов, Н.Б. Вахтин, и в ещё большей степени Е.В. Головки, подвергли медновский язык всестороннему анализу, как с социолингвистической, так с собственно лингвистической точки зрения.

Действительно, большинство работ по русским пиджинам, которые появились в это время, сочетали лингвистический анализ с описанием социолингвистической ситуации, изучением истории формирования того или иного варианта пиджина. При этом часто фиксировались отдельные наиболее яркие черты, но последовательного грамматического анализа не проводилось. Исключением были исследования, посвященные руссенорску, выполненные норвежскими лингвистами, а также работы по медновскому языку.

Примерно в то же время (1985 год) в ходе экспедиции в места проживания удэгейцев, мы совместно с Ф.А. Еловой сделали несколько аудиозаписей языка, который был языком общения старшего поколения удэгейцев, нанайцев и китайцев, живших в среднем течении реки Бикин в Приморском крае. Были записаны несколько информантов (Н.Л. Мартынова, Н.С. Пионка, Д.Е. Канчуга, П.Е. Пионка). Эти записи были тогда же расшифрованы, и послужили основой для нескольких сообщений (Елова, Перехвальская 1986; 1987). Мы назвали «открытый» нами идиом *«дальневосточный контактный язык»*. Нас менее интересовала внешняя история этого языка, и мы описывали, главным образом, его структуру (фонетику, грамматику, словарь). Эти исследования положили начало дальнейшим поискам подобных идиомов.

В 1985–2004 годы в течение полевой работы на Дальнем Востоке, целью которой было изучение удэгейского языка, было попутно сделано значительное количество записей русского пиджина (совместно с В.И. Беликовым и позднее с В.В. Барановой). При этом большинство информантов были носителями мезолектов, т.е. переходных форм от разрушающегося пиджина к «упрощенному русскому». Все наши информанты были пожилыми людьми, которые усвоили пиджин в молодости, но затем в течение последних десятилетий общались, главным образом, с носителями собственно русского языка. Так, нами были записаны этнолекты удэгейцев, нанайцев, орочей, тазов (китаезычного коренного населения юга Приморья), китайцев, говорящих на пиджине; а также один пример русского этнолекта. Характеристики этих материалов см. в разделе об источниках изучения сибирского пиджина. На основе собранных полевых материалов осуществлены следующие публикации: общая характеристика удэгейского этнолекта дальневосточного варианта сибирского пиджина (Елова, Перехвальская 1986), фонетические особенности этого этнолекта (Елова, Перехвальская 1987), публикации по отдельным аспектам грамматической структуры данного пиджина (Перехвальская 2003a; Перехвальская 2003b, Перехвальская 2004), создана оригинальная теория существования пиджина как совокупности этнолектов (Беликов 1997, 1998).

На теории этнолектов следует остановиться подробнее. Термин «этнолект» (ethnolect) используется в зарубежной социолингвистике в двух основных значениях: а) для обозначения «национальных вариантов языка» вроде французского языка Канады или австралийского английского (региональные варианты по классификации Белла, см. Главу 1); и б) для обозначения особых форм языка, которые связаны с группами, объединенными этническим самосознанием, в отличие от территориальных или социальных диалектов; примером этнолекта в этом понимании может служить афроамериканский диалект английского языка. В отечественной социолингвистике этот термин ранее употреблялся во втором смысле, и чаще

всего относился к идишу, «этнолекту» немецкого языка. В учебнике «Социолингвистика», «этнолект» толкуется в первой главе скорее как сильно интерферируемый язык («Х-ируемый язык» по Беллу): «Такие региональные разновидности часто называют этнолектами, хотя основу коммуникативного сообщества могут составлять различные этносы. Например, на дагестанском этнолекте русского языка в Дагестане говорят представители разных народов, включая и местных русских старожилов» (Беликов, Крысин 2001, 24).

В.И. Беликов применил термин «этнолект» к описанию пиджинов. Поскольку пиджин образуется в результате языковых контактов двух или более групп, каждая из которых обладает своим языком, «(пре)пиджинные идиолекты группируются в этнолекты в соответствии с родными языками индивидов... Унифицирующим фактором в пределах этнолекта служит однотипная интерференция родного языка, проявляющаяся на всех уровнях» (Беликов, Крысин 2001, 118). Таким образом, «на ранних этапах развития контактных языков наиболее существенно противопоставлены *этнолекты*» (Беликов 1997, 94). Введение термина этнолект помогает в значительной степени разобраться в той сверхвариативности форм, которая зафиксирована в источниках по русским пиджинам. Это еще одна «секущая», позволяющая разделить формы на характерные для определенных этнолектов; в противоположность делению по шкале постпиджинного континуума (базилект – мезолект – акролект).

В тот же период работавшие с негидальцами М.М. Хасанова и А.М. Певнов также фиксировали отдельные образцы речи на русском пиджине, звучавшем в устах представителей старшего поколения негидальцев. Часть этих материалов была опубликована (Хасанова 2000).

Материалы, собранные на Дальнем Востоке мною совместно с Ф.А. Еловой и В.И. Беликовым, послужили, в частности, основой для написания двух дипломных исследований, выполненных на кафедре общего языкознания филологического факультета СПбГУ под руководством Е.В. Головки. Речь идет о дипломных работах К.С. Сапуновой (Фёдоровой) «Способы выражения темпоральных, аспектуальных и модальных значений в пиджинах на русской основе» и Т.О. Розановой (Гавриловой) «Некоторые особенности соотношения словаря и грамматики в пиджинах на русской основе». Обе работы были посвящены описанию разделов грамматики различных русских пиджинов: говорки, «русско-китайского пиджина», руссенорска (Сапунова 1998; Розанова 1998). Авторам этих работ принадлежит немало тонких замечаний о выражении грамматических значений средствами пиджина. Вместе с тем, обе работы основаны на традиционном разделении русскоязычных пиджинов на три основных языка: руссенорск, говорку и «русско-китайский», и материал этих идиом рассматривался в работах изолированно, часто без проведения сравнительного анализа. Тем не менее, это были первые работы, посвященные последовательному рассмотрению собственно грамматической структуры русских пиджинов, поскольку в предшествующих по времени работах, как правило, содержались отрывочные наблюдения, фиксировались наиболее яркие черты пиджина, отличающие его от собственно русского языка. Работы К.С. Сапуновой и Т.О. Розановой были выполнены в русле новых тенденций мировой креолистики, которая от регистрации отдельных черт грамматики, а также от общетеоретических рассуждений о том, как языки подобного типа вообще могли возникнуть, перешла к систематическому описанию грамматики, фонетики, словаря конкретных пиджинов и креольских языков. Ранее это было частично сделано только для руссенорска (Lunden 1978; Broch, Jahr 1984) и медновского (Головки 1996а, 1996b) языков.

Зарубежные исследования пиджинов и креольских языков давно вышли за рамки поверхностных описаний. Креолисты работают в нескольких направлениях: помимо систематического описания структуры данных идиомов, проводятся более подробные исследования внешней истории пиджинов и креольских языков, с целью проследить этапы формирования этих языков, учесть все возможные языковые влияния, которые могли иметь, проводятся исследования, которые призваны определить вклад каждого из языковых компонентов в процессе формирования конкретного контактного языка. В том же ключе, хотя, разумеется, в значительно меньших масштабах, ведутся исследования русских пид-

жинов. Из работающих в этой области в настоящее время по русско-норвежскому пиджину, помимо вышедшего в 1996 году сборника статей под редакцией Яра и Хокон-Брок (Jahr, Høkon-Broch 1996), следует упомянуть работы Йоханы Лааксо (Laakso 2001, Laakso 2002), в России изучением руссенорска занимается О. Клонова, ей принадлежит, в частности, статья о способах номинации в русско-норвежском пиджине (Клонова 2005), а также работы сопоставительного характера, автор проводит сопоставление между механизмами изучения иностранного языка (русского языка норвежцами, и норвежского языка русскими) и процессами, происходящими при пиджинизации (Клонова 2003, 2007). Следует также упомянуть работы Диттера Штерна (Stern 2002, Stern 2005, Stern 2005a) по исследованию говорки, а также по внешней истории русских пиджинов в Сибири.

Происхождение русских пиджинов

Эта тема так или иначе возникает во всех работах, посвященных русским пиджинам. Я буду рассматривать ее, основываясь не в последнюю очередь на соображениях структурного характера.

Моногенез или полигенез? Субстрат или универсалии?

Проблема моно– или полигенеза русских пиджинов впервые была сформулирована И.Ш. Козинским в 1974 году в упоминавшейся выше статье. В ней Козинский выступил с гипотезой об общем происхождении всех русских пиджинов (Козинский 1974). По его мнению, русские пиджины восходят к одному источнику, т. е. являются потомками некоего «протопиджина», который образовался в ходе контактов русских с носителями, по-видимому, алтайских или уральских языков, возможно, ещё в эпоху Золотой Орды. К такому выводу И.Ш. Козинский пришёл, анализируя сами идиомы. Иначе говоря, он основывался на лингвистических данных, а не на соображениях внелингвистического характера.

Противоположная точка зрения – о полигенезе русских пиджинов – обычно специально не высказывалась, однако имплицитно она присутствует в большинстве работ, посвященных конкретным идиомам (например, Broch, Jahr 1984, 1990; Nichols 1996; Хелимский 2000; Stern 2005). Все они писали об изучаемых языках как о сформировавшихся в конкретном месте в условиях контактов конкретных народов. Вот что пишет Д. Штерн о происхождении кяхтинского языка: «Возникновение и развитие кяхтинского русского пиджина происходило исключительно в Кяхте и Маймачине» (Stern 2005: 185).

Следует отметить, что Г. Шухардт считал известные ему русские пиджины вариантами одного языка: «этот язык расположен вдоль всей китайской границы вплоть до Владивостока», – писал он о том же кяхтинском языке (Шухардт 1884: 320).

Справедливости ради заметим, что Г. Шухардт не располагал сведениями ни о руссенорске, ни тем более о таймырской говорке или о медновском алеутском языке. О последних двух языках вряд ли знал и И.Ш. Козинский, хотя статья Г.А. Меновщикова о медновском языке появилась на десять лет раньше (Меновщиков 1964). Тем не менее, поставленные И.Ш. Козинским вопросы не утратили своей актуальности и в свете появления новых материалов по известным языкам, а также и новых языков. Медновский язык действительно представляет собой совершенно независимое образование, к тому же он не является русским пиджином. Что же касается говорки (таймырского пиджина), то этот идиом разделяет с остальными пиджинами все важнейшие общие черты, что может свидетельствовать об их общем происхождении.

Идеи, отчасти сходные с идеями И.Ш. Козинского, были высказаны Дж. Никольс в её более ранней статье, посвященной отражению китайско–русского пиджина в художественной литературе (Nichols 1980). В ней в отличие от более поздней статьи Дж. Никольс также имплицитно постулирует моногенез русских пиджинов, ибо географический охват источников, которыми она пользовалась, свидетельствует о том, что она считала все варианты русских пиджинов Сибири единым языком, который, возможно не очень удачно, назвала «ки-

тайским русским пиджином» (Chinese Pidgin Russian). Рассмотрим подробнее аргументы приверженцев теории моногенеза русских пиджинов.

Общие черты русских пиджинов

Интуитивно более приемлемой оказывается теория полигенеза – пиджины создаются в зонах контакта независимо друг от друга. Однако такое представление не даёт ответа на вопрос, почему пиджины, сформировавшиеся в разных местах, в разное время и в результате контактов русских с разными народами, тем не менее разделяют значительное число общих черт. Среди самых ярких явлений такого рода следует назвать:

- 1) порядок следования элементов предложения SOV;
- 2) система неизменяемых местоимений 1 л. ед ч. *моя*, 2 л. ед ч. *твоя*;
- 3) использование неизменяемой формы глагола, чаще всего совпадающей с формой русского императива.

Эти явления в русских пиджинах не выводимы из русского языка, какой бы его вариант мы не взяли: просторечие, диалекты, арг, даже недоученные варианты («интерязык»).

Приняв теорию независимого формирования различных русских пиджинов, придется постулировать существование общих механизмов пиджинизации русского языка (редукции, упрощения?), которые не проявились более ни в каких других вариантах, в том числе и в ситуации недоученного языка. О. Клонова посвятила специальное исследование сравнению руссенорска и интерязыков русских и норвежцев, начавших изучать язык друг друга. Выяснилось, что эти интерязыки не разделяют с руссенорском указанные выше черты (Клонова 2007). Следовательно, данные черты не появляются «сами собой» при упрощении и даже редукции русского языка.

Недоученные варианты русского языка объединяют с пиджинами такие характеристики, как упрощение или полная утрата словоизменительной морфологии, отсутствие категории рода и числа у существительных, вида – у глагола. Однако в этих вариантах, даже при утрате местоимением изменения по падежам, неизменяемой формой местоимения 1 л. ед ч. становится форма *я*, но не форма притяжательного местоимения женского рода *моя*. Появление таких форм параллельно в разное время и в разных местах очень трудно объяснить.

Не менее фантастической представляется, однако, и идея распространения одного и того же языка от поморов Белого моря до китайцев Владивостока.

Рассмотрим общие черты русских пиджинов подробнее.

Порядок слов в русских пиджинах

В сибирском пиджине немаркированным порядком слов в предложении является порядок SOV. Основные ранее всего зафиксированные варианты этого пиджина – кяхтинский язык (Черепанов 1853), маймачинское наречие (Александров 1884, Шухардт 1884), пиджин городов Харбин (Шпринцын 1968), Владивосток (Врубель 1931), идиом, распространённый вдоль КВЖД (Jablonska 1957) – являются китайско-русскими, они использовались при общении русских прежде всего с китайцами. Отсюда и бытующее в креолистике наименование этого языка «русско-китайский пиджин». Однако порядок слов в предложении во всех этих вариантах не характерен ни для одного и контактировавших языков (ни для русского, ни для китайского), и одновременно является характерной чертой языков как алтайской, так и уральской языковой семьи. Появление порядка слов SOV в сибирском пиджине, следовательно, можно объяснить следующим образом: 1) влиянием языков субстрата, т. е. языков, контактировавших с русским, либо 2) общими стратегиями пиджинизации и устройства языка как такового. Как мы видим, это те же типы объяснения формирования конкретных черт пиджинов и креольских языков, которые существуют в общей креолистике (точки зрения «субстратистов» и «универсалистов»).

Среди лингвистов, которые объясняют особенности русских пиджинов влиянием языков субстрата, нет единодушия в определении, каким был этот субстрат и, главное, на каком этапе формирования пиджина имело место это влияние.

Многие особенности кяхтинского языка объясняли влиянием со стороны монгольского. Эта гипотеза имеет достаточно солидные основания. В кяхтинском варианте имеются монгольские лексические заимствования, например, *адали* 'словно, как' и многие другие. Монгольские заимствования известны и в других вариантах. Ср., например, распространенное в сибирском пиджине слово *шанго* 'хорошо, хороший'. Возможно, монгольское происхождение имеет и глагол *карапчи* 'воровать'⁵³. В кяхтинской разновидности пиджина некоторые глаголы имели исход на -ху: *тиху* 'пить', *кушаху* 'есть' (Черепанов, 1853; Булич 1896). Эти формы представляют собой соединение русской лексической основы и монгольского суффикса -хэ. Еще С.Н. Черепанов объяснял появление этих форм тем фактом, что составляя русские разговорники, китайцы пользовались услугами монгольских толмачей (Черепанов 1853, 371). В свете последних исследований считается, что в районе Кяхты в середине XVIII века роль торгового языка выполнял монгольский, а кяхтинский «русский» сменил его. Такой точки зрения на формирование «кахтинского языка» придерживается Диттер Штерн (Stern 2005, 183). Он полагает, что данный идиом сформировался независимо от других русских пиджинов, и объясняет многие его особенности влиянием монгольского, в том числе и порядок слов SOV.

Однако зафиксированные Черепановым формы *тиху* и *кушаху* сами по себе являются «смешанными»: русская основа с монгольским причастным суффиксом. Учитывая этот факт, можно предположить даже, что языком-посредником в районах российско-монгольско-китайского пограничья первоначально был не собственно монгольский язык, а пиджин на монгольской лексической основе. В этом случае русский пиджин мог явиться результатом релексификации старого монгольского пиджина. Диттер Штерн в своей статье о внешней истории формирования кяхтинского языка старается опровергнуть такую точку зрения (Stern 2005, 184-185). По его мнению, «Ясно, что наиболее вероятной группой, которая привнесла монгольские субстратные черты были китайские торговцы из Шаньси, которые использовали одновременно как монгольский, так и пиджин (русский пиджин – ЕП), в зависимости от того, с кем они имели дело. Потомки русско-монгольских смешанных браков из Селенгинска, скорее всего, никогда не переходили с монгольского на пиджин» (Stern 2005, 185).

На мой взгляд, основным фактом, который противоречит такому предположению, является то, что тот же порядок слов SOV характерен и для других русских пиджинов. Так, руссенорск, который был распространен в совершенно другом ареале и возник в ходе контактов с совершенно другим народом, также характеризуется порядком слов SOV. При этом данный порядок слов не характерен ни для русского, ни для норвежского языков. В случае руссенорска в качестве объяснения часто приводится «субстратное» объяснение. В данном случае таким субстратом оказывается саамский язык, который, как предполагается, мог повлиять на порядок слов пиджина (Laakso 2001).

Указанные черты, по-видимому, были свойственны и иным пиджинам, краткие упоминания которых дошли до нас. Свидетельством этого служат цитаты из художественной литературы. Так, в воспоминаниях С.Т. Аксакова, восходящих к концу XVIII века, цитируется речь, обращенная к башкирам: «Ефрем, или Евсеич, как я его звал, держа меня крепко за руку, вошёл со мною на плот и сказал одному башкирцу: “*Айда знаком, гуляй на другой сторона*”»⁵⁴ (Аксаков 1984: 29). Приведённая фраза – это фраза на пиджине, о чём свидетельствует отсутствие словоизменения, *гуляй* в значении 'ходить, ездить, переезжать'. Цитируется и речь самих башкир: «Мавлют Евсеич ушёл, отвязал свою лошадь, про которую между прочим сказал, что она “*в целый табун одна его таскай*”» (там же: 101). Здесь

⁵³ Интересно, что этот же глагол бытовал и на Кавказе. По сведениям В.М. Алпатова, глагол *карапчи* *пач* означал там 'воровать невесту' (Алпатов, устное сообщение). Это еще одно подтверждение факта существования на Северном Кавказе русского пиджина, разделявшего многие особенности с пиджинами Поволжья и Сибири.

⁵⁴ Евсеич обращается к башкиру на «языке для инородцев». Евсеич – дядька главного героя, дворовый человек, который использует «протопиджин». Как показало исследование К.С. Фёдоровой, в настоящее время люди старшего возраста без образования вообще не меняют свою речь, и обращаясь к иностранцам, продолжают говорить так, как они говорят в других случаях.

зарегистрированы типично пиджинные черты (помимо отсутствия словоизменительной морфологии): неизменяемая форма глагола, совпадающая с русским императивом, лексема *таскай* со значениями 'носить, возить, водить, таскать, воровать', а также порядок слов SOV.

Цитированный С.Т. Аксаковым идиом существовал в то же время, к которому относят возникновение руссенорска и кяхтинского языка. Подобные записи делались и позже, Вот цитирование речи кавказцев у Л.Н. Толстого: *Шамиль наиб пошлёт, а сам труба смотреть будет*.

Дж. Никольс объясняет формирование данной черты в дальневосточном варианте контактами русских с носителями тунгусо-маньчжурских языков, прежде всего, удэгейского и нанайского (Nichols 1996, 242). Таким образом, она относит формирование этого явления ко времени контактов русских с данными народами, т. е. к периоду не раньше конца XIX века. В качестве доказательства она приводит следующее соображение: «Помимо эвиденциальности влияние нанайского на уссурийский диалект пиджина проявилось еще в трех областях. Во-первых, это последовательный порядок слов SOV, а также предпочтение постпозитивного положения вспомогательных глагольных слов (напротив, в пиджине, на котором говорила русская община в Харбине, использовался преимущественно порядок слов SVO и препозиция вспомогательных приглагольных показателей)» (Nichols 1996, 242). К сожалению, очень мало известно о русском этнолекте пиджина в Харбине, однако имеются данные А.Г. Шпринцына, который фиксировал, в основном, китайский этнолект пиджина, распространенный во Владивостоке и Маньчжурии. Они свидетельствуют о очень последовательном порядке слов SOV, хотя он и не характерен для китайского языка. Вряд ли можно предположить, что в речи китайцев Владивостока сказалось влияние местных тунгусо-маньчжурских языков – численность этих народов была ничтожно мала по сравнению с численностью китайцев, и эти народы жили вдалеке от городских центров.

Можно сделать вывод о том, что порядок слов SOV был присущ некоторой общей составляющей русских пиджинов, которая приносилась в места новых контактов купцами, сборщиками ясака, казаками, которые уже были знакомы с пиджином. Таким образом, мы возвращаемся к гипотезе И.Ш. Козинского о существовании в прошлом особого «регистра для инородцев» (или «протопиджина»), который распространялся русскими. Если это так, то его формирование следует отнести к периоду ранее середины XVIII века. Козинский вообще относит его к XVII веку или даже более раннему периоду. Значит, многие особенности «языка для инородцев» возникли не в Норвегии и не в Кяхте, а значительно ранее. При этом причиной их формирования было именно влияние языков субстрата (языков народов уральской языковой семьи, а также тюркской группы). Однако в данном случае мы относим это субстратное влияние к более раннему периоду возникновения «языка для инородцев».

Разумеется, в каждой из новых областей контакта, где этот язык становился средством постоянной коммуникации, он видоизменялся в том числе и под влиянием языков коммуникантов (см. теорию этнолектов). Поскольку языки многих из контактировавших с русскими народов принадлежат к алтайской или уральской семьям, грамматический строй которых в некоторых чертах сходен, пиджин не претерпевал кардинальных изменений. Однако в тех областях, где контактировавшие языки по своему строю резко отличались от алтайских и уральских (в Китае, в Норвегии), наблюдается постепенный отход от порядка SOV. Он, однако, продолжал существовать там как основной (в руссенорске) или дополнительный (пиджин города Харбин).

Таковы различные точки зрения, которые принадлежат «субстратистам».

«Универсалисты» объясняют появление общих черт в контактных языках сходными стратегиями упрощения языка. С этой точки зрения возникновение порядка слов SOV объясняется «универсальными» закономерностями строения языка. Так, В.Б. Касевич, указывая на то, что порядок SVO является самым частотным в языках мира, предполагает, что он будет задействован и при общении в условиях дефицита лингвистических средств⁵⁵.

⁵⁵ В подтверждение он приводит характерное использование жестовых знаков, дублирующих звуковые в отсутствие слышимости: человек указывает жестами «ты», «я», «звонить» (жест набора номера). Жест,

Основным аргументом, противоречащим такому предположению, является тот факт, что «новые» контактные языки на русской основе строятся на иных основаниях. Финско–русский жаргон, возникший независимо, обладает, по-видимому, порядком слов SVO, хотя субстратом для него является финский. Не засвидетельствован такой порядок и в контактных языках на иной основе, который создали (или которыми пользуются) пользуются русские (см. бокситский язык⁵⁶). Не обладают этой особенностью и недоученные варианты русского (Клонова 2007).

Форма глагола

Как в руссенорске, так и в сибирском пиджине происходил процесс формального выделения глагола. В руссенорске большинство глаголов получили исход на *-om*: *drikkom* ‘пить’, *slipom* ‘спать’, *smotrom* ‘смотреть’, *korom* ‘покупать’ и т. п. В то же время и в руссенорске встречаются глаголы, по форме сходные с глаголами сибирского пиджина: *grebi* ‘грести, перевозить по воде’ и т. п.

В сибирском пиджине также произошло формальное выделение глаголов, которые в большинстве своём имеют исход на *-j* или *-i*: *болеj*, *выгонj*, *захоронj*, *гоняj*, *незнаj*, *ругаj*, *сади* и т. п. Из зафиксированных в составленном мною Словаре сибирского пиджина 166 глаголов и глагольных форм, такой формой обладают 128 глаголов.

На первый взгляд, в сибирском пиджине используется форма русского императива. При этом данная форма является базовой. В наиболее базилектных вариантах, полностью лишенных морфологии, она оказывается единственной глагольной формой, не выражающей никаких грамматических значений.

Действительно, большинство глаголов по форме совпадает с формой русского императива. Это, однако, не всегда так. В кяхтинском языке существовали «русско-монгольские» *тиху* и *кушаху*, некоторые глаголы восходят, возможно, к форме 1 л. ед ч. *хóчу* и *мóгу* ‘хотеть’ и ‘мочь’, *поживу* ‘жить’ (Chr). Первый, правда, имеет варианты *хóчи* и *хычи*, но они также не совпадают с формами императива.

Возможно, неизменяемая глагольная форма русского пиджина восходит не столько к императиву, сколько к чистой основе презенса, часто совпадающей с формой императива. Это объяснило бы появление таких форм как *хóчи* в противоположность несуществующему **хоти*, а также форму *хóди* ‘ходить, идти’ с ударением на первый слог.

Сравним спряжение русского глагола *работать* (императив *работай*) и соответствующего ему глагола в дальневосточном варианте сибирского пиджина (приводится фонологическая запись):

Русский язык		Сибирский пиджин	
Sg	Pl	Sg	Pl
<i>ya rabótaju</i>	<i>my rabótajim</i>	<i>mine robótaj</i>	<i>násha robótaj</i>
<i>ty rabótajish</i>	<i>vy rabótajite</i>	<i>tibe robótaj</i>	<i>wásha robótaj</i>
<i>on (oná, onó) rabótajit</i>	<i>oni rabótajut iwó robótaj</i>	<i>iwó (ihiñ) robótaj</i>	

Как мы видим, императив в данном случае совпадает с основой презенса, и такие случаи являются наиболее частотными. Несколько отличается случай с глаголом *ходить* (императив *ходи*). Основа презенса (кроме 1 л.) несет ударение на первом слоге: *hódi*-; в императиве ударение падает на последний слог: *hodí*. В сибирском пиджине зафиксированы обе формы: *hódi* и *hodí*. При этом форма *hódi* характерна для более ранних источников; она восходит, скорее всего, к форме презенса.

Имеется также группа глаголов, которые могут быть возведены к основе инфинитива. Примером может быть глагол *плакать* (императив *плачь*).

Русский язык		Сибирский пиджин	
Sg	Pl	Sg	Pl

обозначающий действие, действительно, будет следовать за жестами, обозначающими актанты (Касевич, устное сообщение).

⁵⁶ Правда, в бокситском языке имеются выражения *мысьё цап-царап препарэ* ‘человека схватили’ и *мысьё капут препарэ* ‘человек умер’, которые демонстрируют постпозицию вспомогательного глагола.

<i>ya pláchu</i>	<i>my pláchim</i>	<i>majá plákaj</i>	<i>nášha plákaj</i>
<i>ty pláchish</i>	<i>vy pláchite</i>	<i>tvajá plákaj</i>	<i>wášha plákaj</i>
<i>on (oná, onó) pláchit</i>	<i>oni pláchut</i>	<i>iwó plákaj</i>	<i>iwó (ihiñ) plákaj</i>

Интересно, что формы *плакай, плакаю, плакает* и т. д. существуют в русском языке, однако характерны только для детской речи.

По-видимому, нельзя сделать однозначный вывод о том, какие именно формы русского глагола легли в основу формы глаголов сибирского пиджина. Возможно, чаще всего это были именно формы императива, однако имелись и другие случаи.

Нас в данном случае более всего интересует вопрос распространенности такого рода форм. Они характерны для всех вариантов сибирского пиджина, в том числе и для всех этнолектов. Эти формы засвидетельствованы также у Аксакова (см. примеры выше). Они встречаются и в руссенорске (*grebi, plati*), хотя не являются там самым распространенным типом. Эти формы я отношу за счет «русской составляющей» руссенорска, притом, что эта составляющая была не собственно русским языком, а упомянутым выше «регистром для общения с инородцами».

В материалах М. Хасановой и у В.Я. Шишкова указанные формы не засвидетельствованы. Эти формы не засвидетельствованы и в говорке. Более, как свидетельствует Е.А. Хелимский, «сохранены следующие категориальные формы русского глагола»: инфинитив, прошедшее время индикатива, настоящее время индикатива, будущее время индикатива, условное наклонение, повелительное наклонение (Хелимский 2000, 390-391). Мне представляется, что говорка, равно как и варианты, записанные М. Хасановой и В.Я. Шишковым, не «сохранили» эти черты, а приобрела, поскольку все цитации говорки представляют собой записи мезолектных вариантов. (см. примеры в Части II).

Косвенным свидетельством распространения указанных форм в пиджинах является анализ той формы, в которой русские глаголы заимствовались языками народов Урала, Сибири, Дальнего Востока. Дальневосточные языки (нанайский, удэгейский) заимствуют русские глаголы в форме прошедшего времени на *-ла*: ср. удэгейское *podpisalanene* ‘иди подпишись’ *telefona zvonileni* ‘телефон звонит’, многие тюркские языки используют конструкцию «русский инфинитив + глагол ‘делать’». Однако, например, мансийский язык заимствует русские глаголы в форме императива: манси *reshaitэгум* (основа *reshai*) ‘я решу’; *печатайти* (основа *печатай*) ‘он печатает’ (Баландин, Вахрушева 1958, 170-171). Можно предположить, что глаголы заимствовались мансийским языком из русского через посредство пиджина, а поскольку русские столкнулись с манси значительно (по крайней мере на 200 лет) раньше, чем с народами Дальнего Востока, можно предположить, что пиджин в это время уже существовал.

Для объяснения данной стратегии использования формы, сходной с императивом (в некоторых случаях с основой презенса или инфинитива), как единственной формы глагола, я склоняюсь к «универсалистскому» объяснению. Мне кажется разумным предположить, что при утрате словоизменительной и словообразовательной морфологии глагольная форма сокращалась до «чистой основы». Если основы императива, презенса и инфинитива различались, то выбиралась, возможно, более частотная форма. В редких случаях такой формой становилась форма 1 л. ед ч. При этом, однако, это происходило не в каждой области контакта независимо, а в раннем «языке для инородцев». В современных контактных языках данная черта не появляется.

Можно, конечно, предположить, что в различных вариантах сибирского пиджина и в руссенорске подобные формы глагола, равно как и порядок слов SOV появились независимо друг от друга и по разным причинам. Такую точку зрения можно было бы принять, если бы в руссенорске не было также местоимений *моя* и *твоя*. Все три особенности, объединяющие руссенорск с сибирским пиджином, не могли сложиться случайно.

Личные местоимения

Это, безусловно, наиболее «загадочная» черта русских пиджинов. Где, когда и почему возникли эти формы – самый сложный из вопросов, связанных с формированием этих

идиомов. Е.В. Головкин считает, что в данном случае мы имеем дело с универсальным для всех пиджинов семантическим переходом. Так, практически во всех английских пиджинах и креольских языках есть местоимение *me* ‘я, мне, мой’; в гаитянском креоле, возникшем на основе французского, имеем *mwen* ‘я, мой’ и т. д. (Головкин, устное сообщение). Это объяснение, по существу, является универсалистским, т. к. апеллирует к общим закономерностям пиджинизации и креолизации.

Как мне кажется, франкокреольские и англокреольские местоимения не являются показательными, поскольку и во французском, и в английском языке существуют две серии местоимений – автономная и субъектная: франц. *moi – je*; англ. (разговорное) *me – I*. В назывной функции употребляется именно автономное местоимение: англ. *it is me*, франц. *c’est moi* ‘это я’. Ничего подобного не наблюдается в русском языке: фразы *это меня* или *вот меня* являются аграмматичными и не могут быть порождены носителем русского языка. Кроме того, не вполне понятно, почему была выбрана именно форма женского рода. Приведу формы русского языка, которые соответствуют единому *majá* русских пиджинов (дается фонематическая запись):

Личное местоимение		Притяжательное местоимение			
		М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Мн. ч.
Nom	ja	moj	majó	majá	maí
Gen, Acc	miniá	majiwó	majó	majéj	maíh
Dat	mne	majemú	majó	majéj	maím
Insrt	mnoj	maím	majó	majéj	maími
Loc	mne	majóm majó		majéj	maíh

Как видим, форма *majá* вовсе не является самой частотной.

Предлагалось немало и субстратистских объяснений происхождения этих местоимений. Так, например, С. Врубель объяснял формальное совпадение многих местоимений пиджина с формами именно женского рода русского языка тем, что китайцы общались, главным образом, с женщинами: «Как известно, в русской семье женщина занимается домашним хозяйством, и ей в своих хозяйственных потребностях приходилось иметь тесное общение с китайцами <...> и, обращаясь к нему, она по правилам русского языка, говорила “моя”, “сама”, что и было китайцами воспринято» (Врубель 1931, 136).

В некоторых дальневосточных вариантах сибирского пиджина местоимение *majá* было вытеснено формой *miné/tené* (см. Главу 3). В говорке также мы находим форму *меня*. Происхождение этих форм совершенно прозрачно: это контаминация косвенных форм личного местоимения 1 лица. Однако в подавляющем большинстве вариантов сибирского пиджина, а также в руссенорске в качестве единого личного и притяжательного местоимения 1 л. ед ч. выступает форма *моя*.

Интересно, что местоимение 2 л. ед ч. *tvajá* имеет значительное менее широкое распространение. Уже в материалах Черепанова мы находим варианты *твоя* и *тиби*. Те же варианты зафиксированы и у Яблонской. Единственным русским пиджином, где используется вариант *tvoja* (наряду с заимствованным из английского *ju*), оказывается руссенорск.

Анализируя эти формы, С. Лунден предположила, что некоторые черты руссенорска могут иметь не «западное», а «восточное» происхождение (Lunden 1978). Иными словами, некоторые формы восходят не к западноевропейским языкам (норвежскому, английскому, финскому, саамскому), а к русскому языку, точнее, к какому-то русскому пиджину. По её мнению к таким чертам относятся прежде всего местоимения *моя* ‘я, меня, мой’ и т. п. и *твоя* ‘ты, тебя, твой’ и т. п., объяснить появление которых на основе западноевропейских языков, по мнению Лунден, невозможно. Ссылаясь на статью Г. Ноймана (Neumann 1966), она предполагает, что эти формы могли быть заимствованы из кяхтинского языка, поскольку по правилам китайского языка все слоги должны быть открытыми, и, следовательно, данная форма должна была сложиться в результате контактов русских с китайцами и монголами.

Это предположение не соответствует действительности уже потому, что торговля в Кяхте началась, по-видимому, позже, чем поморская торговля на севере Норвегии. Более того, хотя в кяхтинском языке единственной формой 1 л. ед ч. было местоимение *моя*, формой местоимения 2 л. ед ч. было чаще всего *тиби*; в противоположность местоимениям русского происхождения в руссенорске: *moja – tvoja*. Существуют свидетельства того, что руссенорск в данном случае сохранил старую черту, характерную для русских пиджинов.

В книге «Словарь иностранных слов в русском азбуковнике 17 века» акад. М.П. Алексеева содержится свидетельство о том, такая форма местоимения появилась значительно раньше, чем началась торговля с Китаем в Кяхте. Более того, эта форма зафиксирована в Москве (Алексеев 1968, 141).

«Словарь иностранных слов», о котором пишет М.П. Алексеев, – это разговорник, собрание фраз, при помощи которых можно было общаться с «иностранцем». Вот некоторые примеры таких фраз с переводом, данным в азбуковнике (перевод на английский язык сделан М.П. Алексеевым):

Ми го то англиш ярт, я пошёл на английский двор (me go to English yard);

Ми гот слип, пойду спать (me go to sleep);

Гими моя форо скриверс, дай мне писчее (give me for scrivers).

(Алексеев 1968, 141, выделение моё – Е.П.).

Приведенные «английские» фразы принадлежат, без сомнения, какой-то пиджинизированной форме английского языка, которая, по-видимому, принималась составителем азбуковника за «настоящий» английский. В последнем из приведенных примеров появляется русское *моя* ‘мне’, дублирующее английское *ми* из *гими* ‘дай мне’. Можно сделать осторожное предположение о том, что русское пиджинное *моя* появилось под влиянием пиджин-инглиш, и что, следовательно, это контаминация русского и английского притяжательных местоимений *моя* и *ту*. В этом случае местоимение 2 л. ед ч. *твоя* возникает по аналогии с *моя*, затем система достраивается – появляются также формы *его*, *наша*, *ваша* (см. ниже систему местоимений в русских пиджинах в Главе 3).

Из сказанного можно сделать вывод о том, что какой-то вариант «контактного» языка на русской основе складывался уже в XVII веке. В этом языке уже использовались местоимения *моя-твоя*. Следовательно, некий русский пиджин или «регистр для иностранцев» существовал значительно раньше, чем началась торговля как в Кяхте, так и у берегов Норвегии. Фиксация в азбуковниках XVII века такого специфического употребления местоимения *моя* можно считать важнейшим признаком того, что некий протопиджин в это время уже существовал.

Личные местоимения *моя-твоя* – это, безусловно, самая надежная диагностическая черта русских пиджинов.

«Протопиджин» или «язык для инородцев»

Представленные выше факты свидетельствуют в пользу высказанной И.Ш. Козинским гипотезы об общем происхождении (моногенезе) русских пиджинов. Здесь, однако, следует сделать важную оговорку. Термин «моногенез» в отношении русских пиджинов можно понимать в узком и в широком смыслах. В узком смысле идея моногенеза связана с представлением о том, что единый сложившийся русский пиджин распространяется на большие территории в течение длительного времени в практически неизменном виде. Это не только невероятно, но и не подтверждается языковым материалом. Русские пиджины демонстрируют не только сходства, но и очень существенные различия между собой. Поэтому от идеи того, что все русские пиджины – это, по существу, один и тот же язык, следует отказаться.

Мне представляется плодотворным обращение к разделению материала пиджинов на «центр» и «периферию»: «В грамматической системе руссенорска можно выявить «центр» и «периферию». К «центральной» грамматике относим структуры, содержащие характерные элементы руссенорска и подчиняющиеся определённым закономерностям, которые можно вывести путём анализа текстов. К периферийным явлениям относим те, что не получают

регулярного выражения в текстах и определяются родными языками говорящих» (Клонова 2007, 6).

Говоря об общей составляющей русских пиджинов, я имею в виду, естественно, только «центральные элементы» пиджина. Поскольку пиджин распространяли русские, эта составляющая должна быть ядерной частью русского этнолекта.

Итак, в более широком смысле моногенез русских пиджинов предполагает распространение общей ядерной составляющей русского этнолекта пиджина. В основе русских пиджинов лежит некий общий элемент, черты которого не сводимы к упрощенному, редуцированному, «ломаному», недоученному русскому языку. Общие черты русских пиджинов оказываются несводимыми и к прагматическому коду.

Разумеется, речь идет не о стабильном языке, являющемся законченным средством коммуникации. Это скорее набор из нескольких правил и небольшого количества лексических единиц⁵⁷, которые соединяются этими правилами. Такой код использовался для решения узких коммуникативных задач при столкновении с новым народом, язык которого не был известен. Как мы видим, такое определение совпадает с определением редуцированного пиджина. Этот идиом уже имел собственные грамматические правила, хотя речь могла идти только о «мягкой» грамматике, то есть такой, где все правила носят необязательный, вероятностный характер.

В тех областях, где контакты носили постоянный характер, пиджином овладевало местное население, он закреплялся и начинал расширяться уже за счет собственных ресурсов: как под влиянием языков субстрата, так и в соответствии с общими закономерностями строения языка вообще. История формирования русских пиджинов наиболее адекватно описывается с применением комплексного подхода к проблемам пиджинизации и языкового контактирования.

Такое представление о моногенезе русских пиджинов, разумеется, не снимает вопроса о том, как возникли в «протопиджине» именно эти, а не иные черты, которые были затем переданы более поздним письменно зафиксированным формам русских пиджинов. Некоторые соображения по этому поводу были приведены выше. Как мы видели, возникновение порядка слов SOV я предлагаю объяснять влиянием субстрата, появление системы личных местоимений «моя–твоя» заимствованием из англоязычного пиджина с последующим действием аналогии, а появление единой глагольной формы из «чистой основы презенса или императива» общими закономерностями упрощения языка.

Возникает вопрос о том, как распространялся этот «протопиджин» и как именно складывались на его основе исторически засвидетельствованные идиомы. Главными силами его распространения были русские: купцы, сборщики ясака, землепроходцы. Таким образом, мы возвращаемся здесь к отдельным положениям *теории языка «для иностранцев»*, однако, не в ее классическом варианте. В качестве одного из важнейших источников общих черт пиджинов в зарубежной креолистике прибегают к особенностям упрощенных регистров – «языка для общения с детьми» и «языка для иностранцев». Предполагается, что в большинстве языков существуют особые регистры, применяющиеся при общении с людьми с пониженной языковой компетенцией (Фёдорова 2002). Считается, что данный регистр – один из главных источников «редуцированной» грамматики пиджинов. Как показали исследования соответствующих регистров русского языка (Фёдорова 2002; Гаврилова 2002), наличие единого упрощенного регистра для него не характерно. Детальное исследование современного регистра общения с иностранцами, предпринятое К.С. Фёдоровой, показало, что в этом регистре не только не используются формы, подобные формам исторически засвидетельствованных русских пиджинов, но и вообще не происходит существенной ломки морфологии. Таким образом, тот особый регистр, который используется для общения с

⁵⁷ Как показывают данные составленного мною Словаря сибирского пиджина двадцатью самыми частотными словами являются следующие (по мере убывания): моя, не, надо, купи, люди, тебе, ходи, была, говори, его, нету, фанза, дом, ещё, когда, один, пампушка, рыба, сейчас, солнце (подробнее см. Главу 3).

иностранцами, в настоящее время не несет никаких пиджинных черт; и на его основе пиджин, подобный руссенорску, говорке и сибирскому пиджину, не мог сформироваться.

Ситуация, по-видимому, была иной в XVII-XIX веках, в период завоевания Поволжья, Северного Кавказа, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В этот период существовал представленный выше «протопиджин». По-существу, этот идиом можно описывать и как особый «регистр для общения с инородцами». Складывается примерно такая картина: купцы, сборщики ясака и иные категории людей, общавшихся с населением вновь присоединенных областей, «знали», какие слова «лучше понимают инородцы», а также как соединять эти слова.

Такое предположение кажется вероятным, поскольку людей, которые контактировали с населением этих областей, было численно немного. Казаки, купцы, сборщики ясака, миссионеры – самая мобильная часть населения. Многие из них постоянно перемещались из одной области в другую. Оседлые крестьяне-переселенцы появлялись позже, и поначалу они тоже были немногочисленны. Переселенцы также представляли собой разнородные группы: в Восточной Сибири, в Забайкалье, на Дальнем Востоке значительную часть составляли старообрядцы, в Сибири – осевшие здесь каторжане, на северном Кавказе, на Урале и в Западной Сибири имелись казачьи поселения. Численно носители русского языка были сопоставимы с коренным населением, общение с которым было для них весьма актуальным.

Эти люди пользовались при общении с любым новым народом, независимо от того, на каком языке этот народ говорил, одним и тем же кодом. Такой язык я и называю «языком для общения с инородцами». Это был не регистр, и вообще не вариант русского языка, а «протопиджин», содержащий в себе набор определённых черт, которые затем перешли по наследству ко всем русским пиджинам. Большинство населения Сибири и Дальнего Востока ещё в начале XX века в какой-то мере владело этим языком⁵⁸. На Дальнем Востоке он использовался при общении прежде всего с китайцами и корейцами, а также с представителями коренных народов.

К сходным выводам приходит и Марина Хасанова, исследовавшая особенности «русской» речи негидальцев. Вот, что она пишет: «По моему мнению, некоторые модели и элементы дальневосточного пиджина, должно быть, были привнесены в «аборигенный русский» русскими землепроходцами XIX века. Переселенцы пришли на Нижний Амур из южных частей Дальнего Востока, где был распространен русско-китайский пиджин. Они считали, что язык такого типа был более понятен местным жителям. Я полагаю, что первые контакты русских с аборигенными народами в XIX веке происходили посредством дальневосточного пиджина. Таким образом, современные формы пиджинизированного русского основываются на русско-китайском пиджине XIX века» (Хасанова 2000, 182-183).

Можно постулировать, что знакомство с устройством пиджина было распространено в Сибири и на Дальнем Востоке, а в предшествующую эпоху оно бытовало также и на Урале, в Поволжье, на Северном Кавказе. Таким образом, я предполагаю наличие у русского населения указанных территорий знания некой модели построения упрощенного языка, ориентированного на общение с не-русским коренным населением, а также китайцами, корейцами и другими народами Востока.

Последнее соображение оказывается весьма существенным. Стратегии, применяемые носителями русского языка в XVII-XIX веках при общении с «инородцами», т. е. «с представителями нерусской народности, обычно из национальных меньшинств восточной окраины Российской империи» (БТС 1998: 397), отличались от стратегий, применяемых при общении с «иностранцами», т. е. с представителями народов, обладавших высокой престижностью в глазах русских – с немцами, французами, англичанами и другими представителями западноевропейских народов. По справедливому замечанию К.С. Фёдоровой, «само понятие “иностранец” и связанные с ним коннотации отличаются в русском языке от со-

⁵⁸ Ср. бытовавшие на Дальнем Востоке поговорки, часто носившие юмористический характер: «Моя твоя понимай нету», политически двусмысленное: «Кому нара хорошо, кому низа плохо» (Кто получил место на нарах – тому хорошо, кто остался под нарами – тому плохо), и т. д. Они были понятны каждому.

ответствующих понятий в других языках» (Фёдорова 2002, 23). Иностранец – гражданин другой страны, английское же *foreigner* – это «чужак», совершенно не обязательно гражданин другого государства. Более того, с русской «языковой» точки зрения иностранцами не являются не только граждане стран бывших республик СССР, но и многих других стран, прежде всего развивающихся стран и неевропейских стран «социализма». «Так, высказывание “Ко мне приехали иностранцы из Армении (Узбекистана, Белоруссии и т. п.)” может быть понято в смысле “приехали иностранцы, которые раньше по каким-то причинам были в Армении”, но не в смысле “приехали жители Армении”, которые не воспринимаются как иностранцы» (Фёдорова 2002, 24). Прототипическими «иностранцами» оказываются американцы, немцы, французы, англичане, но не китайцы, вьетнамцы, монголы⁵⁹. Таким образом, рассматриваемый «язык для общения с инородцами» распространялся на общение только с коренными народами осваиваемых земель, а также с китайцами, корейцами, монголами, но не распространялся на общение с представителями западноевропейских народов. К немцам и французам никто не обращался с «*мая твая понимай нету*»⁶⁰.

Можно считать, что те черты, которые объединяют различные варианты русских пиджинов между собой, были свойственны этому «коду для инородцев». Дальнейшая судьба пиджинов была различной. Все сибирские разновидности достаточно близки, чтобы условно считать их вариантами одного языка. Особенно это очевидно при сравнении этих вариантов с руссенорском. Относительно говорки могут быть разные мнения. Говорка распространена значительно севернее, чем известные варианты сибирского пиджина. Однако в XIX веке она могла и не быть отделена от основных ареалов, где был зафиксирован сибирский пиджин, тысячами километров пространства. Говорка разделяет с сибирским пиджином многие структурные черты, которых нет в руссенорске: наличие послелогов; выражение множественности при помощи квантификатора «всё»; дополнительный порядок слов OVS при подлежащем, выраженном личным местоимением, и некоторые другие. Это говорит о том, что говорка и сибирский пиджин оказываются значительно ближе друг другу, чем к руссенорску. В то же время в говорке имеются присущие ей одной особенности: различение эксклюзивных и инклюзивных форм личных местоимений 1 л. ед ч.; наличие двойственного числа местоимений и существительных; выражение основных сирконстантных значений при помощи послелога *место*.

Однако Е.А. Хелимский пишет (правда, с долей сомнения): «Не исключено также, что в формировании говорки сыграли роль какие-то иные пиджинизированные формы русского языка, которые могли иметь распространение в XVIII-XIX веках и ранее на северо-востоке Европы и в Западной Сибири, где русский язык также интенсивно контактировал с уральскими и тюркскими языками» (Хелимский 2000, 380).

В свою очередь руссенорск состоит из двух составляющих. Русская составляющая руссенорска, как было показано выше, также восходит к указанному «коду для инородцев», однако не все сходные с другими русскими пиджинами черты сохранились здесь в полной мере. Неизменяемая форма глагола на *-j*, *-i* зарегистрирована лишь в нескольких формах. Порядок слов SOV соседствует с порядком SVO. Местоимения *toja* и *tvoja* сохранились, однако имеют дублиеты *maja/ja* и *tvaja/ju*. При этом *ju* заимствовано из английского языка.

С. Лунден выдвинула гипотезу о формировании руссенорска на основе регистра общения с иностранцами, по существу, высказывая идеи, сходные с идеями И.Ш. Козинского. При этом, по ее мнению, в основе руссенорска находятся два таких регистра – русский и норвежский. Обе контактировавшие стороны имели представление о том, «как говорят иностранцы» (Lunden 1978b, 214). Именно так она интерпретирует встречающиеся в источниках сообщения о том, что каждая из сторон считала, что говорит «на языке другого». Поэтому норвежцы, возможно, стремились использовать слова русского происхождения, следовательно, руссенорск в том виде, в котором он был зафиксирован, мог быть в какой-то

⁵⁹ Ср. поговорку «Курица не птица, Монголия – не заграница».

⁶⁰ В то же время, в XVII веке этот язык, возможно, использовался при общении с англичанами. Он же лег в основу руссенорска, по крайней мере в основу его «восточной составляющей», а также отчасти в основу солонбала-инглиш (пиджина, который, к сожалению, почти не засвидетельствован).

мере релексификацией ранее существовавших торговых жаргонов (Lunden 1978a, 17). Отдельные черты руссенорска она, однако, относит за счет «восточного элемента», по-видимому, за счет русского языка иностранцев. Одним из таких элементов Лунден считает местоимения *moja/ tvoja*.

Отвечая на вопросы О. Брока, жители Тромсё и Вардё, помнившие поморскую торговлю, сообщали, что общались, прежде всего, жестами, но постепенно «многие учили названия товаров, которые привозили русские», говорили, «часто импровизируя», «говорили на смешанном языке, немного русского, немного норвежского, но понимали друг друга хорошо» (Lunden 1978a, 10).

В XX веке в связи с закрытием границ СССР, прекратила свое существование поморская торговля, а вместе с ней исчез и руссенорск. В 1930-ые годы китайское население было выселено из Приморского и Хабаровского краев, КВЖД отошла к Китаю, русское население Харбина постепенно покинуло город после 1945 года. Эти события отрицательным образом сказались на распространении русских пиджинов. В тот же период началось промышленное освоение Севера, Сибири, Дальнего Востока, пришлое население в этих областях выросло во много раз, в некоторых районах в десятки и даже сотни раз. Общение с местным населением перестало быть актуальным, и знание того, как устроен пиджин, было чаще всего утрачено. Об этом говорит тот факт, что многие «новые» контактные языки строятся совершенно на иных основаниях, без учёта этой модели «языка для инородцев». Эта модель не известна и не понятна и обычному носителю русского языка, и не воспроизводится в современном регистре общения с иностранцами.

Современные пиджины. Финско-русский жаргон⁶¹.

В качестве иллюстрации приведу два современных пиджина. Первый – «жаргон», возникший в пригороде Хельсинки в ходе торговых контактов финнов, не знающих русского языка, с русскими покупателями, не знающими финского; при этом обе стороны не владеют и английским языком (объект торговли – подержанные холодильники и другая бытовая техника).

Этот идиом разделяет со всеми пиджинами основные «минималистские» черты: он лишен словоизменительной морфологии, в нем формально не выражаются многие грамматические категории – такие как число, лицо, род, время глагола и т. п. Характерно, однако, что в этом современном пиджине нет тех черт, которые объединяют между собой сибирский пиджин, говорку и руссенорск: здесь нет местоимений «*моя*», «*твоя*», а неизменяемая форма глагола восходит не к императиву. Личные местоимения вообще употребляются редко, что, возможно, объясняется влиянием финского субстрата.

<i>курить улица</i>	‘Мы пойдем на улицу покурить’
<i>чёрны нада</i>	‘Нужно поджарить так, чтобы подрумянилось’
<i>руски-руски лап-лап-лап</i>	‘По-русски много болтает’
<i>нет устал</i>	‘Я не устал’

Часто вместо личных местоимений употребляются имена собственные, в том числе и вместо местоимений-локуторов.

<i>Лена финский язык есть?</i>	‘Ты выучила финский язык?’
<i>Утром Кари мотрит гараж, да</i>	‘Я пойду в гараж завтра’

Если же личное местоимение всё же появляется, то это всегда форма, восходящая к форме именительного падежа:

<i>я быстро думает деньги</i>	‘Я умею быстро считать суммы в уме’
<i>ты тоже такой</i>	‘Ты тоже бери такой пирожок’
<i>сътарой он Файна</i>	‘Вторую (другую) зовут Фаина’ ⁶²

⁶¹ Этот идиом записывался в Тиккуриле у Кари Ууси-Хаутамаа и Терро Нюквиста в 2001-2002 гг.

⁶² Это единственный зарегистрированный случай употребления местоимения 3 л., и он также не вполне убедителен, поскольку здесь может быть реально употреблен финский глагол *on* ‘есть, имеется’ в форме 3 л. ед.ч.

Как мы видим, не наблюдается ничего похожего на использование русских притяжательных местоимений в качестве «лично-притяжательных». А это как раз та черта, которая объединяет все «старые» пиджины на русской основе, к тому же в сибирском же пиджине по данным словаря слова *моя, твоя/тебе* оказываются одними из самых частотных.

Глагол также имеет неизменяемую форму, но она очень редко восходит к русскому императиву. Гораздо чаще это форма инфинитива или 3 л. ед. числа презенса, которые часто, хотя и не всегда, совпадают, т. к. фонематическая палатализация в данном идиоме отсутствует.

Рита звонит(ь) Лиза автобус

‘Рита позвонила/звонила Лизе,
когда та ехала в автобусе’

Там пат (спать) нет

‘Мы там не собираемся ночевать’

Ного гуляйт, болит

‘Если много ходить, <нога> болит’

Исключением из этого правила оказывается глагол ‘понимать’, который «застыл» в форме 1 л. ед ч. *понимаю*.

Еще один случай употребления глагола в 1 и 2 лице ед ч. одним из информантов оказывается весьма примечательным:

*Фински язык быстро-быстро читаю,
ты читаешь*

‘Ты очень быстро можешь научиться
читать по-фински’

Здесь, по-видимому, сказались полученные когда-то уроки русского языка. Этот пример показывает, что говорящий когда-то обучался, пусть недолго, русскому языку и изучал русскую морфологию, однако сказалось отсутствие мотивации к серьезному изучению языка. Этот фактор, по тонкому замечанию Сары Томасон, является одним из важнейших при формировании вспомогательных контактных языков (Thomason 2001). В отсутствии такой мотивации говорящий не улучшает свою языковую компетенцию, как только был достигнут некоторый уровень взаимопонимания, оказавшийся достаточным.

Данную форму языка следует рассматривать как «жаргон», т. е. самый ранний этап развития контактного языка (материалы по данному идиому см. в Части II).

Данные представленного финско-русского «жаргона» показывают, что на современном этапе пиджины на основе русского языка образуются иным образом, чем исторически засвидетельствованные «старые пиджины». Так, этот «жаргон» не разделяет с ними многих черт, которые оказываются существенными для «старых пиджинов»: не засвидетельствованы местоимения *моя, твоя*, нет тенденции к установлению порядка слов SVO (хотя субстратом является финский язык), глагол представлен не формами на *-i/-j* (как в сибирском пиджине и отчасти в руссенорске), не развивается система послелогов (как в сибирском пиджине и говорке). Сходство такого «нового» пиджина со старыми ограничивается лишь чертами редукции языка – отсутствием словоизменительной морфологии, невыраженностью категорий лица, числа, падежа и т. п.

Современный русский пиджин Забайкалья

Вот совершенно иной пример. Совсем недавно появилось сообщение о существовании китайско-русского пиджина в Забайкалье (Ян Цзе 2007). Этот пиджин (или препиджин, по мнению автора статьи), используется в пунктах пропуска «российских и китайских граждан с целью продажи-покупки товаров повседневного спроса». В данных районах сложилась социолингвистическая ситуация, способствующая образованию торгового вспомогательного языка: повторяющаяся однотипная ситуация контакта, причем обе контактирующие стороны не знают языка друг друга и не владеют каким-то общим языком. «В качестве переводчиков нередко использовались люди, знающие всего несколько слов и устойчивых разговорных конструкций ...» (там же, 71). Очень важной составляющей представляется постоянный состав групп, участвующих в коммуникации: «Участники коммуникации с российской и китайской сторон: «челноки» с многолетним стажем, водители микроавтобусов и грузовиков, владельцы и обслуживающий персонал гостиниц, ресторанов, баров и кафе, местные торговцы и бизнесмены (контингент которых постоянен)» (там же, 73). При этом пиджину учатся: «... некоторые впервые прибывшие в город Маньчжурию китайцы, следуя примеру

своих соотечественников, проживших в конвергентной зоне ... много лет, также начинают использовать в разговоре данную форму обращения...» (там же, 73). Данный идиом, по мнению Ян Цзе «приобрел черты стойкого узувального стандарта», и обладает «своим неизменным лексическим набором языковых единиц» (там же, 72).

Автор статьи приводит несколько примеров речи на данном идиоме:

Моя капитана – молодца, клёвая куна, а? (русский этнолект) ‘Мой руководитель группы красивая девушка, а?’

Диалог между китайцем и русским партнёрами по бизнесу:

Китаец: – *Моя щас ходила лестолан, ела кытаски тофу, лянцай, мяса, пилоски, пила цю-цють водка – усие вкусно, хэнь хаотши. Лестолан та улиса, када мы гуляли давно, чжидео-ма? Я зынала – твоя любит кытаски кухня. Может сиедне вечелом погуляем – тама много луский куна кыласива.*

Русский: *Сёдня вечелом мене надо ехать Забайкальск, капитана сказала, завтра погуляем, хао-ма?*

(Я сейчас ходил в ресторан, ел китайский соевый творог, овощной салат, мясо, пирожки, немного выпил водки – все вкусно. Ресторан находится на той улице, где мы раньше с тобой отдыхали, помнишь? Я знаю – ты любишь китайскую кухню. Может быть, сегодня вечером посидим в этом ресторане – там много красивых русских девушек?)

– Сегодня вечером мне нужно ехать в Забайкальск – начальник приказал, завтра посидим в ресторане, хорошо?). (Ян Цзе 2007, 72-73).

В этих примерах обращает на себя внимание употребление слова *капитана* в значении ‘начальник’, ‘руководитель’. Несомненно, оно восходит к старому сибирскому пиджину. Так Дерсу Узала обращался к Арсеньеву! К старому пиджину восходят и местоимения *моя/мине* и *твоя/тибе*. При этом в целом записанная форма носит достаточно депиджинизированный характер. Однако в отличие от представленного выше финско-русского жаргона данный идиом сформировался на основе старого сибирского пиджина. Следовательно, этот пиджин не был утрачен окончательно и, при возникновении соответствующей социолингвистической ситуации отчасти возрождается.

Выводы

Таким образом, «старые пиджины» действительно во многом строились по единой модели. Эту модель «устройства пиджина» несли с собой те, кто осваивал новые земли, в первую очередь, казаки и купцы. Они знали, что с «инородцем», кем бы он ни был, следует говорить, «коверкая язык», так ему будет понятнее. Следовательно, модель построения пиджина не является ни врождённой, ни «естественной» – нет оснований утверждать, что русский язык будет всегда упрощаться именно таким, а не иным образом. Такой идиом с функциональной точки зрения можно считать «регистром общения с инородцами», а по своей структуре это был «жаргон» или «протопиджин». Этот идиом существовал, по-видимому, уже в XVII веке.

На основании лингвистического анализа материалов русских пиджинов мы приходим к выводу о том, что в основе русских пиджинов, функционировавших в XIX веке, лежал особый код, который становился «ядром» конкретного пиджина. Этот код употреблялся русскими купцами и первыми переселенцами при общении с коренным населением Урала, Сибири и Дальнего Востока. Он содержал черты, которые объединяют «старые» русские пиджины. Те современные пиджины, которые возникли независимо, такими чертами не обладают.

В Сибири единственным по-настоящему стабильным пиджином был кяхтинский язык. По-видимому, именно вследствие этого он начал восприниматься как отдельный идиом, а не просто как «ломаная» речь, и обратил на себя внимание путешественников, а затем и лингвистов. Достаточно стабильным пиджином был и руссенорск, при этом оставаясь редуцированным пиджином.

ОЧЕРКИ ПО ГРАММАТИКЕ РУССКИХ ПИДЖИНОВ

В данной главе представлено систематическое описание грамматического строя и лексического состава русских пиджинов и, прежде всего, сибирского русского пиджина в его дальневосточном варианте.

Сразу следует сказать, что провести лингвистический анализ русских пиджинов можно только, применив какой-то метод фильтрации множества вариативных форм, которые сосуществуют в одном варианте, в том числе и в одном идиолекте. При попытке охватить в целом один пиджин, а тем более разные пиджины, мы сталкиваемся с таким «хаосом» форм, что попытки найти в них какие-то закономерности, кажутся заранее обреченными на провал. Однако интуитивно понятно, что такие закономерности все же есть, однако правила одной системы сосуществуют с правилами другой системы или систем, в том числе и в речи того же самого говорящего. Поэтому начать нужно с попыток развести эти системы и рассмотреть их отдельно. С некоторым огрублением ситуацию, которая предстает перед нами в общем корпусе русских пиджинов, можно уподобить ситуации живого посткреольского континуума, подробно описанной, например, для ямайского креола⁶³.

В главе 1 была описана методика импликационных шкал, разработанная для описания континуумной ситуации в ямайском креоле. Использование этой методики для описания русских пиджинов затруднительно, поскольку русские пиджины – это фактически исчезнувшие языки, и мы располагаем лишь конечным корпусом материалов. На этом отрывочном основании без тщательно проработанного исследования социолингвистического бытования пиджина, трудно осуществить привязку той или иной группы форм к какой-то определенной социальной или этической группе говорящих. Сочитаемость различных мезолектных форм невозможно определить для цитаций в художественной литературе из-за того, что автор часто пересказывает речь своего героя русским литературным языком.

В то же время многие исследователи русских пиджинов, проводившие структурный анализ этих идиомов, подразделяют их формы на определенные группы. Дж. Никольс выделяет «пиджин», «ломаный русский» и «упрощенный русский» (Nichols 1980); Е.А. Хелимский пишет о «чистой говорке» в противоположность «говорке под влиянием русского языка» (Хелимский 2000, 385); О. Клонова выделяет в руссенорске «центр» и «периферию» (Клонова 2007, 6). По-существу, «центр» Клоновой соответствует «чистой разновидности» Хелимского и «пиджину» Никольс. Пользуясь креолистической терминологией, я называю эти формы «базилектом».

«Ломаный русский» и «упрощенный русский» Никольс соответствует «говорке с заметным русским влиянием», однако Никольс проводит дальнейшее членение, подразделяя формы на, так сказать, промежуточные и уже совсем близкие к формам русского языка. Я называю их соответственно «мезолектными» и «акролектными». Несколько иная ситуация в руссенорске. Здесь «периферия» делится прежде всего на этнолекты. Таких форм, которые можно было бы отнести а акролекту, в записях руссенорска не зарегистрировано. Имеется, однако, значительное количество мезолектных форм, которые появляются под влиянием родного языка говорящего: русского или норвежского.

Мезолектные и акролектные формы я буду рассматривать в части, посвященной постпиджинному континууму. На мой взгляд, следует начать рассмотрение структуры русских пиджинов с изучения базилекта. Это тот самый «чистый» пиджин, который

⁶³ Если учесть, что язык крио (креольский язык Сьерра-Леоне, в особенности, его столицы Джорджтауна) является, по свидетельству специалистов настолько близким к ямайскому креолу, что их можно считать диалектами (разновидностями) одного языка, аналогия с ситуацией русских пиджинов (за исключением руссенорска) будет еще более полной.

представляет собой особый идиом со своей структурой, не выводимой из каких-либо вариантов языка-лексификатора.

Однако эти базилекты, «собственно пиджины», очевидным образом, делятся на редуцированные и расширенные варианты. В первой главе было показано, что редуцированный пиджин и расширенный пиджин – это идиомы разного порядка. Редуцированный пиджин характеризуется отсутствием эксплицитно выражаемых грамматических категорий и одновременно «мягкой» грамматикой, то есть такой, где правила носят статистический характер и где, соответственно, любое правило может нарушаться. Расширенный пиджин – это язык с грамматикой в обычном понимании. Поскольку на определенной стадии развития некоторые варианты сибирского пиджина, а также говорка, очевидно, начали расширяться, разные стадии развития этого пиджина будут рассматриваться как отдельные сущности.

В то же время говорка, как и современные варианты сибирского пиджина, засвидетельствована только в ситуации постпиджинного континуума, которая сопровождается размыванием собственно пиджинных черт, а также резким повышением вариативности. Особенности пиджинов, находящихся в ситуации континуума, будут также рассмотрены отдельно.

Поскольку характерной чертой редуцированных пиджинов является отсутствие словообразовательной и словоизменительной морфологии, притом не только синтетической, но и аналитической; а также нежесткий синтаксис, возникает вопрос о возможной диффузности лексем в такого рода языках. Вследствие этого я начну с рассмотрения классов слов в русских пиджинах.

Части речи в русских пиджинах

Проблема выделения частей речи (словарно заданных лексико-грамматических классов слов) в пиджинах, как и в креольских языках, до сих пор не была предметом специального исследования. По-видимому, данные идиомы в этом отношении рассматривались как продолжения своих языков-лексификаторов. Между тем, набор и критерии выделения частей речи в пиджинах, в особенности в их базилектных формах, не могут совпадать с таковыми в их языках-лексификаторах. Это языки разного грамматического строя, в случае русских пиджинов – языки различных морфологических типов, – а потому критерии выделения и набор частей речи в этих языках не могут совпадать. Описания же конкретных пиджинов и креольских языков, хотя и оперируют терминами «глагол», «предлог» и т. п., как правило, не содержат специальных указаний на то, как именно эти части речи выделялись.

Критерии выделения частей речи

Существует три критерия для выделения частей речи (подробнее см. Алпатов 1990b). Это, во-первых, *семантический критерий*, в соответствии с которым слова делятся по своим «общекатегориальным» значениям. Существительные выделяются, как имеющие значение «предметности»; глаголы – как слова, обозначающие «действия, процессы или состояния»; прилагательные как классы слов, выражающие значение «качества или признака», и т. д. (см., например, Болдырев 2004, 10).

В соответствии с *морфологическим критерием* части речи классифицируются по своим морфологическим характеристикам, т. е. по тому, какие грамматические категории имеет данная часть речи и как эти категории выражаются в словоформах; принимаются во внимание словоизменительные и словообразовательные модели. Некоторые исследователи предлагают понимать морфологический критерий расширенно, т. е. принимать во внимание «сочетаемость с грамматическими элементами, в том числе со служебными словами» (Алпатов 1990b, 40-42). Такой подход значительно расширяет возможности применения морфологического критерия, распространяя его на языки с развитым аналитизмом. По *синтаксическому критерию* части речи подразделяются в соответствии с теми синтаксическими функциями, которые они имеют в предложении, т. е. по способности слов конкретной части

речи занимать те или иные синтаксические позиции. Очевидным образом, в некотором идеальном случае все три критерия должны совпасть, отчего и можно говорить о «категории сущестительности» (Кобозева 2000, 77-78); ситуация в реальных языках лишь стремится к этому идеалу.

Каждый из упомянутых критериев, взятый сам по себе в отрыве от остальных, не удовлетворителен для подавляющего числа языков. О неадекватности семантического критерия писалось уже много (например, Щерба 1974, Стеблин-Каменский 1974, 19-34; Глисон 1959). Абсолютизация синтаксического критерия также ставит множество проблем, например, вопрос о том, какие именно синтаксические функции следует считать основными для данного класса слов. Сторонники такого «ультра-синтаксического» подхода приходят к выводу об отсутствии частей речи в системе языка (Томчина 1978).

Очевидно, что независимое использование морфологического и синтаксического критериев — в отрыве друг от друга — приводит к различным (и часто очень спорным) результатам. Можно принять это как данность и констатировать вслед за В.Ф. Выдриным, что «синтаксические части речи и морфологические части речи являются классами разной природы и могут не совпадать» (Выдрин 2004, 146). Из такого крайнего утверждения следует, что научное грамматическое описание языка может (должно?) содержать две номенклатуры частей речи — морфологическую и синтаксическую. На практике так никогда не делается, и на это есть основания. Невозможно привести ни одного конкретного примера описания такой «двойственной» системы.

Представляется справедливым утверждение М. Хаспельмата о едином «морфосинтаксическом критерии», который и оказывается определяющим как при выделении частей речи в каждом конкретном языке, так и при отнесении лексемы в ту или иную часть речи (Haspelmath 2001, 540). При этом в применении к изолирующим языкам «морфология» может пониматься в расширенном смысле. «Удельный вес» морфологических и синтаксических составляющих может варьировать, но всё же (за исключением, по всей видимости, древнекитайского языка) обычно принимаются во внимание соображения обоого рода, между которыми трудно провести чёткую границу: на каком основании мы считаем русское *медведь* или удэгейское *songo* 'медведь' сущестительными — потому ли, что они изменяются по падежам или потому что играют в предложении преимущественно роль субъекта и прямого объекта? Следует вспомнить часто цитируемое выражение И.А. Мещанинова: «Части речи — это морфологизованные члены предложения» (Мещанинов 1945, 210).

Части речи в разноструктурных языках

Со времени, когда в русском языкознании проходила дискуссия о критериях выделения частей речи (см. об этом Князев 2001), прошло почти сто лет. За это время о частях речи было написано много, это одна из «вечных тем» русского языкознания. В 1990 году вышел сборник статей по редакции В.М. Алпатова, полностью посвященный проблематике выделения частей речи как в языке вообще, так и в конкретных языках разных типов (Части речи 1990), в том же году вышла статья А.К. Поливановой, посвященная частям речи в русском языке⁶⁴ (Поливанова 1990), появляются всё новые работы, посвященные проблеме частей речи (Болдырев 2004, Князев 2001, Тестелец 2005).

Одно из объяснений такой нерешённости проблемы лежит в чисто лингвистической плоскости: в различии двух предметов лингвистики, изучающей как языки, так и Язык. Это очень точно сформулировал М. Хаспельмат: «Прежде чем задаваться вопросом, как определить сущестительные, глаголы, прилагательные, нужно прояснить, имеется ли в виду определение этих классов слов в каком-то определённом языке или нам требуется определение этих

⁶⁴ Последовательно применяя морфосинтаксический критерий, А.К. Поливанова выделяет в русском языке следующие части речи: 1) субстантивы (сущестительные, количественные числительные, местоимения-сущестительные; 2) адъективы (прилагательные, порядковые числительные, местоимения-прилагательные, причастия, наречия на -о); 3) глаголы (личные формы глагола, деепричастие, инфинитив); 4) компаративы — неизменяемые синтетические формы сравнительной степени (напр. *выше*); 5) первообразные служебные слова; 6) «внелексемные словоформы» (наречия типа *вприпрыжку*, *исподтишка*, *пешком*). (Поливанова, 1990, 41–69).

классов слова в языке вообще. Широко известные и раскритикованные определения существительного как обозначающего «людей, предметы и места», а глаголов как обозначающих «действия и процессы», прилагательных как обозначающих «качества» являются, разумеется, очень упрощёнными с точки зрения конкретного языка... Однако, если целью является определение существительных, глаголов и прилагательных не с точки зрения конкретного языка, эти определения оказываются не так уж плохи». (Haspelmath 2001, 540).

Таким образом, проблема несоответствия между критериями выделения частей речи и их определением в рамках одной и той же работы объясняется во многих случаях тем, что при определении частей речи исследователь стремится выйти на «общезыковую, универсальный» уровень теоретизации.

По остроумному выражению А. Вежбицкой, «прототип спасает», если «использовать его как специальный инструмент анализа, а не как универсальную гносеологическую отмычку» (Вежбицкая 1996, 201-202). Представляется, что у знаменательных частей речи действительно имеется «общекатегориальное» значение, которое относится если не к большинству, то к весьма значительной части слов, данную часть речи составляющих, и являющихся её ядром. Только для этой группы слов все три означенные выше критерия совмещаются, а не противопоставляются. В прототипическом случае слова, обозначающие «предмет, лицо или место» будут принадлежать той части речи, которая играет в предложении преимущественно роль субъекта или прямого объекта, может также определяться прилагательным, сочетаться с предлогом/послелогом и, очень возможно, она же будет иметь категорию числа и, например, иметь род или входить в определенный классификационный класс.

Это дает возможность, вообще говоря, выделять сходные части речи в разнотипных языках. Если бы каждый конкретный язык не был ипостасью Языка, и в нём бы выделялись ему одному свойственные части речи, это было бы сделать невозможно. Как показала М. Бергельсон, деление на основные части речи, прежде всего на существительное и глагол, отражает базовые когнитивные процессы человека (Бергельсон 1990), а потому эти части речи, по-видимому, являются универсальными.

Когда мы имеем дело с Языком как родом человеческой деятельности, приходится говорить о Частях Речи, свойственных Языку, выделяя их на основе семантического критерия, ибо «морфологические черты и синтаксические конструкции очень различны в разных языках, поэтому их невозможно применять при построении межъязыковых определений» (Haspelmath 2001, 540). Это касается основных частей речи, прежде всего существительного и глагола. В конкретном же языке части речи выделяются на основе морфосинтаксического критерия, однако при этом они соотносятся с «глубинными» Частями Речи Языка.

Пиджины, в том числе и в русские пиджины, в силу своеобразия своего происхождения могут быть в какой-то мере уподоблены «возникающему» языку. Поэтому на их примере можно проследить последовательность формирования частей речи. При этом существенным оказывается уже не происхождение конкретного пиджина, а степень его редуцированности/расширенности. В этом отношении руссенорск следует охарактеризовать как редуцированный пиджин, говорку — как начавший расширяться пиджин, попавший в ситуацию постпиджинного континуума. Сибирский пиджин представлен разными записями, которые отражают разные этапы его развития: редуцированный пиджин (Александров, Шухардт, Врубель), стабильный пиджин (Черепанов, Шпринцын, Арсеньев, Фадеев); относительно расширенный, находящийся в состоянии постпиджинного континуума (полевые записи, сделанные с 1984 по 2004 годы).

Опираясь на морфосинтаксический критерий выделения частей речи, я рассмотрю части речи в редуцированном, затем в расширенном вариантах пиджина, уделяя при этом особое внимание морфологии выделенных классов слов. При этом «морфология» будет пониматься, по В.М. Алпатову, в расширительном смысле.

Части речи в редуцированных вариантах русских пиджинов

Критерии выделения частей речи в редуцированном пиджине

В редуцированных формах русских пиджинов, с их крайне бедной морфологией и отсутствием словоизменительных парадигм, казалось бы, следовало бы опираться исключительно на синтаксический критерий, однако этот критерий оказывается недостаточным. В отличие от «естественного» языка, пиджин являлся вспомогательным языком, не имеющим «жёсткой» грамматики. Это касается и правил порядка слов в предложении. В такой ситуации интерпретация конкретного высказывания в большей степени определяется контекстом.

Скажем, выражение *кабан таскай* (Вк) может быть проинтерпретировано как «кабаны таскают (обычно или часто что-то крадут)», «тащи кабана», «я/ ты/ он/ она кабана тащит/ таскал/ будет таскать/ таскал бы» и т. д. Это объясняется тем, что глагол *таскай* в пиджине имеет широкое лексическое значение «носить, возить, приносить, привозить, воровать, красть», при этом глагол, не имея словоизменения, не выражает никаких грамматических значений — лица, числа, времени, модальности и т. д. Поэтому интерпретация такого предложения зависит от контекста, который в данном случае указывает на следующую интерпретацию: «нам приходилось подтаскивать кабаны туши (к лодке)».

Тем не менее *кабан* всегда рассматривается как существительное, а *таскай* — как глагол. При интерпретации фразы *кабан таскай* можно сомневаться в том, какой актант выражен словом *кабан* — это может быть подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение или иной актант (например, инструменталис) или даже сирконстант. Однако это в любом случае будет какая-то функция, прототипически свойственная существительному. Точно так же *таскай* — глагол, и он воспринимается как сказуемое, какое бы ни приписывалось ему число, время, лицо, наклонение.

Таким образом, понимание частеречной принадлежности слов позволяет интерпретировать предложение, поскольку все вышеперечисленные смыслы все же сводятся к некоторому инварианту: *кабан* — «Терм», *таскай* — «Предикат».

Понимание того, к какой части речи относятся лексемы, составляющие предложение, происходит ранее его интерпретации. Следовательно, без этого знания интерпретация предложения невозможна.

Можно предположить, что основой оказывается семантическая интерпретация слова *кабан* как Терма, а слова *таскай* — как Глагола. Тогда в пиджине определяющим при выделении частей речи окажется семантический критерий, т. е. поверхностные части речи совпадут с глубинными, смысловыми. В этом случае пиджин окажется едва ли не единственным языком, где части речи действительно выделяются на основе семантического критерия. Такая интерпретация звучит достаточно правдоподобно: действительно, в пиджине, как в рождающемся языке, могут ярче проявляться свойства Языка вообще.

Если бы это действительно было так, то интерпретация искусственного предложения вроде Щербовской «Глокой куздры» на пиджине оказалась бы невозможной, поскольку понимание такого рода предложений базируется на интерпретации грамматических значений, прежде всего морфологических показателей. В переводе на сибирский пиджин это предложение, по-видимому, звучало бы примерно следующим образом: «Гэлоки кузэдэра бокэра мала-мала булдай. Бокэра сына⁶⁵ типерь булдай его». Оно, вне всякого сомнения, было бы понятно в той же степени, что и «классическая» Глокая куздра. Частеречная принадлежность всех слов очевидна, равно как и их роль в предложении. Следовательно, морфосинтаксический критерий может быть применён и к редуцированному пиджину, а части речи здесь могут быть выделены по формальным критериям. Остаётся выяснить, что это за критерии.

Для решения этого вопроса был составлен словарь дальневосточного варианта сибирского пиджина, который представляет собой попытку сведения воедино разновременных лексических материалов. Целью его было: 1) выделение основного лексического ядра пиджина, и 2) выявление формальной вариативности лексем. Словник составлялся,

⁶⁵ Это вовсе не означает, что *бокрёнок* является непременно детёнышем *бокра*. Слово *сынка* в пиджине имеет очень широкое значение, ср. *Аг. дуба сына* 'жёлудь'.

исходя из установки на максимально полное отражение лексики пиджина, поэтому учтены также формы, принадлежащие мезолектным вариантам. Путем сплошной выборки были расписаны основные письменные лингвистические⁶⁶ источники по сибирскому пиджину.

При всей размытости синтаксиса пиджинов, порядок слов сибирского пиджина, говорки и руссенорска имеет тенденцию к последовательности SOV. В руссенорске следующим по частотности является порядок SVO. В говорке и сибирском пиджине следующим по частотности оказывается порядок OVS, если субъект выражен местоимением⁶⁷. Следовательно, синтаксический критерий также оказывается задействованным, однако, взятый изолированно, он оказывается недостаточным. Ср. следующий пример:

- (1) *мине жалко их детей, не даюта мне ихинь* (Bk) 'очень я горевала по детям, мне их не отдали'.

В данном примере нарушен порядок слов SOV во втором предложении, тем не менее *даюта* интерпретируется как сказуемое, потому что известно, что это глагол.

Русские пиджины очевидным образом стремятся к формальному выделению частей речи. В пиджинах в полной мере проявляется тенденция частей речи морфологизоваться, причем в сибирском пиджине и руссенорске этот процесс происходил независимо.

В первую очередь выделяется глагол, что соответствует современным представлениям о ведущей роли предиката. «Предикат является главным определяющим элементом в структуре пропозиции постольку, поскольку ситуация определяется не объектами, которые ней участвуют, а теми отношениями, в которых они находятся (Кобозева 2000, 220).

Глагол

В руссенорске процесс формального выделения глагола захватил подавляющее количество слов, играющих в предложении роль сказуемого. Большинство глаголов руссенорска получили исход на *-om*: *drikkom* 'пить', *slipom* 'спать', *smotrom* 'смотреть', *kopom* 'покупать', *kralom* 'воровать' и т. п. Этот элемент можно считать особой морфемой, являющейся формальным показателем глагола (verb marker по Йоханне Лааксо: Laakso 2001, 316)). Его единственная функция – указание на глагол, как на часть речи. По поводу происхождения этого показателя имеются различные точки зрения; по-видимому, это продукт двойной этимологии (см. обзор этой проблематики в: Laakso 2001).

Интересно, что в довольно плохо засвидетельствованном пиджине соломбала-инглиш также имелись глаголы с исходом на *-om*, ср. примеры, приводимые Ингвилд Брок (Broch 1996, 94-95):

- (2) *Baëm buč, šus, asej! Kom sjuda! Veri gud buč.* 'Купи сапоги, ботинки, моряк! Иди сюда! Очень хорошие сапоги!'
(3) *Kom milek drikkom* 'Иди пить молоко'.⁶⁸

В то же время в руссенорске встречаются глаголы, по форме сходные с глаголами сибирского пиджина: *grebi* 'грести, перевозить по воде', *plati* 'платить', *arbai* 'работать', *prodai* 'продавать', имеющее двойную этимологию *skasi* 'говорить, сказать'. Это остатки более ранних форм, восходящих к русской составляющей русско-норвежского пиджина.

В руссенорске имеется несколько глаголов, имеющих иную форму: *spraak* 'говорить, сказать', *vros* 'обманывать' и некоторые другие. Как указывает К.С. Сапунова «...существует ряд частотных глаголов, никогда не употребляющихся с суффиксом *-om*: *sprek/snakka* 'говорить, сказать, рассказывать'; *skade* 'вредить, портить', *sitte ne(d)* 'сидеть', *ligge ne(d)* 'лежать', *kludi* 'бить', *vret/vreti* 'сердиться', *reisa* 'ездить'. Также никогда не употребляются с *-om* модальные глаголы *vil* и *kanske*... И лишь для одного глагола *drikki/drikkom* использование этого суффикса, по-видимому, является вариативным – зафиксировано 8

⁶⁶ В словарь не включались цитации из художественной литературы, где имитируется речь персонажей, говорящих на пиджине.

⁶⁷ Относительно порядка слов в говорке см.: (Хелимский 2000, 391).

⁶⁸ Обращение к английскому моряку *асей* восходит к англ. *I say*. В свою очередь английские моряки обращались к русским портовым рабочим 'slysh'ty' (Broch 1996, 94).

случаев употребления этого глагола с *-om*, а форма без суффикса употреблена 4 раза» (Сапунова 1998, 41).

Нельзя не обратить внимание на то, что среди приведенных К.С. Сапуновой глаголов, многие имеют в исходе *-i*, т. е. совпадают по форме с типом *grebi* и *plati*. Что же касается глаголов *sitte ne(d)* и *ligge ne(d)*, то они часто употребляются как связочные, и их следовало бы объединить с *vil* и *kanske*.

В сибирском пиджине также произошло формальное выделение глаголов, которые в большинстве своем имеют исход на *-j* или *-i*. Многие из них по форме совпадают с императивом глагола русского языка: *болеи, выгони, захорони, гоняй, незнай, ругай, сади* и т. п. Из зафиксированных в составленном мною Словаре сибирского пиджина 166 глаголов и глагольных форм, такой формой обладают 128 глаголов. При этом подавляющее количество исключений составляют мезолектные глагольные формы (имеющие показатели лица/числа или инфинитива): *знаеши, говорю, мать* и т. д. (всего 34 формы). Только пять глаголов, зафиксированных в неизменяемой («абсолютной»⁶⁹) форме (т. е. не выражающей никаких грамматических категорий), имеют иной вид: *умеши, тиху, кушаху, поживу, ляг*. Первые четыре засвидетельствованы в текстах Черепанова (яхтинский вариант, середина XIX века); а последний – в 1984 г. у информантки с родным удэгейским языком, говорящей на пиджине, язык которой следует охарактеризовать как базилект с некоторыми чертами мезолекта. Модальный глагол *хочу* «хотеть» имеет варианты *хочи* и *хычи*, причём последние два оказываются в некоторых источниках более частотными. Отмечу также, что модальные показатели в пиджине я считаю особой служебной частью речи.

Целый ряд глаголов не может быть возведен ни к одной из форм русского языка: *плáкай* ‘плакать’, *крича́й* ‘кричать’, *охóтай* ‘охотиться’ и т. д. Первые два образованы, по-видимому, от основ инфинитива, к которым добавился *-j* как формальный показатель глагола. Глагол *охотай* образован от существительного *охота* с добавлением глагольного показателя *-j*. Таким образом, очевидно, что и «новые» глаголы были образованы по той же модели – с сохранением формального глагольного показателя.

То же самое касается и глаголов, восходящих к словам иных языков: *карапчи* ‘воровать’, *каньтрами* ‘рубить, отрубать’, *юли* ‘грести, перевозить на лодке’ (первое слово, возможно, имеет монгольское происхождение, два других восходят к китайскому языку).

Формальному выделению глагола в сибирском пиджине, закреплению за *-i/-j* функции глагольного показателя могло бы помешать наличие русских прилагательных и местоимений-прилагательных, имеющих в русском языке форму им. п. муж. р. ед. ч. на *-j*. В пиджине большинство слов, соответствующих прилагательным русского языка, имеют исход на редуцированный гласный *i*, по-видимому, могут быть возведены одновременно к формам прилагательных и формам соответствующих наречий: *хорóшэ, рóвнэ, красивэ, прáвильнэ, грязнэ, одина́кэ, чистэ* и т. п. (всего в Словаре зафиксировано 18 таких слов). Эти слова являются определениями как при существительных, так и при глаголах, и образуют класс атрибутов (см. подробно ниже). Исход на *-j* сохранили несколько слов, восходящих к русским прилагательным, имеющим ударение на последний слог: *слепóй, молодóй, другóй, чужóй*.

Все они зарегистрированы в предикативном употреблении. Связка в сибирском пиджине отсутствует, и такого рода употребления на синхронном уровне ничем не отличаются от собственно глагольных:

(4) *Слепой его давно* (Bk) ‘Она давно ослепла’.

(5) *Лан тоже немношка маладой* (Tz) ‘Лан немного моложе [меня]’.

В (4) местоименное подлежащее стоит после предиката в соответствии с общим правилом порядка слов OVS при прономинальном субъекте. Как мне кажется, нет оснований выделять в сибирском пиджине особый класс прилагательных. Указанные же слова с исходом на *-ój* в сибирском пиджине относятся к классу глаголов.

⁶⁹ Термин «абсолютная форма» заимствован мною из статей Е.А. Хелимского, посвященных говорке (Хелимский 2000, 384). Под абсолютной формой понимается неизменяемая форма, не выражающая никаких грамматических значений.

Зафиксирован еще один случай перехода русского прилагательного в глагол пиджина, что произошло, по-видимому, по причине того, что форма русского прилагательного ед. ч. им. п. муж. р. с окончанием *-ый* была воспринята как глагольная: *фальшивый-ла* 'обманывал' (VГ), которая в данном примере выступает с перфективным показателем *-ла*.

С точки зрения семантики все глаголы редуцированных вариантов русских пиджинов имеют прототипические значения: действия: (сиб. п. *говори, колой, каранчи, кричай*; рн. *trokom* 'менять', *sellom* 'продавать', *robotom* 'работать', *skaffom* 'есть') или состояния (сиб. п. *боли, посиди, сти*; рн. *stannom* 'находиться', *slipom* 'спать', *levom* 'жить'), в том числе ментального (сиб. п. *думай, знай*; рн. *lygom/ vros* 'обманывать', *spraak/ skasi* 'говорить'). Никаких других значений: например, значения признака, вроде русского *синеть* или отыменного действия, как у английского *to mob* 'сбиваться толпой', в пиджинах не было. Что касается говорки, базилектная форма этого пиджина не засвидетельствована, и о том, каким был ее глагол на этом этапе развития, можно только строить предположения.

Таким образом, как в руссенорске, так и в сибирском пиджине при выделении глагола как части речи могут быть применены оба критерия (семантический и морфосинтаксический); при применении любого из них независимо друг от друга, будут выделены идентичные классы слов.

Глагольные формы говорки будут рассмотрены в разделе, посвященном постпиджинному континууму.

Имя существительное

Существительное во всех вариантах русских пиджинов, в том числе и в расширенных, имеет неизменяемую форму, которая сама по себе не выражает никаких грамматических значений, в том числе категорий числа, падежа, одушевленности. Существительное в данном случае можно определить следующим образом: это неизменяемое слово, которое может выступать в предложении в роли субъекта, прямого и косвенного объектов, а также может быть именной частью сказуемого; в именной группе существительное в препозиции играет роль приименного определения.

В руссенорске форма конкретных существительных зависит прежде всего от формы, которую эти слова имели в языках-лексификаторах. Ср.: рн. *dek* 'палуба', *skib* 'корабль', *år* 'год', *dengi* 'деньги' (рус. *деньги*), *tsaj* 'чай' (рус. *чай*), *mokka* 'мука' (рус. *мука*), *dumosna* 'таможня' (рус. *таможня*).

В говорке также нет единой формы, которая была бы характерна именно для существительного. Е.А. Хелимский указывает на то, что чаще всего «абсолютная» форма существительного в говорке совпадает формой именительного падежа единственного числа в русском языке.

Однако имеется довольно много исключений. Это слова, совпадающие по форме с существительными множественного числа *ребята* 'ребенок', *люди* 'человек', *глаза* 'глаз'; или с иными падежными формами русского языка: *казку* 'сказка', *богу* 'Бог', *мая* 'май', *агуста* 'август' (Хелимский 2000, 384). Очевидным образом, «абсолютной» формой стала наиболее употребительная словоформа – родительный падеж названия месяцев, слов *сказка, веревка*; множественное число парных предметов. Что касается слова *люди* со значением «человек», то в сибирском пиджине это существительное является одним из наиболее употребительных, обозначающих любое живое существо или стихию, «способную» быть агенсом. Скорее всего, сходное значение существительное *люди* имело и в говорке.

Как мы видим, ни в руссенорске, ни в говорке существительное формально не выделено среди слов других грамматических классов. Это, однако, произошло в сибирском пиджине. Формальное выделение существительного в редуцированных вариантах сибирского пиджина связано с появлением «квази-суффиксов». Для существительных сибирского пиджина характерно достаточно устойчивое ударение, которое обычно падает на предпоследний слог, и лишь в редких случаях – на последний слог слова (*дрова́*) или на третий от конца (*до́жика* 'дождь').

У многих существительных отчетливо выделяется формант *-za*, который, очевидно, ассоциируется и с китайским именным показателем *-tze*:

<i>chumiza</i>	род пшена
<i>fanza</i>	дом, дома
<i>jajtza</i>	яйцо, яйца
<i>kitajza</i>	китаец, китайцы ⁷⁰
<i>kupeza</i>	купец, купцы
<i>lipahoza</i>	леспромхоз
<i>moneza</i>	деньги, монета
<i>nichimoza</i>	ничего
<i>shisoza</i>	шестьсот
<i>ukalainza</i>	украинец, украинцы

Из 193 существительных, зарегистрированных в Словаре сибирского пиджина, такой квази-суффикс имеют 34 слова.

Другим квази-суффиксом может считаться элемент *-ka*, который дважды встречается также и в дублетных формах, *сына* – *сынка* ‘сын’, *мама* – *мамэка* ‘мать’.

<i>chacheka</i>	чашка
<i>ibenka</i>	японец
<i>jaseka</i>	ящик
<i>mishoka</i>	мешок
<i>muzika</i>	мужчина, муж
<i>setuka</i>	штука
<i>sholeka</i>	шелк
<i>soledatka</i>	солдат

Всего таких слов зарегистрировано 37.

Лексемы, восходящие к словам русского языка, сложные с точки зрения русского словообразования, в пиджине оказываются неразложимыми:

<i>dozika</i>	дождь
<i>pampusika</i>	пампушка (китайский хлеб)
<i>riumasheka</i>	рюмка

Три четверти всех существительных сибирского пиджина имеют исход на *-a* (145 из 193).

Двадцать одно существительное имеет исход на *-i*. Это, главным образом, слова, восходящие к формам множественного числа русского языка:

<i>manty</i>	манты
<i>panty</i>	панты (незатвердевшие рога оленей)
<i>piliuli</i>	лекарство
<i>liudi</i>	человек

Девять слов имеют исход на *-n*: *гаолян*, *имен* ‘имя’, *ямынь* ‘полиция’, *кабан*, *ерлан* ‘порция спиртного’, *чифан* ‘еда’, – это, главным, образом слова, заимствованные из китайского языка.

Лишь несколько существительных имеют исход на другие гласные: *-o* (4 слова) или *-u* (1 слово): *Roseju* ‘Россия’, *akno* ‘окно’ и др.

Мы видим, что большинство существительных сибирского пиджина, также как и глаголы, имеют достаточно выразительную форму, хотя тенденция к формальному выделению существительного выражена менее последовательно.

Особым разрядом имен в русских пиджинах, по-видимому, следует считать *личное местоимение*, которое также имеет неизменяемую форму и может употребляться во всех функциях, свойственных существительному, включая функцию приименного определения. Местоимения выделяются лишь своей семантикой (слова-шифтеры), а также, возможно, тем,

⁷⁰ Ср. слово «китаёза» – презрительное название китайцев в дальневосточном сленге начала XX века.

что с большей легкостью допускают дублетное варьирование: сиб. п. *мине/моя/во; тибел/твоя/ни*; рн. *тоја/ја, твоја/ју*; гв. *его/они* 'он, она, оно'.

Наличие этимологических дублетов, однако, в определенной степени характерно и для других разрядов слов, в том числе и для существительных: сиб. п. *дома/фанза*; рн. *fiska/ryba*. Что же касается синтаксического поведения, то по этому критерию местоимения также не выделяются. Употребление в посессивной функции можно рассматривать как частный случай употребления в функции приименного определения, ср.: гв. *шаман костюм* 'шаманский костюм' и *меня брат* 'мой брат'; сиб. п. *ryba koža* 'рыбья кожа' и *nasha shaman* 'наши шаманы' (Hs), *курица яйцы* 'куриные яйца' (Shr).

Семантически существительные русских пиджинов также как и глаголы выражают прототипические значения, обозначая предметы (сиб. п. *бутылка, фанза, колодиса* 'колодец', рн. *planka* 'дерево как материал', *glass* 'стакан'; гв. *санка* 'санки, нарты', *падёрка* 'бумага, документ', *шапка*); людей и животных (сиб. п. *купеза, капитана, люди*; рн. *junka* 'мальчик', *fiska* 'рыба', *treska* 'треска'; гв. *парень, мать* 'мать', *корова*); места и организации (сиб. п. *колхоза, больница*; рн. *dumosna* 'таможня'; гв. *контора*); природные объекты и явления (сиб. п. *сонца* 'солнце, день'; рн. *gav* 'море'; гв. *вода*). Некоторые существительные выражают несколько более абстрактные понятия: сиб. п. *война, воля, время, дело, работа, цена*; рн. *vaga* 'товар', *dengi* 'деньги'; гв. *деньги, лодырь, язык* 'история, рассказ'. Таких слов, однако, немного – в сибирском пиджине, например, их зарегистрировано всего шесть (это приведенные выше слова).

Слов с собственно абстрактным значением, таких как имена действия, качества, вроде русских *доброта, холод, бег* в пиджинах не зарегистрировано.

Прилагательное, наречие, атрибут⁷¹

Вопрос о наличии особых классов прилагательных и наречий в русских пиджинах должен решаться по-разному для различных идиомов. О классе прилагательных можно говорить как о словах, которые служат определением только существительному, но могут играть предикативную роль. Наречие – класс слов, определяющих прилагательное, глагол или другое наречие, но не существительное.

В русских пиджинах, безусловно, выделяется класс наречий. Они играют в предложении роль сирконстантов. Это прежде всего указания на время, место, способ протекания действия. Не зарегистрировано случаев, когда наречия играли бы предикативную роль (предложения типа «Петя дома», «Вася здесь»).

Наречия места: сиб. п. *дома* 'дома, домой', *низа* 'вниз, внизу', *деся* 'здесь, сюда'; рн. *domo* 'дома', гв. *куда* 'никуда, куда'.

Наречия времени: сиб. п. *сё ремь* 'все время', рн. *sijsjas* 'сейчас'; гв. *век* 'всегда', *сейчас*.

Наречия образа действия, степени или способа протекания действия: сиб. п. *сасему, сасем* 'совсем', *шибко* 'очень', *токо* 'только', рн. *pokka lite* 'немножко', гв. *совсем, се равно*.

Наречия могут иметь разную форму, в том числе быть редуцированными: сиб. п. *мало-мало* 'немного, чуть-чуть', *ели-ели* 'еле-еле'. Зарегистрирован случай построения вопросительного наречия соположением антонимической пары: *много-мало?* 'сколько' (Vr).

Следует заметить, что и в редуцированных, и в расширенных вариантах пиджина класс наречий оказывается весьма малочисленным.

Что касается прилагательных, то во всех вариантах русских пиджинов имеет смысл говорить не о прилагательных, а об особом классе атрибутов. Это класс слов, способных служить определением как существительного, так и глагола, а также быть предикатом. Ср. в руссенорске употребление атрибута *grot* 'большой, много, очень':

⁷¹ Термин «атрибут» заимствован из тюркологии, где так именуется неизменяемая часть речи, способная определять как существительные, так и глаголы, т.е. по функции соответствует русским прилагательным и наречиям.

- (6) *Moja paa dumosna grot dengi plati* (Rn) 'Я заплатил на таможне большие деньги' (приименное определение);
- (7) *Moja ska si: ju grot lygom* (Rn) 'Я говорю: ты много врешь' (определение при глаголе).
- (8) *Den pris moja ikke betalom, grot dyr* (Rn) 'Эту цену я платить не буду, слишком дорого.' (определение другого наречия).

Классы атрибутов в русских пиджинах также не велики. Так, в Словаре сибирского пиджина зарегистрировано всего 20 слов, принадлежащих этому классу; 18 из них восходят к словам русского языка, одно слово (*хокан* 'красивый, красиво') заимствовано из китайского языка, и одно слово (*шангó* 'хороший, хорошо') является словом неизвестного (возможно, монгольского) происхождения. Атрибуты сибирского пиджина, восходящие к словам русского языка, имеют в исходе редуцированный гласный, что позволяет этимологически возводить их одновременно к формам прилагательных, и наречий на *-o* русского языка: *пэ́равинэ* 'правильный, правильно, как следует' (< правильный, правильно); *рóвнэ* 'ровный, ровно'; *гэ́лызынэ* 'грязный, грязно' и т. д. Все слова, которые можно отнести к классу атрибутов, выражают значение качества.

Класс прилагательных можно выделять, пожалуй, только в говорке. Возможно, это связано с тем, что она зафиксирована в виде мезолектов (в ситуации постпиджиного континуума).

К атрибутам примыкают детерминанты и числительные. От атрибутов их отличает невозможность выступать в предикативной функции – таких случаев не зарегистрировано. Количество детерминантов очень невелико. Это прежде всего, *один* 'какой-то, некий, некто, один'. Достаточно редко встречается указательный детерминант *это*: сиб. п. *эма*, рн. *ette*. Возможно, в редуцированных пиджинах он принадлежит не «ядру», а «периферии», т. е. той части, которую говорящий черпает из своего языка. По крайней мере, в дальневосточных вариантах 'это' имеет дублетную форму китайского происхождения *чега*, а в руссенорске чаще употребляются указания норвежского происхождения: *den, annen*.

Служебные части речи

Все служебные части речи редуцированных форм русских пиджинов отнесены к разряду частиц. Русские пиджины разделяют с редуцированными пиджинами, образовавшимися на базе других языков-лексификаторов, стремление к минимизации служебных частей речи. Так, в руссенорске имеется, по существу, один полифункциональный предлог (*på*) и один полифункциональный союз (*kak*) (см. Broch, Jahr 1984, 1990; Lunden 1978).

В руссенорске, как считается, существует связка: восходящее к норвежскому *ligge ner* или *liggene*. Материал, однако, свидетельствует о том, что перед нами не связка, а глагол со значением 'находиться'. Связка же в руссенорске отсутствует, ср.:

- (9) *Tre dage paa Christensen ligge ner*. 'Три дня [я] пробыл у Христенсена'.
- (10) *Moja tri vekkel stannom*. 'Я пробыл три недели'.
- (11) *Prinsipal sijsjas på dek*. 'Капитан сейчас [будет] на палубе.'

В приведенных примерах *ligge ner* синонимично глаголу *stannom* 'находиться, стоять, пребывать'. В примере же (11) предикат отсутствует, маркируя тем самым связочное предложение. Наречие *sijsjas* не может рассматриваться как предикат, этому препятствует в том числе порядок слов.

В редуцированных вариантах сибирского пиджина (например, в записях Врубеля) нет ни предлогов, ни союзов. Есть лишь показатель отрицания *нету*. Возможно, к этому же классу, можно отнести и вопросительные слова: *када* 'когда' и *како/какой* 'какой, что, кто, как'. Однако, скорее эти слова стоит отнести к наречиям, а вопросительное слово *сколько* к числительным. Малое количество служебных частей речи подчеркивает отсутствие морфологии в редуцированных вариантах пиджинов – здесь нельзя говорить о морфологии даже в «расширенном» понимании.

Здесь уместно еще раз напомнить, что термины *стабильный пиджин* и *расширенный пиджин* описывают разные сущности или разные составляющие одной сущности. Стабильный пиджин обладает фактической нормой; расширенный пиджин усложняет грамматику и словарь. Стабильным может быть и редуцированный пиджин, а расширенный пиджин может утратить стабильность. Руссенорск, безусловно; обладал высокой степенью стабильности, однако был редуцированным пиджином. Говорка, напротив, является расширенным пиджином, однако весьма нестабильным, поскольку характеризуется значительным варьированием форм. В сибирском пиджине представлены различные варианты.

Расширенные варианты дальневосточного варианта сибирского пиджина характеризуются, как уже говорилось, расширением лексикона и усложнением грамматики. В них появляются грамматические показатели, причём это происходит прежде всего в системе *глагола*. У глагола появляются аналитические формы. Если на стадии редуцированного пиджина именно глагол первым проявляет тенденцию к формальному выделению (как в сибирском пиджине, так и в руссенорске), то по мере расширения пиджина глагол же первым получает показатели, выражающие собственно грамматические значения. В дальнейшем в ситуации постпиджинного континуума, именно система глагола ранее всего уподобляется русской: заимствует из системы русского глагола сначала отдельные формы, а затем и отдельные категории. Примером этого процесса может служить говорка – система глагола во многом (хотя далеко не во всем) уподобилась русской, в то время как система имени в значительной степени сохранила базилектные черты.

Глагол

Рассмотрим прежде всего глагол в расширенных вариантах сибирского пиджина, поскольку в них начала формироваться иная глагольная морфология, отличная от морфологии глагола в русском языке. Говорка же пошла по пути заимствования форм из русского языка.

Поскольку сибирский пиджин представлен отрывочными вариантами, я предпринимаю в данной главе попытку воссоздания грамматики этого пиджина в его дальневосточном варианте. Некоторые источники (Врубель, Яблонска, Хасанова) не дают связных текстов, поэтому о значении тех или иных глагольных форм можно судить лишь по представленным переводам. Из-за сравнительной краткости многих источников в них встречаются далеко не все возможные формы. При построении общей системы я учитываю те формы, которые встречаются в двух или нескольких источниках; формы же, которые встретились лишь в одном источнике, мною рассматривались как специфические для данного варианта.

В редуцированных формах сибирского пиджина глагол выступал в «абсолютной» форме, не имеющей никаких грамматических категорий, и, соответственно, никакого словоизменения. В расширенных вариантах он приобретает «аналитическую морфологию». Сам по себе глагол представляет собой неизменяемое слово, чаще всего имеющее исход на *-i* или *-j*. Он способен выступать в предложении в роли предиката, может быть определен атрибутом или наречием, может сочетаться с показателем отрицания.

Приглагольные видо-временные показатели появляются на стадии расширения пиджина. Интересно, что процессы, происходившие при расширении сибирского пиджина, очень напоминают процессы, имевшие место при креолизации пиджинов, сформировавшихся на основе западноевропейских языков. В обоих случаях возникающие глагольные категории выражаются аналитически при помощи приглагольных показателей, которые могут сочетаться между собой, выстраиваясь в определенном порядке. Существенным отличием отказывается то, что в подавляющем большинстве креольских языков видо-временные и модальные показатели при глаголе располагаются в препозиции к нему. Это дало основания для утверждений о том, что и сам набор этих показателей, их порядок и позиция в предложении являются языковой универсалией, т. е. фактом «врождённой» грамматики (см. Томпсон 1972, 481–482).

Во всех вариантах сибирского пиджина, однако, глагольные показатели – как видо-временные, так и модальные, в том числе часто и отрицание, – в наиболее стабильных вариантах занимают положение после глагола. Как мне представляется, этот факт является существенным для определения роли субстрата в формировании расширенных пиджинов и креольских языков. Данную особенность сибирского пиджина можно объяснить лишь влиянием контактировавших с русским языков алтайской (или уральской) семьи. На основе русского языка такая система вряд ли могла бы сформироваться, она не является характерной и для руссенорска.

Рассмотрим приглагольные показатели более подробно.

Таблица 1. Видо-временные показатели глагола в сибирском пиджине

Грамматическое значение	Показатель	Примеры	
Презенс, хабитуалис	-0	<i>говори</i>	<i>ломай</i>
Футурум	<i>бўду/бўди</i>	<i>говори буду</i>	<i>ломай буду</i>
Имперфектив	<i>ла</i>	<i>говори ла</i>	<i>ломай ла</i>
Перфектив ⁷²	<i>ёса/ёси/ю</i> ⁷³	<i>говори еса</i>	<i>ломай еса</i>
Плюсквамперфект	<i>была/юла</i>	<i>говори была</i>	<i>ломай была</i>

Примеры:

- (12) *Курица яйцы купи ла, бутылка апускай ла ... иво курица яйцы эта ламай* (Shr) ‘<Он> купил куриные яйца и засунул в бутылку ... он разбил таким образом яйца’;
 (13) *За его помешай поторговай буду* (Chr) ‘Они будут мешать торговать’;
 (14) *Мая ходи была* (Al) ‘Я уже приходил’
 (15) *Люди помирай есть* (Ar) ‘Люди умерли’
 (16) *Его ломай ла ю* (Ja) ‘Он заболел’.

В последнем примере имеется сочетание приглагольных показателей. К сожалению, отрывочные данные по сибирскому пиджину не дают возможности установить точное значение таких сочетаний.

- (17) *Караула сыти ла юла, мая фангули акыно* (Shr) ‘Когда стража уснула, я разбил окно’.

В (17) в форме *сыти-ла ю-ла* показатель имперфекта повторяется дважды – с полнозначным глаголом *сыти* ‘спать’ и со связкой.

В более поздних вариантах (не ранее 30-х годов XX века) в имперфективе у глагола появляется число: формы единственного числа получают окончание *-ла*, а формы множественного числа окончание *-ли*, при этом показатель прошедшего времени из аналитического превращается в синтетический, т. е. в собственно окончание. Возникновение этих форм можно толковать как начало ситуации постпиджинного континуума.

В мезолектных вариантах появляются формы других времен, лиц и чисел, однако их употребление оказывается спорадическим и непоследовательным, что свидетельствует о том, что перед нами случаи переключения кодов, а о появлении собственно грамматических категорий говорить еще нельзя. При этом, однако, нет ни одного случая употребления форм возвратной формы или пассивного залога. Эти формы оказались наиболее «трудными» для воспроизводства носителями пиджина. В сибирском пиджине имеются глаголы, восходящие к возвратным (с частицей *-ся*), однако в самом пиджине они не несут значения возвратности:

- (18) *Боися я* (Bk) ‘Мне было страшно’;
 (19) *Мамака середиза* (Shr) ‘Мать рассердилась’.

⁷² Дж. Никольс считает этот показатель показателем эвиденциальности. Подробнее об этом ниже.

⁷³ *ю* и *ю-ла* «иметься, быть» китайского происхождения.

Во всех вариантах сибирского пиджина имеются дублиеты, образованные от разных форм того же глагола русского языка: *посиди* – *сиди*; *посади* – *посади-ли* – *сади*, *погули* – *гулай*, *выгони* – *гони*, *подумай* – *думай*. Чаще всего, эти формы имеют одно значение:

(20) *За ваша женушки место посиди нету* (Chr) ‘Вы не бываете с жёнами’.

Имеющиеся материалы не дают оснований полагать, что перед нами глагольные формы с префиксами, несущими какое-то грамматическое значение. Скорее, их следует рассматривать как своего рода этимологические дублиеты с синонимичным значением. При этом некоторые варианты, прежде всего, кяхтинский язык в записях Черепанова, использует преимущественно глаголы с префиксом *по-*, ср. (13), (20). Иную форму имеют только те глаголы, которые в русском языке не способны выступать с этим префиксом (*середиза* ‘сердиться’, *запирай* ‘запирать, застегивать’ и др.).

Выше приведена Таблица приглагольных видо-временных показателей в сибирском пиджине. В ней указано основное грамматическое значение данных показателей. К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении материал не даёт возможности выявить детали значения каждого из показателей, а также их сочетаний.

Показатель *буду/ буди* относит действие к будущему. Значение этого показателя, пожалуй, наиболее чёткое. Он встречается уже в кяхтинском языке в записях Черепанова, во всех источниках XIX века и в большинстве источников XX века, отражающих стадию расширенного пиджина. При этом, хотя данный показатель и восходит к форме глагола «быть» в русском языке, он употребляется не только с глаголами несовершенного вида, как например (21), (23) и (24), но и с глаголами совершенного вида (22), поскольку категории вида в пиджине нет.

(21) *За тиби середиза буду.* (Chr) ‘Ты будешь сердиться’;

(22) *Maja hodi budi* (Sch) ‘Я приду’;

(23) *Сегодня моя сти не буду* (Ar) ‘Сегодня я не засну’.

(24) *Земля работай буду, тебе понимай? Земля работай нету – дальше живи не могу.* (Fd) ‘Я буду обрабатывать землю, понимаешь? Без обращения к сельскому хозяйству дальше жить невозможно.’

При этом в мезолектных вариантах, где грамматика пиджина начинает распадаться под влиянием грамматики русского языка, этот показатель уже не встречается. Ср. пример из записей в пос. Кукан:

(25) *Вада мэнгоа буди* (K) ‘Будет наводнение’.

Здесь, несмотря на то, что действие относится к будущему, мы имеем дело не с приглагольным показателем, а с бытийным глаголом, указывающим на существование предмета или явления в будущем.

Данный показатель зафиксирован в двух вариантах *буду/ буди*, однако второй встречается только у Шухардта и в записях конца XX века. По-видимому, основным вариантом следует считать форму *буду*.

В руссенорске действие, относимое к будущему, специально не маркируется. Впрочем, чаще всего это угрозы, просьбы или обещания:

(26) *Moja tvoja på vater kasstom* (RN) ‘Я тебя брошу в воду’.

В мезолектных вариантах неизменяемый показатель *буду* постепенно получает показатели лица и числа, превращаясь в спрягаемый вспомогательный глагол. При этом достаточно долго сохраняется весьма хаотичное употребление показателей лица и числа, ср. в говорке:

(27) *Меня завтра тоже пойду купец место, работа тоже просить будем.* (Hm) Я завтра тоже пойду к купцу, тоже буду просить работу.

Показатель *éса/éси/ю* этимологически восходит к русскому бытийному глаголу, употреблённому в конструкции обладания («у меня есть»). Это подтверждается тем фактом, что в Маньчжурии этот показатель имел дублиетную форму китайского происхождения *ю*, которая восходит к китайскому глаголу «иметься», но никогда не выступает как связка.

Удачная попытка описать значение этого показателя принадлежит Т.О. Розановой (Розанова 1998, 75-78). Она рассматривает его как пример стремительной грамматикализации, характерной для пиджинов: «Расширение значения может приводить к омонимии лексемы и грамматического показателя в том случае, когда на базе лексического значения развивается грамматическое. При этом само лексическое значение не утрачивается. Именно такой предстает ситуация с лексемой “есть”/“еси”/“еса”, восходящей к употребляемой в ограниченных контекстах форме русского глагола “быть”. В пиджине отражена постепенная грамматикализация этой единицы. Из лексической единицы “есть” превращается в аналитический показатель аспектуальности, проходя при этом промежуточную ступень» (Розанова 1998, 75). Она же верно указывает на существование в пиджине «синонимичной единицы» китайского происхождения *ю*.

Действительно, примеры, где *еси/ю* употреблены именно как грамматические показатели, можно разделить на три группы:

1) показатель *еси/ю* обозначает действие, которое происходит обычно или длительно (хабитуалис?):

(28) *Моя мала-мала читай еси* (Vr) ‘Я немного читаю’;

(29) *За ваша мужа жестоки манера поживу еса* (Chr) ‘Ваши мужья живут недостойным образом’;

(30) *Кони ходи есть, тебе ходи есть, кони ходи нету, тебе ходи нету* (Ar) ‘Если кони идут, ты тоже иди, если встанут, остановись’ (об опасном месте).

2) действие происходит в момент речи (прогрессив?):

(31) *Ходи есть. Не знаю.* (Ar) ‘Кто-то ходит, не понимаю, кто’.

3) показатель обозначает результат действия, временная отнесённость не релевантна (перфектив?):

(32) *За моя Микита сказывай буду, како Далай поговори еса* (Chr) ‘Я скажу Миките, что сказал Далай’;

(33) *Мая гэвали еси тебе шибука ланьче перишоло еси* (Shr) ‘Я велел тебе прийти значительно раньше’;

(34) *Tvaja tri sonca kupi jest* (Sch) ‘Ты уже купил эти три дня назад’;

(35) *Наша скоро балаган найти есть, – сказал он и указал на деревья, с которых была снята кора* (Ar) ‘Мы скоро найдём балаган’.

Менее всего примеров на второе из выделенных значений. Но даже если сопоставлять только оставшиеся два значения, хабитуалис и перфектив, то следует, констатировать, что, основываясь на примерах и их переводах, которые имеются в нашем распоряжении, трудно установить инвариант значения для данного показателя. Т.О. Розанова предполагает, что хабитуальные формы являются «менее грамматикализированными», чем перфективные. По их поводу она пишет: «В перечисленных предложениях “есть” сохраняет отчасти значение бытийности, но относится при этом не к имени, а к глаголу» (Розанова 1998, 78).

С этим, пожалуй, трудно согласиться. Тем более, что в некоторых источниках (Черепанов, Арсеньев) данные формы часто встречаются в обоих значениях. Представляется, что инвариантным значением можно было бы считать фокусное выделение глагола, его эмфатическое подчёркивание – таковы, безусловно, примеры (32), (33), (34), а, возможно, и все остальные.

Дж. Никольс на основе анализа пиджина, представленного в произведениях В.К. Арсеньева, пришла к выводу о том, что показатель *еси* (в передаче Арсеньева *есть*) является показателем эвиденциальности. Вот что она пишет: «[в первом примере] перед нами нейтральное неэвиденциальное утверждение. Дерсу рассказывает о том, что когда-то случилось с его семьей. Здесь нет никакой эвиденциальности и умозаключений: он знает об этих событиях, потому что был их непосредственным свидетелем.

Все давно помирай... Оспа все люди кончай. ‘Они давно умерли. Всех погубила оспа’.

А-а! Люди помирай есть! ‘А-а, человек умер!’

[Второй пример] представляет собой умозаключение. Отряд Арсеньева идет по следам, по-видимому, больного человека... они вспугивают двух воронов и Дерсу произносит данную

фразу. Присутствие птиц, питающихся падалью, является тем знаком, на основании которого Дерсу делает вывод о том, что человек умер» (Nichols 1996, 247).

Анализ Дж. Никольс представляется в целом достаточно убедительным, однако, у Арсеньева встречаются и контрпримеры, на которые указывает сама Никольс. В то же время такая интерпретация показателя *еси* возможна лишь для «уссурийского варианта», который сформировался под значительным субстратным влиянием тунгусо-маньчжурских языков, прежде всего нанайского и удэгейского, с чем соглашается и Никольс. Для иных вариантов сибирского пиджина, в том числе в дальневосточных (материалы Черепанова, Шухардта, Врубеля) такая интерпретация не годится. Так, например, у Черепанова этот показатель имеет очевидное перфективное значение. А.Г. Шпринцын, упоминает формы с показателем *еси* в ряду других аналитических глагольных форм, наряду с показателями *буду*, *была* (Шпринцын 1968, 97), не отмечая тех значений, которые, по-видимому, были характерны именно для «уссурийского варианта» пиджина.

Следует также отметить, что в записях конца XX века этот показатель более не встречается. Лексема *еси/ю* употребляется только в лексическом значении «быть, иметься».

Показатель *была/юла* встречается в источниках всего несколько раз, по-видимому, он обозначал действие, окончательно закончившееся относительно другого действия.

(36) *Сонца юла и ми юла ... Караула сытила юла, мая фангули акыно* (Shr) ‘Солнце всходило и заходило ...<Когда> караул уснул, я разбил окно’;

(37) *За моя погули была* (Chr) ‘Я раньше гостил’;

(38) *Балагура кончай была* (Chr) ‘Он перестал балагурить’;

(39) *Вчера ходи была* (Al) ‘<Я> вчера приходил’.

Основной источник наших сведений об этом показателе — очерк С.Н. Черепанова, в котором приводятся следующие глагольные формы и их переводы на русский язык:

погули была ‘гулял, гуляли, гостили’

погули еса ‘гуляю, гуляем, гостим’

погули буду ‘буду гулять, буду гостить’ (Черепанов 1853, 373).

При этом в текстах, приводимых Черепановым, эти формы встречаются лишь один раз. Если бы подобные формы не были также зарегистрированы у Шпринцына, можно было бы сомневаться в их реальности.

Ни в записях В.К. Арсеньева, ни в современных записях этот показатель не зафиксирован.

Показатель *ла* представляет большую сложность для исследователя. Он специально не выделялся ни С.Н. Черепановым, ни А. Александровым. Причина этого состояла в том, что многие глагольные формы с показателем *-ла* казались обычными заимствованиями из русского языка: *ходила, кутила, говорила* и т. д. Первым на необычный характер данного показателя обратил А.Г. Шпринцын, считавший «формант *-ла* ... совмещением русского суффикса *-л-* (в китайском произношении *-ла*) с китайским видо-временным показателем *-la*» (Шпринцын 1968, 94). А.Г. Шпринцын приводит в пример следующие формы: *кончайла, берила, ломайла, хочула* ‘хотел’, *нетула* ‘не было’, которые не могли быть заимствованными из русского языка, а были составлены уже в самом пиджине по имеющимся моделям.

Что касается значения этого показателя, то Т.О. Розанова замечает по этому поводу: «хотя глаголы на “*-ла*” и могут выступать в контексте прошедшего времени, сами по себе они не являются носителями темпорального значения. Глагол может употребляться и с “*-ла*” и без, но при этом сохранять одно и то же значение» (Розанова 1998, 80). Безусловно, этот показатель не несёт темпорального значения, но несёт аспектальное. По-видимому, этот показатель имел значение точечного действия (перфектив) и употреблялся с «пунктуальными» глаголами.

Китайский показатель *-la* может присоединяться не только к глаголам, но также и к прилагательным, сообщая им значение становления, приобретения качества (Коротков и др. 1961, 73). Возможно, именно под его влиянием показатель *-ла* в пиджине также способен

присоединяться к неглагольным лексемам. При этом, данный показатель зафиксирован не только в «старых» записях, он продолжал использоваться в вариантах пиджина, записанных в конце XX века, в том числе и с неглагольными лексемами. Ср. следующие примеры:

(40) *Моя тайга ходи нада ла* (Ar) ‘Мне пришлось идти в тайгу’;

(41) – *В Тадухе остался кто-нибудь из тазов? (соб.)*

– *Тама сасема нету-ла, сё суда, трица дома. Старый уже нету-ла* (Tz) ‘Там совсем не осталось, все сюда переехали, тридцать семей. Старых людей больше не осталось’.

(42) *Уклаинза какой году-ла исё деся лепахоза лаободай* (K) ‘В какие-то годы в леспромхозе работали украинцы’;

(43) *Иво люди захрани куча-ла иво ни сади* (K) ‘Когда людей хоронили, земляного холмика не делали’.

В первых двух примерах *–ла* присоединяется к постпозитивным модальным показателям, однако в следующих двух – к существительным. Возможно, в данном случае *–ла* указывает на то, что говорится об очень старых временах.

Интересно, что в южных диалектах удэгейского языка также употребляется «показатель прошедшего» *-la/-lə*, который заменяет собственно удэгейские формы и который сами говорящие опознают как «китаизм», а не как «русизм».⁷⁴

Таблица 2. Модальные показатели глагола в сибирском пиджине

Утвердительная форма	Отрицательная форма	Примеры	
<i>на́да</i>	<i>нина́да</i>	<i>говори нада</i>	<i>ломай нинада</i>
<i>мо́жено</i>	<i>нимо́жено</i>	<i>говори можено</i>	<i>ломай ниможено</i>
<i>мо́гу</i>	<i>нимо́гу</i>	<i>говори могу</i>	<i>ломай нимогу</i>
<i>хо́чи</i>	<i>нихо́чи</i>	<i>говори хочи</i>	<i>ломай нихочи</i>

(44) *Сказывай не надо; сама подумай можено* (Chr) ‘Не нужно говорить, можно о себе подумать’;

(45) *Деся биз рукависа ниможина* (K) ‘Здесь без рукавиц нельзя’;

(46) *Адин люди делай куши не могу* (Vr) ‘Один человек не может прокормить [семью]’.

Отрицательный показатель *нету*, а также модальные показатели могут сочетаться с показателями времени: *нету–ла, нада–буду, хочи–ла*, и т. д.:

(47) *Моя тайга ходи нада ла* (Ar) ‘Мне пришлось идти в тайгу’;

(48) *После отдавай надо буду* (Chr) ‘Потом придётся отдавать’.

Показатели модальности *на́да, мо́жено, мо́гу* и *хо́чи* выражают основные модальные значения: долженствования, возможности–разрешения, «физической» возможности и желательности. В базилектных формах пиджина они всегда занимают место после глагола, с отрицанием образуют формы соответственно *нинада, ниможено, нимогу, нихочи*.

Уже в «старых» пиджинах эти показатели превращаются в собственно модальные глаголы и занимают позицию перед глаголом. В мезолектных вариантах этот процесс завершается, и данные показатели окончательно превращаются в модальные глаголы. Ср.:

(49) *Какой люди хочу канка?* (Ja) ‘С кем ты хочешь увидеться?’;

(50) *Воды па русски ни магу* (Vr) ‘Я по-русски не умею <говорить>’;

(51) *Его могу кричи, могу плакать, могу тоже играй* (Ar) ‘Она <вода> может кричать, плакать, играть’

(52) *Наша тут надо дождидай. Надо тихо сиди* (Ar) ‘Мы должны ждать здесь. Нужно сидеть тихо’.

⁷⁴ В этих формах утрачивается противопоставление по лицу: ср. удэг. *sikiəmi* ‘я мыл’, *sinidi* ‘ты мыл’, *sikiəni* ‘он мыл’ меняется на общее для всех лиц *siki-lə*. Такие формы характерны, главным образом, для иманского диалекта, подвергшемуся самому значительному влиянию со стороны китайского языка.

Отрицание

Таблица 3. Показатель приглагольного отрицания

Показатель отрицания	Примеры	
<i>néту/ не</i>	<i>говори нету</i>	<i>ломай нету</i>

В базилектных формах пиджина показатель отрицания *néту/ ниту* восходит к русскому показателю отсутствия, не-существования «нет, нету». С показателями модальности он образовывал отрицательные модальные формы (см. выше), мог сочетаться с видо-временным показателем *–ла*. При этом сохраняется и лексическое значение этого показателя, сходное с его значением в русском языке: «нет, не имеется». Ср.:

(53) *Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету* (Ag) ‘Я всё время охочусь, ничего другого не делаю. Рыбу ловить я тоже не умею’.

(54) *Эта либа помирай нету* (Shr) ‘Эта рыба была живая’

В примере (53) в первом предложении *нету* употреблено в своём лексическом значении, во втором же – это показатель приглагольного отрицания.

В записях китайского этнолекта пиджина встречаются показатели отрицания китайского происхождения *ми* и *бу*:

(55) *Чега фанза бу шанго* (Shr) ‘Этот дом не хорош’.

Однако уже в «старых» пиджинах попадаете заимствованный русский показатель отрицания *ни*. Оба являются приглагольными маркерами отрицания, однако *ни* стоит непосредственно перед глаголом, а *нету* находится в постпозиции (ср. синонимичные варианты поговорки «*Моя твоя понимай нету*» и «*Моя твоя не понимай*»). Дж. Никольс предполагает, что отрицание *нету* характерно для «уссурийского варианта» (записи Арсеньева), а показатель *не* – для варианта пиджина, употреблявшегося в Харбине. Она связывает это противопоставление со значительным субстратным влиянием тунгусо-маньчжурских языков на «уссурийский вариант» (Nichols 1996, 242). Такое объяснение наталкивается на некоторые трудности, так как постпозитивное *нету/ ниту* широко представлено у Черепанова, оно же упоминается как единственное приглагольное описание у Шпринцына (Шпринцын 1968, 97).

В записях Арсеньева, а также в «современных» записях, показатели *нету* и *не* находятся в ситуации свободного варьирования, хотя *нету* отмечается в «более базилектных» вариантах, а также в своём лексическом значении.

(56) *Уот эта уш кончила-ла, щаса нету ... ты тако ни купи* (K) ‘Такой <женьшень> уже кончился, нынче такого нет... Уже такого не купишь’.

Как мы видим, дальневосточный вариант сибирского пиджина прошёл стадию расширения и стандартизации, в ходе которой глагол в этом пиджине сформировал новую аналитическую «морфологию» в значительной степени своими средствами, не заимствованную из русского языка. По-видимому, эта ситуация продолжалась около ста лет. В дальнейшем этот пиджин подвергся своеобразной «коррозии», вступив в стадию постпиджинного континуума. Глагол утрачивает большинство собственных аналитических показателей. Из видо-временных показателей сохраняется лишь показатель *–ла*, который, впрочем, полностью переосмысливается. Показатели модальности становятся модальными глаголами (*могу, хочу*) или модальными словами (*можно, надо*). Постпозитивный показатель отрицания заменяется русской по происхождению частицей *не*.

Имя существительное

Существительное в расширенных формах сибирского пиджина, как и в говорке не выражает никаких грамматических категорий, может выступать в предложении в роли субъекта, прямого и косвенного объектов, может быть именной частью сказуемого;

существительное без зависимых слов может быть сирконстантом или приименным определением (в препозиции к определяемому). Важно отметить, что существительное как в говорке, так и во всех вариантах сибирского пиджина не имеет словоизменительной морфологии, а его сочетаемость со служебными словами также оказывается весьма ограниченной. Вот что пишет Д. Штерн о существительном в говорке: «Подобно числу и роду, ни одно из шести падежных противопоставлений русского языка не было усвоено таймырским пиджином. То же самое касается и русских предлогов. Небольшое количество засвидетельствованных предложных форм и предлогов следует отнести за счет недавнего влияния русского языка; при этом их употребление очень часто не соответствует их употреблению в русском языке» (Stern 2005a, 301):

(57) *Олень тебя чум сторона ушло* (St) 'Олени ушли к твоему чуму'.

Сказанное в полной мере относится и к сибирскому пиджину:

(58) *Эта люди патом дзимли кападзи* (K) 'Этот человек потом копал землю';

(59) *Сам город пашол иво* (Bk) 'Сам он уехал в город';

(60) *Бульдозера ровно делай* (K) 'Бульдозером равняли'.

Существительное может сочетаться с квантификаторами (числительными, показателями [*в*]/*сё*, [*м*]/*ного*), могут быть определены другим существительным, в том числе существительным-местоимением, а также атрибутом:

(61) *За тиби одина дена походи нету, за моя соли повеси буду.* (Chr) '[Если] ты не придешь [хотя бы] один день, я завтра повешусь от горя';

(62) *Адин сонца шесть рубли залабодай* (Vr) 'Я заработал шесть рублей за один день'.

(63) *Tvaja tri sonca kupi jest* (Sch) 'Ты уже покупал [это] три дня назад'.

(64) *Зивотны ного деда, и соболю и чиво, и мяса сёремь охотай зимой* '[Мой] муж все время охотился зимой, [добывал] животных, соболя и других, [добывал] мясо' (Bk).

(65) *Кушай маленька рюмка* (K) 'Пей маленькими дозами' (о применении лекарства).

В Кяхтинском варианте существительное сочетается с показателем субъекта *за*:

(66) *За ваша мужа жестоки манера поживу еса* (Chr) 'Ваши мужья ведут себя грубо'.

Характерной особенностью существительных в говорке и в сибирском пиджине является возможность их употребления в атрибутивной позиции. «В этом случае каждое имя синтаксически подчинено следующему за ним (в отличие от генетивных конструкций СРЯ с противоположным порядком элементов)» (Хелимский 2000, 388). Действительно, данные конструкции отличаются от генетивных конструкций русского языка, однако соответствуют последовательности «определение—определяемое» при адъективном определении, ср.:

(67) *Какой-то лес хребет нашел* (Hm) '[Он] наткнулся на какой-то лесистый хребет'.

Имена в атрибутивной функции либо определяют последующее имя как определения, либо указывают на принадлежность (генетивная конструкция) — последняя функция широко используется при номинации.

сукона халаза (Chr) 'суконный халат';

ryba koža (Hs) 'рыбья кожа';

шаман костюм (St) 'шаманский костюм';

конь санки (St) 'сани, в которые запрягают лошадь (а не собак)';

Мартыниха дом (Bk) 'дом Мартынихи';

дуба сынка (Ag) 'желудь';

китайза дзяня тыча (K) 'тысяча «китайских денег»'.

Имеются и иные примеры, правда, очень немногочисленные:

вортеника меха (Chr) 'меховой воротник';

переда шолека, зада холесета (Chr) 'шелковая передняя часть, холщевая задняя часть.'

Употребление имен в атрибутивной функции является важной особенностью, объединяющей говорку и различные варианты сибирского пиджина. Для руссенорска характерно образование композитов «германского типа», в ином случае существительные соединяются при помощи универсального предлога *pā*:

Russmanjunka (RN) 'русский мальчик';

Russefolk (RN) ‘русские’;
dag på Kristus (RN) ‘праздник (день Христа)’;
stova på Kristus spræk (RN) ‘церковь (доме, где говорят о Христе)’.
Подробнее о номинации в руссенорске см. (Клонова 2005).

Послелогои

В дальневосточном и кяхтинском вариантах, как и в говорке, существительное может иметь при себе послелог:

(68) *Сиди трава рядом* (Bk) ‘<Он> сидел в траве’.

(69) *Тебя лук место трилай, меня урусé место трилай буду* (St) ‘Ты стреляй из лука, а я буду стрелять из ружья’.

При этом существительные, имеющие при себе послелог, всегда играют в предложении роль сирконстантов, а не обязательных глагольных актантов, ср. выше – обстоятельство места: *трава рядом*, инструмент: *лук место*, *урусé место*. Таким образом, они являются дополнительным средством противопоставления основных глагольных актантов факультативным сирконстантам. Ср.:

(70) *Я компания ходи* (Bk) ‘Он ходил со мной’;

(71) *Нáша ивó ганьбáнди лаобóдай* (Shp) ‘Я работаю вместе с ним’.

(72) *Ивана дома сепасибо* (Chr) ‘Благодаря дому Ивана’;

(73) *Сóбука нíзу жíви* (Shp) ‘Я живу под сопкой’;

(74) *Чего тебя надо меня чум место?* (St) ‘Что тебе нужно в моем чуме?’

Конструкции с послелогоми получили особенное развитие в говорке. Здесь имеется послелог *место/месте* с общим инструментально-локативным значением. «Этот послелог стал, как кажется, наиболее приметным признаком пиджина, его приметой» (Хелимский 2000, 389). Вот несколько примеров из говорки на более редкие случаи употребления данного послелога:

(75) *Тебя таланта меня место больше* (St) ‘Ты более одаренный, чем я’ (компаративно-эквативное значение);

(76) *Утром нганасан тут баба место говорит* (St) ‘На утро этот нганасан говорит жене’ (косвенное дополнение).

Интересно, что похожий послелог зарегистрирован у Черепанова:

(77) *За моя подумай, како ваша закона хорошаньки: женушеки месяза поживу еса.* (Chr)
Думаю я, насколько хороши ваши законы, позволяющие жить вместе с женами.

Возможно, что кяхтинское *месяза* также восходит к русскому *место*. Учитывая, что «квазисуффикс» *-за* часто появляется в исходе существительных (об этом см. выше), а скопление согласных в середине слова *-ст-* также не характерно для кяхтинского варианта, можно предположить, что Черепанов передает китайское произношение русского *место*. В этом случае у нас возникает интересная параллель с говоркой.

Е.А. Хелимский возводит послелогои *место* и *месте* к разным словам русского языка (гв. *месте* из рус. послеложной конструкции *в месте* или наречия *вместе*). Возможно, в говорке следует различать два разных послелога: инструментально-локативный *место* и ассоциативный *месте*, ср. приводимые им и Штерном примеры:

(78) *Два девка месте меня там сидел.* (Hm) ‘Я сидел там с двумя девушками.’

(79) *Конь месте ходил.* (Hm) ‘(Он) ехал на коне.’

(80) *Тут теперя нганасан-то долган месте даракать начали* (St) ‘И тут нганасаны и долганы стали драться’.

Д. Штерн склонен считать *место/месте* вариантами одного послелога, Хелимский также указывает на то, что «спорадически послелогои *место* и *месте* употребляются как свободные варианты одной лексемы» (Хелимский 2000, 390).

Штерн также указывает на наличие в говорке послелога *торобá/торонá* (из рус. *сторона*), синонимичного послелогу *место*, когда тот выступает в локативном значении:

(81) *Меня тебя чум тороба хотел гостевать* (St) ‘Я бы хотел у тебя остановиться’.

В говорке, безусловно, были и другие послелогои: *мера* ‘до в течение, размером с’, *время* ‘во время, в течение’, *пора* ‘во время, в момент, до (какого-либо времени)’ (Хелимский 2000, 390). Д. Штерн, впрочем, высказывает сомнения относительно значения послелога *мера*. Он приводит многочисленные примеры его употребления (Stern 2005a, 302) и пишет следующее: «...послелог *мера* представляется скорее классификатором, чем собственно падежным показателем. Он употребляется значительно реже, чем *место/месте* и *тороба*» (Stern 2005a, 302). Действительно, имеющиеся примеры не дают возможности уточнить значение данного послелога (корпус примеров см. в Части II). Хотя есть основания считать, что он часто употреблялся с обозначениями отрезков пространства и промежутков времени (с лексемой *война* – 3 употребления, с лексемами *год*, *жизнь*, *миля* по одному употреблению):

(82) *Самый-то война мера умирал* (St) ‘Он умер в самый разгар войны’;

(83) *Жизнь мера тебя товарищ его* (Hm) ‘Он – твой товарищ на всю жизнь’.

Формально большинство послелогов являются подклассом существительных. Конструкции с послелогом можно рассматривать как соположение двух существительных. От обычных существительных, однако, их отличает то, что они подверглись полной (как в говорке) или частичной (как во многих вариантах сибирского пиджина) грамматикализации.

Некоторые послелогои сибирского пиджина, возможно, имеют дублетное происхождение. По мнению А.Г. Шпринцына, конструкция с послелогом *компания/ганьбанди* восходит к китайскому *genbandi* ‘в компании с’, а конструкции с послелогом *одинака/одинаковый* к китайскому *yigeyang* ‘похожий, сходный’. (Шпринцын 1968, 94). Как мы видим, здесь случайным образом совпали и значения и звучания соответствующих слов.

Ряд послелогов сибирского пиджина являются по происхождению прилагательными или наречиями:

(84) *трава адинакэ* (Bk) ‘как трава [зелёный]’;

(85) *сэхала адинáка* (Shr) ‘сладкое как сахар’;

(86) *река попереца* (Chr) ‘через реку’.

В отличие от говорки, в сибирском пиджине класс послелогов находился в стадии становления, и конструкции с послелогом нельзя назвать частотными.

Для руссенорска послелогои вообще не характерны.

В мезолектных вариантах сибирского пиджина, а также в говорке существительное может иметь при себе предлог:

(87) *А мы по сопка ходим, нашли, дали Саюза, за мука, за крупа* (Tz) ‘А мы ходим по сопкам, что найдем, сдаем в Интегралсоюз в обмен на муку и крупу’.

При этом, как правило, предлог сочетается с неизменяемой формой имени. Появление у существительного падежных показателей, пусть даже употребляемых неправильно и несистемно, свидетельствует о том, что данный вариант приближается к акролекту, т. е. находится на пути превращения в своеобразный диалект⁷⁵ русского языка. Ср. следующий пример:

(88) *Это плохой дело пойду все люди. Никаки, никаких хорошими не будет.* (Bk) ‘Так все начнут заниматься дурными делами. Никто не останется хорошим.’

В первом предложении грамматические показатели у имен отсутствуют. В втором предложении возникают падежные окончания Вин. и Твор. падежей мн ч., причем местоимение в Твор. п. *никаких* не соответствуют той синтаксической роли, которую данная ИГ играет в предложении. Данное высказывание является типичным высказыванием на мезолекте.

Личное местоимение

⁷⁵ Такие «этнические варианты» языка часто в социолингвистике нарывают этнолектами (см. об этом термине выше).

Подклассом существительных являются также личные местоимения, которые выполняют в предложении все функции, присущие существительному, а также способны играть роль определения при существительном, выступая в роли притяжательных местоимений. Ниже дана таблица местоимений в разных вариантах русских пиджинов:

Таблица 4. Личные местоимения в разных вариантах русских пиджинов

Вариант	1 л. ед ч.	2 л. ед ч.	3 л. ед ч.	1 л. мн ч.	2 л. мн ч.	3 л. мн ч.
Chr	<i>мая</i>	<i>тиби/ твая</i>	<i>ево</i>	<i>наша</i>	<i>ваша</i>	<i>ево</i>
Al	<i>мая</i>	<i>твая/ ты</i>				
Sch	<i>moja</i>	<i>tvaja</i>				
Vr	<i>мая/ во</i>	<i>тиби/ ни</i>		<i>во мынь</i>	<i>ни мынь</i>	
Ja	<i>maja</i>	<i>tvaja/ tibi</i>				
Shr	<i>мая</i>	<i>тибе</i>	<i>иво</i>			
Bk	<i>я/мине</i>	<i>ты/ тебе</i>	<i>йиво</i>	<i>наса</i>	<i>васа</i>	<i>ихинь</i>
K	<i>мая/ я/</i>	<i>тибе/ ты</i>	<i>иво</i>	<i>наса</i>	<i>васа</i>	<i>иво</i>
Kk	<i>мая/ я</i>	<i>тибе/ ты</i>	<i>иво/ ана</i>	<i>наша</i>	<i>ваша</i>	<i>иво</i>
Tz	<i>я⁷⁶</i>	<i>ты</i>	<i>ана</i>	<i>мы</i>		
Ar	<i>моя</i>					
Fd	<i>я// моя</i>	<i>тебе</i>	<i>его</i>	<i>наша/ нам</i>		<i>его</i>
Shk	<i>моя</i>	<i>твоя</i>				
Negid	<i>nasha</i>			<i>nasha</i>		
Rn	<i>moja</i>	<i>tvoja/ ju</i>				
Gv/Hm	<i>меня</i>	<i>тебя</i>				
Gv/St	<i>меня/ у меня</i>					

Варианты, представленные в таблице, расположены следующим образом: данные по различным вариантам сибирского пиджина в хронологическом порядке, руссенорск, говорка (материалы Хелимского и Штерна). К сожалению, полные данные имеются далеко не по всем вариантам пиджина, так в материалах Г. Шухардта и А. Яблонской имеются только местоимения 1 и 2 л. ед ч. Не хватает данных и по этнолекту тазов и негидальцев. Косой чертой разделены варианты местоимений, которые встречаются в одном и том же источнике, при этом первым представлен более частотный вариант.

Представленная таблица показывает, что стереотипное «моя–твоя» упрощает реальное представление местоимений в русских пиджинах. По-видимому, формы *моя* и *твоя* действительно были первоначальными формами местоимений, однако уже в записях С.Н. Черепанова форма 2 л. ед. ч. *твоя* варьирует с *тиби*, которое возводится к основе косвенных падежей местоимения *ты* (*тебя*, *тебе*). Впоследствии этот процесс отчасти затронул и местоимение 1-го лица *моя*, которое в бикинском варианте было окончательно заменено на *мине*. Ту же самую форму мы находим и в говорке.

⁷⁶ В этнолекте тазов и у А. Фадеева местоимение *мая* встречается только в притяжательном употреблении.

Д. Штерн, обсуждая отличия говорки от китайско–русского пиджина, указывает на то, что в говорке мы находим местоимения *меня* и *тебя* в противоположность китайско–русскому *моя* и *твоя* (Stern 2005, 303). Он ошибается, будучи введенным в заблуждение стереотипным представлением о местоимениях этого пиджина. Формы *меня/мине* и, в особенности, *тебя/тебе* вовсе не ограничиваются лишь таймырской говоркой.

По данным Е.А. Хелимского говорка отличается от иных вариантов русских пиджинов также и тем, что в этом пиджине система личных местоимений различает формы двойственного числа, а также эксклюзив и инклюзив. Вот таблица личных местоимений-локуторов таймырского пиджина по Е.А. Хелимскому:

		ед ч.	дв. ч.	мн ч.
1 л.	инклюзив	<i>меня</i>	<i>меня тебя</i>	<i>меня тебя се</i>
	эксклюзив		<i>меня оба</i>	<i>меня се</i>
2 л.		<i>тебя</i>	<i>тебя оба</i>	<i>тебя се</i>

По видимому, формы 3 л. не различались по числу ни в говорке, ни в сибирском пиджине. Единственным исключением оказывается бикинский вариант, где появляется отдельная форма 3 л. мн. ч. *ихинь* (из русского разговорного *ихний* ‘их’). По-видимому, это инновация, появившаяся только в этом варианте пиджина.

В сибирском пиджине формы 1-го и 2-го лица имели множественное число: *наша/наса* и *ваша/васа*, восходящие также к формам притяжательных местоимений русского языка. В записях Хасановой эти формы оказываются едиными как для единственного, так и для множественного числа.

Записи С. Врубеля, отражающие китайский этнолект пиджина, содержат в качестве дублетных китайские варианты местоимений: единственного числа *во* ‘я’, *ни* ‘ты’, и множественного числа: *во мынь* ‘мы’ и *ни мынь* ‘вы’. Очень интересен приводимый Врубелем пример:

(89) *Во ды на русски не магу* (Vr) ‘Я не умею говорить по-русски’.

Китайское *во ды* является притяжательной формой, аналогом русскому *мой, моя*; оно не может выступать в функции субъекта, как это происходит в данном примере. Таким образом, перед нами «перевод» русского *моя* на китайский язык.

В записях второй половины XX в. появляются акролектные формы: *я, ты*, которые оказываются единственно возможным вариантом в этнолекте тазов. Замещение форм *моя/твоя* на *мене/тибе* отражает процессы, происходившие в сибирском пиджине, когда он был живым средством коммуникации; употребление форм *я/ты* можно считать результатом интерференции со стороны русского языка.

Интересно, что форма 1 л. ед ч. *ја* в руссенорске варьирует с формой *тоја*, хотя руссенорск, по-видимому, не вступал в стадию постпиджинного континуума. Учитывая, что дублетной формой 2 л. ед ч. оказывается форма *ју*, заимствованная из английского языка, можно с осторожностью предположить, что и *ја* было формой с двойной этимологией (рус. *я*, норв. *ik*, англ. *I*).

Другие разряды местоимений

В расширенных вариантах пиджинов появляются также местоимения других разрядов. Местоимения, как и некоторые служебные слова, часто либо выступают в виде дублетов, либо имеют двойную этимологию. Это касается некоторых личных местоимений, а также местоимений других разрядов.

Указательные местоимения

Эти местоимения имеют дублетные варианты как в руссенорске так и в дальневосточных (китайско-русских) вариантах сибирского пиджина: сиб. п. *эта/чега* ‘этот’; рн. *etta/den*. В сибирском пиджине местоимение *эта* встречается уже в записях Шпринцына; у него же, а также у А. Яблонской, находим дублетную форму китайского происхождения *чега*:

- (90) *Чег фанза шипко шанго* (Ja) 'Этот дом очень хороший';
 (91) *Русский гоняли эта китайса* (Bk) 'Русские выселили этого китайца'.

В кяхтинском языке, а также в записях Арсеньева указательных местоимений не обнаружено. В записях А.Г. Шпринцына, а также в некоторых других вариантах местоимение *эта* играет, как правило, роль не указательного, а анафорического местоимения, приближаясь по значению к артиклю: ср.:

- (92) *Хэцзю либа купила, эта либа помилай нету. Эта вода пусыкайла, эта либа убижала* (Shr) 'Хэцзю купил рыбу, рыба была живая. Он пустил ее в воду, рыба уплыла'.
 (93) *Ты перыца садила, это зелёнэ?* (K) 'Ты сажал перец, такой зелёный <сладкий>?'

В целом, однако, следует сказать, что указательное местоимение не получило в сибирском пиджине широкого распространения.

В говорке представлено местоимение *эта/это* 'этот':

- (94) *Это корова сегда молоко место помогает его.* (Hm) 'Эта корова, она всегда помогает молоком'.
 (95) *У меня нашел это говорева озеро-то.* (St) 'Я нашел это озеро, о котором говорили'.

Следует заметить, что в русских пиджинах не отмечено противопоставление указательных местоимений ни по удаленности от говорящего (рус. *этот* – *тот*), ни по каким-либо другим признакам.

Неопределённые местоимения

Во всех вариантах сибирского пиджина представлены местоимения *чего, чего-чего* 'нечто, нечто разное, нечто подобное, всякое'. Они являются характернейшей чертой этого пиджина, включая его акролектные варианты. Чаще всего они употребляются как местоимения–существительные, т. е. в субстантивной, а не в адъективной функции:

- (96) *Хэцзю фамили чиво-чиво купила* (Shr) 'Человек по фамилии Хэцзю купил всякого разного';
 (97) *Зивотны много деда – и соболю и чего* (Bk) 'Животных муж добывал разных, соболя'.
 (98) *Я знаэ иво чё-чё ланьше...* (K) 'Раньше я много разного знал...'

В доступных материалах по говорке неопределённые местоимения в значительно большей степени совпадают с русскими:

- (99) *Опять меня тут санка мера меня положить хотели чего-нибудь такой.* (St) 'Снова я хотел нагрузить тут свои санки чем-нибудь таким'.
 (100) *Который баба совсем китрый* (Hm) 'Некоторые женщины очень хитры'.

Ни в записях говорки, ни в руссенорске характерные для сибирского пиджина формы *чего, чего-чего* не зарегистрированы. Возможно, они появились под влиянием местных субстратных языков, прежде всего тунгусо-маньчжурских, ср. сходное употребление удэгейского *j'eu-j'eu* 'всякий, разный' (букв. «что-что»).

Вопросительные местоимения

Этот разряд местоимений представлен в пиджинах значительно лучше, чем указательные и неопределённые, поскольку являются необходимой частью вопросительных предложений.

В сибирском пиджине, по-видимому, единственным собственно вопросительным словом было местоимение *какой*. Эта черта характерна как для редуцированных, так и для расширенных вариантов. С помощью этого местоимения самого по себе или в сочетании с полнозначными словами строились вопросительные конструкции, соответствующие различным вопросительным местоимениям и наречиям русского языка:

- (101) *За тебе какой пекинский манера шёлк заказывай буду* (Chr) 'Пекинских шелковых материй каких сортов ты закажешь?';
 (102) *Ты за моя какой май-май?* (Al) 'Что ты хочешь у меня купить?';
 (103) *За ваша соледаза за наша восещанка поноси было, какой можено была за его поколоти!* (Chr) 'Ваши солдаты были одеты в наш холст – как их можно было победить!';

Наиболее частотным было сочетание *какой люди* 'кто, что':

(104) *Думай, какой люди далеко сопках ходи?* (Ar) 'Я думал: кто там ходит по сопкам вдалеке?'

(105) *Какой люди хочу канка?* (Ja) 'С кем ты хочешь увидеться?';

Говорка в данном случае также проявляет многие мезолектные черты. Для этого пиджина вообще характерно значительно большее разнообразие вопросительных слов, хотя вопросительное местоимение «кто» передается также как и в сибирском пиджине сочетанием *какой люди*:

(106) *Тебя какой люди?* (Hm) Кто ты?

Что касается руссенорска, то в его «ядерной» структуре имеется единое вопросительное слово *kak*, которое выполняет функции вопросительного местоимения и наречия:

(107) *Kak vara ju prodatti?* (Rn) Какие товары продаёшь?

(108) *Kak tvoja betalom for seika?* (Rn) Сколько платишь за рыбу?

(109) *Kak ju stannom paa gammel ras?* (Rn) Где ты останавливался (жил) в прошлый раз?

Все местоимения входят в класс детерминантов.

Прилагательное, атрибут

В расширенных вариантах сибирского пиджина, как и в его редуцированных вариантах, не имеет смысла различать прилагательное и качественное наречие. Здесь они также совпадают по форме и различаются чисто синтаксически. Выделяются атрибуты – неизменяемый класс слов, служащих в предложении определением к другим полнзначным словам – существительному, глаголу или другому атрибуту:

(110) *Большэ не умеи его* (Bk) 'Хорошо она не умеет <шить>'.

Вследствие сравнительной узости сфер употребления пиджина, количество атрибутов в словаре этого языка невелико – их зарегистрировано всего 20. При этом многие из них выступают в составе связанных выражений:

пэрямо слово (Chr) 'истинное слово';

осóбэ манера, осóбэ дело (Chr) 'другие обычаи', 'другое дело'.

Степени сравнения у атрибутов отсутствуют, а соответствующие значения передаются лексически, ср.:

(111) *Лан тоже нимношка малады* (Tz) 'Лан немного моложе <меня>'.

То же самое можно сказать и о руссенорске, где этот класс оказывается еще более малочисленным, чем в сибирском пиджине.

Что же касается говорки, то для этого пиджина, безусловно, следует говорить о классе прилагательных, отдельных от класса наречий. В эти классы входит значительно большее количество слов, чем в сибирском пиджине и тем более в руссенорске.

Служебные части речи

Важной проблемой является выделение служебных слов в расширенных вариантах сибирского пиджина. По справедливому замечанию В.М. Алпатова, «основным свойством, различающим знаменательные и служебные слова, является самостоятельность первых, их способность образовывать высказывание, и несамостоятельность вторых... Однако знаменательность и служебность той или иной единицы языка – по-видимому, свойство не абсолютное, а относительное, имеющее те или иные степени» (Алпатов 1990b, 27).

Примером таких служебных слов, находившихся в процессе грамматикализации, могут служить квантификаторы сибирского пиджина и говорки: *(м)ного* (из рус. *много*) и *(и)се/ (и)сё* (рус. *все/ всё*) (подробнее ниже).

То же самое может быть сказано и о других разрядах служебных слов: приглагольных видо-временных и модальных показателях, послелогох.

Характерной чертой многих служебных слов русских пиджинов, в особенности сибирского пиджина и руссенорска, является то, что они оказываются словами с двойной этимологией. Наличие таких слов – явление, типичное для всех контактных идиомов. Суть этого явления состоит в следующем: грамматический показатель (а иногда и полнзначное слово)

восходит к двум разным словам в контактирующих языках — причем к таким, которые, по случайному совпадению, имеют сходное значение и сходную внешнюю фонетическую оболочку. Так, глагольный показатель *-ла* может быть возведён одновременно к русскому окончанию прошедшего времени, и к китайскому показателю перфектива *-la* (Перехвальская 1987). То же самое можно сказать и об «универсальном» предлоге руссенорска *pa*, а также о послелогах сибирского пиджина *компания* и *адинака* (см. выше).

Как было показано выше при рассмотрении конкретных форм некоторые «единицы» пиджина существовали в виде дублетов. В этом случае одному значению (лексическому, грамматическому) соответствуют две формы выражения, восходящие к разным языкам, ср. рн. *etta/den*, сиб. п. *эта/чега* и многие другие примеры. Подобная ситуация описана у А.Ю. Русакова для северно-русского диалекта цыганского языка: «Достаточно сложные отношения вариативности существуют в северно-русском диалекте между цыганскими и русскими служебными словами... проблема параллельного употребления исконно цыганских и русских служебных слов неотделима от более широкой проблемы параллельного употребления цыганской и русской лексики вообще» (Русаков 2004: 85). Подобное явление было впервые описано Л.В. Щербой в его книге о верхнелужицком языке, где оно было названо «язык с двумя терминами» (Щерба 1916).

При решении вопроса о том, как могло возникнуть эти явления: наличие слов с двойной этимологией и слов-дублетов, перспективной представляется теория С. Томасон. Она описывает формирование конкретных элементов контактного языка через метафору «торга» (*bargain*): в ходе языкового контакта при отсутствии общего языка говорящие достаточно быстро находят те элементы, которые оказываются «похожими», т. е. более или менее сходными одновременно по звуковой форме и по значению (Thomason 2001). Как показала в своём диссертационном исследовании К.С. Фёдорова, одной из стратегий избегания провала коммуникации является «перебор синонимов» (Фёдорова 2002) в надежде, что какой-то из них окажется понятен.⁷⁷ Действительно, в некоторых случаях эта стратегия даёт положительный результат, когда слово вдруг оказывается понятным по случайному (или не случайному) сходству. Именно эти элементы закрепляются и переходят в складывающийся контактный идиом. С этим связан тот факт, что во всех контактных языках имеются лексемы, как служебные, так и полнозначные, имеющие двойную этимологию, т. е. восходящие к двум (или более?) языкам. Этим и объясняются споры относительно происхождения того или иного элемента контактного языка, а также возможность абсолютизации вклада одной из контактирующих сторон, будь то язык-лексификатор или языки субстрата.

Принятие теории С. Томасон о том, что многие черты контактирующей языков возникают в результате своеобразного «торга», означает принципиальное признание значительного вклада языков субстрата в формирование пиджина. При этом, как правило, вклад языков субстрата менее очевиден, чем вклад языка-лексификатора, т. к. последний проявляется прежде всего в лексике и через лексику. Слово, имеющее «двойную этимологию», будет чаще всего отнесено за счет вклада со стороны языка-лексификатора, как правило, значительно лучше известного исследователю.

⁷⁷ Приведу в пример слышанное лично. Туристка в Хургаде обращается к водителю автобуса: «У вас здесь одна улица?». Водитель не понимает, туристка повторяет (увеличивая громкость): «У вас здесь одно шоссе? Проспект один?». Каким видим, морфологически речь остаётся правильной. Туристка использует две характерные стратегии: перебор синонимов и повышение громкости речи.

Сводная таблица частей речи расширенных вариантов сибирского пиджина

Таблица 5. Части речи расширенных вариантов сибирского пиджина

служебные ЧР	основные ЧР	другие знаменательные ЧР
(предлоги) ⁷⁸ союзы частицы: показатель отрицания видо-временные показатели показатели модальности	субстантивы: имена существительные, местоимения, послелог	атрибуты прилагательные
	глаголы	наречия
		междометия

Таким образом, в расширенных вариантах сибирского пиджина при выделении частей речи мы используем морфосинтаксический критерий, при этом его морфологическая «составляющая» понимается в широком смысле.

Рассмотрение частей речи в русских пиджинах, как в их редуцированных, так и в расширенных вариантах, показывает, что части речи – не конструкт исследователя, который выделяет их на основе произвольно взятого критерия. Они существуют в языке реально, на что указывает их стремление к унификации формы, к «морфологизации». При этом в первую очередь происходит формальное выделение глагола, и только вслед за ним – морфологизация существительного и других частей речи. Служебные же части речи появляются позже, чем знаменательные.

СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СИБИРСКОМ ПИДЖИНЕ

Аргументная структура

Уже говорилось о том, что одной из самых характерных черт сибирского пиджина является отсутствие словоизменительной морфологии — это в высшей степени аналитический язык. Одновременно с этим, редуцированные варианты пиджина обладают доставшейся им в наследство от «прагматического кода» крайней бедностью служебных частей речи. В этих вариантах отсутствуют такие служебные части речи как предлоги, послелог, союзы, артикли, аналитические грамматические показатели. Можно сказать, что в редуцированном пиджине отсутствует и морфология в «широком понимании», о котором писал В.М. Алпатов (Алпатов 1990b, 40-42).

В такой ситуации значение актантов интерпретируется в соответствии с их семантической ролью в предложении. Ср. следующие примеры, которые демонстрируют способы выражения основных семантических ролей:

Агенси (включает в себя значения экспериенцера и т. п.):

(112) *Питиса литай еса* (Chr) 'Птица летает';

(113) *Эта люди патом дзимли кападзи* (K) 'А потом этот человек копал землю'.

Пациенси:

(114) *Хэцзю либа купила* (Shr) 'Хэцзю купил рыбу';

(115) *Кухайка тейлэ шетаны исё делай* (K) '[Мы] шили фуфайки, тёплые штаны'.

Бенефактив (включает реципиента):

(116) *jevó dúmaj majá jevó čéna daváj* (Ja) 'Он думает, что я дам ему [настоящую] цену'.

⁷⁸ Предлоги характерны лишь для мезолектных вариантов, их появление, наряду с появлением падежных форм существительных и личных форм глагола, является критерием отнесения конкретной разновидности пиджина к мезолекту. «Предлог» за в записях Черепанова в действительности является грамматическим показателем, маркирующим субъект или фокус.

- Место* (весь спектр пространственных значений, как местных, так и направительных):
- (117) *Сам город поиёл йиво* (Bk) 'Он сам уехал в город';
- (118) *Jevó céna ni daváj palíča xadí* (Ja) 'Если он не даст [мне] деньги, я пойду в полицию';
- (119) *Мы приехал карейса фанза* (Tz) 'Мы переехали в дома корейцев'.

Инструмент:

- (120) *Бульдозера ровно делай* (K) 'Бульдозером равняли'.

Источник:

- (121) *Ащаса тока картошка сади, сё магазина купи араньше не* (Tz) 'Теперь только картошку сажают, всё покупают в магазине, раньше не так'.

Средство передвижения:

- (122) *Потом йиво лодка ходи* (Bk) 'И он уплыл на лодке'.

Время:

- (123) *Одина дена шесть рубли заработай* (Vr) 'За один день заработал шесть рублей'.

Приведённые примеры показывают, что все аргументы выражены однотипно – именной группой, которая состоит из существительного (в том числе существительного-местоимения) или существительного с зависимыми словами. Зависимыми словами при существительном могут быть атрибут, детерминант или другое существительное в определительной функции. Никакого формального различия между аргументами нет, не выделяются в том числе и главные члены предложения.

Поскольку в пиджине нет категории залога, семантическая роль Агенса всегда соответствует синтаксическому отношению Субъекта. Точно так же семантическая роль Пациенса соответствует Прямому Объекту. Формально семантические роли могут быть выражены только порядком слов, однако, конкретная интерпретация предложения в очень большой степени делается с опорой на контекст. Вот что пишет об этом С. Врубель: «Русско-китайская речь меньше всего обращает внимание на грамматическую сторону языка, ибо, как уже сказано, понимание получают из контекста. «Пампушка кушай» – грамматически анализируя, не поймёшь, пампушка ли съела или съели пампушку, или приказание, чтобы ел «пампушку» или чтобы «пампушка» ела, а в действительности «пампушка кушай» означает «есть пампушку», «съел пампушку», «буду есть пампушку», но также может иметь значение приказа и просьбы» (Врубель 1931, 133).

Порядок слов

Как уже говорилось, в сибирском пиджине порядок слов стремится к SVO или к OVS, если субъект выражен местоимением.

Если предложение содержит, помимо субъекта и прямого объекта, другие аргументы, то прямой объект стремится занять положение непосредственно перед глаголом. Ср.:

- (124) *evó dímtaj tajá jevó céna daváj* (Ja) 'Он думал, что я дам ему настоящую цену'.

В примере (124) аргумент выражающий бенефактив, занимает положение сразу после субъекта.

Ср. примеры с другими аргументами:

- (125) *Нада липахоха катер чо вази-ла* (K) 'Надо было катером возить в леспромхоз разные вещи'.

Все неглавные аргументы (локатив, инструменталис и т. п.) за исключением временного сирконстанта чаще всего занимают положение между S и V:

- (126) *Это который люди колодиса лазил, такой скажи* (Kk) 'Расскажи про человека, который лазил в колодец'.

Поскольку сибирский пиджин был языком исключительно устного общения и имел лишь «мягкую» норму, которая могла нарушаться, указанные правила носят скорее статистический характер, ср., например, «нарушение» порядка слов в примере (119)⁷⁹. В отсутствие правила строгого следования элементов предложения интерпретация синтаксической структуры предложения становится почти невозможной, учитывая отсутствие мор-

⁷⁹ Информантка, которой принадлежит данное высказывание, демонстрирует многие мезолектные черты.

фологии как в узком, так и в широком смысле. Понимание предложения происходит только с опорой на контекст. При этом, однако, используются определенные языковые стратегии, способствующие пониманию текста.

Сегментация текста

Для того, чтобы сделать аргументную структуру предложения более ясной, вся ситуация членится на мини-ситуации (элементы ситуации), каждая из которых описывается простым предложением, где при предикате имеется не более двух аргументов:

(127) *Хэцзю либа купила, эта либа помилай нету, эта либа купила. Эта вода пусыкайла, эта либа убижала.* (Shr) 'Хэцзю купил рыбу, рыба была живая, такую рыбу купил. Пустил ее в воду, рыба уплыла';

(128) *Так худо ходи, его могу стреляй. Его думай наша чушка есть* (Ar) 'Так ходить нельзя, потому что нас могут подстрелить. Продумают, что это кабаны'.

Такая сегментация текста на простые предложения, каждое из которых содержит не более двух аргументов, является характерной чертой для всех вариантов сибирского пиджина, а также и для других русских пиджинов. Практически все тексты, в том числе мезолектные и акролектные, характеризуются такой сегментацией. Стоит вспомнить характерные черты прагматического кода, о котором писал Т. Гивон (Givón 1979) – одна из них «соотношение именных основ при глаголе минимально, приблизительно 1:1». Можно считать, что стратегия сегментации ситуации на элементарные ситуации и, соответственно, текста на простые предложения – характернейшая черта любого пиджина. Ср. рассказ о землетрясении в Японии:

(129) *Васа тозэ снай, куркома исё снай. Эта ибенка города какой году. Я исё маленькэ прай (?), Шаньдун какрас сичас. Газета пиши, сопка павали. Эта иво замли низу низу. Газета пиши. Сопка павалила, низу пошоло. Какэ еси, иво исё шонса, шонса нету. Люди исё канчаё, севони капай, газета пиши* (K)

'Вы тоже знаете, все об этом знают. Это случилось в японском городе в каком-то году, я ещё ребёнком был в это время в Шаньдуне [провинция]. В газете писали, что упали горы. И земля обрушилась. Так писали в газете. Гора повалилась вниз. Так было, и солнца, солнца не стало. Люди гибли, их сразу откапывали. Так писала газета'.

В приведённом отрывке встречаются предложения, вообще лишённые основных актантов. *Шаньдун какрас сичас* 'В Шаньдуне как раз в это время'. С одной стороны, подобные эллиптические выражения вообще характерны для разговорной речи. Тем не менее, по замечанию Дж. Никольс, «лаконичность высказывания является характерной чертой русских пиджинов (Nichols 1980, 406).

Аргументная структура предложения в расширенных вариантах сибирского пиджина

В расширенных вариантах сибирского пиджина появляются формальные способы маркирования актантов. Среди всех вариантов выделяется кяхтинский в записях С.Н. Черепанова. Здесь имеется формальный показатель субъекта, ср.

(130) *За моя подумай, како ваша закона хорошаньки: женушеки месяза поживу еса.*

Б. Почето за ваша женушеки сюда походи ниту?

А. Закона ниту; за ево помешай поторговай буду. (Chr)

'Думаю я, насколько хороши ваши законы, позволяющие жить вместе с женами.

Почему же ваши жёны сюда не приезжают?

Закон запрещает, потому что они будут мешать торговле.'

В некоторых работах по русским пиджинам *за* рассматривается как предлог с широким значением, аналог предлога *по* в руссенорске. Эта трактовка, однако, неверна. Например, в (130) комитатив 'с жёнами' передаётся конструкцией с послелогом *женушеки месяза*, где *месяза*, возможно, восходит к рус. *место* или *вместе*. За редким исключением *за* всегда маркирует именно субъект предложения.

Самым частотным способом уточнения значения некоторых аргументов (главным образом сирконстантов) явилось употребление дейктических наречий. При этом их позиция в

предложении никак не фиксирована и они могут занимать любое положение в предложении, хотя чаще встречаются непосредственно за сирконстантом, который они уточняют:

- (131) *Ланьше я пошоло тока липахоза деся* (K) ‘Я приходил раньше только в леспромхоз’;
(132) *Йиво сюда ходи Восток* (Bk) ‘Он приходил в [посёлок] Восток’;
(133) *Ходим сюда ихинь дом* (Bk) ‘он приехал в их дом’

ВЫРАЖЕНИЕ ЧИСЛА В СИБИРСКОМ ПИДЖИНЕ И ГОВОРКЕ

Число в базилектных вариантах сибирского пиджина

Существительное в дальневосточном варианте сибирского пиджина само по себе не несет информации о количестве предметов, что становится очевидным, если принимать во внимание контекст:

- (134) *Мы приехал корейса фанза*. (Tz) ‘Мы переехали в корейские дома’.

Речь идет о переселении тазов из одной деревни в другую, опустевшую деревню корейцев, которые были высланы за пределы Приморья. Очевидно, что говорится о многих домах.

Наглядным примером употребления абсолютной формы в различных количественных значениях, служит употребление существительного *люди* ‘человек, люди, народ’. В зависимости от контекста эта лексема может употребляться для выражения единственного и множественного числа, а также для выражения коллективной множественности, ср. в одном и том же интервью:

- (135) *Талакана мужика исё тама живи. Люди сюда иво, гавалила* ‘Муж Салаганихи еще жив. Один человек приходил и рассказывал’ (K).

Контекст указывает на то, что приходил один человек.

- (136) *Книжка хочи делай эта люди*. (Kk) ‘Эти люди хотят написать книгу’.

Множественность референтов имени *люди* очевидна, поскольку речь идет о нас, двух лингвистах, записывающих разговор на магнитофон.

- (137) *Люди знай-ла када иво там захарани-ла, там блиска живи иво сына*. (K) ‘Люди/ человек знали, где его (ее, их) похоронили, его (ее, их) сын [может] жить рядом’.

Речь идет о запрещении в современном Китае насыпать могильный холм и о том, как родственники узнают о том, где именно похоронен человек. Здесь имя *люди* выражает неопределенную (коллективную) множественность.

Анализируя фразовые примеры, взятые из различных памятников, при отсутствии более широкого контекста невозможно установить количественное значение имени, а потому приходится полагаться на предложенный перевод, ср.:

- (138) *Solenca nietula, dozika iu, soledatka liesa pasola* ‘[Хотя] солнца не было и шел дождь, солдаты отправились в лес’ (Ja).

Лексема *soledatka* может с одинаковой степенью вероятности передавать как единственное, так и множественное значение, однако, по-видимому, опираясь на контекст, А. Яблонска переводит его именно множественным «солдаты».

Лексические способы выражения количественных значений в имени

При необходимости выразить единичность, употребляется квантификатор *адин* (рус. один):

- (139) *За тибидина дена походи нету, за моя соли повеси буду*. ‘[Если] ты не придешь [хотя бы] один день, я завтра повешусь от горя’ (Chr).
(140) *Адин сонца шесть рубли залабодай* ‘[Я] заработал шесть рублей за один день’ (Vr).
(141) *Адин люди делай куши не могу* ‘Один человек не может заработать на еду [для всей семьи]’ (Vr).

Точное число предметов выражается соответствующим числительным:

- (142) *Tvaja tri sonca kupi jest* ‘Ты уже покупал [это] три дня назад’ (Sch).
(143) *Мая ига кунья лянга сынка* (Vr) ‘У меня одна дочь и два сына’ (употреблены китайские числительные: *iga* ‘один’ и *lianga* ‘два’).

(144) *Два мамка была папа* (Bk) ‘У [моего] отца было две жены’.

Грамматикализованные средства передачи квантитативности

При необходимости выразить значение неточной множественности, употребляются квантификаторы *(м)ного* (из рус. *много*) и *(и)се/(и)сё* (рус. *все/всё*). По-видимому, оба квантификатора находились в процессе грамматикализации. Так, Е. Хелимский отмечает сходное явление для говорки: «Русские формы множественного числа встречаются иногда в постпиджинном континууме, но не в «чистой» говорке, в которой значение множественности передается сочетаниями с препозитивной частицей *много* (*много, мого, ного*) или постпозитивной *се* (из русского «все»). Последний тип очень характерен для говорки (*дяринга се* ‘все парни; парни’, *казку се* ‘все сказки; сказки’) и, возможно, должен считаться аналитическим множественным числом» (Хелимский 2000, 385). То же самое оказывается верным и для различных вариантов пиджина, хотя «грамматикализация» вовсе не предполагает обязательного употребления данных маркеров. Они употребляются при необходимости избежать непонимания. Ср. употребление слова *исе* в варианте поселка Кукал:

(145) *Какой гаду-ла⁸⁰ а низнэй, исе укалаинза сюда пришола <...> Укалаинза вотка нивыпи. Эта симейны исе иво, только дзяня палучила – магазина, какой мадияла еси – исе купи.* (К) ‘В каком году не помню, сюда приехали украинцы. Украинцы водку не пьют. Они семейные, только деньги получили – в магазин, какой материал (ткань) есть – весь раскупят’.

В данном случае говорящий сразу указывает, что приехал не один украинец, а несколько или много (*исе укалаинза*), и все они были семейными. Но если в первом случае маркер *исе* выступает как чистый показатель множественности, то в выражении *симейны исе иво* он сохраняет свое лексическое значение ‘весь’. Это лексическое значение оказывается единственным, когда *исе* употреблено самостоятельно: *исе купи*. Данный показатель представляет собой пример бифункционального слова, то есть такого, которое, обладая лексическим значением, может употребляться и в качестве чисто грамматического показателя. Эта ситуация вообще характерна для пиджинов и креольских языков.

Ср. другие примеры употребления маркера *исе*:

Рассказывая о японской системе письма, Ли-Юан-Чин замечает:

(146) *Исе китайса букэ, китайса букэ исе, а гавали не можено, тиши адинакэ. <...> Эта китайса букэ вот такой, книшка такой, адинакэ китайсэ.* (К) ‘Все китайские буквы, китайские буквы, но понять невозможно, хотя письмо и похоже. Китайские буквы вот такие, и книги похожи на китайские’.

(147) *Теперь ибэнка исе зеницинэ исе карасивы. Карасивы иво ибэнка.* (К) ‘В наше время все японские женщины красивые. Японки (японцы?) красивые’.

Несколько меньшей представляется степень грамматикализации показателя *ного*. Ср. такие примеры:

(148) *Зивотны ного деда, и соболю и чиво, и мяса сёремь охотай зимой* (Bk) ‘[Мой] муж все время охотился зимой, [добывал] животных, соболя и других, [добывал] мясо’.

(149) *Там леса исё, такой леса ного* (К) ‘Там были леса, много лесов’.

В последнем примере лексема *леса* ‘лес’ имеет ударение на первом слоге и не несет квантитативного значения, которое передается словами *исе* и *ного*.

Выражение квантитативных значений в глаголе

В первоначальной базилектной форме пиджина глагол сам по себе, по-видимому, не передавал значений числа, также как и значений лица, времени, вида или наклонения, как свидетельствуют следующие примеры:

(150) *Мамака гавали: «Тибсасасему худа. Дыругой раза тибсинада купи»* (Shr) ‘Мамаша сказала: «Ты совсем никуда не годишься. В другой раз не пойдешь за покупками»’.

⁸⁰ В этом примере формант *-ла* присоединяется к имени существительному в роли временного сирконстанта.

- (151) *Его не умеи охотай, токо огород сади. Я не хóчи кита́йса живи.* (Bk) 'Он не умел охотиться, только работал на огороде. Я не хотела жить с китайцем'.
- (152) *Зимля раньше сё сади, магазина нукупи ничо... а щаса тока картошка сади.* (Tz) 'Раньше все выращивали на земле, в магазине ничего не покупали, а теперь только картошку сажают'.

Как видно из приведенных примеров, использование абсолютной формы глагола, не имеющей никаких дополнительных значений, помимо обозначения собственно действия, является одной из наиболее устойчивых пиджинных черт. Она сохраняется даже в значительно декреолизованном варианте тазов (152).

Однако уже в материалах Черепанова глагольная система пиджина оказывается более сложной. Глагол получает две формы – имперфектива (незавершенное действие) и перфектива (завершенное действие). Первый выражался формой в отсутствие показателей, второй – постпозитивным показателем *-ла/-л*, имеющим двойную этимологию.

- (153) *Я кита́йса дава-ла меня ихинь... меня один, попа-ла я, папа нет, мама нет, плакай я.* (Bk) 'Меня отдали китайцу... я одна оказалась без отца, без матери, я все время плакала'.
- (154) *А эта жень-шень кушай хорошо. Жень-шень-иво искэй иво, сади-ла, эта не гадиса.* (K) 'Этот женьшень очень полезен. Женьшень нужно собирать, если его посадить, такой не годится'.

Форма перфектива на *-ла*, равно как и общая форма глагола в пиджине не выражают квантитативных значений:

- (155) *Почему японса стал, как это?* (Kk) 'Откуда взялись японцы?'
- (156) *Хэцзю курица яйцы купи-ла, бутылка опускай-ла* (Shr) 'Хэцзю купил куриные яйца и положил их в бутылку'.
- (157) *Сам город пошел его, далё-ё уехал ихинь* (Bk) 'Сам он уехал в город, далеко уехали они'.

При этом в реальных записях пиджина (особенно это касается записей конца XX века) могут встретиться самые различные глагольные формы, в том числе и выражающие квантитативные значения, ср., например:

- (158) *Вайна уремя была, ничиво недастанишь, а мы по сопкам ходим, нашли, дали союза по мука, по крупа* (Tz) 'В то время была война, продуктов не было, мы ходили по сопкам, собирали [дикоросы] и сдавали в «Интегралсоюз» за муку и крупу'.

На основании наличия таких форм было бы совершенно неверным делать заключение о существовании глагольного словоизменения (в том числе при выражении квантитативных значений) как в пиджине вообще, так и в речи конкретных информантов, поскольку эти формы возникают как спорадические и находятся в свободном варьировании с неизменяемыми формами. Ср. отрывок того же интервью, что и (158):

- (159) <В Тадуха остался кто-нибудь из тазов? >

Тама сасема нету-ла, се суда, трица дома. Старый уже нету-ла, померла я, там ещё один мушынна, Лан. (Tz) 'Там совсем не осталось, все сюда [переехали], все тридцать семей. Старых людей уже не осталось, вот я умру и [из стариков] останется только один мужчина – Лан'.

Информантка дважды употребляет базилектную форму связки *нету-ла* 'не было', образованную при помощи перфектного форманта *-ла* от отрицательной формы связки *нету*. В речи данного конкретного носителя пиджина встречаются и базилектные и акролектные формы, хотя в целом ее речь следует охарактеризовать, как довольно депиджинизированную.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СОБЕННОСТИ МЕЗОЛЕКТНЫХ ВАРИАНТОВ ПИДЖИНА

Характеристика мезолектных вариантов пиджина

Если пиджин сосуществует в постоянном контакте со своим языком-лексификатором (в данном случае – с русским языком) и воспринимается большинством говорящих как «испорченный», «искаженный» язык, возникает ситуация, которая носит название *постпиджинный континуум*.

Рассмотрим эту ситуацию подробнее. Пиджин в этом случае не воспринимается самими говорящими как полноценный язык, и к тому же ассоциируется с низшими слоями общества. В этом случае говорящие будут стремиться овладеть языком-лексификатором, что удаётся им в разной степени. В каком-то смысле повторяется ситуация с недоученным языком. Речь каждого конкретного носителя будет содержать различные формы от собственно пиджинных (наиболее далеких от языка-лексификатора) до форм, приближающихся к формам языка-лексификатора, а также большое количество промежуточных форм.

Для описания подобного рода ситуаций варианты, встречающиеся в континууме, стали делить на *базилектные* (т. е. принадлежащие собственно пиджину) и *акролектные* (приближенные к языку-источнику), между которыми располагаются *мезолектные* (промежуточные) формы.

К мезолектным относится большинство сделанных нами магнитофонных записей речи на русских пиджинах, а также все записи говорки. Как мезолектные можно рассматривать и некоторую часть цитат на пиджинах в художественной, мемуарной и публицистической литературе, таковы, например, записи В.Я. Шишкова. Так их рассматривала и Дж. Никольс (Nichols 1980, 398-399), определяя эти варианты как *broken Russian* (ломаный русский). Это идиом, характеризуется многочисленными ошибками против системы русского языка (ошибки в морфологии, синтаксисе), причём эти «ошибочные» формы варьируют с собственно пиджинными формами без морфологии.

Разберём конкретные случаи мезолектных вариантов русского пиджина.

1) Язык супругов Александра Егоровича (1921 г.р.) и Антонины Сергеевны Пионка (приблизительно 1917–2005). Общаясь между собой, а также с дочерью Антонины Сергеевны – Евгенией, они говорят, главным образом, на удэгейском языке, но использовали и пиджин. На пиджине говорили в общественных местах (в магазине, сельсовете, в больнице и т. п.). Собственно русским языком супруги Пионка не владели. Александр Егорович образования не имеет, работал в колхозе, русский язык учил так, как слышал. *«Эта... русскову языкэ почти не учил, уот сама разговорэ училась. Почти не учили русский язык.»*

По-видимому, в детстве и юности он выучил русский пиджин в его дальневосточной разновидности. При этом основным средством общения с окружающими был удэгейский язык – и на производстве (в колхозе), и дома. А.Е. Пионка принадлежит к той немногочисленной группе пожилых удэгейцев, для которых русский язык так и не стал доминирующим. В то же время его идиолект не мог не испытать влияния со стороны собственно русского языка, т. к. это был язык радио, а затем и телевидения, постепенно он стал не только языком сельской и колхозной администрации, врачей и учителей, но и языком общения в магазине, на почте, на улице.

2) Валентина Утайсин, 1910 г. рождения, тазовка, жила в селе Михайловка Ольгинского р-на Приморского края. Родной язык – местный вариант китайского, с родственниками, детьми, соседями общалась, главным образом, на этом языке. Неграмотная, школу не посещала. Выучила пиджин в 20-30 гг. XX века в несуществующем ныне тазовском пос. Тадуха. В 1938 году тазы, в том числе и В. Утайсин, были сселены в бывшую корейскую деревню (ныне село Михайловка), где продолжали общаться, главным образом, на своём этническом языке. Русский язык не стал для В. Утайсин доминирующим, однако она постоянно слышала его в сельсовете, по радио, в устах младшего поколения тазов.

Речь А.Е. Пионка, А.С. Пионка и В. Утайсин является примером вариативности, типичной для мезолектных вариантов постпиджинного континуума. Грамматические и лексические формы, характерные для пиджина, находятся в состоянии свободного варьирования с формами, которые совпадают с формами русского языка.

3) В качестве примеров мезолектных форм пиджина можно рассматривать также ряд примеров из художественной и мемуарной литературы.

Имя: существительное и местоимение.

Собственно пиджинные формы находятся в ситуации свободного варьирования с русскими формами: Ср. варьирование личных местоимений *он/ иво, я/ моя*:

- (160) ...попробуй ты **его** обзывай, попробуй ты **его** всяким, **его** сразу наказание делает (Bk) '...только посмей его (государство) как-нибудь покритиковать, оно сразу накажет';
(161) **Его, он** кушал бесплатно (Bk) 'А он-то [М.С. Горбачёв] жил за государственный счёт';
(162) А на чё говорить **его**? (Bk) 'Нет смысла говорить с ним'

В примере (161) это варьирование происходит в пределах одной фразы.

Ср. также примеры с варьированием местоимений не только по форме, но и по числу:

- (163) *Китайцев было, не брали их. Зачем **его**?* (Bk) 'Китайцы были, но их не брали [в армию]. Зачем они?'

Пример (163) показывает, что несмотря на спорадически появляющиеся иные местоимения 3 л. (*он, их*), они находятся в свободном варьировании с неизменяемым местоимением *его* [iwo], характерным для базилектных форм пиджина.

- (164) **Я** богатый... **мой** сидеть не любит, тайгам гулял (Shk) 'я богатый... я не люблю сидеть на месте, кочую по тайге'

Ср. также ниже пример (169), где местоимение *его* выступает в роли неопределённо-личного «некто, кто-нибудь».

Существительное

В мезолектных формах, как правило, отсутствует грамматическая категория рода, а число и падеж выражаются очень непоследовательно. Ср. следующие примеры:

- (165) *Это **горской солома** на таяк связал и **огонь** махать будет* (Tl) 'Это горцы привязали на шесты солому и размахивают ими' [объяснение появления огней в горах].
(166) *А мы по **сопка** ходим, нашли, дали **союза по мука, по крупа*** (Tz) 'А мы ходили по сопкам, собирали [женьшень], когда находили, сдавали в Интегралсоюз за муку и крупу'.
(167) *Это **мой** дочка... одна осталась* (Shk) 'Это моя дочь, одна осталась'.
(168) *А тута русский девка за китайса выходили* (Bk) 'А теперь русские девушки выходят замуж за китайцев'.

Глагол

В мезолектных вариантах сибирского пиджина абсолютные глагольные формы на *-j/-i* варьируют с русскими (спрягаемые формы глагола, инфинитив), при этом далеко не всегда спрягаемые формы согласуются с подлежащим. Ср.:

- (169) *А **его** **возьмёт** да как **варит**, а **кушай начинай** – горькэ* (Bk) 'Некто купит [рыбу], сварит, а станет есть – рыба невкусная'
(170) *Ухо ни **слышии**, галава **бали**, кости **бали**, я еле-еле **ходит*** (Tz) 'Слышу плохо, голова болит, кости болят, я еле хожу'
(171) *Зима, такэ **знаишь** капкана **постави** шобы ничо ни **замети*** (Tz) 'Зимой, знаешь, можно поставить капкан, так что никто не заметит'.
(172) *Тебе **понимай**, **его** можно **кушать*** (Ar) 'Ты знаешь, это можно есть?'

Более сложная ситуация наблюдается в говорке. Как уже говорилось, этот пиджин является несколько более депиджинизированным, чем многие засвидетельствованные варианты сибирского пиджина. Говорка обладает следующими категориями, которые также свойственны и русскому глаголу: инфинитив, прошедшее время индикатива, настоящее время индикатива, будущее время индикатива, условное наклонение, повелительное наклонение. Видовые противопоставления отсутствуют (Хелимский 2000, 390).

При этом Е.А. Хелимский, а также и Д. Штерн считают, что говорка «сохранила» данные черты (Хелимский 2000, 390; Stern 2005, 299). Однако, как мне представляется, она скорее приобрела данные черты, находясь в ситуации постпиджинного континуума.

Характерно, что в говорке присутствуют и иные глагольные формы – обладающие показателями лица, числа и рода. Однако, как указывает, Е.А. Хелимский «...в их употреблении царит хаос. Обычно глагол не согласуется с подлежащим ни в числе, ни в лице, ни в роде, и из всех вариантов выбираются преимущественно формы множественного числа или мужского рода (в прошедшем времени и условном наклонении) и 3 лица единственного

числа (в настоящем и будущем времени). Тем не менее, встречаются и другие формы (например, женский род ед ч., первое лицо ед. и мн ч., 3 лицо мн ч.; формы второго лица индикатива практически неизвестны говорке)» (Хелимский 2000, 391). Ср. следующий пример из говорки:

(173) *Только меня проверяет, тебя как живут.* (Hm) 'Я только проверяю, как ты живешь.'

Сходная ситуация наблюдается и в мезолектных вариантах сибирского пиджина, с той лишь разницей, что для многих из них нельзя говорить о устойчивом существовании инфинитива, а также форм условного наклонения. Несколько более последовательно представлены временные формы индикатива.

Порядок слов в предложении

Порядок слов в предложении (S)OV, по-видимому, является одной из самых устойчивых черт русских пиджинов. Возможно, эта произошла ещё и потому, что порядок SOV свойственен алтайским и уральским языкам, которые и составляют большинство языков народов Урала, Сибири и Дальнего Востока. В многих источниках представлены соответствующие этнолекты русских пиджинов:

(174) *Теперь в аулах, ай-ай, тормаша идёт, всякий хурда-мурда будет в балка тащить* (Tl) 'Сейчас в аулах все с ног сбились, будут пожитки стаскивать в балку'

(175) *Не нужно было вот такие дела занимать* (Bk) 'Не надо было заниматься подобными делами'

(176) *Два года двасать местов будем, не найдёшь* (Shk) 'За два года перекочем в двадцать разных мест, [нас] не найдешь'

(177) *Война уремя была, ничиво ни дастанишь, мука хлеба печи* (Tz) 'В это время была война, ничего не достанешь, мы сами из муки пекли хлеб'.

Такой порядок слов характерен и для говорки:

(178) *Меня богатый царь девка брал.* (Hm) 'Я взял (в жены) богатую царевну'.

(179) *Там купец, говорят, такой корова есть.* (Hm) 'Там у купца, говорят, есть такая корова'.

Постпозиция модальных показателей

Характерной чертой мезолектных вариантов сибирского пиджина является sporadическое сохранение конечного положения модальных слов *надо*, *можно*, которые в расширенном варианте пиджина играли роль модальных показателей. То же самое можно сказать и о формах глагола «быть», которые в пиджине играли роль постпозитивных видо-временных показателей.

(180) *А боше старый человек нету* (Tz) 'Больше старых людей нет'.

(181) *Вот пойдём, оленей глядеть будем* (Shk) 'Давай будем разводить оленей'.

(182) *Шамиль наиб пошлёт, а сам труба смотреть будет [А далеко ли Шамиль?] Далеко нету.* (Tl) 'Шамиль пошлёт военачальника, а сам будет смотреть в трубу. А далеко ли Шамиль? Не далеко.'

Сегментация текста

В мезолектных вариантах сохраняется и характерная для пиджинов сегментация текста на простые предложения, каждое из которых содержит не более двух аргументов. Такая «лаконичность» высказываний является одной из самых главных черт, отличающих близкие к акролектным формам пиджина от речи на русском языке (Nichols 1980, 406):

(183) – *Юртэ делали. Сперва клетка делает, а потом кора, кора ободрал вот это. Этим сверх, этим закрыли.*

– *Кора берёзовая? (соб.)*

– *Не. Ёлка кора. Он долго держится. Раз сделала, пять лет, десять лет стоит. Крепкий кора. Не гниёт он. Такой пород* (Bk)

‘Юрту делали так: сначала остов, затем его покрывали корой, для этого кору специально заготавливали. Сверху закрывали корой. – Кора берёзовая? – Нет. Еловая. Она долго держится. Простоит пять-десять лет. Кора эта крепкая, не гниёт, такой сорт дерева’.

(184) *Это мой баба. Шибко хорошо стрелят, медведя бил, шибко много* (Shk) ‘Это моя жена. Она очень хорошо стреляет, много медведей добыла’.

(185) *Раньше сильно плохо жили. Зимли капали, нагорода садили. Замли раньше сё сади, магазина ничё никупи* (Tz) ‘Раньше жили очень плохо. Раскапывали огороды. Раньше всё выращивали своими руками, ничего не покупали в магазине’

Как видно из приведенных примеров, мезолектные варианты пиджина сохраняют многие базилектные черты, которые, однако, находятся в состоянии свободного варьирования с формами, совпадающими с формами русского языка. Возможно, в идиолекте носителя мезолекта они являются синонимичными. Есть данные, указывающие на то, что такой носитель способен действовать методом «перебора синонимов», чтобы избежать провала коммуникации. Ср. такие примеры диалогов:

(186) – *У вас, **васа стэрана** все такие же?*

– *Какая страна? (соб.)*

– ***В васа стэране**, я говорю, нет бандитов?* (Bk)

Собеседники не поняли вопроса, и говорящий его перестроил. Это показывает, что он старается найти такие формы, которые будут понятны слушающим, и действует стратегией перебора синонимичных конструкций в надежде, что какая-то из них окажется более понятной. Возможно, он знает, какие варианты ближе к русскому языку и намеренно употребляет их, чтобы сделать свою речь более понятной. Во втором варианте вопроса появляется предлог, существительное *стэрана* употреблено в предложном падеже, и сам вопрос сформулирован более эксплицитно.

«Эхо-эффект»

Одной из характерных черт мезолектных вариантов оказывается «эхо-эффект», когда говорящий повторяет только что услышанную форму, которую обычно не употребляет:

(187) – *Каких животных вы убивали? (соб.)*

– *Зивотны ного деда, и соболю и чего, и мяса* (Bk) ‘Разных животных, и соболя и других [пушных зверей], и на мясо’

Это единственный случай употребления говорящими на пиджине слова *животное* (см. Словарь дальневосточного варианта сибирского пиджина). Информант пассивно понимает его, и повторяет вслед за собеседником, говорящим на русском языке. Однако самостоятельно таких форм он не порождает.

Подобная ситуация оказывается характерной и для тех носителей базилекта, которые понимают речь на русском языке:

(188) – *Дзимли чо-чо сади. Ровно делай.*

– *Бульдозером? (соб.)*

– *Угу. Бульдозера ровно делай.* (K)

‘На земле посадили разные [овощные культуры]. Всё сравнивали. – Бульдозером? – Да, бульдозером сравнивали’ (из рассказа о том, как в Китае превращали кладбища в огороды).

В примерах (187) и (188) говорящие заимствуют лишь основу слова, но опускают его морфологическое оформление. Однако «более продвинутые» говорящие, повторяют словоформу полностью:

(189) – *Уот эта японса, уот эта Америка, дэругой слово.*

– *Трудный, да? (соб.)*

– *Тэрудный они. Эта видишь уот Америка разные нации. На звери близко уот эти.* (Bk).

‘А вот у японцев и американцев другой язык. – Трудный, да? – Эти языки трудные. В Америке совсем другие народы. Они ближе к животным’.

При этом «эхо-эффекту» подвержены не только носители пиджина, но говорящие по-русски. Для облечения коммуникации они также повторяют услышанное:

(190) – *Научись-то можно. Научили по-ихи.*

– *Научили по-ихнему? (соб.)*

– *Да, я разговаривает. Тозе лёхко, лёхко слово у них тозе.*

– *Лёгкое слово? (соб.) (Bk)*

‘Научиться [говорить по-китайски] можно. Я научился по-ихнему. – Научились по-ихнему? – Да, я разговариваю. Тоже нетрудно, у них тоже простой язык. – Тоже простой язык?’

Такие примеры показывают, что в процессе коммуникации происходит выработка общего кода. Даже в ходе краткого интервью спонтанно возникают предпосылки для сближения идиолектов коммуникантов. По-видимому, перед нами один из важных механизмов возникновения мезолектных вариантов пиджина.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА СИБИРСКОГО ПИДЖИНА

Методика исследования словарного состава пиджина

Сибирский пиджин в его дальневосточной разновидности был в определенное время достаточно стандартизован. С течением времени значительно расширил сферы своего употребления, он начал употребляться не только как коммуникативное средство при обслуживании торговых сделок, но охватывал значительно более широкий круг тем, касающихся взаимодействия русских с китайцами, а также с представителями коренных народов Сибири и Дальнего Востока. На этом пиджине, в отличие, скажем, от руссенорска, появились фольклорные тексты (см. Часть II).

Интересно рассмотреть, какими именно средствами происходило расширение лексического состава сибирского пиджина, каковы характеристики его словарного состава, и чем его лексика отличается от лексики обычного языка.

Для изучения лексического состава пиджина был составлен словарь, позволяющий сопоставить слова (словоформы), встречающиеся в разных источниках. Поскольку пиджин фиксировался на протяжении более чем 150 лет, формы его фиксации были весьма различны. Так, например, С.Н. Черепанов использует запись кириллицей с небольшими отступлениями от русской орфографии (*почето* вместо *почто*, *сепасибо* вместо *спасибо* и т. п.), в то время как А. Александров использует для записи слов пиджина латиницу. То же самое делает Г. Шухардт. А. Яблонска, сосредоточившая свое внимание на фонетических отличиях между китайским и «европейским» этнолектами пиджина, даёт примеры в транскрипции.

Для того, чтобы сопоставить словарный состав разных источников сибирского пиджина, было принято решение о том, что все варианты написания и произношения слов будет сведены к некоторому инварианту. В словаре он представлен заглавным словом статьи. В качестве заглавного слова был выбран русский этимон, т. е. слово русского языка, к которому, по всей видимости, восходит данная лексема пиджина. При этом заглавное слово даётся в русской орфографии независимо от того, как оно произносится в пиджине, в том числе и тогда, когда произношение слова известно – например, когда оно взято из магнитофонной записи или в источнике зафиксировано в транскрипции. Это сделано для того, чтобы можно было свести воедино все разнообразные варианты, восходящие к одному и тому же этимону и проследить пути бытования данного слова, изменения его значения и формы.

При этом приняты следующие допущения и условности:

1) слово даётся в стандартной русской орфографии, даже если все варианты сходятся в ином произношении:

моя *majá* (*Sp*, *Tz*, *Ya*, *Ch*, *Shd*, *Al*, *Vr*, *Kk*, *Mk*, *Ar*) **1** *Sp* 1, *Ya* 2, *Ch* 9, *Shd* 1, *Vr* 7, *Kk* 1, *Mk* 1, *Ar* 4 **pron** я (именительный падеж) ♦ мая ходи буду (*Shd*) я приду; **2** *Ya* 1, *Al* 1 **меня**, мне, мной (косвенные падежи) ♦ моя ю ига куня, лянга сынка (*Ja*) у меня одна дочь и два сына; **3** *Tz* 1, *Shd* 1 **pron poss** мой ♦ моя старика нахоту ходи (*Tz*) мой муж ходил на охоту

2) существительные даются в форме единственного числа именительного падежа, даже если в качестве реального этимона можно предположить другие формы этого слова:

рубль *rúbəli* Vr, K, *lúbəli* K (Vr, K) **n** Vr 3, K 4 рубль.

3) в некоторых случаях заглавное слово значительно отличается от пиджинного варианта, в таком случае оно оказывается до некоторой степени условным:

одинаковый *adinákə* (Dz, K) **postp** 1 Dz 2, K 2 как, подобно ♦ **трава** **одинаковый** его (Bk) она [рубашка] как трава [т. е. зеленая] ♦ **раньше** как **здесь** **одинаковый** (K) раньше там было как **здесь**; 2 K 1 похожий

4) если пиджинный вариант может быть возведен к различным словам русского языка; так например, многие атрибуты пиджина, совмещающие в себе значения наречия и прилагательного и оканчивающийся на редуцированный звук, могут быть возведены равным образом к русскому прилагательному или русскому наречию; в таком случае в качестве исходного слова приводится прилагательное в форме именительного падежа единственного числа мужского рода; это не значит, что форма пиджина возводится непременно к этой форме:

красивый *kəlasíáwə* (Ja, K) **atr** Ya 1, K 1 красивый.

5) лексемы пиджина, которые восходят не к словам русского языка, представлены формами русского этнолекта пиджина, т. е. заглавным словом оказывается Русифицированная форма данного слова:

адали *adalí* (Chr) **part** Chr 3 как (в сравнительных конструкциях) ♦ **адали** **чужой** (Chr) как чужие; (предположительно монгольского происхождения).

6) лексемы пиджина, представляющие собой слова «смешанного» происхождения или слова неизвестного происхождения также представлены формами русского этнолекта.

ничимоза *nichimóza, nichimóuza* Vr (Ja, Vr) **adv** Ya 1, Vr 1 ничего, не страшно (контаминация "ничего" + *mou+tzý*).

Однако если различные пиджинные варианты восходят к разным словоформам одной и той же лексемы, они регистрируются как разные вхождения. Это делается для того, чтобы можно было оценить распространение каждого из вариантов, а также выделить мезолектные варианты:

ходи *xadí, xazí* Ya, *xodí* Shd, *xatí* Al (Dz, Tz, Ya, Shd, Al, K) **v** **Abs** Dz 10, Tz 2, Ya 4, Shd 1, K 6, Al 2 ходить, ездить, приходить

ходила *xadíla* (Dz, Tz, K) **v** **Perf** Dz 2, Tz 1, K 6 ходить

ходим *xódim* (Tz, Dz) **v** 1 **Praes**, 1 **Pl** Tz 1 ходить 2 **Imper** Dz 2 ходить, переезжать ♦ **ходим** **сюда** **ихинь** **дом** (Bk) пусть она переедет к ним.

ходит *xódit* (Dz Tz) **v** **Praes** Dz 1, Tz 1 ходить ♦ **я** **еле-еле** **ходит** (Tz) **я** едва хожу.

В скобках указывается, в каких источниках встретилось данное слово. Это позволяет представить себе распространенность данной лексемы в разных вариантах пиджина. Затем следует частеречная помета, указывающая на то, к какой части речи относится данное слово пиджина (а не соответствующее слово русского языка).

Для каждого отдельного значения указывается частотность, показывающая сколько раз слово в данном значении встречается в каждом из источников. Например,

чего-чего *chiwó-chiwó* (Dz, K, Sp) **pron** 1. Dz 1 то одно, то другое; 2. Sp 2, K 4 разный, всякий.

Из-за того, что величина самих источников неравномерна, частотность носит относительный характер. Частотность слова будет, естественно, выше для крупных источников (например, для варианта пос. Кукан) и ниже для кратких, например, для записей Г. Шухардта и А. Александрова. Тем не менее, пусть с оговорками, частотность всё же демонстрирует встречаемость данной формы в соответствующих источниках и даёт возможность представить себе временное и географическое распространение данного слова.

Анализ лексики пиджина

Приведённые выше примеры показывают, что такой способ подачи лексического материала даёт возможность даже на имеющемся достаточно скудном фактическом материале зафиксировать многие характерные черты различных вариантов пиджина. Приведу примеры на слова, относящиеся к разным частям речи.

Глагол *хади* ‘ходить, приходить, ездить и т. п.’ Абсолютная форма *ходи* встретилась 25 раз в шести источниках. Она широко представлена во всех вариантах, в том числе в кяхтинском языке, в маньчжурском варианте, а также в записях конца XX века. Можно считать, что этот глагол относится к лексическому ядру пиджина. Источники, указывающие произношение слова, достаточно единодушны. Это слово, по-видимому, произносилось как [xad'i] с нередуцированным [a], и палатализованным [d'], с ударением на последний слог⁸¹. Очевидно, что в транскрипции А. Александрова допущена ошибка).

Форма на *-ла* (*ходи-ла*) встретилась 9 раз в трёх источниках, все они относятся к современным записям. Две формы с личными окончаниями встретились: *ходим* – три раза в двух источниках; *ходит* – два раза в тех же двух источниках (бикинский вариант и этнолект тазов), относящихся к записям конца XX века. Из этого можно сделать вывод о том, что варианты с личными окончаниями появились только во второй половине XX века. Они не были характерны ни для стадии кяхтинского стандартизованного пиджина, ни для китайско-русского пиджина Владивостока и Маньчжурии, следовательно, являются исключительно мезолектными формами и могут не учитываться при выявлении лексического ядра сибирского пиджина.

Существительное *рубль* ‘рубль’ встретилось в двух источниках (записи С. Врубеля и магнитофонная запись в пос. Кукан), где оно достаточно частотно (7 употреблений). Учитывая существенную разнесенность этих источников во времени и пространстве, можно считать, что это слово существовало и в других вариантах пиджина. При этом оба источника указывают форму [rúbli], [rúbəli], [lúbəli] с ударением на первый слог. В косвенных форм русской лексики «рубль» наблюдается перенос ударения. Следовательно, слово пиджина восходит к форме именительного падежа ед. ч., однако исход на *-и*, указывает на множественное число этимона. Таким образом, перед нами контаминированная форма, расплывчатая и в современных вариантах пиджина.

Личное местоимение *моя* имеет три основных значения ‘я’, ‘меня, мне’, ‘мой’. Это одно из самых частотных слов пиджина. Встречается в десяти источниках, как старых, так и современных, однако чаще всего в значении субъектного местоимения ‘я’. Как показывают примеры, это местоимение употреблялось и в китайских этнолектах, содержащих большое количество слов китайского происхождения. Что касается фонетического облика этого слова, все источники сходятся на форме [majá]. Местоимение *моя*, безусловно, принадлежит лексическому ядру пиджина.

Местоимение *чего-чего* [čiwó-čiwó] имеет два значения ‘то одно, то другое’, ‘разный, всякий’. В первом из этих значений оно встречается один раз в источнике Bk (бикинский вариант), а в значении «разный, всякий» – дважды в источнике Spr и четыре раза в источнике K (то есть встречается в записях Шпринцына, а также в пиджине пос. Кукан). Учитывая, что в тунгусо-маньчжурских языках сходное значение передаётся также редупликацией местоимения со значением «что» (ср. удэг. j'əu-j'əu), можно предположить, что данное слово характерно для приамурско-приморской области. Оно не фиксировалось в кяхтинском, и, скорее всего, появилось в результате дальнейшего расширения пиджина.

⁸¹ Существовал и вариант с ударением на первый слог. Об этом свидетельствует также существование на Дальнем востоке слова «хóдя» ‘презрительное наименование китайца’, ср. частушку «Нынче ходи стали в моде, нужно ходю полюбить...»

Атрибут *красивый* ‘красивый, красиво’ как уже говорилось выше может быть возведён как к форме русского прилагательного, так и соответствующего наречия. Фонетическая форма [kəlasíwə] не даёт оснований для решения этого вопроса, т. к. нужно принимать во внимание не только исходную форму прилагательного, но и иные формы (женского и среднего рода, косвенных падежей). Данное слово зарегистрировано только в двух источниках, однако значительно разнесённых по времени (записи А. Яблонской и записи в пос. Кукан). По-видимому, это слово можно отнести к словам, появившимся при расширении пиджина.

Наречие *ничимоза* ‘ничего, не страшно’ [ničimóza], [ničimóuza] является контаминацией русского отрицательного местоимения «ничего» с китайским *тои* ‘ничего’ + именной показатель *tzu*. Встречается дважды в записях С. Врубеля и А. Яблонской, то есть в источниках, описывающих вариант китайского этнолекта пиджина. По-видимому, его следует считать характерным лишь для китайского этнолекта, распространённого преимущественно на территории Китая. Оно не может быть включено в лексическое ядро пиджина.

Послелог *одинаковый* ‘как, подобно’ зафиксирован в трех источниках: в материалах Шпринцына и в магнитофонных записях на р. Бикин и в пос. Кукан. Родные языки говоривших – русский, китайский, удэгейский. Данное слово характерно лишь для тех вариантов пиджина, которые сложились в контакте с китайским языком, тем более что это слово имеет двойную этимологию. Соответственно, оно не относится к ядерному словарю пиджина.

Предлог *адали* [adali] ‘как (в сравнительных конструкциях)’, предположительно монгольского происхождения, встречается трижды только в записях Черепанова, т. е. он характерен лишь для кяхтинского языка. Вряд ли стоит включать это слово в лексическое ядро пиджина, однако наличие в кяхтинском заимствований из монгольского языка служит дополнительным доказательством влияния этого языка на формирование дальневосточного варианта сибирского пиджина.

Грамматический показатель *еса*, зафиксирован в формах [jésa] у Черепанова и Шухардта и в форме [jési] у Врубеля, Арсеньева и в записях в пос. Кукан. Он является показателем результата или эвиденциалиса. Как и всякое служебное слово, он весьма частотен. Можно считать, что он встречается на всём временном и пространственном протяжении бытования пиджина, и, по-видимому, должен быть отнесён к его лексическому ядру.

Представленная выше процедура была применена ко всем зафиксированным словам дальневосточного варианта сибирского пиджина, в результате чего было выделено лексическое ядро этого идиома.

Лексическое ядро сибирского пиджина

Ниже приводятся 64 слова, которые оказались наиболее употребительными в дальневосточном варианте сибирского пиджина. Каждое из этих слов засвидетельствовано в трёх и более источниках, при этом в этот список не включались слова, зафиксированные в однотипных источниках (например, только в китайском этнолекте на территории Китая). Слова даны в порядке убывания частотности.

Таблица 6. Наиболее употребительные слова сибирского пиджина

моя	делай	кушай	такой
не	какой	магазин	там
надо	один	мала-мала	твоя
купи	пампушка	маленький	тоже

люди	рыба	много	ты
тебе	сейчас	мясо	хлеб
ходи	солнце	наша	хороший
была	сюда	ничего	чего
говори	только	помирала	шибко
его	три	пошѐла	я
нету	хочу	работай	искай
фанза	шанго	сама	дрова
еса	это	сиди	закон
дом	ваша	совсем	ломай
ещѐ	всѐ	старый	рубль
когда	далѐко	сын	одинаковый

В этот список попали прежде всего слова дейктические: личные местоимения, вопросительные слова, числительные, слова *такой, сейчас, сюда*, а также квантификаторы: *много, мало-мало, шипко* ‘очень’, слова, видовременные и модальные показатели: *еси, надо, хочу*.

Среди них 12 глаголов: *купи, ходи, была, говори, делай, кушай, помирала, пошѐла, работай, сиди, искай, ломай*. Восемь из них зафиксированы в абсолютной форме на *-j/-i*, остальные четыре в форме перфектива на *-la*.

В основной корпус вошли всего тринадцать существительных: *люди, дом, фанза, мясо, рыба, хлеб, пампушка, сын, солнце, магазин, дрова, закон, рубль*. Замечу, что *дом* и *фанза* (дом китайского типа), а также *хлеб* и *пампушка* (китайский хлеб, приготовленный на пару) – обозначают сходные реалии в разных культурах: русской и китайской.

Ещё меньше оказывается число зарегистрированных атрибутов: *хороший, шанго* ‘хороший’, *старый*.

Обращает на себя внимание крайняя скудность словаря. Действительно, бóльшая часть полнозначной лексики оказывается связана с бытовыми каждодневными занятиями: *кушай, сиди, работай, дом, хлеб, дрова*, есть лексика, связанная с торговлей: *купи, магазин, рубль*. Иные сферы человеческой деятельности не нашли отражения в ядерной лексике пиджина.

Более половины лексического ядра составляют дейктические слова и местоимения, чем подчёркивается факт вспомогательного характера данного языкового образования. Действительно, из просмотра ядерного лексического ядра пиджина, становится понятным, что понимание происходило с очень большой опорой на контекст высказывания.

Лексическое значение слов сибирского пиджина

Мы видим, что существенной характеристикой лексики сибирского пиджина является сравнительное небольшое количество лексических единиц, что является характерным для языков данного типа. Действительно, стандартное определение пиджина включает такую характеристику: «очень скудный словарь». Учитывая, что сибирский пиджин обслуживал достаточное количество коммуникативных ситуаций, следует предположить, что лексические единицы, в него входящие, имели предельно широкое значение.

Рассмотрим это явление на конкретных примерах.

Существительное *люди* (зарегистрировано в семи источниках) имеет в пиджине следующие значения: 1. человек; 2. люди (множественное); 3. народ (собирательное); 4. любое живое существо, включая животных. Ср. примеры:

(191) *За твоя Микита дрянъ люди* (Chr) ‘Твой Никита дрянной человек’;

(192) *Много люди китайска* (Dz) ‘много китайцев’;

(193) *Тайга много разный люди есть* (Ag) ‘В тайге много различных обитателей’.

Эта же лексема сходит в состав сложного вопросительного слова *какой люди?* ‘кто?’:

(194) *Какой люди хочу канка?* (Ja) ‘С кем ты хочешь увидеться?’.

Для иллюстрации многозначности слова *люди* в пиджине, приведу несколько цитат из произведений В.К. Арсеньева:

(195) *Стреляй не надо! Моя люди!*. (Ar) ‘Не стреляйте, я – человек’;

(196) *Его старый люди*, – сказал он про кабана с клыками.. (Ar).

(197) *Тогда чайник запел тоненьким голоском*. – Как его кричи, – сказал Дерсу, – *Худой люди!* – Как «люди», – спросил я его в недоумении. – *Вода*, – отвечал он просто, – *Его могу кричи, могу плакать, могу тоже играй*. (Ar).

Такое же расширительное значение могут получать и другие существительные пиджина. Например, слово *закон* ‘закон, традиция, обычай’, обозначает, с одной стороны, ‘постановления правительства’, разного рода официальные указы, распоряжения, а с другой стороны, народные обычаи, национальные традиции – т. е. употребляется для обозначения двух семантических полей.

То же самое можно сказать о других полнозначных словах. Глагол *ломай/ломай-ла/лома-ла* употребляется для обозначения широкого поля значений: ломать, портить, разбивать, рубить, а также ломаться, портиться, разбиваться, болеть, ср.:

(198) *Его курица яйцэ это ломай* (Spr) ‘Он разбил эти яйца’;

(199) *Его ломайла ю мэй ю?* (Ja) ‘Он заболел?’

(200) *Всё ломала куда увозила это дом постави* (K) ‘Всё вырубил и вывезли куда-то, дома поставили’.

Конкретное значение таких слов понимается из контекста.

Новые для говорящего ситуативные значения слов возникают по мере необходимости, и для этого используются следующие средства: метафорический и метонимический перенос, перенос значения по созвучию, конверсия (переход из одной части речи в другую), описательная передача значения. Проиллюстрирую эти средства некоторыми примерами:

метафорический перенос:

рыба вода пускайла ‘отпустил рыбу в воду’ – *яйца бутыка пускайла* ‘положил яйца в бутылку’ – *лиса мишока пускайла* ‘насыпал рис в мешок’ (Shr);

метонимический перенос:

карточка ‘фотография, картинка’ – *нанайса карточка* ‘книжка с картинками на нанайском языке’ (K);

цена – ‘деньги’ (Vr);

перенос значения по созвучию:

машинка ‘машина’ – ‘мошенничество’ (Ja);

конверсия:

работай ‘работать’ – ‘работа’ (Vr);

кушай ‘есть’ – ‘пища’, ‘обед’ (Bk).

Отдельно стоит остановиться на выражении значений при помощи описательных конструкций. Поскольку сами эти конструкции состоят из лексем с предельно широким значением, их толкование без опоры на контекст иногда оказывается вовсе невозможным. Так, например, в источнике (K) информант использует выражение «*больница ходи*» в значении ‘серьёзно заболеть’, а вовсе не обязательно ‘ложиться в больницу’. Ср.:

(201) *Сивоння живи, больница не ходи, а завтра не, завтра може там больница ходи поумилайла* (K) ‘Сегодня ты здоров, не болеешь, а завтра всё может случиться, серьёзно заболеешь и умрёшь’.

(202) *Ниношка такой выпил и морда красный, сёремя ни бали, ни кашляй* (K) ‘Если принимать его понемногу, будет хороший цвет лица, никогда не будешь болеть, простужаться’ (речь идёт о полезных свойствах женьшеня).

(203) *Ниды сердце крючок* (Ja) ‘Твоё сердце – крючок [т. е. ты злой]’.

Этимологический анализ лексики сибирского пиджина

подавляющее большинство лексических единиц сибирского пиджина восходит к словам русского языка, поэтому этот язык и считается русским пиджином. Однако в нём имеются

также слова иного происхождения, хотя распределяются они неравномерно по разным источникам.

Слова монгольского происхождения характерны прежде всего для кяхтинского (маймачинского) варианта, что объясняется широким использованием монгольского языка на Дальнем Востоке как языка межэтнического общения в XVII-XVIII).

Возможно, в кяхтинском языке их было значительно больше. Однако до нас дошли лишь слова, записанные Черепановым:

адали – ргер. ‘словно, как’

шанго – атг. ‘хороший, хорошо’

–ху – суффикс глаголов: *кушаху* ‘есть’, *ситиху* ‘спать’.

Значительное большее зафиксированных слов восходит к китайскому языку. Это объясняется тем, что контакты с китайцами происходили вдоль всего русско-китайского пограничья вплоть до окончательного закрытия границы СССР с Китаем в 1937–1938 гг., т. е. эти контакты значительно ближе к нам по времени. Следует также заметить, что наибольшее количество слов, восходящих к китайскому языку мы находим в записях С.Н. Врубеля, А. Яблонской и А.Г. Шпринцына, которые основывались на вариантах пиджина, распространённых в Маньчжурии, а также в районе Владивостока, где до 1930-х гг. проживало несколько десятков тысяч китайцев, выходцев из Маньчжурии. Приведу примеры слов китайского происхождения:

ерлан – п. ‘порция спиртного’ (Ja)

куня – п. ‘дочь, девушка’ (Ja, Vr)

миамбо – п. ‘хлеб’ (Ja)

лянсуй – п. ‘вода’ (Vr)

каньтрами – v. ‘рубить, рубить голову’ (Vr)

каратчи – v. воровать (Ja)

сахуан – v. ‘врать’ (Vr)

ниды – ррон. ‘ты, твой’ (Ja, Vr)

чега – ррон ‘этот’ (Shr, Ja)

татады – атг. ‘большой’ (Vr)

хокан – атг. ‘красивый’ (Ja)

игаян – adv. ‘одинаково, всё равно’ (Vr)

лянга – num. ‘два’ (Ja)

Среди них есть также служебные слова и междометия:

лайба – ‘иди сюда’ (Vr)

ке и – mod. ‘мочь’ (Vr)

ба! – побудительная частица: *бери-ба!* ‘бери-ка’ (Shr)

бу – неглагольное отрицание: *бу шанго* ‘не хороший’ (Shr)

ми – глагольное отрицание: *юли и ми юла* ‘был и не был’ (Shr)

ю – связка, показатель перфектива (Ja, Vr, Shr)

К влиянию китайского языка можно также отнести и образование новых слов путём редупликации: *играй-играй* ‘торговаться на базаре’ (Ja, Vr); *гуляй-гуляй* ‘развлекаться’ (Ja); *мур-мур* ‘говорить’ (Ja); *юли-юли* ‘грести, перевозить на другой берег’ (Vr).

Зарегистрировано очень небольшое количество слов иного происхождения, главным, образом это заимствования из местных тунгусо-маньчжурских языков. Эти слова встречаются в основном в записях, сделанных в местах проживания этих народов:

ая – intj ‘ладно, хорошо’ (Bk) (удэг. *aja*)

нинка – п ‘китаец’ (Bk) (удэг. *niŋka*)

амба – п ‘тигр’, ‘дух тайги’ (Ar) (нан. *amba*)

Анализ лексического состава сибирского пиджина показывает, что в ситуации грамматического расширения, его лексический состав также увеличивался. Однако даже на стадии расширенного пиджина он был всё же значительно более скудным, чем словарь обычного языка. Пиджин первоначально обслуживал стандартные коммуникативные ситуации, и лишь

затем стал постепенно расширять области применения. Тем не менее даже в самые благоприятные периоды своего развития, когда он получил некоторую стандартную норму, он всё же оставался языковым образованием, обслуживающим достаточно узкие области человеческой деятельности.

Представленный словарь сибирского пиджина показывает, что в этом идиоме полностью отсутствовала абстрактная лексика, было очень мало возможностей придать речи стилистическую выразительность, отсутствовали функциональные стили.

Заключение

Анализ материала русских пиджинов позволяет сделать несколько выводов, касающихся как истории формирования и особенностей функционирования этих идиомов, так и особенностей процессов пиджинизации и креолизации вообще. В процессе формирования каждого из пиджинов или их вариантов можно выделить несколько взаимодействующих процессов и несколько взаимодействующих языковых составляющих.

В основе исторически засвидетельствованных русских пиджинов (сибирский пиджин в нескольких вариантах, говорка, руссенорск, возможно, поволжский и кавказский пиджины), был сложившийся к XVII веку особый регистр «общения с инородцами». К этой составляющей относятся личные местоимения *моя* и *твоя*, использование императивных форм глагола как «абсолютных», порядок слов SOV.

Указанные черты сформировались в этом прото-пиджине в результате разных процессов: под влиянием субстрата, благодаря универсальным закономерностям редукции языка, путём переноса моделей из других языков такого типа.

Эти данные являются интересными для креолистики в целом, поскольку проливают свет на то, как происходит процесс пиджинизации и дальнейшее построение грамматики «с нуля». Нет оснований принимать какую-то одну из теорий пиджинизации и креолизации, категорически отменяя все остальные. В ходе расширения русского пиджина новая грамматика строилась из русского материала, и этот материал, представлявший собой конкретные лексемы, сохранявшие остаточные морфосинтаксические свойства, безусловно, оказывали влияние на складывающуюся грамматику пиджина (ср. «морфологизацию» частей речи). В то же время порядок слов SOV, функционирование некоторых показателей (перфектив на *-ла*, показатель множественности *сё*, редулицированные местоимения), появление послелогов и послеложное положение приглагольных показателей очевидным образом восходит к языкам субстрата. И, наконец, линейная структура предложения (от темы к реме), разбиение ситуации на составляющие, уменьшение числа актантов в предложении, отсутствие словоизменительной и словообразовательной морфологии можно считать универсальными механизмами пиджинизации.

Русские пиджины, подобно другим пиджинам и креольским языкам при расширении своих функций либо строили «новую грамматику», либо заимствовали формы из языка-лексификатора.

Пример русских пиджинов подтверждает справедливость компромиссного подхода к решению проблемы возникновения пиджинов и креольских языков. В их формировании принимали участие разные факторы, и абсолютизация любого из них искажает реальную картину. Поэтому от построения отвлечённых схем формирования языков данного типа следует перейти к детальному лингвистическому анализу доступного материала. Что и было сделано в данной книге.

Часть вторая

Корпус материалов по РУССКИМ ПИДЖИНАМ

Ниже приводятся материалы по русским пиджинам, а также другим формам идиомов, которые характеризуются параметром «смешение» и в формировании которых принимал участие русский язык.

ФИНСКО-РУССКИЙ ЖАРГОН

Современный финско-русский жаргон⁸² возник в пригороде Хельсинки в ходе торговых контактов финнов, не знающих русского языка, с русскими покупателями, не знающими ни финского, ни английского языков (объект торговли — подержанные холодильники). Перед нами «новый» контактный язык, который во многом строится на иных основаниях, чем «старые» пиджины.

Данный идиом разделяет со всеми пиджинами основные «минималистские» черты: он лишен словоизменительной морфологии, в нём формально не выражаются многие грамматические категории — такие как число, лицо, род, время глагола и т.п. Характерно, однако, что в этом современном пиджине нет тех черт, которые объединяют между собой сибирский пиджин, говорку и руссенорск: здесь нет местоимений *моя/мине*, *твоя/тибе*, неизменяемая («абсолютная») форма глагола восходит не к императиву, нет тенденции к установлению порядка слов SVO. Материал представленного финско-русского «жаргона» показывает, что на современном этапе пиджины на основе русского языка образуются иным образом, чем исторически засвидетельствованные «старые» пиджины.

Материал по этому жаргону представляет собой запись отдельных высказываний на данном жаргоне, а также нескольких кратких диалогов. Связные тексты не представлены по той причине, что их не существует.

1. <i>Куришь улица</i>	мы пойдем на улицу покурить
2. <i>Чёрны нада</i>	нужно поджарить так, чтобы подрумянилось
3. <i>Файна хурмури магазин, руски-руски лап-лап-лап</i>	Файна со всеми любезничает в магазине, по-русски много болтает
4. <i>Нет устал</i>	Я не устал
5. <i>Лена финский язык есть?</i>	Ты выучила финский язык?
6. <i>Утром Кари мотрит гараж, да</i>	Я пойду в гараж завтра
7. <i>Я быстро думает деньги</i>	Я умею быстро считать в уме
8. <i>Ты тоже такой</i>	Ты тоже бери такой пирожок
9. <i>Сътарой он Файна</i>	Вторую (другую) зовут Файна ⁸³
10. <i>Рита звонить Лиза автобус</i>	Рита позвонила/звонила Лизе, когда та ехала в автобусе

⁸² Этот идиом записывался в Тиккуриле у Кари Ууси-Хаутамаа и Терро Нюквиста в 2001–2002 гг.

⁸³ Это единственный зарегистрированный случай употребления местоимения 3 л., и он также не вполне убедителен, поскольку здесь может быть реально употреблен финский глагол *on* «есть, имеется» в форме 3 л. ед. ч.

11. *Там пат (спать) нет*
12. *Ного гуляйт, болит, дома исестъ патъ хорошо*
13. *Фински язык быстро-быстро читать, читаю, ты читаешь*
14. *Куришь плохо, очень плохо черная (показывает на грудь)*
15. *патом-патом, (в)чера*
16. *Через тва года Лапланд пятьдесят пять градус*
17. *Кохве пажалуста*
18. *Лииса, иди сюда, Рита комната*
19. *Шисдисят шэтуке макасиини, хороший день*
20. *Лена очки харашо – пенсионер магазин*
21. *Терро вечером рад, утром ой-ой-ой*
22. *Фински парламент, дурдом, человека дурак*
23. *Нет холодно, жарко*
24. *Хороший бусс, чай, кофе*
25. *Финлалдиа дома, да*
26. *Большой опера, да, хороший, новый*
27. *Уки⁸⁴ хороший, да*
28. *Минуточку*
29. *Ночью масина улица аткрытта*
30. *Уки улица патом*
31. *Руски мушина нет*
32. *Девочкам!*
33. *Лена, сумка*
34. *один два губа*
35. *Картошка, капуста, хорош, да?*
36. *Пять часов, нормально*
37. *Руски кухня, (в)кусны кухня*
38. *Рестаурант, песни*
39. *фолга, фолга, да. Тара фолга*
40. *Рита потом-потом, потом, да*
41. *Кари? Рита?*
42. *вацать километри*
43. *фински машина*
44. *Уки — на здоровье*

Мы там не собираемся ночевать
 Если много ходить, <нога>
 болит, когда сижу дома или
 сплю — не болит
 Ты очень быстро можешь
 научиться читать по-фински
 Курить вредно для легких

позавчера
 Два года назад в Лапландии бы-
 ло пятьдесят пять градусов
 Пожалуйста, пейте кофе
 Лиза, зайди в комнату Риты
 Я продал шестьдесят штук,
 удачный день
 Лене идут очки, она может идти
 в магазин для пенсионеров
 У Терро вечером хорошее
 настроение, а утром плохое
 Финский парламент — это су-
 масшедший дом, там одни
 дураки
 Совсем не холодно, даже жарко
 Это хороший автобус, можно
 выпить чаю, кофе
 Это дом финской культуры
 Это новое здание оперы, очень
 красивое
 Уки очень хороший
 Подождите немного
 Ночью машина остается на
 улице не запертой
 Уки позже выйдет на улицу
 Русский уехал
 За женщин! (тост)
 Лена, бери сумку
 обе губы
 Картошка и капуста (на обед)
 нормально ведь, правда?
 (Встанем) завтра в пять утра,
 хорошо? (шутка)
 Русская кухня очень хорошая
 Пойдём в ресторан, там послу-
 шаем музыку
 да-да, у меня есть «Волга»,
 старая «Волга».
 Рита скоро вернётся
 Где Кари и Рита?
 двадцать километров
 финская машина
 Уки здоров

⁸⁴ Кличка кота

45. <i>Ольга сестра? (жест)</i>	Как живёт Ольгина сестра?
46. <i>Дом Москва купить Лена?</i>	Лена, ты уже продала квартиру в Москве?
47. <i>Нет, глаза плохо</i>	Нет, я не вижу без очков
48. <i>Пива характер плохо, характер плохо пива</i>	Он, когда выпьет пива, злой становится
49. <i>утром характер чёрный</i>	У него с утра плохое настроение
50. <i>Терро ресторан работать</i>	Терро мог бы работать в ресторане (хорошо готовит)
51. — <i>Пиим, майто холодильник?</i>	— Молоко и масло убрать в холодильник?
— <i>Да-да, холодно, да</i>	— Да, в холодильник сын Терро
52. <i>Терро дочь</i>	Рита, поставь кофеварку
53. <i>Рита, кофе, да</i>	По четвергам, пятницам и субботам в магазине сидит Фаина. Терро с утра до вечера пьёт пиво. Завтра пусть перейдёт на кофе.
54. <i>Файна магазин. Четверг, пятницу, суббота. Терро пиво утром, вечером. Завтра кохви, пива нету</i>	Отремонтировать «мерседес» дорого
55. <i>Мерседес ремонт туле ой-ой-ой</i>	Терро вместо обеда пиво пьёт
56. <i>Терро пиво, обед нет</i>	Как это называется по-русски?
57. <i>Русски имя?</i>	— 171 гектар. Сколько это километров?
58. — <i>171 гектари (пишет цифры) сколько километри?</i>	— Там люди есть?
— <i>Там люди есть?</i>	— Слово «люди» не понимаю.
— <i>Люди не понимайю</i>	— Человек, мужчина, женщина?
— <i>Человек, мужчина, женщина?</i>	— Нет, людей там нет.
— <i>Не, человек нет.</i>	Ты не понимаешь?
59. <i>Нет понимай?</i>	Ты не хочешь?
60. <i>Не хочу?</i>	Рита читает книгу
61. <i>Рита читаю книги</i>	Говорит по-фински (об официанте в Выборге, говорящем по-фински).
62. <i>Говорю фински</i>	Звонила Людмила
63. <i>Людмила звонить</i>	завтра мы поедем в Хельсинки
64. <i>Вчера Хельсинки да</i>	В котором часу ты выехал из Петербурга?
65. <i>Колько времени Петерисса?</i>	Как вам кофе? Еще не попробовали?
66. <i>Как кофе? Не знаю?</i>	

Заметки по грамматике

Характерной особенностью речи на данном жаргоне является избегание глагольных форм. Большое число примеров не содержат ни одной финитной глагольной формы. Предикативность часто передается связкой, именным сказуемым либо интонационно. Там же, где глагольная форма появляется, это чаще всего инфинитив (7 примеров), глагол в форме 3-го или 1 лица ед. ч.

Еще менее частотным оказывается употребление местоимений. Они в зарегистрированных материалах встречаются редко (7-9). Местоимения либо опускаются и

«домысливаются» по контексту, либо лицо называется по имени. Это касается и тех случаев, когда говорящий говорит о себе самом (6).

Интересно также употребление некоторых лексем для обозначения других всего семантического поля: *купить* : ‘купить’ и ‘продать’; *через два года*: ‘два года назад’, *вчера*: ‘вчера’, ‘завтра’, *дочь*: ‘сын’, ‘дочь’.

СИБИРСКИЙ ПИДЖИН

Общее число записей этого пиджина значительно превышает количество материала, собранного, например, по руссенорску, однако последний изучен несравненно лучше. Обобщающих работ, посвященных сибирскому пиджину, долгое время не было. Анализ сохранившихся материалов по сибирскому пиджину затрудняется высокой степенью вариативности материала.

Находящиеся в распоряжении лингвистов материалы по сибирскому пиджину — это собрание записей, сделанных в разное время у людей с разными родными языками, и к тому же сделанные с различной степенью точности. Самые старые записи относятся к 1850 г., самые последние — к 2004; географически они распределяются от Маньчжурии на территории Китая до Приморского и Хабаровского краев России. Это собрание отрывочных текстов разной степени надежности, записывавшихся случайным образом на территории в несколько тысяч квадратных километров в течение ста пятидесяти лет. Принимая во внимание, что этот язык существовал и широко использовался вдоль всей китайской, монгольской и корейской границы, а также в южной Сибири, в Приморье и Приамурье на протяжении более чем двух с лишним столетий, приходится констатировать, что он очень плохо документирован.

КЯХТИНСКИЙ ЯЗЫК

Этот вариант пиджина использовался в приграничном городе Кяхта, где была сосредоточена торговля с Китаем.

Материалы С.Н. Черепанова

Статья С.Н. Черепанова (Черепанов 1853) — первая лингвистическая работа по русским пиджинам. Она содержит также образцы текстов. «Кяхтинского язык» достиг высокой степени стандартизации, поскольку китайские купцы проходили специальное обучение пиджину по имевшимся в их распоряжении словарям и разговорникам.

«Бесспорно правильное, что он сложился в г. Маймачине, а не в Кяхте. Возникновение его Черепанов объясняет постановлением китайского правительства, по которому все китайцы, желающие торговать в Кяхте, обязаны изучить русский язык и сдать в знании его экзамен. Сноситься с русскими они имеют право только на русском языке. Для изучения его в Китае печатаются особые руководства (китайскими иероглифами). (Булич 1896, 35: 381). Как верно указывает Дж. Никольс, китайцы, специально изучавшие пиджин на основе имевшихся пособий, не участвовали в его формировании, однако способствовали его стабилизации (Nichols 1980). В Кяхте редуцированный пиджин превратился в стабильный пиджин. При этом это был не просто язык торговли, он обслуживал все необходимые области соприкосновения русских и китайских купцов, которые были, по-видимому, значительно шире, чем темы разговоров русских и норвежских моряков (ср. ниже материалы по руссенорску).

Запись диалога между купцом-китайцем и русской покупательницей сделана, скорее всего, “по памяти”, история записи письма не известна. Возможно, оба текста — творчество самого С.Н. Черепанова, а не запись реального диалога и не публикация реального письма. Письмо содержит описание европейского мужского костюма, увиденного глазами китайца. Сама юмористичность текста показывает его искусственное происхождение.

Разговор между китайским купцом (А) и женой русского купца (Б)

А. Илисандера, за тибиде кака подумай, за моя пришеде еса?

Александра, как ты думаешь, почему я пришёл?

- Б.** *Погули еса, господине Далай?*
Гуляете, господин Далай?
- А.** *За* моя подумай, како ваша закона хорошаньки: женушеки месяза* поживу еса*.*
Думаю я, насколько хороши ваши законы, позволяющие жить вместе с женами.
- Б.** *Почето за ваша женушеки сюда походи ниту*?*
Почему же ваши жёны сюда не приезжают?
- А.** *Закона ниту; за ево* помешай поторговой буду*.*
Закон запрещает, потому что они будет мешать торговле.
- Б.** *Кака можено; за наша како помешай ниту?*
Как можно? Отчего же мы помешаем?
- А.** *О, за ваша особа манера; за ваша мужа жестоки манера поживу еса; за женушека месяза посиди нету, адали* чужой.*
У вас другой обычай. Поведение ваших мужей грубое, они никогда не посидят с женами, точно чужие.
- Б.** *За ваша женушеки месяза посиди еса?*
А вы всегда сидите со своими женами?
- А.** *Неперемена. За наши женушеки адали бога подумай еса. На тиби посемотери, адали леденеца кушаху* еса... Одина дена за тиби походи нету, за моя соли* повеси буду.*
Непременно. Мы жен своих почитаем как божества. Вот и на тебя смотря, я ощущаю сладостное чувство. И если один день ты не придешь, я точно повешусь.
- Б.** *Э, полоноте, г. Далай, како можено тако поговори.*
Полноте, г. Далай, как можно так говорить.
- А.** *Перямо солово; за моя фалтишивайла ниту; за твоя Микита деряни люди; только рюмашеку кушаху умеша.*
Правда, я лгать не умею Твой Никита не хороший человек, только и умеет пить водку.
- Б.** *За моя Микита сказывай буду, како Далай поговори еса.*
Я скажу ему, что Далай говорит о нём.
- А.** *Сказывай не надо; сама подумай можено; за моя Печинесеки походи буду; за тиби какой Печинесеки манера шолека заказывай буду.*
Говорить не нужно, надо думать о себе. Я вот поеду в Пекин, что ты захочешь из пекинских шелковых материй?
- Б.** *Монеза ниту, г. Далай.*
Денег нет, г. Далай.
- А.** *Подожеди можено.*
Можно в долг.
- Б.** *Поселе отдавай надо буду.*
Потом нужно же заплатить.
- А.** *Шелатай-болетай* можено*
Можно как-нибудь решить это дело.
- Б.** *За моя тако ни хычи.*
Я так не хочу.
- А.** *Како хычи?*
Как же?

Б. *За моя хычи Микита поговори.*
Я посоветуюсь с Никитой.

А. *Микита особо дело; за тиби особо дело.*
Ты — одно, Никита — совсем другое.

Б. *За моя тако не хычи.*
Я так не хочу.

А. *Ну сама воля, поселя пожалей буду.*
Ну, как знаешь. После пожалеешь.

Китайский купец об одежде для ополченцев

За наша знаша, така буди.
Мы знали, что будет так.

За ваша соледаза за наша восещанка поноси было, какой можено была за его поколоти!
Ваши солдаты были одеты в наш холст — так их и победить никак нельзя было!

Описание русского костюма китайцем

За тиби середиза буду.
Ты будешь сердиться.
За что?

Тута ваша манера бичи еса.
Тут описаны ваши обычаи.

Одина шуба ниту, толико один сукона халаза вортеника меха пиришивай еси. За ево маленьки курема поде большина курема поноси еса; туто переда шолека, зада холесета; шолека показывай еса, побольшане курема адали ворота не запирай еса;

У некоторых шубы нет, только к суконному халату пришивают меховой воротник. Они носят под большою курткую маленькую куртку, у которой передняя часть шелковая, а задняя холщевая; шелковая часть всегда на виду, для чего большая куртка носится не застегнутою, как открытые ворота;

маленка курема, сама по большен сутужа, дирочки осатавляй еса, за ево белиньки рубаха показывай надо; за тиби подумай сама дела беленеки рубаха поноси еса?

на маленькой куртке, не смотря ни на какой холод, делается дыра для того, чтобы видна была белая тонкая сорочка; ты подумаешь, что в самом деле вся сорочка тонкая и белая.

Оё, рубаха поноси толесета, посерета толика за дирочки одина беленики кусока перевежи еса поманиза называй еса.

Не тут-то было! сорочки носят толстые и пестрые, а только в помянутой дыре привязывают белый кусок, который называется поэтому «поманить» (манишка).

За ево шея палатока поноси еса, напереза беленьки кусока, адали воротника рубаха перевязывай еса.

На шее он носит платок, но прежде привязывает беленькие кусочки, как бы воротник сорочки.

Побольшана курема рукава коротеньки, на рука беленьки кусока перевязывай еса: бела рубаха обамани надо.

У большой куртки рукава короткие, на руки привязывают белые куски, чтобы окончательно обмануть насчет белой сорочки.

Комментарии

месяза — послелог «с, рядом» из русского «место»; засвидетельствован в дальневосточных вариантах и в говорке;

еса — видовой глагольный показатель, скорее всего, имел значение хабитуалиса (в других вариантах, напротив, законченного действия); распространен во всех вариантах сибирского пиджина;

нету — постпозитивный показатель приглагольного отрицания;

его — в данном варианте личное местоимение 3 лица не имеет не только рода, но и числа;

буду — показатель будущего, обычный для всех вариантов сибирского пиджина;

адали — слово монгольского происхождения «как, словно»;

кушаху — в этой форме глагол встречается только в кяхтинском языке, обычная форма в других вариантах — *кушай* ‘есть, питаться’;

соли — Черепанов переводит как ‘я уверен, наверное’; слово неясного происхождения.

шелатай-болейтай — судя по форме и синтаксической функции перед нами глагол. Редупликация такого типа более не засвидетельствована, хотя вообще редупликация глагола в русских пиджинах встречается.

Заметки по грамматике

Уникальной чертой в грамматике кяхтинского языка является показатель *за*. Он не характерен для других вариантов пиджина, в том числе и дальневосточного. Сам Черепанов считал его «универсальным предлогом», выражающим все предложные функции. «Все предлоги, — пишет он, — заменяются предлогом *за*». В подтверждение приводятся примеры: *за наша походи* ‘к нам приходи’, *за наша фуза* ‘в нашей лавке’ (Черепанов 1853, 374). Однако анализ текстов, приводимых тем же Черепановым, не подтверждает такой трактовки. В текстах *за* ни разу не встречается в предложной функции. Чаще всего этот показатель маркирует подлежащее. В диалоге насчитывается 21 употребление показателя *за*; все они связаны с маркировкой подлежащего. В «Описании костюма» *за* встречается 7 раз, из них пять раз оно опять же маркирует подлежащее; и лишь два раза оказывается предлогом. При этом *за* в ремарке русского собеседника «За что?» можно не учитывать, поскольку перед нами предложение на русском языке.

Можно было бы заключить, что *за* — формальный показатель подлежащего. Так считал Г. Нойман, отмечая, что это касается прежде всего пономинальных субъектов (Neuman 1966, 245). *За* отсутствует только в предложениях, которые, видимо, следует трактовать как безличные (*сказывай не надо*; *подожди можно*; *како можно тако поговори*; *закон ниту* и т. п.). Это подтверждается и тем переводом, который привел Черепанов. Фраза *сама подумай можно* переводится им: ‘надо думать о себе’, т. е. как безличная, а вовсе не как личное предложение ‘ты можешь подумать сама’.

Другие примеры, приводимые Черепановым, демонстрируют несколько иное поведение показателя *за*. В описании костюма *за* встречается значительно реже и, похоже, маркирует не просто подлежащее, а агенс. Оно не встречается там, где формальным подлежащим оказывается предмет. Все употребления *за* в диалоге также относятся к людям. Таким образом, на основании анализа материалов, можно сделать вывод о том, что *за* маркирует агенс, являющийся подлежащим. Картину нарушает вторая из отдельно приводимых фраз (Об одежде для ополченцев), где *за* маркирует все именные группы. Возможно, перед нами фокусный показатель. В любом случае трактовка этого показателя самим Черепановым представляется совершенно ошибочной.

Интересно, что в материалах Александрова, где *за* также встречается, это, скорее всего, предлог с общим предложным значением.

Обращают на себя внимание формы приводимых в материалах Черепанова глаголов: значительное большинство из них образованы от русских глаголов с префиксом *по-*. Ср. в диалоге: *подумай, погули, поживу, походи, помешай, поторговай, посиди, посемотери, повеси, поговори, подожди, пожалей*, а также, возможно и, *пришел*, которое должно было звучать как *пъришла*. Исключение составляют модальные слова (*можено, хычи*) а также *кушаху, фалтишвайла, умеша, сказывай, заказывай, отдавай*.

Адали 'как, словно' вводит именную группу: *адали бога* 'как божество'. В таком случае *адали чужой* следует рассматривать как субстантивацию атрибута (прилагательного?), а *адали леденеца кушаху* 'как будто леденец ешь' и *адали ворота не запирай* 'как не запертые ворота' как случаи глагольной номинализации.

Материалы о. Иакинфа (Бичурина)

из статьи «Письмо из Кяхты» (Московский телеграф, № 21, 1831 г.)

Статья в Московском телеграфе не подписана, однако П.Е. Скачков указывает на ее принадлежность известному русскому ученому-китаисту о. Иакинфу (Никите Яковлевичу Бичурину).

В небольшой статье указывается на смешанный (китайско-русский) характер данного языка. Его возникновение автор полностью относит за счет китайской стороны: «...изворотливые китайцы не долго думали о трудностях нашего языка. Они сделали у себя постановление, чтобы каждый мальчик, предназначенный для торговых дел в Кяхте, по прибытии сюда, непременно обучался русскому языку. На сей конец в каждой лавке находится небольшой Китайский словарь, с Русским переводом, написанным китайскими буквами. Но как Китайский язык не имеет изменения в словах по окончаниям и, сверх того, нет в нем созвучных слов, для тонического переразложения наших слогов, имеющих по две и по три согласных букв, то из перевода приятелей образовалось особое Русское наречие, в котором наши слова, обезображенные произношением, употребляются в том виде, как были внесены в словарь, без малейшего изменения по окончаниям».

Мы видим, что автор приписывать редукцию языка при пиджинизации тому, что китайцы пользовались словарем, употребляя слова в их словарной форме, не подозревая о существовании флективной морфологии, а также разницы в произношении слов. Из его слов можно также сделать заключение, что пиджином пользовались только китайцы. Но самом же деле, пиджином пользовались обе стороны (см. материалы Черепанова), иначе китайские купцы, долго работавшие с русскими, обучились бы варианту, более приближенному к русскому языку.

В статье приводятся следующие образцы речи на пиджине:

1. Эдин люди болишелэ	Один человек пришел.
2. Тиби, булиятил, я не шеналэ	Тебя, приятель, я не знаю.
3. Тиби дувал гаохуда ходи	У тебя товары когда придут?
4. Вучила болишелэ	Вчера пришли.
5. Ти гэкай дувал есы	Ты (у тебя) какой товар есть?
6. Я сякэ дувал есы	Я (у меня) всякий товар есть.
7. Ти гэкай дувал наду	Ты (тебе) какой товар надобно?
8. Эдика дувал я нянаду	Этого товара я (мне) не надобно.
9. Хулаоши дувал эдай	Хорошего товара продай.
10. Цайна гаовули	Цену говори.
11. Лишика набулоси	Лишка не проси.
12. Эдин дува сылаову	Одно, два слова.
13. Даляока гаовули	Далеко говоришь.
14. Буляома цайна гаовули	Прямую цену говори.
15. Ти мала мала булибэйвэй	Ты мало-мало прибавь.

Здесь же приведу фразы из соответствующего словаря с переводом, приведенные К.К. Флугом (Флуг 1935, 92):

Ду-лу-гуай ма-нянь-эр нянь-ду 'другой манер (сорт) нету';
Ди-би гэ-дао-эр-ли чи-лао-вэй-кэ 'тебе который человек' ('откуда ты родом')

Заметки по грамматике

Бросается в глаза значительное отличие кяхтинского языка из «Письма из Кяхты» от того, что мы находим у Черепанова, Александрова и Шухардта. Этот вариант значительно ближе к

русскому языку, чем идиомы, описанные более поздними авторами. Употребляется одна обобщенная форма местоимений 1 и 2 л. ед. ч., но это формы Им. п. *я* и *ти*, которые выступают и вместо косвенных форм (5–8, 15). При этом форма 2 л. засвидетельствована также в косвенной форме *тиби* (2–3).

Трудно сделать какие-то заключения о глаголе, поскольку большинство предложений являются побудительными, и глагол стоит в императиве. Пример (3) содержит форму будущего времени, которая передана типичным пиджинным *ходи*. Формы прошедшего времени передаются формами на *-лэ*, которые присоединяются к основе прошедшего: *бо-ли-ше-лэ* ‘пришёл-л’, что для пиджинов не типично.

Из приведенного материала можно было бы сделать заключение о том, что «словари и разговорники», которыми пользовались китайцы для изучения русского языка, содержали материал, который был ближе к русскому языку, нежели пиджин.

С другой стороны, две фразы из такого словаря, которые нам доподлинно известны, благодаря К.К. Флугу, больше похожи на пиджин из более поздних источников. Здесь имеется слово *манера* в значении ‘сорт’ (ср. у Черепанова: *Печинесеки манера шолека* ‘сорт пекинских шелков’); а также выражение *тебе который человек?*, сходное с засвидетельствованным у Арсеньева *тебе какой люди?*

По-видимому, составители данных «словарей» предлагали вариант, более близкий к русскому языку. Они, разумеется, очень несовершенно передавали фонетическое звучание слов, не давали сведений по грамматике, однако предлагался все же не вполне пиджин.

Пиджин сложился не только на основе этих словарей.

Материалы А.А. Александрова

Из статьи «Маймачинское наречие»

Материалы А. Александрова взяты из вторых рук, главным образом, из путевых заметок Б. Рейхмана, и П.Я. Пясецкого.

На их основании А. Александров делает вывод о том, что «маймачинский язык» создан китайцами, которые «сдают экзамен на знание русского языка» (Александров 1884, 160), а также о том, что сами русские разговаривают с китайцами на обычном языке, т.е. что пиджином пользуется только одна из сторон.

Как пример маймачинского наречия приводятся следующие отдельные слова и выражения. Они даются в фонетической транскрипции и в русской орфографии, а также снабжены переводом.

№	Фонетическая транскрипция	Запись в орфографии	Перевод
1.	<i>s'yvá</i>	жива	живой
2.	<i>kalasó</i>	хорошо	хорошо
3.	<i>satýlásýtyj</i>	здравствуй	здравствуй
4.	<i>čas tavajá</i>	часть твоя	твоя часть
5.	<i>opýkynaf'éna čaj</i>	обыкновенна чай	обыкновенный чай
6.	<i>fam'il' čaj</i>	фамиль чай	фамильный чай
7.	<i>p'il'íkylásýna</i>	прекрасна	прекрасно
8.	<i>kylávýna p'il'íkasyk</i>	главна прикащик	главный приказчик
9.	<i>tópýla l'út'i</i>	добра люди	добрые люди
10.	<i>majá xat'i pýlá</i>	моя ходи была	я был, ходил
11.	<i>majá sa tývajá fčalá xat'i pýlá</i>	моя за твоя вчера ходи была	Я у тебя вчера был.
12.	<i>ty sa majá pýl'iját'il</i>	ты за моя приятель	Ты мой приятель.
13.	<i>ty katá pýl'isóla</i>	ты когда пришла	Ты когда пришел (пришла (приехал, приехала)?
14.	<i>ty sa mojá kakój maj-maj?</i>	ты за моя какой май-май	Что ты у меня намерен покупать?

Комментарии

Некоторые из приведенных А. Александровым форм вызывают недоверие. Автор указывает на несколько особенностей произношения русских слов китайцами: отсутствие «групп согласных», произношение /s/ вместо /š/ и /l/ вместо /r/, однако приводит форму *fčalá* вчера, невозможную по сформулированному им же правилу. Ср. у Бичурина: *ву-чи-ла* 'вчера'.

Во всех примерах русские звонкие последовательно заменены глухими, в том числе и в интервокальной позиции, что вызывает большие сомнения. Варианты произношения, приведённые А. Александровым, не подтверждаются другими источниками, где находим *xadi* 'ходить', *l'údi* 'человек'. Удивляет также место ударения в слове *pýlá* 'был/ была', все остальные источники единодушно дают: *býla* с ударением на первый слог.

Сомнения вызывают также некоторые переводы. Например, *ходи была* переводится 'я был, ходил', в то время как *была* здесь, очевидным, образом приглагольный показатель. Так его трактует и Черепанов. *Добра люди* означает не только 'добрые люди', но и 'хороший человек'.

Интересно, что в данном варианте встречается предлог *за* в собственно предложной функции (12, 14).

Из местоимений представлены только формы 1 и 2 л. ед. ч., причём для 1 л. это всегда *моя*, а для 2 л. зафиксировано не только аналогичное ему *твоя*, но и *ты*.

Материалы Г. Шухардта

Из очерка «Маймачинское наречие»

Очерк Г. Шухардта озаглавлена аналогично работе А. Александрова, и является откликом на последнюю. Шухардт определяет представленный Александровым язык как креольский. Термин «пиджин» в то время еще не прочно вошёл в научный оборот, и не делалось чёткого разграничения между пиджинами и креольскими языками.

Шухардт указывает на неудачность названия «маймачинское наречие», на этом языке «говорят по всей сибирско-китайской границе, в особенности, около Айгуна–Благовещенска и в окрестностях Владивостока». Поэтому он предлагает назвать этот язык «китайско-русским». При этом указывается на то, что язык этот не везде одинаков. «...особенно оказывают на него влияние, видоизменяя его, рядом с китайским, различные языки монгольских и маньчжурских пограничных племен. Оттенки Владивостокского говора имеют свои особенности» (Шухардт 1884, 319). По-существу, Шухардт говорит о существовании пиджина в виде этнолектов.

В очерке приводятся четыре фразовых примера, записанных латинским алфавитом:

1.	<i>tvajā tri sōnca kupí jest'</i>	Ты покупаешь в три дня, или Купил три дня тому назад.
2.	<i>majā hódí búdu</i>	Я приду.
3.	<i>kupí, madáma, prodváj mojá šangáu</i>	Купи, мадам, мой товар хорош.
4.	<i>lýba šan šangau, húdo n'éta majá</i>	Рыба очень хороша, у меня нет ничего худого.

Комментарии

Примеры Шухардта можно считать образцовыми примерами на пиджине. Они демонстрируют: развитую систему прилагательных показателей (нулевой показатель – *есть* – *буду*); типично пиджинное слово *šangáu* ‘хороший’ к тому же с частичной редупликацией *šan šangau*; отсутствие предлогов и других маркеров, указывающих на семантические роли актантов; типичное обращение к женщине с более высоким статусом *madáma*; и, наконец, интересный случай конверсии *prodváj* ‘продавать’ – ‘товар’.

Что касается генерализации женского рода местоимений, Г. Шухард пишет о том, что это явление «имеет чисто фонетическое основание» (там же).

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ

Материалы А.Г. Шпринцына

Данный вариант представлен в записях А.Г. Шпринцына (Шпринцын 1932, 1968, Шпринцын арх). Автор опубликовал только две статьи, которые разделяет более тридцати лет. Первая – отклик на работу С.А. Врубеля; вторая – краткий анализ материалов по русско-мукчанскому пиджину, собранных автором в 1920–1930 гг. во Владивостоке и Маньчжурии. Обе работы посвящены, главным образом, китайскому этнолекту мукчанского пиджина. Статья 1968 г. основывается на обширных материалах и представляет собой «верхушку айсберга», так как значительно большее количество материалов содержится в архиве А.Г. Шпринцына, который хранится в Государственной Публичной библиотеке (Санкт-Петербург). Архивные материалы содержат большое количество как фразовых примеров, так и текстов, в том числе фольклорных. Два из них (сказка и песня) приводятся ниже.

Записи делались, очевидно, «по памяти», т. е. даже если они достаточно точно фиксируют живую речь, они всё же отличаются от расшифровок магнитофонных записей. Зафиксированный вариант представляет собой стабильный расширенный пиджин.

Рассказ о глупом Хэцзю

Хэцзю фамилии чиво-чиво купила, курица яйцы купила, бутыка апускайла*.*

Некто по имени Хэцзю всего накопил, купил куриные яйца, засунул в бутылку.

Эта мамыка серыдица, иво курица яйцы эта* ламай.*

Его мать рассердилась, все яйца разбились.

Гавари: «Нинада бутыка пусыкай яйцы, пыравина пусыкай чачыка».

Она сказала: «Нельзя яйца класть в бутылку, правильно их положить в сетку».

Хэцзю лиса купила, лиса купила, чачыка пусыкайла, лиса пулобала.

Хэцзю купил рис, купил рис, насыпал в сетку, рис просыпался.

Мамыка гавари: «Тибе худа хуерыка*, лиса буравина* мишока пусыкай».*

Мать сказала: «Ты плохой (?), рис правильно насыпать в мешок».

Хэцзю капуса купила, салата, мука исе купила, пусыкай мишока,

Хэцзю купил капусту, салат, также купил муки, положил в мешок.

Мишока галязына, Мамака гавари: «Нибуравина тибе нихарыша,

Мешок был грязный. Мать сказала: «Неправильный ты нехороший,

эта капуса пыравина пусыкай вода, мой чисытый».

капусту правильно положить в воду, чисто вымыть».

Хэцзю либа купила, эта либа помилай нету, эта либа купила.*

Хэцзю купил рыбу, рыба была живая, такую рыбу купил.

Эта вода пусыкайла, эта либа убижала. Мамыка гавари:

Пустил ее в воду, рыба уплыла. Мать сказала:

«Тибе сасему худа, сибыка бу хао.

«Совсем ты глупый. Никуда не годишься.

Исе сасема тибе нинада купи. Дыругой раза тибе нинада купи».

Более тебе нельзя ходить за покупками. В следующий раз нельзя тебе покупать».

Песня «Солнце всходит и заходит»⁸⁵

⁸⁵ «Солнце всходит и заходит, А в тюрьме моей темно. Днем и ночью часовые Стерегут мое окно» – начало известной народной песни конца XIX в. Как мы видим, в тексте на пиджине концовка изменена.

*Сонца юла и ми юла**
Чега фанза бу шанго,
Караула сытила юла
Мая фангули⁸⁶ акыно

Солнце было и не было,
Это жилище не хорошее,
Караул уснул,
Я сломал окно

Примеры из статьи 1968 г.

Тибе мадаму ёси, пачиняй мала-мала.

Если у тебя есть жена, пусть немного починит (одежду).

Сахала адинака.

Сладкое как сахар.

Наша иво ганьбанди лаободай.

Я работаю вместе с ним.

Собука нizu живи

Я живу под сопкой.

кончай-ла

ломай-ла

хочу-ла

нету-ла

Комментарии

чиво-чиво — ‘всякая всячина’, ‘всякое разное’, местоимение-существительное, характерное для всех вариантов сибирского пиджина;

апускай-ла — перфектив от глагола *апускай*, образующийся путем прибавления суффиксоида *-ла*, восходящего к окончанию русского прошедшего времени ж.р. (*-ла*) и китайского показателя законченного действия *-la*. Наличие приглагольных видо-временных показателей характерно для расширенных вариантов пиджина;

эта — в данном варианте указательное местоимение *эта* употребляется в функции определенного артикля;

тибе — личное местоимение 2 л. ед. ч. *твоя* в дальневосточных вариантах повсеместно заменилось на *тебе* (из косвенных форм русского личного местоимения);

хуерыка — слово неясного происхождения, очевидно, уничижительный термин;

буравина — см. выше форму *пыравина*: информант-китаец произносил русские по происхождению слова в соответствии с правилами китайской фонологии, различая не звонкие и глухие смычные, а слабые и сильные (придыхательные), которые русскому слушающему могут казаться то глухими, то звонкими;

помирай нету — для базилектных (собственно пиджинных) вариантов характерно глагольное отрицание при помощи постпозитивного показателя *нету*.

Сонца юла и ми юла... Текст представляет собой перевод песни «Солнце всходит и заходит». Скорее всего, он был выполнен с юмористическими целями и, возможно, был создан скорее русскими, чем китайцами, однако, русскими, хорошо знакомыми с пиджином. Таким образом, перед нами, возможно, «пародия» на китайский этнолект пиджина.

Заметки по грамматике

Обращает внимание частотное употребление указательного местоимения *эта*, которое в приведенной выше сказке выполняет, по существу, роль местоимения 3 л. ед. ч. и одновременно роль определенного артикля. Ср.: *Хэцзю либа купила, эта либа помилай нету, эта либа купила. Эта вода пусыкайла, эта либа убижала*. При первом вхождении

⁸⁶ фангули – по мнению хабаровчан означает «конец, всё», «капут»; таким образом дословно эта фраза переводится так: «я капут окно».

существительное *либа* ‘рыба’ является неопределенным и употреблена без показателя, далее оно маркируется детерминантом *эта*, который указывает на уже упоминавшуюся рыбу. В предложении *Эта вода пусыкайла* детерминант *эта* можно трактовать как местоимение 3 л. ед. ч.

Текст песни можно было бы считать синоязычным пиджином, так как количественно китайские по происхождению лексемы превосходят русские. Русских по происхождению слов всего 5: *сонца*, *караула*, *сытила* ‘заснул’, *мая* ‘я’, *акыно* ‘окно’, причем два из них (*мая* и *сытила* < *сти-ла*) – являются «чисто» пиджинными. Остальные слова, за исключением *шанго* ‘хорошо, хороший’, восходят к китайскому языку, в том числе вспомогательный глагол (*ю*), показатели отрицания (*ми*, *бу*), детерминант (*чега*).

Караула сыти-ла ю-ла. Дважды повторяется показатель перфектива –*ла*, который присоединяется к смысловому глаголу *сти* ‘спать, засыпать’, и к вспомогательному *ю* ‘быть, иметь, иметься’ (дублетный вариант *еси*). Возможно, эту конструкцию следует трактовать как «плюсквамперфект» с элементом модального значения: «как только караул заснул...», «когда, наконец, караул заснул...».

Материалы С.А. Врубеля

Описанная Врубелем разновидность – пиджин, распространенный, как указывает автор, «на Дальнем Востоке», причем имеется в виду советская территория. Более конкретных указаний, где был собран материал, автор не дает.

По данным Врубеля, «на Дальнем Востоке» был распространен пиджин, которым пользовались как китайцы, так и русские. «Когда русский говорит с китайцем и наоборот, то получается обоюдный процесс “ломания языка”, т. е. приспособление русской речи для понимания китайца и наоборот» (с. 133). При этом Врубель полагает, что в отсутствие какой-либо языковой нормы («нет никакого языкового регулирования», пишет он), фразы конструируются едва ли всякий раз заново. Он считает, что нечто «говорится иноязычнику с тем учетом, чтобы приспособить свою речь для его понимания». Таким образом, по мнению Врубеля, пиджин возник в результате упрощения языка некоторым «естественным образом».

При этом он отмечает следующие особенности пиджина: 1) отсутствие жёсткой нормы; 2) основной функцией данного идиoma является коммуникативная («на первый план выставляется понимание речи»; 3) значительная опора на контекст («речь понимается в основном из контекста»).

В качестве примера Врубель приводит слово *юли-юли*, которое в зависимости от контекста может переводиться как «гулять», «путешествовать», «грести», «лодочник-китаец», а также «лодка, управляемая лодочником-китайцем». Врубель считает это слово (не уточняя его частеречной принадлежности), прямым заимствованием из китайского языка в дальневосточный вариант русского. Скорее всего, однако, перед нами заимствование из пиджина – об этом свидетельствует, во-первых, сама форма слова. Врубель отмечает, что «ударение перемещается сообразно русскому языку. Если в китайском слове оно стоит на первом слове, то в русском на последнем слоге» (с. 131). Кроме того, подобная многозначность характерна именно для пиджинов, особенно на ранних стадиях их формирования. Это тем более вероятно, что некоторые значения отсутствуют в китайском языке. «...под русским влиянием в языке рабочего китайца Приморья появляется уже новое значение “ехать на лодке”, “перевозить”» (с. 132).

В статье, посвященной описанию «русско-китайских языковых скрещений», автор приводит многочисленные фразовые примеры, записанные кириллицей. Представлен прежде всего китайский этнолект пиджина, при этом была сделана попытка передать особенности произношения китайцами русских слов. Отдельным списком даны слова китайского языка, известные большинству русских, живущих на Дальнем востоке.

Существенным недостатком работы С.А. Врубеля являются «вульгарно-материалистические» объяснения, которые он дает приводимым фактам. Так, отмечая форму глагола в русском пиджине, которая часто совпадает с формой русского императива, он пишет: «“памагай” не совсем соответствует китайскому слогаобразованию и окончание “й” в данном случае имеет иное значение. Если следовать китайскому слогаобразованию, то мы имели бы “па-ма-га” или “па-ма-га-и”, но отнюдь не “й” на конце.» Врубель объясняет появление таких форм бесправным положением китацев «они постоянно слушали понукация и приказания» (с. 134).

К недостаткам записи примеров Врубелем следует отнести и непоследовательность передачи фонетических особенностей описанного им варианта. Это, впрочем, неизбежно при передаче китайских слов средствами русской орфографии.

Ниже приведен весь корпус материала, представленный в статье С.А. Врубеля. В первую очередь даны фразы на русском пиджине, затем отдельные слова и выражения и, наконец, случаи переклечения кодов и использования русских заимствований говорящими по-китайски.

Примеры из статьи «Русско-китайские языковые скрещения»

Русский пиджин

Агурца стоит пачема?
Мая твая гавалила
Во ды па русски не магу
Тибe ю пять капека?
Са хуан нехорошо *⁸⁷
Мая море юли-юли
Пампушка кушай
Во кэ и памагай
Адин люди делай куши не могу

Адин сонца шесть рубли залаботай
Мая мала-мала читай еси
Мая сама делай не магу
Тебе думай много-мало?
Леба не хватай мяса нету черты цзнай
Ю деньги мэи ю?
Тибe не касайся
Чи фань дорого *
Сколько чэна *
Юй трицати капека *
Тибe гавари до ши чэн *
Сичаса во машина ю изо батинка
пятнацати рубли *
Тибe сына иглай иглай
Сичаса мала мала лаборай
Куши куши нету
Три рубли мала мала куши
Во минь тянь лаборай
Мая адин сонца ю прадавай двадцати
штука
Шо хуа не знай
Чиво играй
Барышня не лугай
Мая водка купи
Мая не знай
Сама делай не могу
Сичаса искай нада лаборай
Лета канчай
Длова лаборай

Сколько стоят огурцы?
Я тебе говорил
Я не умею говорить по-русски
У тебя есть пять копеек?
Врать нехорошо
На море плаваю лодочником
съел/ буду есть/ ешь и т. п. пампушку
Я могу помочь
Один человек не может прокормить
семью
За один день заработал шесть рублей
Я немного поичитываю
Я сам не могу сделать
Ты долго будешь думать?
Хлеба не хватает, мяса нет, чёрт знает
Деньги есть?
Тебя не касается
Еда дорого стоит
Сколько денег? Сколько стоит?
Рыба стоит 30 копеек
Ты скажи, сколько стоит.
Сейчас у меня есть машина, сшить
ботинки стоит 15 рублей
Твой сын будет играть (играет)
Сейчас есть небольшая работёнка
Нечего есть
На три рубля можно немножко поесть
Я завтра буду работать
Я за один день продаю 20 штук

Не могу говорить, так как не знаю языка
Ты чего балуешься?
Барышня, не брани
Я купил водку
Я не знаю
Сам не могу сделать
Сейчас надо искать работу
Лето кончилось
Зарабатывать пропитание рубкой дров

Отдельные слова пиджина

гуляй
слушай
таскай ‘тащить, нести, воровать’
читай
делай
кончай

⁸⁷ Звездочкой я обозначаю случаи, которые можно трактовать как примеры переключения кодов между китайским и русским языком или между китайским языком и русским пиджином.

<i>купи</i>	
<i>сыти</i>	‘спать’
<i>мала-мала</i>	
<i>много-мало?</i>	сколько? как долго? (кит. <i>до шао</i>)

Слова и выражения китайского происхождения, известные русским, живущим на Дальнем востоке

<i>шима</i>	что
<i>латуза</i>	старик
<i>сахон</i>	врать
<i>куни</i>	девушка
<i>сеза</i>	мальчик
<i>та та ды</i>	большой
<i>со си</i>	садитесь
<i>сы те</i>	спать
<i>ян ди</i>	глаза
<i>фангули</i>	перевернулся, упал
<i>сесе</i>	спасибо
<i>игаян</i>	одинаково
<i>маманьди</i>	медленней
<i>лянсуй</i>	вода
<i>цуй ба, цу ба</i>	уходи
<i>лай ба</i>	иди сюда
<i>хо пу хо</i>	хорошо ли? (кит. <i>хао бу хао</i>)
<i>ю ми ю?</i>	имеешь ли? (кит. <i>ю мэй ю</i>)
<i>хин пу хин?</i>	годится ли? (кит. <i>син бу син</i>)
<i>шанго пу шанго?</i>	хорошо ли?
<i>чи до пу чи до?</i>	знаешь ли? (кит. <i>чжи дао бу чжи дао</i>)
<i>мань мань</i>	медленнее
<i>куай куай</i>	быстро
<i>до до</i>	слишком много
<i>сяо сяо</i>	небольшой

Слова смешанного происхождения

<i>каньтрами</i>	рубить (кань ‘рубить’)
<i>ничимоуца</i>	ничего (моуца ‘не имеет значения’)

Примеры переключения кодов

<i>Вы мынь ингай баньчжу народное хозяйство</i>	Мы должны помочь народному хозяйству.
<i>Вы мынь ингай народное хозяйство баньчжу)</i>	Мы должны помочь народному хозяйству.
<i>Во цзо первой руки</i>	Я работаю первой руки
<i>Во мынь ингай шо, ты дулака не валяй</i>	Мы должны сказать, чтобы ты не валял дурака.
<i>Ни сичаса цун на бянй лай</i>	Ты сейчас откуда пришел?
<i>Контрольная комиссия шо та бу нэн гоу цуй</i>	Контрольная комиссия говорит, что он не может пойти).
<i>Ни мынь цзай на и э райкома?</i>	Вы из какого райкома?
<i>Ни мынь управление чжидо</i>	Ваше управление знает.

Буши ни ды хозяин
Во юг э справка
Да цзя ши бу ши цзэн чен гей та
справка?
Товарищи, шуй цзан чен бу гей та
справка
Та ши и гэ выдвигенца
Комхоза бу гэй
Горсовета е цзан чэн
Ди эрга Вень ти информация
Да цзя ин гай чжу и недостаточная
рабочая сила
Во мынь ликбеса гунн цзо ин гай кай ши
Комсомольская пристань Совкино сябя
яр
Цзяй РКК тао лунь
Во цзай катер цзо гунн цзо
Москва яц цю руководитель
Ю чай мэй ю?
Эго жень шо хороший парень

Буфета цзинь тянь сюси
Ши у гэ цзыр нельзя

Не ты хозяин.
 У меня есть справка.
 Соглашаетесь ли вы дать ему справку?

 Товарища, кто согласен не давать ему
 справку?
 Он выдвигенец.
 Комхоз не дает.
 Горсовет также согласен.
 Второй вопрос – информация.
 Мы должны обратить внимание, что не
 хватает рабочей силы.
 Мы должны начать работу ликбеза
 Там, где комсомольская пристань, внизу
 от Совкино.
 в РКК обсудим.
 Я работаю на катере.
 Просить Москву о руководителе.
 Есть ли чай?
 Русские говорят, что он хороший
 парень.
 Буфет сегодня отдыхает.
 За 15 копеек нельзя (продать).

Заметки по грамматике

Обращает на себя внимание наличие значительного количества форм китайского происхождения. Так, для местоимений множественного числа зафиксированы только китайские формы (*во мынь* и *ни мынь*). Это свидетельствует о том, что в пиджине местоимение, скорее всего, не имело категории рода. Этот факт отмечает и сам Врубель, и дает этому следующее объяснение: «“Мая” есть отражение в китайском мышлении, быть может, ныне забытое, того что “я” и “мы” одно и то же, именно то, что мы встречаем в других языках и что исвещено яфктидологией...» (с. 135). Однако один из приведенных примеров (*Во ды на русски не магу.*) свидетельствует о том, что ситуация, возможно, оказывается более сложной. Китайское *во ды* является притяжательной формой и оказывается буквальным переводом русского «моя».

Характерной чертой приведенного варианта оказывается построение общего вопроса повтором предиката в утвердительной и отрицательной форме (*Ю деньги мэй ю?* ‘Деньги есть – нет?’) либо употреблением антонимов (*Тебе думай много-мало?* ‘Ты будешь думать долго – не долго?’). Такая стратегия построения общего вопроса характерная для китайского языка (см. *отдельные слова и выражения...*), а также для местных тунгусо-маньчжурских языков.

Для пиджина также характерна редупликация атрибутов (качественных прилагательных и наречий).

Материалы А. Яблонской

Статья А. Яблонской посвящена русскому пиджину Маньчжурии и г. Харбина, бывшего важнейшим русским центром Китая. Исследовательницу интересовали прежде всего фонетические особенности пиджина, при этом выделяется два этнолекта: 1) пиджин в устах европейцев и 2) пиджин в устах китайцев. Тем самым, становится очевидным, что пиджином пользовались вовсе не одни китайцы. Русские вовсе не отвечали им на литературном русском языке, а также пользовались пиджином.

При этом она рассматривает особенности произнесения китайцами русских слов: упрощение групп согласных, запрет на многие звуки в ауслaute, замена ударения в слове на тон, обычно на восходяще-нисходящий (так наз. третий тон), а также особенности произнесения русскими китайских слов. Русские при произнесении китайских слов упрощают дифтонги и трифтонги, сильные смычные согласные китайского языка (в статье обозначаются знаком апострофа) заменяют на русские смычные глухие, а слабые согласные – на смычные звонкие, игнорируют тональные различия.

Китайские слова в статье даются в передаче латинским алфавитом, в необходимых случаях тональный контур обозначен цифрой; русские слова передаются латинскими буквами, в некоторых случаях – кириллицей.

Из статьи «Смешанный китайско-русский язык в Маньчжурии»

Примеры китайского этнолекта

картошка	– <i>ka-ər-tú-ša</i>
свёкла	– <i>śó- kə-lai</i>
старик	– <i>sy-ta-lí-ka</i>
говорить	– <i>ka-wa-lí</i>
помидор	– <i>pa-m-t'ó³-la</i>
нашёл	– <i>na- šuo²-la</i>
хочу	– <i>xao³-či</i>
огурец	– <i>ku-lie-cai</i>
курица	– <i>ku-li-cai</i>
паровоз	– <i>pa-la-uo-tzy</i>
бобы	– <i>pa-p'-er</i>
рыба	– <i>li-pa</i>
крупа	– <i>ku-lu-pa</i>

Примеры русского этнолекта:

tuo szao ts'ien 'Сколько это стоит?'	<i>dóščen?</i>
p'iao 'билет'	– <i>ně</i>
ts'ien-ping 'лепёшки из бобовой муки'	– <i>цянбины</i>
man-t'ou 'булочки, приготовленные на пару'	– <i>mantó</i>
tao-wai 'река в Харбине'	– <i>dawái</i>
k'u-li 'кули'	– <i>kúli</i>
kao-liang 'род пшена'	– <i>gaol'án</i>
jou ³ 'быть, иметься'	– <i>ju</i>
na ³ -k'e-pu? 'точно, как же нет?'	– <i>naakebu?</i>
cz'y-fan 'есть, кушать'	– <i>čifán</i>
t'ou-fu 'соевый творог'	– <i>tufá</i>
mai ⁴ 'продавать'	– <i>maj</i>
ta-ping-tzy 'булочки с кукурузным маком'	– <i>tapínsza</i>
czou-mi-tzy 'растение семейства злаков'	– <i>čumíza</i>
rai-ts'ai 'китайская капуста'	– <i>bajcáj</i>
lo-po 'зелёная редька'	– <i>lóbe</i>

siang-kua-tzy ‘китайская тыква’ – *siankuáza*

Вошли в словарь местного русского языка:

фанзуика, фанзёика (из кит. fang-tzy)

куня, кунька ‘девушка’ (из кит. ku-niang)

начифаниться ‘наестся’ (из кит. cz’y-fan)

почуянить ‘выкурить папиросу’ (из кит. cz’ou-jen)

тамафырицик ‘наркоман’ (из кит. ta-ma-fên-er)

ханушка ‘самогон’

Фразовые примеры

1. <i>Kapitána, váša ni kasájsia!</i>	Господин, это вас не касается!
2. <i>Madama, cibie sirčáj ni náda!</i>	Госпожа, не сердись.
3. <i>Jevó kupí ju mej ju?</i>	Что он купил?
4. <i>Nidy šýma kánka?</i>	На что смотришь?
5. <i>Majá ju íga kúnja, liánga sýnka</i>	У меня одна дочь и два сына.
6. <i>Čéga fánza šýpka šangó.</i>	Этот дом очень хороший (красивый).
7. <i>Stára wěšy maj pu maj?</i>	Ты продаёшь старьё?
8. <i>Nidy xazí ju?</i>	Ты ходишь ли?
9. <i>Jevó lamájla ju?</i>	Он болеет?
10. <i>Jevó lamájla ju mej ju?</i>	
11. <i>Nidy šýma mur-mur?</i>	Что ты говоришь?
12. <i>Kakój liuzi xóču kánka?</i>	С кем ты хочешь увидеться?
13. <i>Vódy nidy piliúli daváj.</i>	Я дам тебе лекарство.
14. <i>Nidy mašýnka ju.</i>	Ты врёшь (обманиваешь).
15. <i>Váša igráj-igráj ni náda.</i>	Не шути, не издевайся надо мной.
16. <i>Sólenca nietula, dózika ju, soledátka liésa pasóla.</i>	Хотя солнце скрылось и пошёл дождь, солдаты отправились в лес.
17. <i>Jevó rabótaj nixóču, jevó guláj-guláj xóču.</i>	Он хочет не работать, а развлекаться.
18. <i>Jevó céna ni daváj, palíca xazí.</i>	Если он не отдаст деньги, пойду в полицию.
19. <i>Jevó dúmaj majá jevó céna daváj.</i>	Он думает, что я ему дам денег.
20. <i>Nidy siérca kriučóka</i>	Ты злой (твое сердце – крючок).

Материалы М.М. Хасановой

Статья Марины Мансуровны Хасановой посвящена языковым контактам языков народов нижнего Амура, в первую очередь негидальцев⁸⁸, с русским языком. По-видимому, автор не занимался планомерным сбором русской речи негидальцев, однако в ходе работы над негидальским языком записывались наиболее типичные фразы, который следует рассматривать как полевой материал.

Небольшая статья М.М. Хасановой оказывается важной для установления границ распространения дальневосточного варианта сибирского пиджина (см. карту), относя его в низовья Амура. Эта область уже весьма далека от областей проникновения китайцев, тем не менее исследователь уверенно относит записанный ею идиом к варианту «русско–китайского» пиджина. М. Хасанова рассматривает представленный ею вариант как весьма сходный с теми, которые были описаны А.К. Арсеньевым и А.Г. Шпринцыным, а также с вариантом пиджина представленным мною и Ф.А. Елоевой. М. Хасанова считает эти языки не возникшими независимо друг от друга, а связанными между собой (с. 182). Она же отмечает значительное структурное сходство между говоркой (таймырским пиджином), кяхтинским языком и другими русскими пиджинами (с. 183).

Ниже приводится полный корпус материала, представленного в статье М.М. Хасановой. Он представляет собой собрание фразовых примеров и отдельных слов. Статья написана по-английски, примеры даны в записи латинскими буквами, я привожу перевод на английский язык, сделанный самим автором. Перевод на русский язык сделан мною.

Представленный материал – это, прежде всего, примеры речи представителей самого старшего поколения негидальцев, родившихся в начале XX века. Сама М. Хасанова квалифицирует эти высказывания как принадлежащие «пиджинизированному русскому языку».

Примеры из статьи «Языки нижнего Амура в контакте с русским языком»

1.	<i>nasa takoj netu</i>	we have no such [things]	у нас такого нет
2.	<i>nasa saman čo bylo</i>	we have almost no shamans	у нас почти не было шаманов
3.	<i>nasa negidales</i>	we are Negidals	мы негидальцы
4.	<i>nasa ne pakasyvaet</i>	[men] do not show it to us [women]	(мужчины) не показывали (этого) нам (женщинам)
5.	<i>nasa ne kusaet sobak</i>	we do not eat dogs	мы не едим собак
6.	<i>deti taskaet sebe gorbu</i>	[seal] carries it's young ones on it's back	(тюлень) носит детенышей на спине
7.	<i>ryba koža delali</i>	[it] was fish skin made [thing]	сделано из рыбьей кожи
8.	<i>tajga brosat'</i>	to live in the taiga	жить в тайге
9.	<i>oxota taskajut</i>	[they] bring [something] to the hunting	на охоту носят (берут с собой)
10.	<i>sivinsa atlivali</i>	[they] cast [it] from the lead	из свинца отливали
11.	<i>bagul'nik topit</i>	[he] burns up the bagul'nik grass	жжет багульник ⁸⁹
12.	<i>Kapa xodil', čaj popil'</i>	Kapa came, had some tea,	Капа приходил, выпил

⁸⁸ Негидальский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурской языковой семье; негидальцы (ок 500 чел.) живут в низовьях Амура.

⁸⁹ во время шаманского камлания жгут болотный багульник, дым которого оказывает особое действие.

	<i>ryba potaščil'</i>	took the fish	чаю, взял рыбу
13.	<i>ryba kuravan malen'ko varjat</i>	one must boil a little the fish skin ⁹⁰	нужно сварить немного рыббей кожи
14.	<i>bjut palkad'i'</i> ⁹¹	[they] drum by the stick	палкой бьют
15.	<i>Kal'madu'</i> ⁹² <i>byla saman</i>	there was a shaman in Kal'ma [village]	в деревне Кальма был шаман
16.	<i>veter xočet načinat'</i>	the wind begins to blow	сейчас поднимется ветер
17.	<i>taščit'</i>	to drag, to carry, to take, to wear	тащить, нести, брать, носить одежду
18.	<i>topit'</i>	to heat, to set fire, to burn	топить, сжигать, отапливать, разжигать
19.	<i>gonjat'</i>	to drive, to pursue, to hunt, to hunt down	гнать, преследовать, огохиться, загонять
20.	<i>idti</i>	to go, to move, to approach, to suit	идти, двигаться, подходить, идти (об одежде)
21.	<i>varëna malako</i>	boiled milk	кипяченое молоко
22.	<i>my svoi slova snaim</i>	we know our [native] language	мы знаем свой язык

Заметки по грамматике

Интересно, что во всех записях, сделанных М.М. Хасановой зарегистрировано только одно личное местоимение *nasa* 1 лица ед. ч., никакие иные формы в её записях не встретились. Возможно, что оно употреблялось для обозначения 1 лица обоих чисел.

В целом, русский пиджин, представленный М. Хасановой, следует отнести к уже депиджинизированным вариантам. Данная ситуация напоминает состояние говорки. Как и в таймырском пиджине здесь существительное не имеет категорий рода, числа, падежа, хотя соответствующие формы спорадически появляются: *собак* (5) – род. п. мн. ч. Из-за краткости представленных примеров трудно определить насколько порядок слов стремится к SOV, однако есть примеры, где он явно нарушен (5 и 6). Тем не менее, большее количество примеров демонстрируют порядок слов SOV (7-13), где прямое или косвенное дополнения предшествуют глаголу.

В нижеамурском варианте не зарегистрирована такая характерная черта, как единая форма глагола. Опять же ситуация здесь сходна с положением в говорке. Система глагола приобретает многие категории, свойственные глаголу русского языка: число, время. Нет оснований считать, что глагол выражает лицо, по крайней мере таких примеров нет⁹³; из нефинитных форм представлен инфинитив.

Большое внимание уделяется фонетике пиджина, по существу, описана фонетика негидальского этнолекта сибирского пиджина. Как известно, особенностью пиджинов является тот факт, что каждая из коммуницирующих сторон использует фонетические правила родного языка. Это наблюдается и для негидальского этнолекта. В тунгусо-маньчжурских языках в невозможно сочетание двух согласных. В негидальском этнолекте, по свидетельству М. Хасановой, начальные кластеры согласных либо упрощаются, либо вставляется дополнительный гласный: *s'o* 'всё'; *remja* 'время'; *kura* 'шкура'; *čera* 'вчера'; *sida* 'всегда'; *mesto*, *namesto* 'вместо'; *aran'če* 'раньше'; *arasnaj* 'разный'; *kilep* 'хлеб'; *isnait* 'знает'.

⁹⁰ *kuravan* < рус. шкура + тунгусский (негидальский) суффикс *Ass*

⁹¹ *palkad'i* – нег. суфф. Инстр.

⁹² *Kal'madu* – суфф. Дат

⁹³ Это подтверждает и А.М. Певнов, многие годы бывший соавтором М. Хасановой.

Наиболее характерными чертами этого этнолекта явилось неразличение русских /č'/ и /t'/; /d'/ и /ž'/; /š/, /šč/ и /s'/. «Таким образом, в их речи не различались русские слова *veter* и *večer*; *tětka* и *čětko*; *Pet'ka* и *pečka*; *test'* и *čest'*; *tesno* и *čestno*» (с. 182).

М. Хасанова приводит также примеры влияния негидальского языка на пиджин в семантике: не делается различия между понятиями «варить» и «кипятить» (21), «язык» и «слово» (22).

Следует, однако, отметить, что семантическое расширение русских по происхождению слов характерно не только для представленного этнолекта (17-20). Глаголы *таскай*, *гоняй*, *ходи* оказываются многозначными и в других вариантах сибирского пиджина, причем структура полисемии оказывается сходной. Таким образом, и в этом отношении негидальский этнолект также

Дальневосточный вариант (полевые записи)

Эти материалы представляют собой расшифровку магнитофонных записей, сделанных мною совместно с Ф.А. Еловой (в 1984 г.), а также с В.В. Барановой (в 2004 г.) в селе Красный Яр Пожарского района Приморского края у удэгейцев. Данный вариант можно охарактеризовать как удэгейский этнолект, форму пиджина как мезолект (у некоторых информантов как мезолект, близкий к базилекту)⁹⁴.

Записи 1985 г.: с. Красный Яр Приморского края (сентябрь 1985 г., записывали Е.В. Перехвальская и Ф.А. Елова). Приведённый пример — речь Дзакпани Елевны Канчуга (приблизительно 1915 г. рождения). Ее идиолект можно охарактеризовать как базилект с незначительными чертами мезолекта, которые касаются почти исключительно системы глагола. Дз.Е. Канчуга почти не сталкивалась с русским языком, поскольку до смерти второго мужа, общалась почти исключительно на удэгейском языке.

– Каких животных вы убивали? (соб.)

– *Зивóтны нóга деда, и собо́ль и чиво, и мяса сё ремь охотай зимой. И капан постави сё равно убивали.*

Муж на многих животных [охотился], и на соболя и на других, [добывал] мясо, он зимой постоянно охотился. Ставил капканы, так тоже промыслял.

– А каких, (соб.)

– *А деда айа* охотай, айа-а-а. Ночь не спи его. Ночь его один охота ходит. Я дома сиди, ночь не ходи я. Потом его лодка ходи, я компания ходи. Его сюда ходи – Восток. Здесь сиди трава рядом. Боися я, конешко боися, один сиди ночью. Еще когда коса стали, кабан таскай, панты пили чего, а дом далёко.*

Муж был хороший охотник, очень хороший. Ночью он не спал. Ночью ходил на охоту. Я оставалась дома, по ночам я не ходила. Однажды он на лодке отправился [за добычей] и взял меня. Он поехал туда, к посёлку Восток [в верховья]. Там мы сидели [спрятавшись] в траве. Мне было страшно, конечно страшной сидеть ночью одной. Потом мы остановились на косе, нужно было подтаскивать кабаньи туши [к лодке], а дом далеко [далеко пришлось везти их домой].

– А в каком костюме дед ходил охотиться? (соб.)

– *Там город купили такой, хороший был такой, трава был такой его.*

Этот [костюм] купили в городе, хороший был костюм, зеленый.

– Белый? (соб.)

– *Не белый, такой – один трава одинаковый его. Сюда такой... Трава одинаковый его, там его ходи тайга его...*

Нет, не белый, а такой – зеленый, как трава. Вот такой. Зеленый, в нем он ходил в тайгу.

– А вот у Мартынихи красивый костюм. Она его сама шила? (соб.)

– *Э-э-э! Его чужой шила, Дункай. Его шила его. Его ничего не делай его, сама больны, глаза плохо.*

[Ну нет!] его шила другая женщина, Дункай. Она его шила. Она [Мартыниха] ничего не делает, болеет, у нее плохо с глазами.

⁹⁴ Анализ некоторых особенностей этого варианта пиджина см. в (Елова, Перехвальская 1986; Елова, Перехвальская 1987).

- А раньше Мартыниха не шила? (соб.)
- *Мношко-мношко шила его, шибко не умеи его шей... Большой не умеи его, хороший не умеи. А жена Дункай видели? Его всегда умеи, всё шей.*
Она немного шила, но хорошо шить она не умела. Она не умел шить красиво, хорошо. Вы видели жену Дункая? Вот она все умеет, все шьёт.
- А шаманить Мартыниха умеет? (соб.)
- *Слепой давно, слепой его.*
Она давно ослепла.
- Давно слепая? (соб.)
- *Конечно... ихинь дом здесь была. Ну и сноси его. Ихинь ухаживай его, внучка. Там работай его сейчас, работай магазин его.*
Конечно. Здесь стоял их дом. Но его снесли. За ней ухаживает внучка. Она сейчас работает в магазине.
- В магазине? (соб.)
- *А-а. Эта, его сын, его дочь ... ходила сюда Лёнька Косой, ходим сюда. ихинь дом, эта, Мартыниха дом. Сама не могу, ничего не делай его, кушай вари не умеи его, не види глаза плохо.*
Ага. Это дочь ее сына. Она пошла жить к Лёньке Косому, туда переехала, в их дом, теперь Мартыниха там живет. Одна жить не может, не может ничего делать, не может сварить поесть, совсем ослепла.
- А вам Ваня [внук Дзакпани] помогает? (соб.)
- *Сюда когда ходи помогала, сейчас не помогай его.*
Когда здесь жил, помогал, а теперь не помогает.
- А почему? (соб.)
- *Время нету, говори. Там, дома работа много. Все еще кушай вари, утром, вечером вари. Там дрова колой, работай много его. Дома все брала его.*
Говорит, нет времени. Дома много работы. Нужно готовить еду утром и вечером. Потом колоть дрова, он много работает. Он все забрал [к себе] домой.
- А Ванина жена вам не помогает? (соб.)
- *А-а, не вари его. Ничего не делай его, только работай конторе...*
А-а, она [даже] не готовит. Ничего не делает. Только в конторе сидит...
- А вы не хотите жить вместе с Ваней? (соб.)
- *Я не хóчу.*
Не хочу.
- Почему? (соб.)
- *Чего я ходи туда? Его жена крачи-ай, чего-чего делай говори... Когда Ваня вари, ляг баба дихай, не хочи. Вечером подёт туда, там ходи, малиса остави. Токо малиса остави, плакай его, потом баба нянчи его, мучи...*
И что я туда пойду? Его жена кричит, распоряжается, что [кому] делать. Ваня станет готовить, мол, полежи, бабушка, отдохни; так она не довольна. Вечерами уходит, ходит где-то, а ребенка оставит. Она ребенка оставляет, а он плачет, бабушке приходится его нянчить, это тяжело...
- А расскажите, как вас китайцу отдали? (соб.)
- *А-а-а. Я китаиса давали меня ихинь, к чёрту их. Меня один, попала я; папа нет, мама нет, плакай я. Наша мама, когда я маленький была, помирала, такой бы□ла я. Папа тоже,*

малень была я, папа помирала. Ничего не делай. Два мамка была папа, два, два женина. Один меня мамка давно помирала, когда я маленький была. Потом его оженила большой Надя гуасала его. Там жил верху, наша был дом. Такой дом хороший была.

А-а. Отдали меня китайцу, черт бы их побрал. Я осталась одна, отца нет, матери нет, плохо мне. Наша мама умерла, когда я была совсем маленькой, вот такой (показывает). Отец тоже умар, когда я была ребенком. Ничего не поделаешь. У отца было две жены. Одна моя мать умерла давно, когда я была совсем маленькой. Потом он женился на большой Наде (?). Мы жили вверх по течению, там был наш дом. Хороший дом был.

— Фанза? (соб.)

— Панза. Такой дом. Там живи ничего было, айа-а-. Потом помирала мама, папа помирала. Папа перёд помирала, потом мама помирала.

Фанза. Дом такого типа. Там были неплохо, да. Потом мать умерла, отец умер. Сначала умер отец, затем мать.

— И вы попали к китайцам? Ваш муж китаец ходил на охоту? (соб.)

— Охоту? Его не умеи охотай*. Токо огород сади. Я не хочи китайса живи. Ихинь посадил его, китайса.

На охоту? Он не умел охотиться. Только работал на огороде. Мне не нравилось жить с китайцем. Потом этого китайца посадили.

— Куда его посадили? (соб.)

— Турма. Меня бьёт его*, таскай его, сосем ничего нету, ни бедный, ничего. Ходи риса кушай, мясо не убивай, не умеи, ничего не умеи, рыба не умеи его, ни его рыбачи. Я мучи сё ремь шьёт, шьёта, шьёта. Кожи надо мять его Россею продаёт. Колхоза работай его, магазин там*.

В тюрьму. Он меня бил, таскался, в доме ничего нет, совсем обеднели, а ему хоть бы что. Он питался одним рисом, мясо на охоте не добывал, ничего не умел делать, не умел рыбу ловить, никогда не рыбачил. Мне с ним было очень плохо, приходилось всё время заниматься шитьём. Приходилось мять кожи, он их продавал в Россию (в районы, где жили русские). Он работал в колхозе в магазине.

— Второй муж уде лучше был? (соб.)

— Уде хороший была. Када я низа ходила, женили меня его*. Русский гоняли эта китайса, сё гоняли низу. Гоняли его туда, сё забирала. Я не хочи туда ходи. Русский чё... ваша эта кто хочет люди? А я гони его, ихинь не нада, китайса. Посадили китайса эта. Сам город пошёл его, далё уехал ихинь. Меня жалко их детей, меня два сына была. Не дают мене ихинь сё забирала выгони Китай. Всё гоняла. Ного люди китайса айа-а-а. Полный лодка бы□ла ихинь. Это время гоняла*. Потом выгони*, сам живи.

Удэгеец был хороший. Я ездила в посёлок вниз по реке и там он на мне женился. Китайца того русские угнали вниз по реке. Выгнали всех, всех арестовали. Я не хотела с ними ехать. Русские ведь как... из вас (удэгейцев) кто хочет? А я его выгнала, мне китайцев не надо. И этого китайца арестовали. Увезли его в город, далеко они уехали. Мне было жаль детей, у меня было два сына. Мне их не дали, они всех забрали и выселили в Китай. Много было китайцев — ай-ай-ай. Их была полная лодка. Как раз в это время года их увозили. После того как их выселили, я стала жить одна.⁹⁵

Комментарии

Расшифровка интервью приводится в записи, приближенной к русской орфографии. Фонетические особенности данного варианта описаны в: (Елоева, Перехвальская 1987). Вот

⁹⁵ Впоследствии внуки этой информантки вернулись из Китая, доказав, что их бабушка гражданка СССР; сейчас они и их дети живут в Красном Яре.

фонетическая транскрипция первого предложения: *Ziwótny nóga déda / i sóboli i čiwó / i m'ésa s'orém' oxótaj dzimój*.

айа – удэг. *aja* ‘хорошо, хороший, ладно’.

охотай — глагол, образованный по аналогии от русского «охота»; глаголы в «абсолютной» форме (без видо-временных показателей) выражают в данном варианте презенс, хабиуталис и имперфектив;

меня бьёт его — ‘он меня бил’: в сибирском пиджине, как и в говорке, весьма частотным оказывается порядок слов OVS, если подлежащее выражено личным местоимением, чаще всего 3 л.

магазин там — ‘в магазине’: дейктические наречия употребляются для уточнения локативного аргумента; эта черта свойственна всем вариантам сибирского пиджина;

женили меня его — ‘он на мне женился’: рефлексив отсутствует во всех вариантах пиджина, это характерно как для говорки, так и для руссенорска;

гоняла — распределение вариантов одного глагола (*гоняй* — *гоняла* — *гоняли*) позволяет сделать вывод о том, что в данном идиоме различаются перфектив и имперфектив, при этом перфектив имеет категорию числа (*гоняла* — *гоняли*).

Записи 2004 г. (с. Красный Яр Приморского края, записывали Е.В. Перехвальская и В.В. Баранова). Этот идиом подробно разбирается в главе «Мезолектные варианты». Ниже приводится полная запись интервью, записанного в июле 2004 г. Говорят: (АЕ) – Александр Егорович Пионка (1921 г. р.) и (АС) – его жена Антонина Сергеевна Пионка (1918-2005).

– Вы в детстве где жили? (соб.)

АЕ: *Када маленький? Верху дзили. Высе Улунги. Да.*

Когда был ребёнком? Жили в верховьях реки. Выше Улунги.

– Ваш отец был Егор Пионка. А сыновья у него кто? Вы, Нил Егорович, а еще кто? (соб.)

АЕ: *Их было ного. Все умер.*

Много их было, но все умерли.

– Вы не можете их назвать? (соб.)

АЕ: *Названия тогда их, ихэ ни было, названия. Как попало зэвали.*

Имен (?) не было тогда, у них не было имен. Только прозвища.

– Но как? Еще кто был из ваших братьев? (соб.)

АЕ: *Нил. Потом Иван был. Исё. Все умерли они.*

Нил, был ещё Иван. Были другие. Никого нет в живых.

– А Мириван? (соб.)

АЕ: *Это другой.*

Он чужой.

– Он же с вами жил? (соб.)

АЕ: *А с нам был, мало был, мало дзити был. С нам был-дэ. Его брали сиритоу, фамиль-дэ одинакэ. Сиритоу брали. Мальчикэ дэвенадцать или десить лет брали.*

Да, он жил с нами, но жил не долго, не долго прожил. Но жил с нами. Его взяли сиротой: он был наш однофамилец. Его сиротой взяли, когда он был мальчиком двенадцати или тринадцати лет.

– Миривана? (соб.)

АЕ: *Да. Вы иде. Иде? Ленинградэ?*

Да. А вы откуда? Откуда? Из Ленинграда?

– Да-да. (соб.)

АЕ: *Чё, там у них? Дело идёт?*

Ну и как там они? Все в порядке?

– Они кто? (соб.)

АЕ: *Тозе обучает. Суда ного ходи, ездили они.*

Преподаватели. Сюда они часто приезжали, приезжали они.

– И что? (соб.)

– *Суда ездиди, они все живыи?*

Те, кто сюда ездил, живы?

– Все живые, да. (соб.)

АЕ: *Умерли. Старые стали, больные.*

Умерли, наверно. Или старые стали и больные.

– Александр Егорович, а вы с какого года? (соб.)

АЕ: *Дэвадцать первэ.*

С двадцать первого.

– А Нил младше вас? (соб.)

АЕ: Младше. Младше нас.

Он младше. Младше меня.

– А расскажите, как вы жили в детстве там, в верховьях? (соб.)

АЕ: Избушку рубили, дом, избушка. Пять на пять, небольшие. Уот там и дзили. На палатках дзили. На юртах дзили, иде попали.

Рубили дома, избы. Небольшие – пять на пять. В них жили. Жили и в палатках, в юртах – по-разному.

– Как юрту делали? (соб.)

АЕ: Юртэ делали. Сперва клетка делает, а потом кора, кора ободрал уот это. Этим сэверх, верх наружу, этим дзакрыли.

Юрту так делали: сначала делается остов (решётка), потом его покрывают корой, кору специально обдирают. Её кладут сверху, снаружи, этим закрывают.

– Кора березовая? (соб.)

АЕ: Не-е. Уот эта, тополя кора. Уот эта, ёлка кора. Уот этими. Он долго держится. Раз сэдделала, пять лет, десить лет стоит, пока вода ни унесёт. Крепкэ кора. ни гниёт он. Такой пород. ни гниёт.

Нет, для этого используют тополиную кору или еловую. Ими покрывают. Она долго держится. Раз слеаои, спростоит пять–десять лет, пока водой не унесёт. Это крепкая кора, она не гниёт. Дерево такой породы, не гниёт.

– А что внутри? (соб.)

– Нутри постелено прямо на земли. Шэкуру, ватнэ матрас. Шэкурор. Медмеди там, дзюбринэ. Дзимой-дэ. И нутри середина топит. Так и дзил.

Внутри прямо на землю стелют шкуры или ватный матрас. Обычно шкурой застилают, медвежьей или изюбриной. И зимой так. Но внутри в середине очаг. Так и жили.

– А топят чем? (соб.)

– Дэрова. А там (нрзб) дырка-дэ был уот такой нибольшой. Оттуда дыма идёт, туда тянет, а деси чисто. Никакой, ничё нет. И ни коптит, ничё, чисто.

Дровами. А там (в юрте) отверстие есть, вот такое, небольшое. Через него дым выходит, туда тянет, а внутри воздух чистый. Никакого дыма. И нет копоти, ничего.

– А не холодно в таком доме? (соб.)

АЕ: Дзимой, конечно, холодно! Дзимой так дэ избушка. Это летом дзивёт. Летом. На лет... лето. Зимой, конечно, холодно! Зимой живут в избе. А тут летом живут. Летом.

– А избушка как была? (соб.)

АЕ: А из брёвна деланнэ сэруб. Сэруб.

Это сруб из брёвен. Сруб.

– А в китайской фанзе вы были? (соб.)

АЕ: Китайскэ фанзэ тозе он дураки! Чё он! (смеется). Китайскэ фанза, они копают дзимли там метра полтора, от дзимли они верху, а потом уот так и, закрывает. Потолокэ нет. Пола дзимля. Уот такие.

Китайская фанза – это для дураков. Что это за дом! Китайская фанза (это вот что): копают яму метра полтора глубиной, ставят на землю столбы (?) и прямо так покрывают (кладут крышу). Потолка нет, пол земляной. Вот что это за дом.

– Холодно в ней? (соб.)

АЕ: Чёпло на ним. Уот это, потом печка делает. Уот это такие, уот эта, чугуныи, ну как чугуныи они, большой котел уот там поставит, варить с ним. Их три шэтукэ. Подо наром ищё хода, как чёпло там. Утетими пампушка парили, лепёшка делали, супа варили, сё делали.

В ней тепло. Вот так (её поставят) и потом делают печку. Она устроена как чугунная, похоже на чугунную. Потом ставят большой котел, такой как для приготовления пищи. Три таких котла. А под нарами проходит (тёплый воздух), и становится тепло. А в этих котлах на пару готовили пампушки, лепешки, суп варили, все готовили.

– Боудзэ делали? (соб.)

АЕ: Боудзэ делали. Чё это, ни говорит она? Они.

Боудзэ делали. А что, она (они?) с вами не работает?

– Китайцы были там, где вы жили? (соб.)

АЕ: ни было.

– Не видели вы китайцев? (соб.)

АЕ: Китайсэ ни было, ни брали их. Зачем его? Он рабочий (нрзб). Китайсэ брали как рабочий. Ни хочет варить, ни хочет дэрова пилить, потом кто ленивэ брали китайсэ. Как рабочий повар. Раба. Раба уон. Уот так говори. ... Он сидит корку курит.

Китайцы были, но их не брали в армию. Зачем они? Они выполняли работы. Китайцев нанимали в услужение. Кто не хочет сам готовить, не хочет дрова пилить, кто вообще ленивый, тот нанимал китайца. И тот работал поваром. Как раб. Он раб. Так говорили... А сам сидит, махорку покуривает.

– Что он курит? (соб.)

АЕ: Нет, хозяина курит, китайсэ нанимаит. Робочих. Как раба.

Это хозяин курит, а китайца нанимает. Тот работает, как раб.

– Так ему же надо платить, этому рабочему? (соб.)

АЕ: Ну, плотит один год скоко, совсем мало плотит.

Ну, он сколько-то один раз в год платит, но совсем немного.

– Ну сколько плотит? (соб.)

АЕ: Уотэ скоко там... триста рублей плотит.

Ну сколько, например, ну заплатит триста рублей.

– А откуда эти китайцы приходили? (соб.)

АЕ: Это китайсэ заграница деси рядом. Бикин с города, той стороне сё китайсэ уот оттуда идут. Када были открыты. Они и пришли деси.

Тут же рядом китайская граница. Рядом с городом Бикин с той стороны китайцы сюда переходят. Когда граница была открыта, они пришли сюда.

– Китайцы эти на каком языке говорили? По удэгейски? (соб.)

АЕ: Не, по-своему. По-удэгейски ни понимает. По-своему.

Нет. По-своему. Они по-удэгейски не понимают.

– А вы понимали их? (соб.)

АЕ: Научись-то можэно. Научили по-ихни.

Можно научиться. Я научился говорить на их языке.

– Научили по-ихнему? (соб.)

АЕ: Да, я разговаривает. Тозе легко, лёжкой слово у них тозе.

Да, я говорю. Это нетрудно, у них несложный язык.

– Легкое слово? (соб.)

АЕ: Да. За недель сё научишьсэ по-китайсэ разговаривать.

Да. За неделю любой научится говорить по-китайски.

– А по-русски? (соб.)

АЕ: По-русски тозе легкий, хорошо. ни надо учить, токо слушай и говори. Уот это японса, уот это Америка дэругой язык.

Русский язык тоже несложный, тоже хороший. Его и учить не надо, только слушай и повторяй. Вот у японцев, вот в Америке другой язык.

– Трудный, да? (соб.)

АЕ: Тэруднэ они. Это видишь уот Америка, Япония разны нации, у них трудэно. Они ээвери соединёнэ блиско. На ээвери блиско уот эти, савсем тэрудны эти.

Эти трудные. Понимаешь, в Америке, в Японии – совершенно другие народы, их языки трудные. Они ближе к животным. К животным ближе они, и языки их трудные.

– Как это на двери? (соб.)

АЕ: Близэ на ээвери. Остальны усе хороши люди.

Ближе к животным. А остальные все хорошие люди.

– Про двери я что-то не поняла. (соб.)

АЕ: Ээвери! Дикой ээвери.

Звери! Дикие звери!

– А, дикие звери! (соб.)

АЕ: Да! Соединёнэ в них блиско, уот за это. Уот в этих, уот тебе уот такой показания тебе скажу уот. Уот эта другие стэраны – грудин, армянин, уот деси када идет, она хорошиэ роде хорошиэ чилавек. Ихэ попадёт, дак тебе хоти убить тебе чё хоти делай, уот такие люди.

Да! (?) они ближе, вот почему. А об этих вот что я тебе скажу. Есть другие народы: армяне, грузины. Они сюда приезжают – он вроде хороший человек, но к ним попадешь, так они тебя могут убить или ещё что-нибудь сделать. Вот такие люди.

– Вы же не ездили к ним туда, к армянам? (соб.)

АЕ: ни ездил я, ихэ знаю, ихни походы.

Я не ездил, но их свойства мне известны.

– Откуда же? (соб.)

– Как откуда? Радио было, сёремь воинственэ люди это. Они сами ни работает. Сами.

Как откуда? По радио говорили, эти люди все время воюют. Они сами не работают. Сами.

– Но вот здесь же армяне строят сейчас.. (соб.)

АЕ: Продаёт и усяки там. Уот такие люди. Люди такие.

Торгуют тут всякие. Вот такие люди. Такие люди.

– А здесь хорошие люди? (соб.)

АЕ: Уде?

– На Яру.

АЕ: Уот эта. Откуда бэрали эта? Китайсэ наняли уот слушай. Уот эта, кипиталистэ то ного была раньсе, кипиталистэ. Уотэ йихэ, уотэ йихэ брали.

Эти. Откуда им взяться? Вы слышали, они нанимали китайцев. Таких было много раньше. Такие они, нанимали других.

– Капиталистов? (соб.)

АЕ: Да. Уот йихэ брали китайсэ нанимали рабочих.

Да. Они нанимали рабочих-китайцев.

– И в Митахезе⁹⁶ тоже? (соб.)

АЕ: И в Митахезе кэругом был таких. И в Пиривали были исё.

И в Митахезе, повсюду такие были. А также в Перевале.

⁹⁶ Митахеза, Верхний Перевал, Олон – поселки по течению Бикина.

– А на Олоне как было, помните? (соб.)

АЕ: Тоже так было. Так было.

Также и было.

– Там много было китайцев? (соб.)

АЕ: Мно-ого. Их раньше было, потом выгнали эта. Эта, я усё помню, как гоняли.

Очень много их было раньше, потом их выслали. Я хорошо помню, как их выселяли.

– Помните? А расскажите, как. (соб.)

АЕ: Милиция пришли, милиция, и усё уходил. Забрали ихэ, арестовали милиция. Усё угоняли. Почему угоняли ихэ? Контрабандом занятия началэ, пусэнина собирай, ханцуй, да.

Приехала милиция и всех увезла. Их забрали, арестовала их милиция. Всех выселили. Почему их выселили? Они стали заниматься нелегальной скупкой пушнины и (продажей) водки.

– Ханцуй что? (соб.)

АЕ: Ханцуй – этот уотка. Кукуруза садит, несколько гиктара дэва-три, на эта кукуруза его гоняит, ханцуй. А потом удэгейсам продаёт, усё пусэнина, усё, соболи, выдры, усё собираит. Патом заграница, да. Заграница тащит и там продаёт они, уот так. Уот за это. Огий садили ного гиктар. Один китайсэ садит один гектар. Снимает, топит, делает и такие комок большо-ой комок уот такие. И потом продают тоже. Удэгейсам, кому попало.

Ханцуй – это водка. Они сажали кукурузу, гектара два-три, и из этой кукурузы гнали самогон. А потом продавали удэгейцам за пушнину, забирали всё – соболей, выдру. И все уходило за границу. Все увозили за границу и там продавали. Вот за это (их выселили). Они сажали опийный мак на много гектаров. Каждый китаец высаживал гектар (мака). Они собирали урожай, вытапливали (опий-сырец), скатывали в шарики и продавали удэгейцам и кому угодно.

– И удэгейцы покупали этот опиум? (соб.)

АЕ: Да. Оно фактически (...) уотэ удэгейса тоже. ни было капиталиста удэгейский раньше, пэри царэский уремя. Сами усё заработали. А люди, зачем его мучить? Пусть он и сам тозе работает. Уот.

Да, удэгейцы тоже. Но раньше, в царское время среди удэгейцев капиталистов не было. Они работали на себя сами. Зачем им было эксплуатировать других? Пусть работает на себя, вот так.

– А удэгейцы курили опиум? (соб.)

АЕ: А как ни кури? Они учит.

А как же не курить? Их научили.

– Китайцы учили? (соб.)

АЕ: Да. Это как морфий. Как уся наркомания, уот такой.

Да, это как морфий, как наркотик.

– А сейчас, говорят, тоже есть наркоманы. (соб.)

АЕ: Деси? Конечно есть деси кэругом рассеяли они.

Здесь? Конечно, здесь они повсюду.

– Это китайцы виноваты? (соб.)

АЕ: Не-е. Это ни китай. Уотэ перестройка началэ, да перестройка никакие наркоманисты, каки ворэ, каки бандитэ, нёкого ни видишь. Уот такое у нас было. И кэругом у нас такие было. Гэраница закрыты.

Нет, это не китайцы. Вот как перестройка началась, а до перестройки никаких наркоманов, воров, бандитов, никого не было видно. Вот как у нас было. И повсюду так было, границы-то закрыты.

– Это было хорошо? (соб.)

АЕ: Да. Для человек хорошо. Никакой болезнь, никакой ничё ни та...(?), чистэ, даже тэриперэ деси село нет ни один.

Да. Для людей было было хорошо. Ни было никаких болезней, ничего такого, была чистота, здесь в селе не было ни одного случая триппера.

– Чего не было? (соб.)

АЕ: Гонорей. Ни один ни было! Пятисот человек уотэ как были. А сейчас сифилис деси. Человек дэвацати, говорит. Это надо таким заниматься?

Гонореи. Ни одного случая! А ведь здесь пятьсот человек. А сейчас тут и сифилис. Говорят, им болеет человек двадцать. Нужно что-то с этим делать.

– А раньше все было хорошо? (соб.)

АЕ: усе хорошо, чисто! Ходили культурнэ. Нёкто ни ругает. Ни усё... ни знакомэ как и как свои товарищи были. Нёкто ни ворует – ты спи деси, нёкто тебе ни тронет. Уот такой.

Всё было хорошо, чистота была. Люди были культурные. Никто не ругался, все, даже не знакомые друг с другом были как товарищи. Никто не воровал, никто никого не трогал, живи себе. Вот как было.

– Это было до перестройки? (соб.)

АЕ: Да тиестройка. Потом чё, тиестройка началэ, каждэ, ты видел, наерно, утэ. Симнацать миллионов у нас в Москве и кэругом тиришли инострансэ. Симнацать миллион. По телевизору передаёт. Во скоко люди.

Да, до перестройки. А потом, как перестройка началась, все видели, наверно, что было. Семнадцать миллионов иностранцев в Москве и по всей стране. Семнадцать миллионов. Так сказала по телевизору. Вот какое количество.

– Перешли сюда к нам в Россию? (соб.)

АЕ: Нам Россию дзивёт уже они давном давно. России дзивёт.

Они давно приехали к нам в Россию и живут.

– А это плохо? (соб.)

АЕ: А чё ни плохо? Вон сякий у них, уот-уот слушай, почему, вы-то молодые, вы. Уот эта, када Советская влэсти былэ, ни охто ни ворует, ни охото ничё, ни гэрэница закрыты. Усё. Попробуй иди без пропуск. Растуют и судит, от на тебе скоко-то скоко лет. А сего симнацать миллион, убили сего дэвацать один миллион в немецкэ войну. Дэвацать один миллион, уот токо людей, иде оно хороший будет? А тамэ ты оиде дзивёшь нету бандита и вора?

А разве это не плохо? Почему у нас должны быть всякие. Пот послушайте вы, молодые. При советской власти никто не воровал, никто ничего плохого не делал, и границы были закрыты. Вот и всё. Попробуй пройди без пропуска. Арестуют и отдадут под суд, дадут тебе столько-то лет. А теперь семнадцать миллионов (иностранцев). А во вторую мировую войну было убито 21 миллион человек. 21 миллион человек, как же они будут хорошими? А там, где вы живете разве нет бандитов и воров?

– Есть. (соб.)

АЕ: Ного?

– Много. (соб.)

АЕ: Ну уот они, уот они пришли.

Ну вот, это они и проникли.

– А, говорят, здесь китаец живет. Не видели его? (соб.)

АЕ: Видел.

– Дима. (соб.)

АЕ: Да.

– Вы с ним не разговаривали? (соб.)

АЕ: А на чё говорить его? Ничё ни знаит, ни зэнаю, говорит. Того говори – ни зэнаю, эта говори – ни зэнаю.

А зачем мне с ним разговаривать? Он ничего не знает, (что его ни спросишь), отвечает «не знаю». О том спросишь – не знает, об этом спросишь – не знает.

– Чего он не знает? (соб.)

АЕ: Дивизень ничё ни зэнает.

О том, что происходит, ничего не знает.

– Какого движения? (соб.)

АЕ: Ну уотэ какэ делается, как чё нэ.

Ну, что где делается, как и что.

– А о чем вы его спрашивали? (соб.)

АЕ: Я ему говорю – у вас, васэ сэтрана усе такие же?

Я его спрашивал, у вас в стране такие же люди?

– Какая? (соб.)

АЕ: В васэ стране, я говорю, нет бандитов и нет.

В вашей стране, я спрашивал, нет бандитов.

– А он говорит? (соб.)

АЕ: Нету, говорит у них. У них нет таких.

Говорит, в них нет бандитов, нет таких людей.

– Бандитов? В Китае? (соб.)

АЕ: Да. Карабеса нет.

Да, и грабежей нет.

– Грабежа? (соб.)

АЕ: А сичаса тозе еси.

А теперь они начались.

– А вы с ним по-китайски пробовали говорить? (соб.)

АЕ: Малёньки, чуть-чуть.

Немного.

– Он понимал? (соб.)

АЕ: Понимает.

Понимал.

– А вы его понимаете, когда он говорит? (соб.)

АЕ: Ихний разнэ слово. Крестьянско слово другой, у них городской другой, совсем ни подходит. ...

У них другой язык. В селе говорят иначе, чем в городе, совсем другой язык.

...

АЕ: Уот этот китайсэй фанза говорит дзили.

Вот так и жили в китайских фанзах.

– Это фанза была (О Узовском доме)? И как там жили? (соб.)

АЕ: Ну уотэ тозе пола дзимля, пола дзимля и так и дзили.

Ну вот в таком (доме) с земляным полом, там и жили.

– А вы сами жили на Олоне? (соб.)

АЕ: Нет. Сяин дзил, потомэ дзили исё дальсе Сяин по берегу Бикина, Митахеза, там дзили. Митахез.

Нет. Я жил в Сяине, затем в Митахезе, это выше Сяина по течению Бикина.

– А где вы работали? (соб.)

АЕ: А был в начале колхозэ работали, колхоз.

Сначала работал в колхозе.

– В колхозе работали? (соб.)

АЕ: Да.

– И чего делали? (соб.)

АЕ: Уот этот, сои садили, синицэ садили, кукуруза садили для колхозэ.

Сажали вот эту, сою, пшеницу, кукурузу для колхоза.

– А вы не охотились? (соб.)

АЕ: Ну дзимой охотитя. Дзимой.

Зимой охотился.

– А кого добывали? ? (соб.)

АЕ: Мясэ, соболи, белкэ, колонок, и эта добыча усё Интеграла принимал.

Добывали мясо, шкурки соболя, белки, колонка, все это принимал Интеграл-союз.

– А расскажите про Интеграл-союз. (соб.)

АЕ: Эта Интеграл-союз, ну она продаёт.

Этот Интеграл-союз продавал все (продукты).

– Расскажите про работу Интеграл-союза. (соб.)

– Интеграл-союз, видишь, чё принесёт, мясэ принесёт, пусэнину принесёт, усё принимай. А потом направляй уже государству. Государство забирай.

Интеграл-союз принимал любую добычу: мясо, пушнину, а потом передает государству.

– Принимает, а что даёт? (соб.)

АЕ: Охто даёт, он принимает. Сэразу деньги заплотит.

Кто-то сдаёт, они принимали и сразу выдавали деньги.

– Деньги? Или он давал патроны? (соб.)

– Нет, сэразу деньги. Скоко стоит, уот. Скоко стоит. Ну в трицать восьмом году пять рублей, три рубля. Раньше былэ, мясо принимали, килограм мясэ, уотэ. Уот эта усе сразу расчитываит, такой был Интеграл. Потом ему продуктэ возит усякий уот. Кеты солёнэ, копчёнэ кеты. ни такой кета было копченэ, малосольнэ, как ихэ режишь, усё в квартире запах.

Нет, сразу выдавали деньги. Посчитывали, сколько стоит. Скажем, в тридцать восьмом году, тот или иной продукт стоил пять рублей или три рубля, например, килограмм мяса. Это сразу подсчитывали. Так работал Интеграл-союз. И все везли туда пробукты. Солёную кету, копченую. Тогда копчена кета была другой, режешь ее, по всему дому запах.

– Хороший? (соб.)

– Хороший. Куда ты (смеется). Уот такой дряни нету. Уотэ сейчасэ продаёт усё это, дрянэ эта. Продаёт кету, разнэ, икру. Ну деси в магазинах продаёт. Щас, щас. Заготовкэ они. усе это дрянэ. Уот это, примером эта, кусаишь его. Бери-бери-бери. А люди уот так – краснэ рыба ж. А его возьмёт да как варит, а кушай начинай – горький. Предлэ нутри. А тада, када заготовили они, примером в Хабаровске, рыбаки пришли, а большой дом деланэ, тамэ проферели стоит, сэразы...

Хорошая (была рыба). Куда там (нынче)! Такой дряни как сейчас не было. Всё, что сейчас продают — дрянэ. Сейчас продают и кету, и икру, здесь в магазинах. Это заготовки. Все они очень плохие. Понимаешь, когда станешь есть. А так набирают люди помногу. Люди видят — всё-таки красная рыба. А когда купят и начнут готовить — невкусно. Внутри она вся гнилая. Раньше-то, когда рыбу заготавливали, например, в Хабаровске, рыбаки сразу свозили рыбу в специальное большое помещение, где стояли вентиляторы, чтобы сразу...

– Что стоит? (соб.)

АЕ: Уот эти ветерэгоны, проферили. Большо-ой. Уот сэразу ключай.

Такие огромные вентиляторы, и их сразу включали.

– Пропеллеры? (соб.)

АЕ: Да-да-да. Пример, ловили, даээ часа нету, он туда попадает и сэразу его заморозивает. Уотэ рыба хороший. Уот.

Да-да. Часа не пройдёт с того времени, как рыбу поймали, а она уже там и её сразу замораживают. Тогда рыба не портится.

– А сейчас так не делают? (соб.)

АЕ: ни делает они, садит дэва-три день, солнце пекла, дэва часа три день, какой там рыба? А так заморозит, а люди уот так видишь и даром деньги токо расходуют.

Так сейчас не делают. Рыба лежит два-три дня на солнцепёке. Какая будет рыба? А потом такую и замораживают, и люди только даром тратят деньги.

– Но люди видят и не берут такую рыбу? ? (соб.)

АЕ: Он ни знает. она мороженэ, как ни возьмёт? Сверху серебром накрытэ.

Человек же не знает, какая рыба, она же замороженная. Сверху чешуя.

– Серебром? (соб.)

– (смеется) Ну чешуя-то белэ же нэ. Кета. Он думал хороший, возьми, вари, да никуда ни годиса. Так и бросишь.

Чешуя же не прозрачная у кеты. Кто-то подумает, что она хорошая, возьмёт, сварит, а она никуда не годится. Так и выбросишь.

– Когда вы переехали в Сяин? (соб.)

АЕ: Шисдесят, шисдесят утором году. Из Сяина суда приехали.

В шестыдесят втором году из Сяина сюда переехал.

– А В Сяин? (соб.)

– Мы Сяинэ приехать в тридцать восьмом году. Сяинэ приехали с Митахезы в тридцать восьмом году.

В Сяин мы приехали в тридцать восьмом году из Митахезы.

– А в детстве вы жили в Митахезе? (соб.)

АЕ: Да-да-да. Тада маленький был совсем.

Да. Когда был совсем маленьким.

– А вы в школе учились? (соб.)

– МалЕнький.

Совсем недолго.

– А сколько? (соб.)

АЕ: Ай, вмести один год. Тада школа ни было деси, никакие школы, дорога ни было, пешкохода был.

В общей сложности год. Никаких школ здесь не было, ни школы, ни дороги. Ходили пешком.

– Что было? (соб.)

АЕ: Пешком ходили. Ночевали на дорогу, костёр сделаешь, ночуешь. Никакие дорога, ничё нет.

Ходили пешком, по дороге ночевали, у костра спали. Никаких дорог не было.

– А когда вы русский язык выучили? (соб.)

АЕ: Эта, русскову языкэ почти ни учил, уот сама разговорэ училась. Почти ни учили русский язык.

Русский язык я (специально) почти не учил, сам научился устной речи. (Специально) русский язык я почти не учил.

– А когда вы начали по-русски говорить? С родителями вы на каком языке говорили? (соб.)

АЕ: Родители тоже по-русски умеет говорить.

Родители тоже умели говорить по-русски.

– Умели? (соб.)

АЕ: Да. Умели. А уот умели-умели, а уот слушай. А щасэ усе по-русски говорит они. А потом говорит... а потом увижу спрашивает, охто научил, а низя было говорить по-своему, это врут, ни надо верить! Нёкто их ни запрещал, уот и своим говорит уот и окто. Уот так. Так моззно разве говорить? ни надо так говорить! Нйкто их ни запрещал.

Да, умели. Вот послушай, что я скажу по этому поводу. А теперь все говорят по-русски. А теперь говорят... увидят меня и спрашивают, кто-то, видимо, научил, что, мол, запрещали говорить на родном языке. Это неправда, не надо этому верить! Никто не запрещал им говорить, кто хотел, тот говорил на родном языке. Вот как. И почему теперь такое рассказывают? Так говорить нельзя!. Никто никому не запрещал.

– В школе? (соб.)

– В школе. Нёкто! Но уот школа занимает по-русски, преподает учителя. ни говорил никада по-своему, ни говорит. А потом они учит, ного родители был, учителей, учителя. Уот они домой придёт, по-русски говорит. "Я умею по-русски, мы-ка чё-то". А и дети уот такие, уот такие... Эта ... врёт, ему ж неудобно, атэ стыдэ говорит, там советска власть запрещал по-русски нельзя говорить. Нёкто ни запрещал.

И в школе! Никто (не запрещал)! Просто в школе занятия ведутся на русском языке, на нем преподают учителя. Там не говорят на родном языке и никогда не говорили. И (русский) выучивали, многие родители говорили по-русски, а также учителя. И дети возвращались домой и говорили по-русски. (И родители думали): «Я тоже умею говорить по-русски, давайте все будем говорить». И дети вот такие вырастали... А эти сейчас неправду говорят, им это зачем-то нужно. Стыдно говорить, что при советской власти запрещали говорить на родном языке. Никто не запрещал.

– А советская власть хорошая была? (соб.)

АЕ: Советская власть усё там, усё ровно, нёкого ни обижает, нёкого... попробуй ты его обзывай, попробуй ты его усяким, его сразу наказание делает. Добрэ было, хорошэ они, нёкого ни обижает, нёкого ни делает, чистэ ходили, чистэ. Там буруки стрелкам, усы побриты усё (смеется). А щас лохомый ходит, охто он такой? Уот такой борода. Там сунэ варит, он кусает, суда капает, он там воняет, девка ни подойдёт. Почему они...

При Советской власти всё было, всё гладко, никто никого не обижал, никто... попробуй её покритикуй, она сразу накажет. Всё было хорошо, все были хорошие, никто никого не обижал, вреда не делал, все ходили аккуратные, чистые. На брюках стрелки наглажены, усы аккуратно побриты. А сейчас ходят лохматые, на человека не похожие. Не бреются, бороды отращивают. В этой бороде остатки супа застревают, так что вонь идёт от такого человека, и девушка в нему не подойдёт. Поэтому они...

– Кто не подойдет? (соб.)

АЕ: Девка. Девонка ни пойдёт. К нему. Уже воняет он. Уот. Девушка. Девчонка не подойдёт к нему. Запах от него такой.

– Расскажите о Бороде (строитель в Красном Яре) (соб.)

АЕ: С Запада приехал он. Он деси строителем работал.

– А вам нравятся эти дома, которые он построил? (соб.)

АЕ: Уот слушай, уот слушай. Это мальчик ни, как мальчикинэ ума, ему нравится. Как мальчикинэ ума. По-нашему домэ, када строят, разнэ узоры, разнэз каки. Дом красивэ делай, его надо краси фэронтонэ и кэругом – уот домэ стоит чистэ. Это чё? Один козерохэ уот так, один торчит, а уторой усякэ – зачем это? Это ни годиса. Нет.

А вот послушай. Это мальчишество, и порождение незрелого ума, только такому и понравится. Мальчишество. У нас, когда строят дома, украшают их разными узорами. Чтобы дом бал красивым, его красят по фронтому и вокруг. И вот дом стоит красивый. А это что? Один козырёк вот так, другой торчит, а третий ещё как-то по-другому сделан.

– А как надо? (соб.)

АЕ: Уот какэ эта дом надо. Строить хорошиэ дом, эта и то плохэ строить, как попало. Уот эти дома, слыши, это смешно прям. Это ни нуэно.

Дом нужно строить так, как вот этот построен. Нужно строить хорошо, нельзя строить как попало. А эти дома просто смешны, видишь ли. Они никому не нужны.

– Не нужно? (соб.)

АЕ: Конечно, ни нуэно такие дом. Зачем, кому нуэно? Уот это иде цирка, молельня, мозэно строить. И то... Ну уотэ иде молельнэ дом, молитца, иде молитца. И то такой ни делай, как он делал.

Конечно, такие дома не нужны. Зачем они, для кого? Так можно построить церковь, момельный дом. И только. Такой вот молельный дом. И то таких, как он настроил, не делают.

АС: Ни такой дома, а как молельнэ дом.

Это не жилые дома, а как церкви.

– Где это? (соб.)

АС: Там, край, край. Яра.

Там, на краю Яра.

АЕ: Уот эта. Уот такие был.

Вот эти дома, Вот такой (человек) был.

АЕ: Пьёт-пьёт.

Пил-пил...

– У мер, потому что пил много? (соб.)

АС: Конечно.

=====

АЕ: Уто эта, видишь, а потом дети, дети. Он види уот этот школьникэ разнэ, и фулиганам занали, потом уж ему преподает он, на телевизора, на кро (?), это его дела (?). Это плохой дело пойду усе люди. Никаки, никаких хорошими ни будет. И если в руку ни возьмет, его в руку, уот так исё десять года перейдет, и его ни справит. Государство рухнет усё. Пропало дело.

Вот что происходит. А ещё с детьми проблема. Видишь вот эти школьники уже всякие бывают, многие уже известные хулиганы. Все люди будут заниматься дурными делами. Никто хорошим не вырастет. Если их в руки не взять, еще десять лет подобного правления, и будет не справиться. Государство рухнет. И его будет не восстановить.

– Кто должен в руки-то брать? (соб.)

АЕ: Какэ кто? Ну уласти-то был, есть. Уласти. Какэ это ни видит что ли оно. Они думает, ни видит он, какие люди идёт эта. Его должен знать, уласти. Хоти капитализм, хоти советский союзэ, одинакэ уласти должно быти. Еси такие государы, ни один человека, правда же. Охто же будет тада работать, ани уот маладцы, пятнадцатэ лета, семнадцатэ лета нэ, ни хера ни работай, и сакетезник ломай, кэругом ломай, усё ломает. Охто же будет делать, чё она, прям друг друг будет стрелять, кончит. И государство рухнет усё. Вот такие.

Как это кто? Власть была и есть. Власть. Разве они не видят, что делается. Они не видят, какими становятся люди. Власть должна об этом знать. Хоть капитализм, хоть Советский Союз, всё равно должна быть власть. Есть государственные люди, и не один, ведь так? Иначе кто же будет работать, когда молодёжь в пятнадцать-семнадцать лет уже не хочет работать, ломают штaketник, всё кругом переломали. Что же будет дальше, начнут стрелять друг в друга, тем и кончится. И государство рухнет. Вот так.

– А что вы думаете про Путина? (соб.)

АЕ: Охто про Путин эта перестройка пропустил? Перестройка.

Почему Путин перестройку допустил?

– Ну он молодой был тогда. (соб.)

АЕ: Окто?

Кто?

– Путин. (соб.)

АЕ: Ни Путинэ, Путинэ уот щасэ сталэ. Другиэ люди пустили уот эта. Ельцин уот эта, Горбачёв.

Не Путин. Путин недавно у власти. Другие почему это допустили? Ельцин и вот этот, Горбачёв.

– А Горбачёв правильно сделал? (соб.)

АЕ: Дурной человек. Он иде? Центральнэ це-ка партии. Он и люди его выбирали. Советский народ. Народ – это ни ... несколько миллиардам, титирардам, ни один-дэва человека его выбирали. Он должен быти себе показати народам. Он такие дела занимала... уот он, занимала он усякэй. Чё там нуэно было? Ни нуэно было уот такие дела занимать. Ему деньги токо и такэ. Его, он кушал бесплатно, бесплатно чё хочешь бери. Кого ему надо исё? Уот это тока народа малады, чё будет. Чё будем мучить за это малады.

Он плохой человек. Он откуда? Из ЦК партии. Его выбрали партия и народ. Советский народ. Его выбрал народ, миллионы, триллионы, не один-два человека. Вот так, а он начал заниматься дурными делами. Зачем ему это было нужно? Не следовало всего этого делать. У него денег было предостаточно. Он питался за казенный счет, имел всё, что хотел. Чего ему ещё не хватало? А что теперь будет с молодёжью? Зачем было заставлять молодёжь страдать?

– Молодые? (соб.)

АЕ: Молоды, да. Иво будем мучить, а он, он чё, старэ, никому ни нуэно. А молодой-дэ должэнно быть хорошэ. Уот молоды-то и уотэ, видел мы я раньсэ, ходили. Кэругом такие были и в Бикине, и кэругом. На поле идут, на одно плечо, тятка и песни...

Да, молодёжь. Они будут страдать, а чему что, он уже старый, ему все равно. А молодёжь должна жить хорошо. Видела бы ты, какими мы были, когда были молоды. Так было повсюду и здесь на Бикине, и вообще повсюду. Ходили на поле с мотыгой на плече и пели.

– Что на плечо? (соб.)

АЕ: Тятка. И песни. Песнь, переди гармониста. Во какой веселэ было. Назад идёт, тоже такие. Мотыга. Пели песни. Впереди шёл гармонист. Вот как весело было. Идут назад таким же образом.

– А на каком языке пели? (соб.)

АЕ: По-русски. Я это говорю, наши ли были, русски молодец, усе такие были.

По-русски. Но я хочу сказать, что все были вот такие молодцы, и наши, и русские.

– Но отличались же удэгейцы от русских? (соб.)

АЕ: Да.

– А сейчас? (соб.)

АЕ: Уот этой скази, они ходят уот так головой, уот щас. (грустно опустив голову). Он никуда ни смотрит, уот так щас ходит, никакой весело, ничё нету. А тогда были люди, как струн крепкий, уот. Красивэ люди был, прямэ, хороший людей. Чё сказано, я ни знакомэ, я ни могу тащить, устал, или бабка или охто, сразу наберёт, тащит. А ему бабка даёт – на, сынок, бери хоте, хоте папирос. Не-ет, бабка, ничё ни возъмём, ото вас ничё ни возъмём. А щас видит и ни потащит нёкто щас. Уот такой. Уот, уот такие люди.

Вот что я скажу, они ходят вот так, опустив голову. Они по сторонам не смотрят, вот так (грустными) ходят, веселья больше нет. А в прежние времена люди были крепкие как струна. Люди были красивые, хорошие, прямые. Да что говорить, например, я тебе не знаком, но устал и не могу нести (тяжелую вещь), или, например, пожилая женщина (несет тяжелое), такой человек сразу поможет ей, заберет (сумку). Старушка скажет ему: «Возьми, сынок, хотя бы папирос». Он откажется: «Нет, ничего не возьму, у вас я ничего не возьму». А сейчас разве кто-то поможет, хотя и видит. Вот так. Такие теперь люди.

– Первый язык, на котором вы начали говорить? (соб.)

АЕ: Удэгейски.

– Или по-китайски? (соб.)

АЕ: По-китайсэ мало говорят. Ну чуть-чуть знают, совсем. Уот эта по-удэгейски, када маленький был, говорит по-удэгейски. А потом по-русски. И щас тоже по-удэгейски говорю. По-удэгейски. По-китайски я плохо говорю. Немного его знаю. Когда был ребенком, говорил только по-удэгейски. Потом начал говорить по-русски. И теперь тоже говорю по-удэгейски.

– А когда вы по-китайски говорили? (соб.)

АЕ: Китайсэ учи, по-китайсэ ного ни понимаем, но говорить мозэно.

Китайский язык я учил, но понимаю не очень хорошо, а говорить могу.

– А вы можете что-нибудь по-китайски сказать? Ни хао? (соб.)

– *Ни хао? Ти мэ дзун. Хао зу ма? Он скажет: во хао, бо хао. Уот, по-китайсэ. Тэдэ лай ши, уот.*

– Это что значит? (соб.)

АЕ: Тэдэ лай – это "иди суда".

– А как будет "дерево"? (соб.)

АЕ: Дерево? Дерево муту. Муту. Да, муту.

– А если в лесу растет, ну дрова. (соб.)

АЕ: Такэ, забыл. Подожди. Леса растёт. Как это? Это давно ни говорил, усе забыл. На лес эта ...

– А как сказать "собака бежит сюда"? (соб.)

АЕ: Собака? По кём? По-китайсэ? Гоу лай ванзам.

– Домой бежит? А еще что-нибудь скажите. (соб.)

АЕ: Уот эта, подожи. Уот эта, "син". Уот это по-китайсэ забыла, уот это дзивой. Уот этот лес, эта дзивой же растёт. Уот эта дживово забыл. Как по-китайсэ, его надо дживой говори.

– А "су" – такое слово было? (соб.)

АЕ: Су – это по-нашему. По-удэгейски. Су – уотэ уот это.

– Солнце? (соб.)

АЕ: Сонца. Суу. Это по-удэгейски.

АС: А зачем тебе китайсэ. Замуж хочешь выходить? А?

А зачем тебе знать китайский язык? Хочешь выйти замуж?

– Нет, просто вот спрашиваем. (соб.)

АЕ: Правда-дэ. Тоже будет она работать. Када, они же трудолюбимэ. Эта, китайсэ.

А действительно... Он будет работать. Они же трудолюбивые, эти китайцы.

– А русские? (соб.)

АЕ: Усякий было русские. Оно щас ни хотят.

Русские всякие бывают. Теперь они не хотят работать.

АС: Щасэ русские токо пьют водка. А работа ни хотят. Ничё ни хотят. Фулигана какой, бандита...

Теперь русские только водку пьют, а работать не хотят. Ничего не хотят делать, одни хулиганы и бандиты.

АЕ: За русского замуж пойдут, потому что дети красивые будет. Ты уот эта... подожди, забыл. Ты кто там живет исё?

Выходят замуж за русских, чтобы дети были красивые. Ты помнишь эту, погоди, забыл. Кто там живет?

АС: А тут же русский девка за китайсэ выходили. Там, а иде это... В Нагорнэ. Там работает, огородэ китайсэ.

А тут русская девушка вышла за китайца. Это было, где это... В Нагорном. Он там в огороде работает этот китаец.

– Это где? (соб.)

АС: Нагорное, туда дальсэ.

Там дальше в Нагорном.

АЕ: Там. Дальсэ внизу.

Ниже по течению реки.

– А когда это было? (соб.)

АС: Давно. Уже года... давно.

Давно, уже с год.

– Тридцать лет, сорок? (соб.)

АС: Нет, ни сорок.

АЕ: Недавно. Она, видишь, она огородником китайсэ. ни усе китай уот такой ничё ни хочет. Уотэ огородник, она... а он варит, она ничё ни делает. Маруся, ты ничё ни делай!

Недавно. Видишь ли, эти китайцы огородники. Некоторые китайцы тоже ничего не хотят. А этот на огороде работает, а она готовит еду. Она ничего не делает. (Он ей так и говорит): «Маруся, ничего не делай!».

– Так и говорит ей? (соб.)

АЕ: Уот так и говорит. Ты уж спи, я сам усе вари, сам огородэ. Уотэ делает.

Так и говорит. «Ты спи, а я сам все приготовлю, все сделаю в огороде». И так и делает.

– Это тут или она в Китай уехала? (соб.)

АС: Там, в Нагорном, там на поля работает. Огорода работает они.

Они там в Нагорном, там на поле работает, они работают на огороде.

– Нагорное – это где? (соб.)

АЕ: Это дальсэ Лучегорск. Дэвацать километр. Там поселок.

– Там все русские женщины вышли замуж за китайцев? (соб.)

АС: Конечно!

АЕ: Ни знаю, ни все. Есть. Ни усе они, ни усе замужем, но есть.

Не знаю, не все, но есть такие. Не все вышли замуж, но есть.

– А куда русские мужчины делись? (соб.)

АС: Русский мужчина пьёт водка ного.

Русские мужчины только водку пьют.

– То есть есть разница между русскими и китайцами? (соб.)

(общий смех)

А: Не знаю.

– А удэгейцы отличаются от китайцев? (соб.)

АЕ: Ни китайсэ маленько отличает. Ни как китайсэ. Другой вида удегейца. Сэразу. Другой вида.

Они от китайцев немного отличаются. Не такие как китайцы. Удэгейцы выглядят по-другому. Сразу (узнаешь их), у них другой облик.

– А кроме вида ничем не отличаются? (соб.)

АЕ: Ничем. Но может маленько отличает. Уот такие.

Ничего. Ну, возможно, они немного отличаются. Они вот такие.

АС: А это книга была удэгейскэ, ребятэ усе сожгли да.

Был учебник удэгейский, но ребята его сожгли.

– А что это за книга была? (соб.)

АС: А я уехала домой, а родители, они там усе зажгли. Целэ ясика была большой.

Я уехала домой, а подители все сожгли. (Учебников) был полный большой ящик.

– Целый ящик? (соб.)

АС: *Конечно.*

– Антонина Сергеевна, а вы где родились? (соб.)

АС: *Я? Я родил долёко .. Иде Олон, верху там я родил. Сигоу Ванга было. Там дэва дом было, там мы так дзили. Отец, матери, усе.*

Я родилась далеко отсюда. Я родилась в Сигоу Ванга, это выше Олона по течению реки. Там стояли два дома, и мы там Отец, мать и все (дети).

– А говорили на каком языке? (соб.)

АС: *Удэгейский.*

– А по-китайски? (соб.)

АС: *А мы ни китайцы, удэгейцы.*

– Многие удэгейцы же по-китайски знали. Вот Андрей Суанка. (соб.)

АС: *Этой мой дядя родной. Мой мамына эта, брат.*

– Дед Андрей на всех языках говорил. А вы по-китайски не говорите совсем? (соб.)

АС: *Не, я ни говорю. А на чёрта мне китайсэ, ни хочу.*

– Вам не нравится китайский? (соб.)

АС: *Не-а. Я свой язык и есть, значит.*

– Сейчас на вашем языке говорят? На удэгейском? (соб.)

АС: *А не, мы с дочком токо разговариваем по-удэйски.*

– А внуки? (соб.)

АС: *А-а, внуки уже по-русскому. Они ни говорят. Уотэ по-русски усе говорят.*

– А почему они по-удэгейски не говорят? (соб.)

АС: *А чёрта...Щас молодёж такой. Не-е. По-удэгейски совсем редко люди говорят.*

– А как вы думаете, дальше будут говорит или все – исчезнет? (соб.)

АС: *Не-е. Ты хорошо говори, мне ухо плохо слышит.*

Говори погромче, я плохо слышу.

– Будут они потом говорить?! (соб.)

АС: *Конечно, ни будет говорить. А старэ люди помрёт и усе. Охто будет говорить? Токо мой дочка хорошо говорил по-удэйски. А больсэ нету. А щасэ молодёжи усе по-русски. Ни хотят. По-удэйски ни хотят. Они щасэ молодёжэ дрянэ. Они роботать ни хотят. Ничё ни хотят. Огорода чё делай, смотри! Я больна, я щас больна, я уже пяты, пять лет, пяты год я болею.*

Конечно, никто не будет говорить. Старые люди умрут, и всё. Говорить будет некому. Хорошо по-удэгейски говорить только моя дочь. Больше никто. Теперь молодежь говорит только по-русски. Они не хотят говорить по-удэгейски. Молодежь теперь никуда не годится. Работать не хотят, ничего им не надо. Смотри, что наделали у нас в огороде! А я болею, уже пять лет как я больна.

=====

– Это у китайцев удэгейцы научились так делать? (соб.)

АС: *Китайсэ тоже нитак, ни садыт такой. Картошка посадилэ, кукуруза посадил. Попробуй чё молодец заставит садить, они ни чёрта ни хотят. Ничё ни хочит садить. А кушать любит.*

Китайцы тоже так не делают, так обрабатывают огород Мы посадили картошку, посадили кукурузу. А молодого заставь работать в огороде, он ничего не станет делать. Не любят обрабатывать огород, но любят есть.

– Дочь вам помогает? (соб.)

АС: Она тоже болеет. Она тока недавно приехала Владивостока, она там.

Комментарии

В речи супругов Пионка встречаются формы, как глагольные, так и именные, которые включают в себя показатели, выражающие различные категории, такие как число и падеж существительного, лицо, число, время глагола. Однако их употребление оказывается хаотичным. Эти формы часто употребляются неправильно (с точки зрения русской грамматики), и находятся в ситуации свободного варьирования с формами, лишенными таких показателей, и, следовательно, не выражающими указанных категорий. Ср., например, они *продает* 'они продают', *кушай начинай* 'начинает есть', *думал хороший, возьми, вари* 'думал, что (рыба) хорошая и решил приготовить' и мн. др.

Многие слова русского языка заимствуются не в исходной форме (Им. п. ед. ч.), а в косвенных формах: *примером* 'например', *бурукам* 'брюки'.

Приводимый полный текст интервью демонстрирует случаи возникновения «эхо-эффекта», причём со стороны обоих коммуникантов, как говорящих на пиджине, так и говорящих на русском языке. Ср. употребление собирателями ненормативной формы *плóтит* вслед за АЕ.

Интервью также демонстрирует многочисленные случаи коммуникативных провалов (непонимания собеседниками сообщений), и способы, которыми он ликвидируется. В целом видно, что в ходе интервью начинается уподобление языка коммуникантов.

Поселок Кукан Хабаровского края

Ниже приводится расшифровка аудиозаписи, сделанной 23 августа 1990 г. в пос. Кукан в семье Виктора Тарасенко и его отца Лю-Юан-Чина («дяди Вани»). Лю-Юан-Чин нелегально перешел границу СССР в 1942 году (переплыл Амур), и долгое время работал в тайге на лесоповале – кипятил рано утром воду для грузовиков. В начале 1950-х годов женился на украинке, в 1954 г. родился сын Виктор, получивший фамилию матери. Дальневосточный вариант пиджина был домашним языком этой семьи.

В приведенном ниже тексте курсивом выделена речь на пиджине. Высказывания Виктора Тарасенко маркируются курсивом в том случае, когда он говорит на пиджине, обращаясь к отцу.

В беседе участвуют: ДВ – Лю-Юан-Чин; В – Виктор Тарасенко; собиратели – В.И. Беликов, Е.В. Перехвальская.

[Обсуждается, есть ли в окрестностях удэгейцы.]

В: Удэгейка бабушка Сологаниха еще, живая.

ДВ: *Ага, Талакана исё, исё... Ты Талакана не ходила?*

Да, еще Салаганиха. Вы к Салаганихе не ходили?

В: Она или в больнице, или дома. Слепая она уже.

ДВ: *О-о, Талакана исё мужика еси. Деся бальниза была, помирала. Там исё мужика еси. Дауно.*

Да, у Салаганихи ещё муж жив. А она была тут в больнице, умерла. А муж жив, давно уже это было.

– В Талакане? (соб.)

ДВ: *Талакана.*

Салаганиха.

В: *Нет, Салагана, Салагана бабушка. Она же не умерла. Вот я ягода ребятишка вармия приишёл када, какой году, семидесятый, вот, собирал. Она с тайменя икура шила, плакала ещё, до войны говорит... Кого? Она не померла! Она живая. Она щас слепая, тута иво.*

Нет, Салаганиха, бабка Салаганиха! Она же не умерла. Когда я ягоды собирал, молодой был еще, только из армии вернулся, году в семидесятом... Она шила [одежду] из кожи тайменя, и плакала ещё. До войны, говорит [муж умер?]. Кто? Она же не умерла! Она жива. Ослепла сейчас, здесь живет.

[«Дядю Ваню» просят рассказать сказку.]

В: *Ты моя когда маленький был, сказка раньше рассказывал, чё, забыл, не? Это который люди колодица лазил, такой скажи.*

Когда я был маленьким, ты мне рассказывал сказки, неужели ты забыл? Ту, в которой человек залез в колодец, ту Расскажи.

ДВ: *Колодиза лази?*

В колодец залез?

В: *Ну тебе как раньше там была. Тебе сказка, моя Детанга жил, тебе рассказывал.*

Ну, [расскажи] как раньше было. Ты рассказывал сказку, когда я жил в Детанге.

ДВ: *Я забыла... Эта сэкуока гóда...*

Я забыл. Сколько лет прошло...

В: Ну, тебе знаешь сказка какой-нибудь? Скажи какой, раньше как. Ребятишка маленький когда моя был, койка лежи, тебе говорила.

Ну, ты помнишь какую-нибудь сказку? Когда я был маленьким ребенком, лежал в кровати, ты мне рассказывал.

ДВ: Забыла.

Я забыл.

В: Ну, сейчас вспомнит. Растерялся. *Который ребятишка... который корова паси его; ребятишка, зимия такой сопка лежи.*

Про мальчика, который корову пас, про мальчика, а на сопке лежала змея.

ДВ: *Чиво гавари... Сывонни дзиви, больница не ходи, а зафтра не, зафтра може там больница ходи поумилайла. Сэталый люди ысе там.*

А что рассказывать... Сегодня ты жив, здоров (в больницу не ходишь), а завтра нет. Завтра, может быть, заболеешь и умрешь. Старые люди все там.

В: *Теперь хочи пиши сказка эта.*

Они хотят записать сказку.

ДВ: *Я зэнаэ иво раньше ысе эта.*

Раньше я много знал всего такого.

В: *А потом его сказка его, книжка хóчи делай эта люди*

А потом из этих сказок эти люди хотят сделать книжку.

ДВ: *Я зэнаэ иво чё-чё ланьсе...*

Раньше много разного знал...

В: *Ребятишка его школа ходи его, нанайца такой, сказка такой.*

Дети в школу ходят, нанайцы, будут сказки [читать].

ДВ: *Уота иво картэчка уидела – нанайса картэчка тоже еси. Талакана мужика исё тама живи. Люди сюда иво гавалила.*

Вот я видел книжку с картинками – существуют и нанайские книжки (ему показали удэгейский учебник с картинками). А муж Салаганихи еще жив. Тут человек приходил, рассказывал [о нем].

В: Это не нанайцы, другие.

ДВ: *Эта нанайса.*

Это нанайцы.

В: *Почему японца стал, как это? Такой скажи. Как раньше люди захоронил китайса. Шесдесят лет сразу яцика хоронила. Такой сказка расскажи. Правда, неправда?*

Откуда взялись японцы? Как это произошло? Расскажи об этом. Как раньше китайцы людей хоронили. Шестьдесят лет [исполняется], сразу в гроб кладут. Расскажи эту сказку. Это правда или нет?

ДВ: *Эта ла-аньсе иво. Уота иво, ты видел карчика? По сопка далёка, сэкоко деси? Найна сэкоко? Тычча километла! Уот его, часа... я чё-чё за своя родина ходила. Нада часа ... масина. Туда ходи, посмотри, там исё дзиё еси. Исё дзиё еси. Дзиё, люди. Эта загордила его, загордила за сопка ... уота иво. Эта люди загордила. Ланьше иво тэ монгола говора. Куда-тэ молнога, щасэ иво, уто, монгола тута. Эта дзиё эта китайса.*

Так раньше было. Ты видел те фотографии? [Эти места] за горами, далеко. Сколько отсюда? Примерно сколько? Тысяча километров! Я недавно съездил к себе на родину. Надо ... часов ехать автомобилем. Приехал туда, посмотрел, там все дома. Одни дома. Дома, люди. Все застроили, до самой сопки дома. Люди все застроили. Раньше там, говорят, жили монголы. Куда-то монголов [выселили], сейчас они, эти монголы здесь. А те дома все были китайские.

Эта ланьшэ иво делала. Иво шейсят лет, ибиэмать... Сённи шейсят лет и захорони иво. Уот эта гавали...

А раньше делали так. Исполнилось шестьдесят лет, черт возьми... Как исполнилось шестьдесят лет, хоронят. Так говорили...

В: *Шейсят лет, молодой не молодой, живой, не живой, ящика хорони.*

[Как] исполнится шестьдесят лет, в гробу хоронили, [не важно,] молодой ли, здоровый ли.

ДВ: *Эта иво...*

Так было...

В: *Нет, подожди, тебе не пони. А потом другой люди почему захорони? Тебе иво говори, говори. Как раньше сказка люди вот говори. Хочи пиши туда.*

Нет, подожди, ты не понял. А потом почему другого похоронили? Ты рассказывай, рассказывай. Прежние сказки рассказывай людям. Они хотят записать (на магнитофон).

ДВ: *А, там пиши ну ланьше чиво...*

А, записать, что раньше было...

В: *Говори, почему его так, надо шеньшень искать. Это люди говорил, большой люди.*

Расскажи, почему надо было искать шеньшень? Так приказал один важный начальник.

ДВ: *Эта женьшень кушай хорошо. Женьшень иво иškai иво, садила – эта ни гадиса. Уот эта уш кончила-ла, щаса нету. Наша эта... а таперь куда собирай, пургаза еси, еси женьшень. А учаса деся эта китайса эта бальниса делала, женьшень пати, уот иво, лекаста делала. Деси лекаста делала, ного... Лабочий не давай иво. Эта лабодала дилектала, видит заболела, вот такой кушай нада. Да, наша куша эта лечила, эта лечила. Сёремь бали, эта лечила. И нинай скоко. Я Види говорила, нада иво такой, шесот лубэли. Теперь дзянга шесот лубэли.*

Женьшень очень полезный. Женьшень нужно искать <в тайге>, тот, который специально посадили – не годится. Но он (у нас) уже кончился, сейчас нет. Мы ... а теперь, как его будешь собирать? Издали приказ <запрещение собирать>, а женьшень есть. А когда-то китайцы больницу строили, женьшень скупали, вот так, чтобы делать лекарство. Здесь много этого лекарства сделали. Но рабочим не давали. А один, который был директором, смотрит – заболел, стал принимать такое лекарство. И вот мы своими средствами его лечили. Он долго болел, его лечили. Не знаю, сколько времени. Я говорил Вите, надо купить такое (лекарство), стоило шестьсот рублей. Теперь денег шестьсот рублей (стоит).

Уота иво. Щаса гаробэка, ага ... гаробэка, гумага. Тамэ иво храни. А теперь-то ни грама, эта... Пошел магазина ицэ иво, тама иво на улица ходила увидела, еще, ага, там пиши сэкоко, сэкоко с водка, сэкока иво ... А щаса уже кончила ... Уотэ, и эта хороша панты. Эта иво женьшень, эта иво такой. Водка ли или чего, сэтихилэ иво тама. Лоша бутыли, лоша бутыли эта иво. Панты, исё панты еси.

Вот так. Теперь в такой упаковке, в бумажной упаковке. Так расфасован. Теперь все в граммах, так... Я нашел его в магазине. Просто по улице шел и увидел. Там написано, как употреблять, сколько настаивать на водке. Но теперь он закончился... А ещё хорошая вещь панты. Такое же (средство) как женьшень. Настаиваешь на водке или, например, на спирте. Наливаешь в бутылку и кладешь их туда. Вот и получают панты.

– Панты? (соб.)

ДВ: *Ага, панты. Эта, женьшень исё тута лоша и водка. Много не кушай иво. Ты исе може помирала, зима. Шисят лета, пийсят лета, нада кушай маленька рюмка. Нимношка налей, уипил, сэразу пампушка. Это морда такой, кэрасни. Сёремь ни бали. Женьшень... Эта писоза-шысоза лубули мала-мала ... Ты перца садила, эта зелёна? Как перца адинака. И сёты карасны, эта иво сам расти.*

Да, панты. Вот как женьшень заливаешь водкой. Много пить нельзя. А то и умереть можно, особенно зимой. Когда исполнится пятьдесят-шестьдесят лет, нужно выпивать по

маленькой рюмке. Немного налил, выпил, и сразу закусил пампушкой (китайский хлеб). Будет хороший цвет лица. Болеть не будешь, Женьшень... Это стоит пятьсот-шестьсот рублей небольшое количество. Ты зеленый перец сажал? Он на перец похожую Красные цветы, так он растет.

– Ягоды красные? (соб.)

ДВ: *Зима, лета не, мала-мала... Маленька такой. Ты када куша, эта иво, нимношка нивыпей. Это сэххир лоша, деси сэххир тоже лоша.*

Зимой (пьют) понемногу, а летом нет. Совсем немного. Принимать понемногу во время еды. Его настаивают на спирту.

В: Спирт.

ДВ: *Сэххирта иво, наша водка, тоже вода не мешае, тоже наша лоша. Бутыка, ага, нимношка такой выпил и морда красный, сёремя нибали, никашлей, люди даровый такой. Ага, люди такой даровый. А деси ничего нету. Деси люди гавалила еси. Эти ни садила. ... Женьшень. Шийсят лета захрани эта иво, такой женьшень кушай.*

Спирт – это та же водка, только без добавления воды, на ней можно настаивать. В бутылке, понемногу пьёшь, будешь ремяный, не болеешь, не простужаешься, здоровый. Человек будет здоровым. А здесб его нет. Люди говорили, что был, не посаженный женьшень. Как исполнится шестьдесят лет, нужно обязательно принимать женьшень.

[о захоронениях в Китае]

ДВ: *Иво помилэ тамэ, иде захоронила часа иво када ... Люди китайсэ провин Шаньдун. Я ходила, Вити говорила: «А чё бабушка иво захрани чё-то ровно?» Наша ицё гумага зажигала. Китайса закуона: люди поймилайлэ, ага, гумага. Я гаварю чё гумага. Эта дзяня-на, наша низэнала. Я туда ходи, ицё гумага подают, тоже дай гумага. И зажигала. А кучи низя. Дзимли чё-чё сади, ровно иво. Се поудилайлэ. Ровно делай.*

Они помнят место, где кого-то похоронили, в какое время... Китайцы в провинции Шандун. Мы ездили, и я говорил Вите: «Почему могилу бабушки сравнивали?» Мы жгли бумагу (на могиле). По китайскому обычаю на могиле умешего человека жгут бумагу. Я объясню зачем (жгут) бумагу. Это как бы деньги, а мы не знали. Когда я туда пришел, (у всех) такая бумага, мне тоже дали такую бумагу. Я её зажигал. А могильный холмик насыпать нельзя. Вся земля распахана (под огороды), её сравнивали. Все поделили и сравнивали.

– Бульдозером? (соб.)

ДВ: *Угу. Бульдозера ровнэ делай. Пасади на земли, земли сади эта иво. Люди захарани куча-ла иво нисади, а щаса исё такой делай.*

Да. Сравнивали бульдозером. Землю засеяли, на земле сажают. Раньше, когда человек умирал, насыпали могильный холм, ничего не сажали на этом месте, а теперь вот так делают.

– Ровную сделали? (соб.)

ДВ: *Ровнэ делай. А я бэлсэка там леса исё, такой леса, ага, ного. Эта брата сына иво гаварила... леса куда иво. Щасэ тутэ всё ломала, исё ломала куда удозила, эта дома постави... Щасэ помирэи всё равно капай-дзя, яма капала, эта кучи ни нада, кучи потом ровнэ иво делала иво... кучи низя.*

Сравнивали. И ещё я (помню), там был лес, большой лес. Племянник рассказывал, что стало с лесом. Там все вырубил, всё вырубил и увозили, ставили дома... А теперь, когда человек умирает, нужно копать яму, а холмик насыпать нельзя, холмик потом разравнивают, холмик нельзя делать.

– А как же найдёшь потом? (соб.)

ДВ: *Э-э, люди знай-ла када иво там захэранила, то близкэ живи иво сына иво, там зимли чё-чё сади, кукулуза-ла, чё-чё исё сади, зимли хадила. Ага, это ровно иво, щасэ ровнэ.*

Ну люди же помнят, кого и когда там похоронили; или его сын близко живёт (и знает), он на этом месте сажает что-нибудь, например, кукурузу или что-то другое, ходит по этой земле. Но все ровняют, теперь все разравнивают.

– Но раньше ведь не так было? (соб.)

ДВ: *Ланьше не, ланьше как деси одинакэ. Ланьсэ луче, потомэ увидела иво.*

Раньше не так, раньше было также как здесь. Раньше было лучше, я это сам увидел.

В: *Как японца открылся, это же раньше китайца туда пошёл. Это сказка Расскажи.*

Как японцы появились, когда туда пришли китайцы. Расскажи эту сказку.

ДВ: *Да, эта еси. Эта ибенка, эта китайса бука. Китайска бука адинакэ исё, а говори не. Пишэ могу.*

Да, есть такая. У японцев буквы китайские. Пишут также, а говорят по-другому. (Понимать) написанное можно.

– Ну да (соб.)

ДВ: Пиши могу. Вот иво загордила иво, ушолá.

А написанное (понимать) можно. Туда (в Японию) ушёл (?).

– А как это получилось? (соб.)

ДВ: *Как плучилэ? Ланьше эта иво... после иисят лета иво захрани. Иво папа иво прячила, деси у них иисят летэ, иво сынэ прячилэ... Никто не зэнаэ иво, кости папа давай. Папа иисят летэ иво, исё заходи манулэ. Иво сажай, никто не зэнаэ. Иво сына иво, ного люди поумилай иво... Пошол люди иво иисят летэ иво, сёремель захорони нитэ прячи. Никто ни зэнаэ иво сына зэнаэ. Потом, ага. Ты, сына чиво прачи. А чё прачи иво? А, пошёл люди исё, ибиама, голова долой, ево женьшень где такой, не нашла. Хочи женьшень такой кушай усёлемя молодой. М-м? Усёлемя хозяин хочи, а я такой женьшень не нашла. Голова долой. Эта иво там ... ибенка потом ушла. И люди иво тамэ слушал. Иво букэ эта ученика исё.*

Как это получилось? В былые времена людей хоронили как только им исполнялось 60 лет. А он спрятал своего отца, ему вот исполнилось 60, и сын его спрятал. Никто этого не знал, он показал кости отца (?). Отцу 60 лет и всех, кто приходил, он обманул. Он держал его там, где никто не знал. Так (сделал) его сын, а людей умерло много. И всех, кому исполнилось 60 лет, хоронили, никто не прятал. Никто не знал, а его сын знал. Потом вот что. (Отец спрашивает:) «Сын, отчего ты плачешь?». Отчего же он плакал? «Пришли люди, говорят, чёрт побери, тебе голову с плеч, если не найдешь женьшень, а я не нашел. (Хозяин) хочет принимать женьшень, чтобы всегда быть молодым. Хозяин все время требует, а я такой женьшень не нашёл. Отрубят голову.» И вот они убежали к японцам. И люди стали его слушать, и выучились у него письменности.

В: *А как иво ушёл, папа, как говори? Надо триста девушка, триста мальчика, молодой красивый.*

А как он уехал, папа, как ты рассказывал? Надо триста девушек и триста юношей, все молодые, красивые.

ДВ: *Да, сё кэласивы, ага. Эта сынэ папа гавалила. Такой нету. Ты, ты триста ученикэ эта иво... триста девушэка, триста мужикэ. Ланьше параухода нету, параухода. Шли до моря, ибиэма, ибэнка тёпла тама, туда паиол хадэка-хадэка-хадэка, ланьше параухода нету, хадэка туда паиол. Такой папа гавалила сынэ. Такой нинашолá, еси нинашолá. И вотá, сынэ такэ гавалила, и ушолá и усё. Тамэ ибенка леса нету. Суопка токо, уото еси. Кургомэ мори, там леса нету. Ушолэ. Боше сюда ходи иво такой нету. Папа говори, иво сынэ ушолэ. Вот ибенкэ чихуанькэ-сихуанькэ потом паиол делал. Ту сэкоко тыщи года Ибенкэ сэкоко тыщи года. И сё китайса бука исё. А говори не можено, пиши адинакэ. Типерь эта ибенкэ исё зенсины исё кэрасивэ. Кэрасивэ иво ибэнка.*

Да, все красивые. Так отец сыну говорил. «(Здесь) таких нет. Ты возьми триста учеников, триста девушек, триста юношей». Раньше пароходов не было, и они шли до моря пешком – в Японии тепло. Так отец велел сыну. Такого не нашел, не нашел. И вот он так сказал сыну и тот ушёл. В Японии лесов нет, только сопки. Вокруг море, а леса нет. Он ушёл и больше не возвращался. Отец велел, и сын ушёл. И вот в Японии понемногу стала распространяться (ученость). Это было в Японии несколько тысяч лет назад. Так они переняли китайские буквы. Говорят иначе, а пишут одинаково. Теперь все японские женщины красивые, все японцы красивые.

– Китайские женщины тоже красивые (соб.)

ДВ: *Не-е, мала. Который кэрасивэ мала. Ибенка, там тёпло, люди выше, тожика такой надевай. А деси холэйнэ, деси зимой куда-кой надевай. Замёрзэ, шапка надевай. Там тёплэ, деси не.*

Нет, (красивых) мало. Красивых мало. В Японии тепло, люди высокие, такие костюмы (?) надевают. А здесь холодно, здесь зимой надевают (?). Если замерз, приходится надевать шапку. Там тепло, а здесь нет.

В: *Почему у японца земля всё низу?*

Как у японцев земля обрушилась (землетрясение).

ДВ: *Васа тозе зэнаэ, куркомэ исё зэнаэ. Эта ибэнка горэда какой году, я ещё маленькая была, Шаньдун как раз сичас. Кухайка, тёплы шетаны исё делай. Я гавалила: «папушикэ, ты чё делай?» Газета пишэ, сопка павалила, эта иво, зимли низу, низу. Газета пишэ, сопка павалила, низу пашола. Какэ еси, иво исё шонса, шонса нету. Сё такоэ, шонса исё нету, сё ничё нету. Люди исё канчай, потомэ, ибиэма, севонни капай, газета пишэ. Я говори, сивонни газета пишэ иво. Шонсэ исё еси. Сопка ни павалила... А чиво тако пишэ-лэ газета? Потому газета пишэ-лэ суда люди гавалила. А! Ибэнкэ зимли бохэлвэ, сопка низу пашола. Щаса исё моли. Эта горэда иво низу пашола.*

Вы тоже знаете, все вокруг это знают. В каком-то году это (случилось) в японском городе как раз в это время года, я тогда был ребёнком, (жил) в провинции Шандун. Мы шили фуфайки, тёплые штаны. Я спросил: «папа, что ты делаешь?». В газете пишут, что горы упали, а земля провалилась вниз. В газете написали, что гора упала и обрушилась. Вот как было, и солнце пропало, солнца не было (видно). Вот такие (события), солнце пропало, всё пропало. Люди гибнут, их сразу же откапывают, так пишут в газете. Я спросил: «Это так газета пишет? Солнце-то есть, сопка не обрушилась. Почему так пишет газета?» В газете так написали потому, что это сообщили люди. А-а! В Японии (?) горы обрушились. Теперь там повсюду море, а город провалился.

В: *Это где щас море раньше земля была.*

ДВ: *Куркома шасэ исё... Какой году?... Я ещё маленька была. Ты бабэскэ делай кухайка и сё иво карашио тёпла исё. ..*

Сейчас кругом все (море). В каком году это было? Я был ребёнком. Твоя бабушка шила фуфайки, хорошие, тёплые...

В: *А почему повалила?*

А почему (земля) провалилась?

ДВ: *Низэнаэ...*

Не знаю.

В: *А тебе раньше говорила, что его воровал китайца, за колодеца цепи такой.*

Ты же раньше рассказывал, что ее украл китаец, схватившись за колодезную цепь (?)

ДВ: *Эта такой еси, такой иво китайца, тамэ иво такой. Эта люди патомэ дзимли кападзи, чиво вода иво. Куда лошила, иво таскай, кападзи. А эта иво вода, куда ходи, куда вода. Уота иво такой...*

Такой был, был такой китаец. Люди потом копают землю, и там вода. Куда он положит (лозу?), куда отнесет, там копают. И вот он где ходит, находит воду. Вот такой человек.

[о китайцах в Приамурье]

– У вас друг какой-нибудь, товарища, был? (соб.)

В: *Твоя товарища, ну это, китайца много было?*

Здесь много было твоих товарищей, китайцев?

ДВ: *Исё сэтальный, я суда сэтальный. Эта поумилайла исё деси.*

Все старые, я теперь самый старый. Все уже умерли.

– А откуда они были сами? (соб.)

В: *Дядя Вася Сун-га-джюн, где его раньше жил? Раньше его где живи?*

Дядя Вася Сун-га-джюн, где он раньше жил? Где он раньше жил?

ДВ: *Ланьсэ низэнаэ... Ланьсэ я пашолэ тока липахоза деси. Ланьсэ китайсэ деси была, уотэ иво. Я пашола исё сэтальный иво, ага. Катола тоса гресь уота иво; деси тама наша нагарода. Деси дува люди пэлотника иво, а патома ничё низэнаэ. Поумилай, поумилай. Трица дивята, иэто? люди гавалила, деси исё была куши канчай. Ну босе нету, ланьсэ иво – деси, тута, тама адинэ дома, тама одинэ, исё лесэ...*

Не знаю, как было раньше. Я раньше в леспромхозе жил безвыездно. Тут были и другие китайцы. Когда я приехал, были старики. Некоторые тоже (как и я) грели (моторы машин ночью), тут же у нас было огороды. Двое работали плотниками, а что было дальше, не знаю. Умерли все. В тридцать девятом году, кажется, рассказывают, здесь был большой голод. Теперь больше нет (китайцев), а раньше были – тут дом, там дом, а вокруг лес.

– Русскую еду ели? (соб.)

ДВ: *Не, русэка деси мала иво.*

Нет, русских тут было мало.

В: *Чифани, когда тебе за китайса туда Биробиджан пришёл тута как кушай был: хорошо, плохо?*

Еда, когда ты из Китая приехал в Биробиджан, какая была еда, хорошая или плохая?

ДВ: *Ну, сорок футорой года исё адинака, деси, Пиртидзян, адинака исё.*

Ну, в сорок втором году и в Биробиджане, и здесь было одно и то же.

В: *Русский еда? Чифан?*

Ели русскую еду?

ДВ: *Жина? Жина русскэ.*

Жена? Жена русская.

В: *Кушай тебе какой тута раньше: по-китайски кушал ли, по-русски?*

Какая еда тут была раньше? Ты питался по-китайски или по-русски?

ДВ: *По-русску куши. Хэлеба, уотэ иво, пургаза китайсэ. Там иво китайса пампушэка куши, ага. Поудза, китайса памэпушика. Леса вали. Русэкэ хэлеба куши, ага. Наша хэлеба никуши. Китайса поудзэ, эта памэпушэка куши.*

По-русски питались. Хлебом даже, это китайская булка (?). Потом ели китайские пампушки. Боудзэ⁹⁷, китайские пампушки. Валили лес. Русские питались хлебом, а мы хлеб не ели. Ели боудзэ и китайские пампушки.

⁹⁷ Боудзэ, или поудзэ (в прибайкалье *позы*) – китайские пампушки с начинкой, приготовленные на пару.

– Жена ваша научилась готовить? (соб.)

ДВ: *А иво катэру делай иво, ришока делай, дому иво. Вити мама делай иво умяи (смеется) пампушка, поудза иво. Я гавари: «Ты пакитайса иво». Я накажи иво, мяса иво исё, поудза такой «Ты ришока так делай иво, патомэ пара ушола и вот гатовы...» И умяй иво, делай иво, ага. Поуза эта, памэпушка, пиржока, исё иво делай. Я накажи, иво делай иво карашо. И хэлеба куши иво. Хэлеба нету, иво самэ делай. Вити мама иво сорок дивята, ага. Сорок дивята его кампани там живи. Новэкурэка кахоузэ. ага. Сэталэ кахоузэ иво. Щаса тамэ нету, тока пасика тамэ.*

Я ей сделал кастрюлю, сделал решётку, принёс домой. Витина мать всё умела делать: пампушки и боудзэ. Я ей говорил: «Ты прямо китаянка». Я показал ей (как делать) боудзэ с мясом. «Положи на решётку, пар пойдет, и вот готовы». И она всё научилась делать: боудзэ, пампушки, пирожки, всё делала. Я показал, и она все хорошо делала. Она хлеб ела. Если хлеба не было, пекла его сама. (Я встретил) Витину мать в сорок девятом году. С сорок девятого года вместе с ней жил. В Новокуровке в колхозе. Раньше там был колхоз, теперь его нет, только пасека осталась.

– И вот вы там в Новокуровке и женились?

ДВ: *Ага, Новакурэка... И суда... Катер чё-чё вазила. Нада липахоза катер чё вазила, жилеза исё. Хабасэка иво атуда вазилэ. А патом я атуда ходила, эта сахоза гавалила: щаса нада лоса, васа лоса вази, чё-чё кахоза иво суда хади. Ты есё нибыла, эта Валела была. Меня эта пелвы сын. Щасэ иво тамэ, исё лаободай там Валела. Витя исё небыли. Валела исё тарши, там лаободай.*

Да, в Новокуровке. И сюда (переехали). Я на катере перевозил разные вещи. Надо было возить на катере металлические вещи (запчасти?) для леспромхоза. Я их возил из Хабаровска. А потом я поехал в совхоз и сказал, что теперь нужно возить на лошади, «на лошади возите, все из колхоза нужно перевозить сюда». Тебя ещё не было (обращается к сыну), Валера уже родился. Это мой первый сын. Сейчас он там работает. А Вити тогда ещё не было. Валера – старший, он там работает.

– Родные у вас есть в Китае? (соб.)

ДВ: *Я пэроша год своё родина была.*

Я был на родине в позапрошлом году.

В: Позапрошлый год.

ДВ: *Запэрошэ годэ.*

– И родные есть? (соб.)

ДВ: *Там побольше деси. Такой куча. Брата иво, брата помирала. Брата сына рибятисэка исё полэно иво. Щаса Шандун иво.*

Там побольше, чем здесь. Целая куча народу. Брат умер, но у племянника полно ребятишек. Это в провинции Шандун.

В: *За китайца за чё сюда за русски ходи?*

Почему китайцы сюда ехали в Россию?

ДВ: *Заграница я суда пашола (смеется). Я пуляма я салдата суда хади. Иво паруски нигавалила. Я суда пашола. Кадэ ибенкэ на китайса зимли была иво, я такэ делай. Нинада тамэ иво. Люди суда-суда. Эта ибенка сукоко года? Девя года китайса живи там. Я сорэфэтарой года я пашола Перпидзян была, я начаника там пашола... А патом сорок семой года я эта кахоза лаободай. Кахоза Новокурэка. А кахоза зима туда ганяя на леса кантора леса вали. Эта сорэфэтарой года как раз я. Я пять года Пирпидзян ларбодай-ла.*

Я перешёл сюда через границу. Я был призван в армию и ушёл прямо сюда. По-русски совсем не говорил, но перебрался сюда. Когда Китай захватили японцы, я так сделал. Нельзя там было оставаться. Все сюда бежали. Японцы сколько? девять лет были в Китае.

Я в сорок втором году пришёл в Бирабиджан, и пошёл прямо к начальнику (?). С сорок седьмого года я работал в колхозе в Новокуровке. Зимой колхоз заставляли валить лес (давали разнарядку?). И я как раз в сорок втором году (к ним присоединился). Пять лет проработал в Биробиджане.

В: Садитесь (пить чай).

ДВ: *Нинада сэтисняя! Нинада сэтисняя!*

Не стесняйтесь!

Комментарии

Особенностью этого источника является то, что передаётся реальная разговорная речь, при этом один из говорящих очень пожилой человек, для речи которого характерны неполные предложения, эллипсис и другие особенности разговорной речи.

Особый интерес представляет собой русский этнолект пиджина – речь В. Тарасенко, обращённая к отцу.

Характерно, что в то время как речь «дяди Вани» фонетически очень далеко от русских произносительных норм, его сын произносит слова «по-русски». Это не мешает отцу и сыну прекрасно понимать друг друга.

ЗАПИСИ ПИДЖИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В.К. Арсеньев

Одним из лучших примеров фиксации пиджина в ненаучной литературе являются произведения В.К. Арсеньева. Сам Владимир Клавдиевич, прошедший немало времени в общении с представителями всех этнических групп, какие населяли в 1920-1930- годы Уссурийский край, по-видимому, хорошо владел пиджином, и прекрасно умел на нём изъясняться. Следует заметить, что в книгах Арсеньева говорящими на пиджине неизменно оказываются лишь представители местных этнических групп, для которых русский язык не является родным, другими словами, он фиксирует только местные этнолекты: нанайский, китайский, удэгейский, корейский. Тем не менее, можно предположить, что и русские общались с этими людьми, также пользуясь пиджином. Пиджин передаётся в книгах Арсеньева с достаточной точностью и последовательностью. Впервые как полноценный лингвистический материал произведения В.К. Арсеньева были использованы в Дж. Никольс (Nichols 1980), а также в дипломных работах Т.О. Розановой и К.С. Сапуновой (Розанова 1998, Сапунова 1998).

В меньшей степени материалы В.К. Арсеньева могут быть использованы для анализа фонетических особенностей представленных этнолектов, поскольку он пользовался приблизительной записью кириллицей, отмечая лишь некоторые характерные особенности произношения.

из книг «Сквозь тайгу» и «Дерсу Узала»

Стреляй не надо! Моя люди!.. Спасибо, капитан, – сказал он. – Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

– *Моя гольд, – ответил он коротко.*

– Ты, должно быть, охотник? – спросили его опять.

– *Да, – отвечал он. – Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету, только один охота понимай.*

– А где ты живешь? – продолжал допрашивать его Олентьев.

– *Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай – спи. Постоянно охота ходи, как дома живи?*

Моя тихонько ходи, – говорил он. – Думай, какой люди далеко сопках ходи? Посмотри – капитан есть, казак есть. Моя тогда прямо ходи.

Все давно помирай, – закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова: – У меня раньше тоже жена была, сын и девчонка. Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...

Как ваша понимай нету? Посмотри сам! Давно один люди ходи, – говорил Дерсу как бы про себя. – Люди ходи кончай, дождь ходи. – И он стал высчитывать, когда был последний дождь.

Часа два шли мы по этой тропе. Мало-помалу хвойный лес начал заменяться смешанным. Все чаще и чаще стали попадаться тополь, клен, осина, береза и липа. Я хотел было сделать второй привал, но Дерсу посоветовал пройти еще немного.

– *Наша скоро балаган найти есть, – сказал он и указал на деревья, с которых была снята кора.*

Какой-нибудь другой люди ходи, – отвечал Дерсу, – балаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди – пропади нету!

– Весной рубили; два люди работали: один люди высокий – его топор тупой, другой люди маленький – его топор острый.

Что это такое? – спросил я гольда, в свою очередь.

– Тебе понимай нету, – отвечал он. – Надо ходи посмотри.

– Наша тут надо дождай, – сказал он. – Надо тихо сиди, чего-чего ломай не надо, говори тоже не надо.

Большой люди близко ходи нету, – сказал Дерсу. И я опять его не понял.

Самый крупный кабан был в центре стада. Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

– Его старый люди, – сказал он про кабана с клыками. – Его худо кушай, мясо мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет "людьми". Я спросил его об этом.

– Его все равно люди, – подтвердил он, – только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай! Все равно люди...

– Моя думай, – сказал он, поглядывая на небо, – ночью тепло будет, завтра вечером – дождь...

– Тебе сам посмотри, – ответил гольд. – Видишь, маленькие птицы туда-сюда ходи, играй, кушай. Дождь скоро – его тогда тихонько сиди, все равно спи.

– Мало-мало холодно, – сказал он, пожимая плечами.

– Иди спать в фанзу, – посоветовал я ему.

– Не хочу, – ответил он, – моя всегда так спи.

называя его по-своему – "худой люди".

– Его постоянно так гори – все равно кричи, – говорил он кому-то и при этом изобразил своим голосом, как трещат дрова. – Его надо гоняй.

– Не надо, капитан, – сказал он. – Тебе спи, моя буду караулить огонь. Его шибко вредный, – он указал на дрова.

– Кого ты ищешь? – спросил я его.

– Козулю, – отвечал он.

– Да ведь она ушла.

– Нет, – сказал он уверенно. – Моя в голову его попади. – Я принялся тоже искать убитое животное, хотя и не совсем верил гольду.

Тогда чайник запел тоненьким голоском.

– Как его кричи! – сказал Дерсу. – Худой люди! – Он вскочил и вылил горячую воду на землю.

– Как "люди"? – спросил я его в недоумении.

– Вода, – отвечал он просто. – Ему могу кричи, могу плакать, могу тоже играй.

– Посмотри, – сказал Дерсу, указывая на огонь, – его тоже все равно люди.

Выпь не шелохнулась. Дерсу рассмеялся.

– *Его шибко хитрый люди. Постоянно так обмани,* – сказал он.

Я смотрел и восторгался, но в это время услышал, что Дерсу ворчит:

– *Понимай нету!*

Я догадался, что это замечание относилось ко мне, и спросил его, в чем дело.

– *Это худо,* – сказал он, указывая на небо. – *Моя думай, будет большой ветер.*

Вероятно, они находились вне тех атмосферных изменений, которые вызвали среди всех животных на земле общую апатию и сонливость.

– *Ничего,* – говорил Дерсу. – *Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть.*

Я спросил его, отчего птицы перестали летать, и он прочел мне длинную лекцию о перелете. По его словам, птицы любят двигаться против ветра. При полном штиле и во время теплой погоды они сидят на болотах.

– *Как, капитан, наша скоро назад ходи или нет? Моя думай, ночью будет худо.*

– *Хорошо, капитан,* – сказал он мне в ответ. – *Тебе сам посмотри, а моя как ладно, так и ладно.*

Последняя фраза была обычной формой выражения им своего согласия.

– *Утка кончай ходи,* – сказал Дерсу вслух. Действительно, перелет птиц сразу прекратился.

– *Капитан, надо наша скоро ходи назад,* – сказал Дерсу. – *Моя мало-мало боится.*

А. Фадеев

из романа «Последний из удэге».

– *О.о, четыре солнца?* – недовольно переспросил Сарл, и по тому, как свободно произнес он «р», в то же время протяжно выпевая гласные, Сережа понял, что это не китаец. – *Зачем четыре солнца, Филипп?.. Ране надо ходить – три солнца, однако, самое много. Как раз праздник нам.*

– Праздник?..

– *Ай-э, большой праздник: сына мой – одна зима, как раз... У-у, здоровый сына, все равно медведь.* – и мужественное лицо Сарла вновь осветилось детской ослепительной улыбкой.

– Сынка,! У тебя, – воскликнул Мартемьянов... Да ты Расскажи, что там у вас...

– *Нет, тебе первый кажи, – как можно, Тебе старшинка...*

– Вот ещё новости...

– *Нет, нет, тебе первый,* – смеясь настаивал Сарл.

Только когда Мартемьянов сказал, что на съезде будут участвовать все народности, Сарл приподнял брови и удовлетворенно чмокнул губами:

– *Ай, хорошо,* – сказал он, когда Мартемьянов кончил, – *Его где буду – Ольга или Скобеевка?*

– Нет, в Скобеевке: В Ольге еще опасно все-таки...

– *А удэге тоже могу насылай?*

– Еще бы!

– *Хунхуза?.. Э-э, хунхуза много,* – говорил Сарл в ответ на вопрос Мартемьянова о хунхузах, – *Нам в Инзи-лаза-гоу много людей ходи: корейца ходи, гольда ходи, все проси помогай хунхуза дерись. Наша помогай. Наша хунхуза не боится.*

– И правильно! – воодушевился Мартемьянов, – И байту не надо платить...

– *Ай-э, разве наша плати? Тебе знай, удэге никогда не плати!*

– А ты почему все китайское надел?

– *Я в Шимынь ходи, панты продавай, на праздник чего-чего справил...* – он кивнул на свою ношу и, вдруг заметив на себе пристальный взгляд Сережи, покосился на него.

...

– Это знаешь кто? Его батька людей лечит.

– *Хо-о, людей лечи?* – обрадовался Сарл. – *Какой хороший люди! Ну тогда Расскажи... Я разведка ходи... Ольга тогда еще белый сиди, а я Шимынь – красный. А я из дому выходи, думай – Шимынь тоже белый. Я думай, белый увидит: «А-а, удэге?» – он сделал свирепые глаза и, издав почти непередаваемый звук «х-хлик» себя пальцем по горлу. – Ну, я хитрый: портки китайский надевай, рубашка китайский, шапка все равно китайский знай, китайский люди много ходи, белый не тронет. Тебе понимай: китайское лицо, удэгейски лицо совсем разны. Китайский глаза – все равно земля, удэгейский – все равно трава. А белый ничего не знает. Его смотри: глаза косой, шапка китайский, – значит, китайский люди. А ряшка его не разбирает. Когда собака бежит, ряшка никто не разбирает... правда? А белый смотри – косой глаза у люди – это все равно собака...*

...

– Ну, ладно, – со вздохом продолжал он, – *Я приходи в Шимынь, смотри – там красный. Тебе Гладких помнишь?*

– Он там? – с живостью спросил Мартемьянов.

– *Ай-э, какой смелый люди! Его меня разведка посылай, я ходи... Потом много-много партизанка ходи, пушка стреляй, белый – на парохода: домой подался. Сейчас. Однако, печки*

сиди, лапти суши, – пошутил Сарл, – Маленько я задержись, ну, ничего: праздник попадем... Ай-э, ходи нам праздник, Филипп! Я буду радый, Янсели моя жена радый, сына мой радый, Масенда радый – все радый буду...

– Масенда? – воскликнул Мартемьянов. – Как он, все не стареет?

– У-у!.. Масенда все равно кедр: долго-долго живи. Сейчас, однако, охота пошел...

– Прощай, старшинка! – крикнул он, обернувшись, – Я тебя ожидай в Инза-лаза гоу...
– И скрылся за поворотом.

... племя покинуло ... эти места., распавшись по родам. Иные попали в кабалу к китайским «цайдунам», пополнив собой ту вырождающуюся от водки, трахомы и опиума часть народа удэ, которая уже много десятилетий несла рабскую кличку «да-цзы» (или «тазы»), что значит – не русский, не китайцы не кореец, почти не человек – инородец...

Иные, с оружием в руках отстаивали свое право на жизнь, все дальше отступали в горы. К ним-то принадлежал Сарл из рода Гялондика.

Кимунка, ни слова не понимавший по-русски, а только вежливо кивавший головой, сказал что-то Сарлу по-удэгейски, немного пришепечывая.

– *Его радый – тебе на праздник поспел* – перевел Сарл своим певучим голосом, – *праздник Мафа-медведя. Тебе не забывай?*

– Ну, как забыть! Мы уж и торопились...

– *Ай-э, тебе на Дзуб-Гынь следы не видал? Один русский люди, два лошадка ходи?*

– Нет, не видели... Он куда пошел?

– *Его Малаза ходи.*

– Кто ж бы это мог быть?

– *Хха!..* – вдруг выдохнул Сарл... – *Сучан ходи? Малаза ходи?*

– А что?

– *Хунхуза!* – воскликнул Сард, дико блеснув глазами, – *Малаза хунхуза ходи! Тебе понимай?*

...

Знать бы заранее, лучше бы мы с ними остались, – сурово сказал Сережа...

– *Там, однако, Логада кругом ходи, чего-чего смотри... Его, я думаю, раньше Гладких посмотри...* – сказал Сарл.

Лодка едва не опрокинулась. Масенда быстро протянул руки, желая подхватить лодку.

– *Васаа адианан*⁹⁸, – пробормотал он укоризненно.

– Что?...

– *Тихо, тихо... Лодка упади,* – с трудом выговаривая русские слова, пояснил старик.

...

Несколько человек в грязных китайских кофтах сидело у костра посреди обширной поляны перед фанзой...

– Это кто такие? – спросил Мартемьянов.

– *Это чжагубай*⁹⁹, – ответил Сарл (это были тазы, пришедшие с низовье реки проведать своего сбежавшего от «цайдунов» сородича). – *Гости на праздник приходи... Один люди вода упади, мало-мало промок,* – пояснил он, быстро показывая, как тот падал в воду.

– *Ничего, старшинка!* – говорил Сарл. – *Гладких – смелый люди. Люди, однако, много боися не надо... Ай-э, ходи сына мой посмотри. У-у, какой здоровый сына!*

...

– *Тебе много ходи – кушай надо,* – говорил Сарл, – *Молодой люди тоже кушай надо,* – с улыбкой кивнул он на Сережу. – *Янсели тебе катами намихта*¹⁰⁰ *давай, сыйни давай.*

⁹⁸ Погоди немного (прим. А. Фадеева)

⁹⁹ Потомки от браков удэгеек или нанаяк с китайцами.

– Я думай тут, однако, мельница работай надо, – серьезно говорил он. – Большой круглый фанза работай, камни привози. Тебе понимай? Лошадка Груком ходи, камни – гр-ру-у... гр-ру-у. – он покрутил рукой, показывая, как будут вертеться жернова.

– А молоть-то что?

– Кукуруза! Земля работай буду, тебе понимай? Земля работай нету – дальше живи не могу... Тебе посмотри, – с волнением указал он на группу тазов. – Какой бедный люди! Все равно собаки... Дацзы... – протянул он сквозь зубы с внезапной горькой ненавистью к тем, кто дал его братьям по крови это унижительное прозвище. – Кругом русский люди, китайский люди, рыба забирай, икура забирай, наша живи не могу. Земля! Земля работай нету – все удэге помирай!

– Что ж, земля у вас будет, – важно сказал Мартемьянов...

– О-о, я понимаю! – воскликнул Сарл... – Я понимаю! .. Однако наша люди – Масенда, Кимунка, другой какой старый люди – понимаю нету... Его думай, надо, как ране живи: рыба лови, козуля стреляй!.. Я фанза работай – его не хочу фанза живи. Я говори, земля работай надо – его не понимаю... Худо, худо!..

...

– Тебе старишка, – говорил он, волнуясь, – каждый люди тебе слушай... Завтра, однако, все люди фанза ходи, тебе скажи: «Люди! Земля работай надо, мельница работай надо, надо!»

...Когда Мартемьянов поел, Сарл пригласил его на камлание, которое должно было состояться вечером перед жилищем шамана Есси Амуленка.

...

– Не верим в бога и вам не советуем... Сознательный народ, а дурман разводите!..

– Не надо, не надо так говори!.. – пробормотал он, дергая щекой

...

– Ничего, Сарл, ничего... Моя ходи, – сказал Сережа, почему-то ломая язык. – Ты на него не обижайся...

– Это шаман? ...

– Монгули, – ответил Сарл. – Сынка его, – кивнул он на Кимунку...

– А где же шаман? – снова спросил Сережа...

– Каждый люди мало-мало шаман, – тихо пояснил Сарл. – Самый большой шаман – Есси Амуленка. Его там живи, – указал он на юрту.

– Его говори, – сказал круглый китаец с хитрыми глазами, – его говори, русский люди плохо земля работай. Китайский люди не могу плохо земля работай. Китайский земля много-много миллионы люди живи – земля мало. Один люди два-три сажня работай, год живи. Много-много люди совсем земля нету – люди помирай...

– А ты сам что, земля работал? – спросил Шпак.

– Маленький был, земля работай, потом аренда плати нету, папа-мама помирай, моя повара служил... Его тоже повара служил, – указал он на другого китаец. – Его, однако, давно хунхуз, – с улыбкой указал он на третьего. – Старик земля работай, – указал он на старика с плоским носом. – Его портной был... Его земля работай... Его морской капуста лови... Его краба, трепанга лови... Его земля работай... Его жемчуга лови... Его женьшень собирай...

...

– Земля мало, работа мало, чего-чего куши о-очень мало! – продолжал китаец с хитрыми глазами. – Большой капитана – джангуйда¹⁰¹ – все на свете себе забирай!..

¹⁰⁰ Сушеная рыба (прим. А. Фадеева)

¹⁰¹ Хозяева (прим. А. Фадеева).

... – Наши капитаны-помещики тоже всю землю держали, а мы их вот так!

– *Его говори – помещика, купеза мы вот так делаем... чжжжик!* – И китаец с хитрыми глазами чиркнул пальцем по горлу.

– Да, а деньги в карман...

– *Как?* – переспросил китаец.

– В карман, говорю, денежки-то, – засмеялся Кирпичев. – Зарежете купца, а денежки-то в карман! ... Ведь это же разбой, друзья мои!

– *Уэй!* – Китаец с хитрыми глазами поморщился. – *Нету разбойник! Зачем разбойник?.. Наша большевик!*

...

– Нет, вам бы сложиться всем гуртом, – вмешался еще кто-то из партизан, – да как вжахнуть по вашей власти!..

– Ха! – воскликнул рябой хунхуз с вырванной ноздрей. – *Солдата ходи! Пынь!.. Пынь!..*

Он сделал руками жест, как будто стреляет.

Слышен был только один хриплый пьяный голос...

– *Много водка тий*, – улыбнулся китаец с хитрыми глазами.

– И где достал? Не иначе, у вас разжился...

– ... По-русски понимает кто? – обернулся он к корейцам на крыльце.

– *По-русики я понимаю*, – сказал один...

А. ШИШКОВ

из романа «Угрюм-река»

Старик тунгус, все время не покидавший Прохора, сказал ему:

– *Это мой баба... Шибко хорошо стрелят.., медведя бил, самого амикана-батюшку... Шибко много... Борони-и-и бог!.. Вот слепился... Мало-мало кудой глаз стал...*

– *Это мой дочка... –* сказал старик. – *Мужик сдох, околел маленько. Одна осталась. Больно худо.., совсем худо. Мальчишку надо, а не рождает... –* и голос старика стал грустным. – *Я богатый: много олень, пушнина, да то да се... Умру, кто хозяин? Ой, шибко мальчишку надо, внука. Вот останься, бойе, поживи мало-мало. Она шибко жарко обнимат, хе-хе-хе... Борони бог как! Рази кудой баба? А? Оставайся, любись. Родит мальчишку, уйдешь тогда...*

Прохор сконфузился. Молодая вдова, видимо, понимала по-русски. Она кокетливо изогнула свой тонкий стан, отчего бисерный передник приподнялся, и украдкой улыбнулась Прохору.

– *Какой тебе год? Двасать пять будет?* – спросил старик.

– Нет, семнадцать, – смутился Прохор.

– *Ей бог? Тогда не нужно... Семнасть – чего тут... Тьфу твоя дело!* – запыхтел старик.

Прохор покраснел. Тунгуска выпрямилась, опустила глаза, что-то сказала тихо и вздохнула.

– *Может, на шитике шибко большой мужик есть? А?* – сюсюкал гортанным голосом старик. – *Шибко надо...*

– *Другой дочка,* – сказал старик. – *Шибко молодой... Шибко сладкой. Ну-ка, гляди-ка...*

– *Сейчас женись!.. Чего ты... –* И голос его стал серьезным. – *Два года двасать местов будем, не найдешь... Мой сидеть не любит, тайгам гулял, все смотрел... Чего ты! А девка – самый скус!.. О-о, какой девка!.. Не дай бог,* – старик почмокал и сглотнул, потом потащил Прохора в тайгу. – *Вот пойдём, оленей глядеть будем, хозяйство... Женись, бойе, женись... Верно толкую, чего ты!*

И крикнул:

– *Эй, бабы!.. Жрать скорей работай! Гость угощать надо... Шибко скорей!..*

Тунгус вдруг смолк, глаза заблестели, и – словно сбросил маску – заплаканное лицо его во всю ширь заулыбалось:

– *Эге! Винка! Винка! Дай скорей! Дай твоя-моя... Само слядко.* – Он весь, как горький пьяница, дрожал, пуская слюни.

– А поведешь нас?

– *Поведешь! Как не поведешь. Твоя-моя... Само слядко. Давай еще скорей!..*

– Так, так, – закивали тунгусы. – *Правильно твоя-моя толкует... Шибко ладно.*

Ф.Х. МАСЛОВСКИЙ

из романа «Джанго»

В 1999 году в Комсомольске-на-Амуре был опубликован автобиографический роман Ф.Х. Масловского «Джанго» (изд-во «Красная власть»). В нем рассказывается о том, как два молодых учителя (сам Масловский и Гергий Кузьмин) открывают первую школу в удэгейском стойбище Джанго. В романе немало цитат на русском пиджине, при этом приводится не только удэгейский, но и русский этнолект.

Слышу, Кикуса говорит:

– *Кампани, кампани.*

Я посмотрел на него, а он машет рукой, мол, садись.

Кикуса даёт знак, чтобы он сел.

– *Моя могу!* – крикнул Георгий. И давай толкать.

Сулака говорит Гоше:

– *Учитель, берег ходи. Рыба надо.*

– Толя, вылезай. Они поедут за рыбой.

Кикуса посмотрел на наши дрова и произнёс: «Ути-и-и», – потом заговорил... Кикуса кончил. Сулака заговорил:

– *Учитель, палка много плохо.*

– Ты понял его?

– Конечно. Он говорит: «Зачем столько дров».

Кикуса сердится, – стал говорить Салака, – *Большой огонь не надо. Дыма много – зверь залива не ходи. Мяса найди нету.* – и указал на бересту.

А кому Кикуса положил отходы от рыбы?

– *Гаи. Птица чёрный. Луса называй ворон.*

Потом котелок с варёной рыбой снимает и подает мне:

– *Луса, кушай! ...*

– Вместе будем кушать.

– *Наша тала кушай.*

– Почему не ели хлеб?

– *Мая мало кушай хлеба.*

Гоша наливает чай и приговаривает:

– *Крепкий чайва, шибко крепкий. Ая чайва. Будем чайва уми.*

Я тут же спросил:

– *Кампани, сугдзя есть?*

– *Кикуса, ходы скоро будут?*

Кикуса посмотрел на Георгия, пыхнул дымком и выдавил из себя:

– *Мал-мал ходи.*

– *Сколько дней ходи?*

Кикуса продолжительно молчит.

– *Скоро, однако, не ходи.*

– *Дней, дней сколько? Солнца ходи?* – допытывался Георгий...

– Однако, вода большой нету – три сутка ходи. Хорошо ходи... Наша груз много. Однако, пять сутка ходи.

– Сулака, почему остановились?

– Шест меняй.

– Кикуса, почему не стреляешь? – заговорил я.

– Его улэ много.

Вскоре Сулака открывает накомарник и говорит:

– Учитель, куша надо. Бат ходи.

Сулака, а как вы узнали, что это Кялундзюга?

– Одежды.

Гольду, дети у вас есть?

– Дети умирал. Мамаса умирал, дети умирал. У меня другой мамаса.

Гольду посмотрел на камень.

– А-тата.. Удача. Охота ходи – удача. Рыбу лови – удача. Юрта – удача.

– Так это что? Все камни у вас обозначают счастье?

– Анчи. Камень есть дырка. Нашёл надо....

– Такой камень я никогда не встречал – говорю я.

– Мало, мало такой камень – сказал Гольду.

Гольду доброжелательно нас встретил:

– Моя тебя ждал. Патьма ждал.

– А почему магазин закрыт?

– Иван ходи Бичевой.

– Почему (магазин не опечатан?)

– Зачем? У нас карапчи нет.

– Капарчи – воровать?

– Да. С Китая взято.

– А кого бы вы посоветовали в уборщицы?...

– Не знай. Вотану говори.

– Почему не пилим?

– Не знай, – ответил за всех Сеня.

– Не знай, не знай, пора бы уже знать.

– Ходи, ходи кушай надо, – дружелюбно встретил Гольду.

– Благодарю, будем кушать. Гольду, может, тебе денег дать, а то неудобно, что я у вас так кушаю.

– Зачем деньги? Белка стреляй, соболь лови, магазин давай. Мука получай. Кому деньги давай? Огдё что ли?

– Огдё, что это значит?...

– Огдё? Цито голова дырявый стал? Какой-такой... Луса говори, страшный её, – и он приткнул два пальца к голове.

– Чёрт, что ли?

Взял за руку чисто одетую в национальную одежду средних лет женщину:

– Кили, корми бата и адига.

– Помощника тете Поле. Ясно.

– Га, мал-мал помогай Поля луса. Это наш Агакушка школа работай.

РУССЕНОРСК (РУССКО-НОРВЕЖСКИЙ ПИДЖИН)

Основные материалы по этому пиджину были собраны и опубликованы О. Броком в 1927–1930 гг. (Broch 1927, Broch 1930). Впоследствии они были дополнены внучкой О. Брока Ингрид Брок, которая работала в соавторстве с Э. Яром (Broch, Jahr 1981; 1990). Все материалы по этому пиджину представляют собой фразовые примеры, среди которых есть несколько кратких образцовых диалогов, одно поэтическое произведение (четверостишие), но нет ни одного связного текста. Подавляющее большинство материалов по руссенорску было записано в 1920-е гг. в Норвегии Олафом Броком у рыбаков, которые раньше участвовали в торговле с русскими и вспоминали отдельные фразы и диалоги. Во время, когда происходила запись, язык уже не употреблялся.

Руссенорск отличается от большинства пиджинов тем, что языками-лексификаторами для него были русский и норвежский языки практически в равной степени. По-видимому, это отражает достаточно необычную в истории контактных языков ситуацию, когда ни один язык не пользовался большим престижем, чем другой. Такая ситуация дала основание для отказа руссенорску в статусе пиджина, поскольку неравноправность в статусе контактирующих языков, по мнению некоторых авторов, является обязательным условием пиджинизации (Дьячков 1988). По этой же причине, по-видимому, руссенорск стал распространённым примером «жаргона» (см., например, Singh 2000: 2-3) т.е. контактного языка в стадии становления, что представляется совершенно необоснованным, учитывая достаточно устойчивую грамматическую структуру руссенорска (см. Broch, Jahr 1981; Broch, Jahr 1984; Lunden 1978a; Laakso 2001).

Вот некоторые образцы русско-норвежского пиджина:

— <i>Tvoja paa vara* tro om trok?</i>	— Ты меняешь товар?
— <i>Njet, moja dengi. Moja paa dumosna grot dengi plati.</i>	— Нет, плати деньгами. Я на таможне много денег заплатил.
— <i>Nogli ras paa gav ju stannom?</i>	— Сколько времени ты был в море?
— <i>Moja* grot lænhe, tri vekkel stannom.</i>	— Я был очень долго, три недели.
— <i>Kak tvoja bestil domo?</i>	— Что ты делаешь дома?
— <i>Ja* robotom domo.</i>	— Я работаю дома.
— <i>Hvar ligge ner*?</i>	— Где ты был?
— <i>Tre dage paa Christensen ligge ner og otte dage paa Mad. Kildahl ligge ner</i>	— Три дня я был у Кристенсена и восемь дней у мадам Килдаль.
— <i>Jestli kapitan paa skib?</i>	— Капитан на корабле?
— <i>Kapitan paa kajuta slipom</i>	— Капитан спит в каюте.
— <i>Prinsipal på slipom eller niet?</i>	— Капитан спит или нет?
— <i>Prinsipal sijsjas på dek</i>	— Капитан сейчас придёт на палубу
— <i>Moja ska si: ju* grot lygom (vros)</i>	— Я говорю, что ты врёшь.
— <i>Njet, moja niet vros (lygom), moja sanfæska sprek.</i>	— Нет, я не вру, Я говорю правду.
— <i>Kanske tvoja nokka lite lygom?</i>	— Может, ты немножко врёшь?
<i>Tvoja njet sanfærði sprek.</i>	— Ты говоришь неправду.
— <i>Jes, grot sanfærði, maaja njet lygom, djur mokka.</i>	— Нет, я правду говорю, я не вру, дорогая мука.

— *Den pris moja ikke betalom, grot dyr.*
 — *Kuda moja sellom desjevli?*
 — *Kak ju stannom paa gammel ras?*
 — *Moja ette ort perevoj ras paa Norge stannom.*
 — *Moja snart på jemmreisa.*
 — *Værsågo, lite klæba på presentom.*
 — *No tvoja på kastom visit treska.*
 — *Davaj på skrivom.*
 — *Davaj på skib tvåja liggene jes på slipom.*
 — *Moja poslagom på tvoja.*
 — *Kanskje litt på skaffom?*
 — *Prinsipal på slipom eller njet?*
 — *Jes, på slipom.*
 — *Jes, på skaffom.*
 — *Strasvi junka. Prinsipal på skib?*
 — *Davaj på slipom.*
 — *Moja på morradag kom.*
 — *Moja tri vekkel stannom.*
 — *Værsego paa kajuta marsjirom!*
 — ***Davaj paa moja kopom!***
 — *Davaj raabotom.*
 — *Kanske moja på annen år kopom planka*
 — *Kanske tvoja vil glass tsjai?*
 — *Moja tvoja på vater kasstom.*
 — *Moja på ju bresentom bånban.*
 — *Moja på stova på Kristus spræk stannom.*
Grot/ stoga på gaf på den dag.
Ja grot sterk.
Moja spaserom på skib.
På den dag ikke Russefolk arbei.
Kak tvoja betalom for seika?
Kak pris?

— Эту цену я платить не буду, слишком дорого.
 — Куда мне продавать ещё дешевле?
 — Где ты останавливался (жил) в прошлый раз?
 — Я в этом году в Норвегии в первый раз.
 — Я скоро отправлюсь в обратный путь.
 — Пожалуйста, дай немного хлеба.
 — Теперь можешь бросить (и) взвесить треску
 — Давай напишем.
 — Давай пойдем к тебе на корабль да поспим.
 Я тебя поколочу.
 Может быть, ты хочешь поесть?
 (Поедим немного?)
 — Капитан спит или нет?
 — Да, он спит.
 — Да, он ест.
 — Здравствуй, мальчик. Капитан на корабле?
 — Давай поспим.
 — Я приду завтра.
 — Я пробыл три недели.
 — Пожалуйста, зайди в каюту!
 — Покупай у меня!
 — Давай поработаем!
 — Может быть, в следующем году куплю лес.
 — Не хочешь ли стакан чаю?
 — Я тебя брошу в воду
 — Я дам тебе конфету.
 — Я был в церкви (доме, где говорят о Христе).
 Сильный шторм на море сегодня.
 Я очень сильный.
 Я пойду на корабль.
 В этот день русские не работают.
 Сколько платишь за рыбу?
 Сколько стоит?

Kak vara ju prodatli?

Какие товары продаёшь?

Коментарии

vara — ‘товар’: слово, очевидным образом, имеющее двойную этимологию;

ligge ner — бытийный глагол восходит к норвежской конструкции со значением ‘лежать’;

toja, ja — в руссенорске оба личных местоимения имеют значение ‘я’ и находятся в состоянии свободного варьирования;

tvoja, ju — ‘ты’, то же самое касается местоимений 2 лица, однако, *ju* заимствовано, видимо, из английского языка (или из английского пиджина соломбала-инглиш, по некоторым сведениям некогда распространенного в районе Архангельска).

ГОВОРКА (ТАЙМЫРСКИЙ ПИДЖИН)

Говорка представляет собой мезолект, достаточно далеко отошедший от базилекта. Собственно пиджинные черты сохраняются, главным образом, в системе имени. Это связано с тем, что этот пиджин зафиксирован очень поздно — в 1980-е гг. (Хелимский 1996, Хелимский 2000). Статьи Е.А. Хелимского представляют собой очерк истории и грамматики говорки, они содержат некоторое количество фразовых примеров, а также небольшой связный текст.

Отрывок из сказки (рассказ Тубяку Костеркина)

Пошел домой. Доехали. О-о, серений парень-то говорит:
Пошли домой. Добрались. О, средний сын говорит:

Эй, тут меня брат-то настоящий лодырь, совсем такой.
Эй, этот мой брат-то настоящий лодырь, совсем ленивый.

Отец месте работал, оо, полно се ꙗпиэ богатый стал, одел се ꙗпиэ, мать место брал.
С отцом поработал, и вот, совсем прямо-таки богатым стал, прямо-таки разodelся, матери купил (подарки).

Это оно лодырь человек!
И это он, ленивый человек!

Если меня работал бы, меня тут брат месте меня больше работал бы.
Если бы я работал, то я бы там в сравнении с братом больше заработал бы.

Меня завтра тоже пойду купец место, работа тоже просить будем.
Я завтра тоже пойду к купцу, тоже буду просить работу.

Ну, тут серений-то говорит ... чай пили, понимаат...
Ну, тогда средний (сын) говорит ... за чаем, понимаешь...

– *Отец!*
– Отец!

– *Чего?*
– Чего тебе?

– *Это меня брат туто совсем худой человек, меня брат век лупил.*
– Этот мой брат – совсем никудышный человек, я всегда был бил (=был сильнее) брата.

Дрова рубить не хочет, вода таскать не хочет, а сейчас богатый стал, работал такой.
Рубить дрова он не хочет, носить воду он не хочет, а сейчас стал богатым, заработал столько.

Меня сам онни (одни) мать дрова рубил, вода таскал, ну, меня работал.
Я сам один матери рубил дрова, носил воду, ну, я работал.

Это место меня больше деньги поймал бы.
Поэтому я получил бы больше денег.

– *Оо, тебя так нет, так не говори, – отец говорит. — Тебя мера не принимает его.*

– О, ты неправ, не говори так, – говорит отец. – Он (купец) не нанимает таких (маленьких) как ты.

Ну, се-таки тут... Первый сын таки принимал его, купец. Ну, завтра меня се равно пойду.
Ну, все-таки это (возможно). Все-таки он, купец, нанял старшего сына, Ну, завтра я все равно пойду.

– *Хоть черта тебя! Куда не ходите!*
– Вот ты черт! Никуда не ходи!

Завтра стали. Это малый tati, парень-то, конечно ушел, батрак, купец место.
На следующее утро встали. Этот-то малый, (старший) сын, батрак, конечно, ушел к купцу.

Ну, серений парень-то говорит:
Ну, а средний сын говорит:

– *Меня тоже пойду.*
– Я тоже пойду.

– *Мамка-то:*
– А мать (ему):

– *Тебя куда не ходи, там ругать будет купец.*
– Ты никуда не ходи, там купец ругаться будет.

Ну се равно пошел. Купец контора место сидит, отец сидит, меня брат сидит.
Но он все равно пошел. Купец сидит в конторе, отец сидит, мой брат сидит.

Это серений парень-то зашел. Ну так зайдет пора, это купец говорит:
Этот-то средний сын зашел. И в тот момент, когда он зашел, тот купец говорит:

– *Ну ладно, вчерашний работа, дрова руби там. Для топить дрова.*
– Ну ладно, (делай) вчерашнюю работу, руби там дрова. Дрова для топки.

Ну, тут тебя парень-то ударник получил!
Ну, этот-то твой сын ударником стал!

Оу, это серений парень-то говорит:
О, этот-то средний сын говорит:

-- *Оо, дедушкоу!*
– Эй, дедушка!
– *Чего?*
– Чего (тебе)?

– *Меня тоже дай работа. Это лодырь меня брат-от. Меня больше работал.*
– Мне тоже дай работу. Этот мой брат лодырь. Я больше работал.

Меня мамка совсем помогал меня. Меня мамка-то там корова месте работал.*
Я по-настоящему помогал своей матери. Моя-то мать возилась с коровой.

Это корова сегда молоко место помогает его, к'усает хорошо.*

Эта корова, она всегда помогает молоком, (мы) хорошо питаемся.

Таагаа, купец ругал, он говорит: — Что такой интересно?

Вот (= услышав это), купец стал браниться, он говорит: – Что ещё за выдумки?

Тогда меня однако совсем душиить будет это царь-то.*

Ведь тогда царь совсем задушит (= накажет) меня.

«Почто так тебя ребята-то? Зачем туда пускает?»

«Почему у тебя ребёнок-то работает? Зачем (его) пускаешь (пускают) туда?»

Ну тут теперь-то серений парень-то плакал-то плакал:

Ну, тогда этот средний сын расплакался:

– Ээ, дедушка, дайте мне работа, пожалуйста, дайте какой-нибудь работа.

– О, дедушка, дай мне работу, дай какую-нибудь работу.

«Нееј, ну ладно, надоелся*, понимаат. Ну, тут помогай там, понимаат,

Ох, ну ладно, надоел, понимаешь. Ну, тогда помогай там, понимаешь,

отец брат помогай. Месте работай один кучей.*

отцу и брату помогай. Вместе работайте одной артелью.

Ну, конечно, целый день наработали. Вечером шесть часов стал. Ну, мастер пришел, мастер парараб ијээ:

Ну, конечно, они проработали целый день. Наступило шесть часов вечера. Ну, мастер пришел, мастер ли, прораб ли.

– Ну, де работал?

– Ну, где работали?

– Тут, тут. Ну, шесть часов. Договор договорил се-таки меня – шесть часов тут падерка таскать.

– Вот, вот. Ну, шесть часов. Я все-таки договорился – (когда будет) шесть часов, тогда приносить документ (о сделанной работе).

Ну, тарик-о ушел, батрак-то, падерка таскал. Там-то сел-да, падерка давал купец место. Оу, купец пишет, потом смеется:

Ну, старик-батрак ушел, понес документ. Пришел туда, отдал документ купцу. О. купец пишет (считает), потом рассмеялся:

– Батрак, тебя какой люди, интересно! Тебя век один рубль получил.

– Батрак, что ты за человек, странно! Ты все время получаешь один рубль.

Это торой парень-то два рубля век тоже. Это малаший парень-то, который серений, три рубля получал.

Этот второй сын тоже все время два рубля (получал).(А) этот младший сын, который средний, получил три рубля.

Тебя всего шесть рублей получили. Се золотой меня такой деньги дам. Так, три рубля малаший-то.

Всего ты получил шесть рублей. Я дам тебе все такие золотые деньги. Так, младший-то (заработал) три рубля.

[Рассказчик обращается к слушателям:]

Такой тебя ум нашел бы? Однако нет. Это язык не деланный, это самый натуре сказку. Еще переди интересно-то десь.

Ты бы такое смог придумать? Явно нет. Этот разговор не придуман, эта сказка (история) самая натуральная (подлинная). Еще впереди здесь будет интересно.

Теперя тут это серений парень-то говорит:

Тогда этот-то средний сын говорит:

– Оу, отец, меня одежда будем брать.

– Эй, отец, давай купим мне одежду.

Ну, там, таагаа, магазин место зашел. Таагаа, се пүтү – телогрейка маленький, рукавиц, шапка, буруки иңээ, валенки совсем новый.

Ну, после этого (они) зашли в магазин. Вот, все как следует – маленькая телогрейка, рукавицы, шапка, брюки и все прочее, совсем новые валенки.

Оу, оделся магазин место, пүтүэ прямо такой стал. Ну, товар брали – не шесть рублей много, все золотой деньги.

О, (он) оделся в магазине, прямо настоящим таким (красавцем) стал. Ну, купили товары – ведь шесть рублей, все золотом, это много.

Комментарии

меня — в говорке, как и в дальневосточном варианте сибирского пиджина, моя заменилось на мене/меня, восходящего к косвенным формам личного местоимения я.

корова месте — ‘у коровы, рядом с коровой’: послелог *месте\место* выражает в говорке целый ряд значений, которые в русском языке передаются различными предлогами;

кусают — ‘питаемся, едим’: в говорке лицо глагола выражается непоследовательно, что характерно для мезолектных вариантов пиджина;

это — употребление указательного местоимения как артикля;

надоелся — в говорке, как и в других русских пиджинах, нет категории рефлексива;

отец брат помогай — здесь употреблена форма *помогай*, однако здесь она является императивом.

Фразовые примеры:

Тогда глаза́ нету стал.

Тебя какой люди?

Наша земля пришел человек, зачем воровать будет?

Баба-то есть и ребята один.

Советский закона родился время, такой закона – Богу нету.

Меня агуста придет.

Который баба совсем китрый.

Меня такой придуманье есть.

Меня се тебя дожидал.

Вертолет почто меня тебя не брал?

Город место гулять ходили, вечером приходили его.

Вода таскать не хочет его оба.

Они два рубля работал.

Меня санка нету.

Два середка резай.

Меня морда ране мотрела?

Чими девка-то песня пел меня сестра

Тогда (он) остался без глаза.

Что ты за человек? = Кто ты?

(Если) кто-то приехал в нашу землю, зачем ему воровать?

(У него) есть жена и один ребенок.

(У того, кто) родился при советской власти, такой закон – что Бога нет.

Я приеду в августе.

Некоторые женщины очень хитры.

У меня есть такое предложение.

Мы тебя ждали / Я все тебя ждал.

Почему нас не взял вертолет? / Почему меня (и) тебя не взял вертолет?

Он пошел гулять по городу, вечером вернулся.

Они двое не хотят носить воду.

Он заработал два рубля.

У меня нет санок.

Разрежь на две части.

Видела ли ты мое лицо (=меня) раньше?

Дочь Чими пропела песню моей

место.

Меня сто конь кúсал бы.

Меня они видал лавка место.

Говори, деньги-то поймал отец.

Сундук воровал меня?

Меня шаман костюм одел его.

Меня видал лавка место его.

Таймираму место родил меня.

Какой-то лес хребет нашел.

Парень имя Лямо.

Это рога длинный олень.

Который это ребята поймал люди.

Турдагин Сета парень.

Тебя школа положить не будем.

Тебя колоти ножик место.

Штаны говно место марал.

Меня царь место работал.

Меня дурак место делали.

Тарик место такан налил.

Меня место не интересно.

Как тебя голова место попал?

Ночью когда меня тебя место ходил.

Меня тебя дрова рубил!

Тебя сколько надо товар?

Такой-то баба место большой голова.

Два девка месте меня там сидел.

Конь месте ходил.

Жизнь мера тебя товарищ его.

Тут время тут мера был.

Еще работа пора не дошли.

Печка рядом век сидит.

Меня пиши пáдерка.

Только меня проверяет, тебя как живут.

Баба давно умирал.

сестре.

Я бы съел сто коней.

Я видел его/ ее в магазине.

Скажи, что отец получил деньги.

Я ведь украл сундук?

Он надел мой шаманский костюм.

Она/ она видел/ видела меня в магазине.

Я родился на (реке) Таймираму.

(Он) наткнулся на какой-то лесистый хребет.

Сына зовут Лямо.

Этот олень с длинными рогами.

Человек, который поймал этого ребенка.

Сын Сеты Турдагина.

Мы тебя не отдадим в школу.

Коли ножом!

(Он) испачкал штаны говном.

Я работал (=был) царем.

Меня сделали дураком (=одурачили).

(Он) налил старику стакан.

Мне не интересно.

Как тебе пришло в голову?

Когда я ночью приходил к тебе.

Я тебе дрова рубил!

Сколько тебе надо товару?

Вот такая голова, больше, чем у женщины.

Я сидел там с двумя девушками.

(Он) ехал на коне.

Он твой товарищ на всю жизнь.

В то время он был вот таким.

Еще не настало время работы.

Всегда сидит рядом с печкой.

Напишу-ка я письмо.

Я только проверяю, как ты живешь.

Жена давно умерла.

*Меня богатый царь девка брал.
Там купец, говорят, такой корова
есть.
Меня баба нету стал.*

Я взял (в жены) богатую царевну.
Там у купца, говорят, есть такая
корова.
Моей жены не стало.

Фразовые примеры Диттера Штерна

*Тебя лук место трилай, меня урусэ
трилай буду.
Чего тебя надо меня чум место?
Утром нганасан тут баба место
говорит.
Чум место хозяин выйдет, киричит
тут волк место.
Тебя таланта меня место больше.
Тут теперя нганасан-то долган месте
дарака́ть начали.
Меня лес торона место буду метать.
Олень тебя чум сторона ушло.
Пуцали надо метать, говорит,
пуцаль надо метать.
Меня чум тороба хотел гостевать.
Калым мера двать волку песца там
собирали.
Опять меня тут санка мера меня
положить хотели чего-нибудь такой.
Молодой, тебя мера ребята.
Тут два карыгали мера, там еще
берега-да чум стоят.
А тебя чум-то куды мера?
Потом год или половина год мера
тебя место тоже гостевать буду.
Тогда война мера охотник человека
никуда не пускает.
Самый-то война мера умирал.
Су шамани шаманили совсем, когда
война мера был, сорок торой, сорок
третий было.
Меня тебя колотить буду.
У меня нашел это говорева озеро-то.
У тя лук только, у меня карабин
дальше пойдет пуля-то.
Немножко куружал у меня.
Постой у меня тебя чум место олень-
то ушел, теперя говоришь, меня-то*

Ты стреляй из лука, а я буду стрелять
из ружья.
Что тебе надо в моем чуме?
На утро нганасан говорит своей жене.
Когда (мой) хозяин выйдет из чума, он
будет кричать на этого волка.
Ты талантливее меня.
И вот нганасаны с долганами затеяли
драку.
Я брошу (сеть) в сторону леса (= на
южной стороне).
Олени ушли в торону твоего чума.
«Нужно забросит сеть», говорит он,
«Нужно забросить сеть».
Я бы хотел погостить у тебя.
Они собирали (шкуры) волка и песца в
качестве уплаты за невесту.
Снова я хотел поставить тут свои
санки, полные чего-нибудь.
(Он) молодой, ребенок как ты.
В двух милях отсюда на берегу реки
стоят еще чумы.
А где твой чум?
Я навещу тебя через год или полгода.
Тогда во время войны охотников
никуда не пускали.
Он умер в самый разгар войны.
Во время войны. в сорок втором, сорок
третьем, все шаманы непременно
шаманили.
Я тебя поколочу.
Я нашел это озеро, о котором
говорили.
У тебя только лук, я из карабина
выстрелю дальше.
Я немного заблудился.
Раз мой олень ушел к твоему чуму, ты
теперь настаиваешь на том, что это не

олень нету.

Меня урусский веревка огонь горит.

Меня тоже сила-то есть.

*А тебя пуля-то тоже видно будет,
какой попадет.*

Меня пришел тобы месте парили.

Меня место холодно будет наверно.

Тут лайда край найдешь иречка.

Тут сопка низу там озеро есть.

Тут урусский-то не понимает

Долган тут парень-то был.

*Зачем ты это, правда, тут режье се
время таскаешь?*

*Ну, тут-то ушел и сели еле поставил,
потом пришел.*

*Ты, говорит, мама эмдя пускать
будем, или чего ли?*

Таперя меня будем шаманить.

мой олень.

У меня электрическое освещение
освещение (=русская веревка)

Я тоже сильный.

Будет видно, куда попала твоя пуля.

Я пришул, чтобы с тобой
подружиться.

Наверное, я замерзну.

На краю поляны найдешь речку.

Под сопкой есть озеро.

Русские (этого) не понимают.

Тот парень был долган.

Правда, что ты таскаешь ружье все
время?

Ну, этот ушел, и как только поставил
сеть, вернулся.

Ты правда говоришь, что мы не
должны впускать внутрь мать?

Сейчас я буду шаманить.

МЕДНОВСКИЙ ЯЗЫК

Ниже приводится текст на смешанном медновском языке, «представляющем собой уникальный контактный язык, возникший предположительно, в конце XIX в. в условиях алеутско-русского двуязычия. МЯ – во многом уникальный случай действия языковой интерференции: фонетика, морфология, синтаксис МЯ заимствованы из двух контактировавших разнотипных языков – алеутского и русского (Головко 1988, 73).

С любезного разрешения Е.В. Головко я привожу опубликованный им текст, записанный от жителя с. Никольское А.М.А, 1932 г.р. Текст опубликован в (Головко 1988). Здесь текст по техническим причинам приводится в записи латинским алфавитом.

- (1) *utgōnaḥ mi sūli utgōnaḥ laqajām tin daxtil / kāteraḥ tin hanikačāl / mi husiqalili*
отгон¹⁰² мы взяли отгон собрав обосновались / катер бросил якорь / мы начали грузить
- (2) *ulún husísālī ajḫāsi naga xīṇúl ajugālī / i mi hučālī*
мясо погрузили в лодку, толкнули, поехали / и мы перевернулись
- (3) *qákun tajáyun ūli / já / Sāska Ladygin / dīduska Ladygin*
три человека (нас) было /я / Сашка Ладыгин / дедушка Ладыгин
- (4) *mi ta ni učigzālī Sāska Ladygin agital / dīduska Ladygin učigzāl*
мы-то не умели плавать с Сашкой Ладыгиным / дедушка Ладыгин плавал
- (5) *u nivo daze furāskin ni íqil*
у него даже фуражка не снялась
- (6) *a min'a i Sāska Ladygin čalačāl hányin / tána kuga nas mǎzālī / a dīduska ladygin učigāl*
/ da the por puka nas ni mǎzālī / koda nas mǎzālī tagda toka on učíxs tánaḥ núl
а меня и Сашку Ладыгина выбросило прибоем / на берегу нас поймали / а дедушка Ладыгин плавал / до тех пор пока на не поймали / когда нас поймали тогда только он доплыл и вышел на берег
- (7) *ajḫāsimis vís' sixílālī / i mí / tamāga agjāxs ixčīli / mi husiqajālī / nēčevo suḫtal husit'*
лодку-нашу всю разбило / и мы / оттуда пешком пошли домой / мы перестали грузить / нечем (было) грузить
- (8) *a ftarična mi xutālī / nazat nas qákun ūli*
а второй раз мы перевернулись / опять нас трое было
- (9) *álah srāzu čalačālī / a ja ajḫāsi sixta tin agīsāl*
двоих сразу выбросило / а я под лодкой остался
- (10) *ja ni aqatāju kábīṇ kuga ili ajḫāsiḫ tiṇ anagāl ili gribōkaḥ tiṇ anagāl / kábin kuga*
я не знаю по голове лодка меня ударила или весло меня ударило / по голове
- (11) *sīska sugája ūl*
шишка хорошая была
- (12) *a patom tajáyun ṇu hixtājut ja qásāl ni kabīṇ hajagā a kitákiṇ hájaki*
а потом мужчины мне говорят (что) я вынырнул не головой кверху а ногами кверху
- (13) *i uni tin mǎzālī tána kuga / tiṇ kāčālī / i min'a hayúḫtal ixčīsālī*
и они меня поймали на берегу / меня откачали / и меня на спине домой отнесли
- (14) *i tōže / husiqajālī úlun / kak rāz mi / uze inačālī husíl*
и тоже / грузить перестали мясо / как раз мы / уже кончили грузить

¹⁰² Отгон – так называют местные жители процесс забоя котиков (прим. Е.В. Головко)

Я не буду специально останавливаться на описании грамматики медновского языка, отошлю читателя к статьям Е.В. Головки. Приведу выдержку из статьи указанного автора «Медновских алеутов язык» в кн.: Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997. сс. 117-125.

«М.а.я. относится к группе так называемых смешанных языков, хотя некоторые черты выделяют его и из этой весьма неоднородной группы. Смешанные языки принципиально отличаются от пиджинов и креольских языков. Как и пиджины и креольские языки, смешанные языки возникают в экстремальных ситуациях языковых контактов. В отличие от пиджинов и креольских языков, где вся лексика (с многочисленными сдвигами в значении) обычно берется из одного языка, доминирующего в социальном отношении, а грамматическая система развивается на собственной основе, смешанный язык как бы составляется из готовых частей уже существующих языков (обычно двух). Несколько огрубляя схему образования смешанных языков, можно сказать, что лексические морфемы берутся из языка А; все связанные морфемы, выражающие грамматические значения, – из языка Б; все несвязанные морфемы, выражающие грамматические значения, могут быть как из языка А, так и из языка Б; синтаксическая структура – в своих основных чертах такая же, как в языке А.

М.а.я. возник как результат интенсивных контактов нескольких алеутских диалектов и русского языка, вероятно, к концу XIX в. Остров Медный заселялся в течение всего XIX века. Среди переселенцев выделяются три основных группы. Самая маленькая состояла из русских промышленников. Следующая, самая большая группа, включала алеутов, которые были перевезены Российско-Американской компанией (РАК) с различных островов Алеутской гряды. Третья группа переселенцев, по численности немногим уступавшая алеутам, состояла из креолов - потомков от браков русских промышленников и алеутских женщин. Креолы имели особый социальный статус, закреплённый в актах РАК. По своему общественному положению они стояли выше алеутов, но ниже русских промышленников.

К концу XIX в. практически все алеуты в той или иной степени владели русским языком <...> Ситуация двуязычия в данном случае сопровождалась тем, что большинство алеутов были грамотны как на родном алеутском языке, так и на русском – результат просветительской работы, которой руководил православный священник о. Иннокентий Вениаминов.

Высказывались две основных гипотезы относительно места возникновения М.а.я. Согласно первой из них, М.а.я. возник на о. Медный в конце XIX в. Вторая гипотеза предполагает, что М.а.я. появился на о. Атту (один из Алеутских о-вов, ближайший к Командорским), а позже, во время переселений, был привезен на о. Медный его носителями <...>

Очевидно, важнейшей внутренней причиной появления М.а.я. было стремление определенной группы людей (вероятно, креолов) к самоидентификации, к выделению себя как особой этнической и социальной группы. Современные носители М.а.я. (так же, как и все бывшие жители о. Медный) считают себя алеутами, а свой язык алеутским, отрицая при этом взаимопонятность М.а.я. и беринговского алеутского диалекта. Возможно, заявления о невзаимопонятности всего лишь обнаруживают подчеркнутое стремление к самоидентификации в качестве самостоятельной этнической группы. Беринговские алеуты определяются носителями М.а.я. как другая, отдельная от них алеутская группа, имеющая свой язык и определенные культурные отличия. Одновременно носители М.а.я. не признают какого-либо сходства М.а.я. с русским. Необходимым (но не достаточным) условием для появления М.а.я. была высокая степень двуязычия, проявлявшаяся в переключении и смешении кодов». (Головки 1997).

БОКСИТСКИЙ ЯЗЫК

Несмотря на то, что лексификатором этого жаргона является французский язык, я всё же включаю его материал в данную книгу, поскольку этот контактный идиом сформировался при участии русского языка. Его создателями являются русские специалисты, работающие в Гвинее.

В Интернете на различных вывешены фрагменты работы, описывающей данный жаргон. Все они, как мне удалось выяснить, восходят к одному и тому же источнику. Это восемь машинописных страниц, озаглавленных «Словарь бокситского народного языка»; составитель неизвестен.¹⁰³ В «Словаре» упоминаются населенные пункты, где употреблялся «бокситский язык»: Марше, Мадина, Донка-НИЦ, Матото, Симбайя, Дебеле. При этом автор отмечает «диалектные различия» между языком разных пунктов: общее *рыгардэ* ‘смотреть’, в «симбайском диалекте» *рыгардо*.

При знакомстве со «Словарем бокситского языка» становится очевидно, что это не придуманный язык, а классический жаргон, т. е. редуцированный вспомогательный идиом, призванный обслуживать коммуникацию людей, не имеющих общего языка, в стандартных ситуациях. По-видимому, можно доверять автору, заключающему свою работу следующим образом: «Уважаемый гипотетический читатель! Всё, абсолютно всё вышеизложенное – не плод фантазии составителей, а точка-в-точку, до последнего фонетического знака, взято из повседневной «котидьенности» Бокситского бытия». Подписано: «Автор». Можно предположить, что автором, собравшим материал по данному жаргону, был человек, хорошо знавший французский язык и получивший филологическое образование. Скорее всего, это был переводчик, который, несмотря на обычное презрительное отношение к такого рода вспомогательным языкам, обратил на него внимание и зафиксировал наиболее типичный материал по этому жаргону.

Представляется, что пример «бокситского языка» может пролить свет на социалингвистические условия формирования простейших контактных языков. Вот социалингвистические параметры его возникновения:

1) Отсутствие общего языка. Русские не знают ни французского, ни тем более африканских языков. Местные жители используют в качестве языка межэтнического общения французский язык. Они не знают русского. Английский язык, который в настоящее время широко используется как язык межнационального общения, не знаком обеим сторонам.

2) «Бокситский язык» является франкоязычным жаргоном – подавляющее большинство зафиксированных лексических единиц восходят к французскому языку. При этом родным языком одной стороны является русский, а второй стороны – языки Гвинеи: манинка, сусу и т. п. Обычно принято считать, что языком-лексификатором становится язык более престижной группы. Трудно сказать, насколько местные жители в глазах русских специалистов являются более престижной группой. Однако для африканца в Гвинее естественно с любым европейцем говорить по-французски. Возможно, дело в престижном самом французского языка, который не связывается напрямую с гвинейцами.

3) Очевидно, важнейшей составляющей при образовании такого рода идиома явилось отсутствие мотивации к серьезному изучению языка-посредника, а не отсутствие доступа к языку. Русские специалисты, которые получили среднее, а часто и высшее образование, имеют возможность изучить французский язык, однако у них очевидным образом отсутствует

¹⁰³ Вот что сообщила Влада Куаме, постоянно проживающая в Африке (Кот д'Ивуар): *«По поводу бокситского языка – мне прислал этот словарь один приятель, с которым я познакомилась в Интернете. Он технолог на разработках этих самых бокситов в Гвинее Конакри. Я спросила его об этом опусе. Говорит, что уже никто не помнит, кто его написал, но составлен он был ещё в 70-е годы первыми советскими специалистами, приехавшими в Конакри на добычу бокситов. Большего он мне сказать ничего не смог. Да, говорит, что в Интернете они его не вывешивали. Просто сосканировали машинописный текст и в таком виде его хранят в личных компьютерах»*. Влада Куаме, Абиджан, Кот д'Ивуар.

такое намерение. Им достаточно добиться элементарного взаимопонимания в стандартной ситуации.

Автор также указывает на следующую стратегию, использующуюся при коммуникативном провале: «Если собеседник не понимает какого-то вашего слова, то следует включить его повторение на авторежим, вплоть до окончательной отмашки головы вашего собеседника» (стр. 2).

4) «Бокситский язык» демонстрирует типичное для языков такого типа сочетание: лексика восходит к одному языку (в данном случае – к французскому), фонетика и фонология – к другому (русскому в случае русского этнолекта). В предисловии к составленным материалам указано: «произношение простое», т. е. полностью следует правилам русской фонетики. Так, дифтонги, свойственные французскому языку, произносятся как два гласных, что характерно для карикатурного русского акцента.

5) Данный жаргон может быть выучен очень быстро, однако, это означает, что его всё же надо учить. Вот, что пишет автор: «Лингвистическая оценка языка: язык живой, легко усвоя-е-ва-емый. Учится за 8 минут, запоминается на всю жизнь. В отличие от других языков, которые учатся всю жизнь, а забываются за 8 минут».

6) Язык состоит из слов с предельно широким значением, ср. значение глаголов *препарэ* и *парти*; значительную часть словаря составляют дейктические слова и формулы вежливости. Все слова жаргона имеют очень широкое значение, которое уточняется по контексту: ср. *манжэ* ‘пища’, ‘прием пищи’. Таким образом, *

7) В случаях, когда средств жаргона не хватает, говорящий обращается к родному языку. Такие ситуативно возникающие лексемы следует рассматривать как «периферию» в противоположность лексическому «ядру» жаргона.

8) В выборе конкретных элементов французского языка, несомненно, сыграла роль близость этих элементов к соответствующим словам русского языка (образование слов с двойной этимологией). К таковым относится, например, отрицание *но* ‘нет’ (из французского *non* и русского противительного союза *но*).

9) В лексике предпочтение отдаётся словам, знакомым носителю русского языка, не знающему французского: *мадам*, *мысль*, *ансамбль*, *бонжур*, *транспортэ*, *препарэ*, *стопэ*, возможно, *манжэ*.

10) Очевидно, что жаргон может быть понятен только в ситуации актуального общения, это средство непосредственной коммуникации; иные языковые функции (накапливание информации, нарративная и т. п.) он выполнять не способен.

11) В «бокситском языке», как замечено автором, имеется глагол *стопэ* ‘останавливать, останавливаться’, которого, по его мнению, нет ни во французском, ни в русском языках. В действительности, во французском языке имеется глагол *stopper* 1. ‘останавливаться (о средствах транспорта) 2. останавливать, стопорить’, однако он не относится к числу часто употребляемых, так что автору работы о бокситском языке, он был неизвестен.

В бокситском языке есть лексемы, которые восходят к русскому «языку для иностранцев». Это слова *капут* и *пети-пети* в значении ‘немного’. Первое заимствовано из немецкого языка и принадлежит стереотипу «языка иностранца, плохо знающего русский», а ещё точнее немца времен Второй мировой войны¹⁰⁴. Носителями «бокситского жаргона» это слово употребляется в надежде, что оно будет понятно «иностранцу».

Интересен элемент *пети-пети* (фр. *petit-petit*) в значении ‘немного’, ‘чуть-чуть’. Редупликация не характерна ни для французского языка, ни для русского. Представляется, что перед нами «перевод на французский» русского *мала-мала*, ‘немного, чуть-чуть’, которое также является элементом русского стереотипа «речи иностранца»: *пети-пети* *маяд* это калька с *мала-мала* *больной* ‘немного болен’.

Цап-царап – русский идеофон, который в предикативном употреблении обозначает ‘быстрое хватательное действие как действие’¹⁰⁵. По-видимому, идиофоны представляются

¹⁰⁴ Наряду с «мамка, млеко яйко» и «я есть немецкий зольдат».

¹⁰⁵ определение из словаря ABBYY Lingvo 12

носителям русского языка имеющими достаточно выразительную форму, которая может быть понята любым человеком, не знающим русский язык.

Ниже приведет полный корпус материала по «бокситскому языку», представленный неизвестным автором, с его же переводами. Удачность этих переводов состоит в том, что автор указывает не общее значение, а приводит примеры контекстно обусловленных специфичных употреблений.

Корпус бокситского языка

Пример на «бокситском языке»	Контекстно обусловленный перевод на русский язык
1. <i>парти</i>	уехал, уехало, уехал и уже не вернется; куда-то подевалось; ну это ж надо: взяли и отключили! кто их только просил!
2. <i>туа-муа парти</i>	поехали вместе.
3. <i>туа-муа парти ансамбль!</i>	поехали-ка, друг мой, отседова куда подальше
4. <i>мадам парти</i>	жена уехала
5. <i>парти мезон</i>	ушел, уехал, переместился в сторону дома
6. <i>и сам парти, и мадам транспортэ</i>	уехал с женой
7. <i>боку парти</i>	уехал надолго
8. <i>моску парти</i>	уехал с багажом
9. <i>фини контракт</i>	уехал с концами
10. <i>донэ</i>	дайте, покажите
11. <i>туа-муа тутсьвит донэ</i>	дайте рассмотреть поближе
12. <i>комбьень?</i>	сколько?
13. <i>комбьень – комбьень?</i>	ну неужели так дорого?
14. <i>до миль – са но нормаль</i>	2000 гв. франков это неоправданно высокая цена
15. <i>а вот ум миль – са боку нормаль</i>	а вот 1000 гв.фр., на мой взгляд, вполне приемлемо
16. <i>а са кулёр тужур дакор</i>	а эта расцветка уже нравится
17. <i>са кулёр но бон</i>	эта расцветка не нравится
18. <i>модэль</i>	товар, неодушевленный предмет
19. <i>са модэль</i>	любой товар любой неодушевленный предмет
20. <i>са</i>	числительные от 4 до 9
21. <i>са</i>	это, вот это, то; рубашка, часы, картошка, лук, таблетки
22. <i>са – иси!</i>	поставьте это сюда
23. <i>бьен</i>	отлично
24. <i>дакор</i>	согласен
25. <i>но</i>	нет, не надо
26. <i>но бьен</i>	отвратительно
27. <i>ансамбль</i>	ты и я не разлей вода; юбка с курткой; бусы, кольцо и браслет
28. <i>анфан парле: папа, папа, у туа?</i>	дети скучают по отцу
29. <i>бокс препарат</i>	бокс подготовлен
30. <i>боку</i>	большой объем материи (энергии)
31. <i>боку</i>	две тысячи и больше

32.	<i>боку аржан!</i>	дорого!
33.	<i>боку мезон</i>	город
34.	<i>боку парле</i>	«много шума из ничего»
35.	<i>боку парти</i>	уехал надолго
36.	<i>боку солей</i>	жара
37.	<i>бон</i>	хорошо, хороший, ладно
38.	<i>бон жур</i>	добрый день, утро, вечер, ночь
39.	<i>дисциплин препарэ</i>	нужно добиваться дисциплины
40.	<i>до</i>	два
41.	<i>дыс</i>	десять
42.	<i>дыс-дыс</i>	двадцать
43.	<i>ё гласе</i>	замороженная вода
44.	<i>иси</i>	тут, здесь, за углом, на прилавке
45.	<i>канн?</i>	когда?
46.	<i>кель-камарад цап-царап препарэ, дормир-манжэ иси</i>	тюрьма
47.	<i>кель-мысьё капут препарэ, са- плас я-на иси</i>	кладбище
48.	<i>кино рыгардэ</i>	кино смотреть
49.	<i>компри</i>	разум, взаимопонимание
50.	<i>куа?</i>	что, чего, чему?
51.	<i>куа-куа?</i>	да неужели?
52.	<i>куран</i>	ток, свет, электричество
53.	<i>куран парти</i>	обрыв провода, выпал штепсель, опять залили в дизель соляру с водой
54.	<i>куран я-на</i>	светло, хорошо
55.	<i>мадам препарэ</i>	жена приготовила
56.	<i>мадам шерше</i>	жена тебя ищет
57.	<i>манжэ</i>	завтрак, обед, ужин
58.	<i>манжэ препарэ</i>	кушать подано
59.	<i>мезон</i>	отправная точка, конечная точка пути, вместилище сгустка энергии
60.	<i>миль</i>	тысяча
61.	<i>муа</i>	мне, меня, мной, со мной, без меня
62.	<i>муа иси но мадам, муа – ум</i>	я тут без семьи
63.	<i>муа препарэ</i>	я сделал, я сделаю, я делаю.
64.	<i>Муа туа вчера рыгардо, туа но мезон. А пурква?</i>	Я к тебе вчера заезжал, но тебя не было дома. Почему ты меня не дождался?
65.	<i>муа туа рыгардэ</i>	я к тебе заеду
66.	<i>муа туа туэжур компри</i>	этот язык я знаю превосходно
67.	<i>муа-туа</i>	оба собеседника; ты и я; сосуществование и т.д.
68.	<i>мысьё! са ва?</i>	добрый день, уважаемый господин! как себя чувствуете?
69.	<i>о</i>	вода
70.	<i>парле</i>	говорите, говорить, сказала, скажу
71.	<i>парле</i>	Говорите, говорить, сказала, скажу
72.	<i>переплюий, переплеий</i>	зонтик
73.	<i>пети-пети маляд</i>	остальные болезни
74.	<i>пети-пети препарэ</i>	
75.	<i>пётэтар дакар</i>	дорога к дому
76.	<i>пётэтар дакор</i>	имеются сомнения
77.	<i>плюий</i>	дождик

78.	<i>препарэ</i>	сделать, приготовить, почистить, сварить
79.	<i>препарэ манжэ</i>	приготовьте покушать
80.	<i>пурква?</i>	почему?
81.	<i>рыгاردэ, рыгардо</i>	смотреть
82.	<i>са ва?</i>	как поживаете, как себя чувствуете?
83.	<i>а ваша мадам – са ва?</i>	а ваша супруга как себя чувствует?
84.	<i>са мысьё</i>	любой одушевленный мужчина
85.	<i>сан</i>	сто
86.	<i>сан сан</i>	двести
87.	<i>сан сан и анкор сан</i>	триста
88.	<i>сильвуплей</i>	пожалуйста
89.	<i>стопэ!</i>	остановитесь!
90.	<i>стопэ-стопэ!</i>	остановитесь тут!
91.	<i>травай</i>	работа
92.	<i>труа</i>	три
93.	<i>туа</i>	ты, тебя, тобой, без тебя, с тобой, твой, твоя, твое
94.	<i>туа муа компри?</i>	говорите ли вы по-французски?
95.	<i>туа муа рыгардо тутьсвит</i>	заедьте ко мне побыстрей
96.	<i>туа но препарэ</i>	ты не сделал того, что обещал.
97.	<i>туа препарэ</i>	ты сделал, ты сделаешь, собираешься влиться в работу.
98.	<i>тэт</i>	голова
99.	<i>тэт боку идея я-на</i>	начальник
100.	<i>тэт маляд</i>	насморк
101.	<i>у маляд?</i>	что болит?
102.	<i>у о?</i>	где вода?
103.	<i>у?</i>	где?
104.	<i>ум</i>	один
105.	<i>у-са?</i>	куда вы это поставили/положили?
106.	<i>фамий</i>	семья
107.	<i>фини контракт</i>	уехал с концами
108.	<i>шерше мадам</i>	разгадка любой загадки
109.	<i>я-на</i>	имеется в наличии
110.	<i>я-напа</i>	куда-то подевалось

Замечания по грамматике

Слова бокситского жаргона не изменяются за исключением местоимения 1 л. ед. ч., которое, по описанию автора, имеет субъектную и несубъектную формы: *жо* 'я' и *муа* 'меня, мой (косвенные падежи, посессивное употребление)'. Однако в приведенном корпусе примеров *жо* употреблен лишь один раз, причём в искусственных текстах, созданных самим автором. В записи стандартных фраз на жаргоне это местоимение ни разу не употреблено, в том числе и в типично субъектной функции: *муа препарэ* 'я делаю, делал, сделаю'. Есть все основания предполагать, что местоимение 1 л. ед. ч. имеет в жаргоне единую неизменяемую форму *муа*.

Дейктические слова

Зарегистрированы следующие формы личных местоимений: *муа* 1 л. ед. ч. и *туа* 2 л. ед. ч.; имеется двойственное инклюзивное *муа-туа*. Зафиксировано русское местоимение *ваша*, которое, возможно, следует рассматривать как случай переключения кодов.

Местоимения 3 л. отсутствуют. По-видимому, следует считать, что 3 л. выражается нулем. Тогда система местоимений примет следующий вид:

<i>муа</i>	<i>муа-туа</i>
<i>туа</i>	<i>(туа)</i>
<i>0</i>	<i>0</i>

Примеры типа *парти мезон* следует интерпретировать как ‘он уехал домой’, нулевое местоимение маркирует 3 л.

Местоимение *са* ‘это’, служит для называния любого неодушевленного предмета, путём указания на него, а также заменяет числительные первого десятка после трех (от 4 до 9). Может употребляться в определительной функции ‘этот’: *са мысль* ‘этот мужчина’.

Широко употребляется дейктическое наречие: *иси* – ‘здесь, сюда’.

Имеются вопросительные слова: *куа* ‘что?’, *канн* ‘когда?’, *пурква* ‘почему?’, *у* ‘где?’, *комбьень* ‘сколько’.

Слова с дейктическим значением составляют около четверти всех зафиксированных слов. Они употребляются очень широко, используются как замена неизвестных говорящему слов.

Синтаксис

Порядок слов S V O, если прямой объект выражен именем, и S O V при местоименном прямом объекте. Порядок слов жёсткий, на чем основано понимание пар *манжэ препарэ* ‘обед готов’ и *препарэ манжэ* ‘приготовь обед’.

Связка отсутствует, что можно рассматривать как влияние родного языка говорящих, а можно видеть в этом черту, характерную для редуцированных вариантов контактных языков.

Отсутствуют бытийный глагол «находиться»; а также глагол «иметь».

В то же время в бокситском языке глагол *препарэ* ‘делать’ употребляется и как вспомогательный: ср.: *капут препарэ* ‘сделал капут’, т. е. ‘умер’; *цап-царап препарэ* ‘сделал цап-царап’, т. е. ‘его схватили’.

Глаголы являются лабильными, то есть могут быть как переходными так и непереходными: *препарэ* ‘делать, готовить, быть сделанным, быть готовым’.

Глаголы часто опускаются, что вообще характерно для жаргонов.

Категория числа отсутствует, что, однако, характерно для устной формы французского языка. Глагольное время при необходимости передается наречиями: *тутсьвит* – ближайшее будущее, *вчера* – прошедшее.

Лексика

Широко используется метод редупликации, в частности при образовании числительных, а также вопросительных слов.

Необходимые новые значения часто передаются описательно, либо расширяется значение уже знакомого слова.

СЛОВАРЬ СИБИРСКОГО ПИДЖИНА

Словарь Сибирского пиджина представляет собой попытку сведения воедино разновременных лексических материалов по этому пиджину. В словаре представлена лексика, зарегистрированная в лингвистических источниках по сибирскому пиджину (материалы Черепанова, Бичурина, Александрова, Шухардта, Яблонской, Врубеля, Шпринцына, аудиозаписи 1984 и 1991 годов).

Принципы составления словаря были изложены выше в части I в разделе «Лексический состав дальневосточного варианта сибирского пиджина», методика исследования словарного состава пиджина.

А

а a (Dz, Tz, K) *conj* Dz 2, Tz 7, K 11 **а**

ага agá (K) *interj* K 11 **да, вот так**

адали adalí (Ch) *part* Ch 3 **как** (в сравнительных конструкциях) ♦ **адали чужой** (Ch) **как чужие** ♦ **на тебе посмотри адали леденец кушаху еса** (Ch) **смотреть на тебя, все равно что леденец есть** (предположительно монгольского происхождения)

айа ajá (Dz) *atr* Dz 4 **хорошо** (удэг. айа "хорошо")

Б

ба ba (Sp) *part* Sp 1 **ка** (побудительная частица) ♦ **бери-ба** (Sp) **возьми!**

баба bába (Dz) *n* Dz 2 **бабушка**

бабушка bábusikə (K) *n* K 1 **бабушка, старая женщина**

байцай bajcáj (Ya) *n* Ya 1 **капуста** (китайская)

барышня bálýsin'a (Vr) *n* Vr 1 **барышня** (обращение к девушке) ♦ **балысиня, ни лугай** (Vr) **барышня, не ругай**

бедный bédənə (Dz) *atr* Dz 1 **бедный**

белый béry, bélin'ki (Ch, Dz) *atr* Dz 1, Ch 1s **белый**

бичи bichí (Ch) *v* Abs Ch 1 **описывать (?)** ♦ **тута ваша манера бичи еса** (Ch) **здесь описаны ваши обычаи**

близко bəlískə (K) *atr* K 1 **близко**

бог bóga (Ch) *n* Ch 1 **бог, божество**

боится baís'a (Dz) *v* Praes 1.. Dz 1 **бояться**

2.. Dz 1 **страшно** ♦ **боится я, конечно, боится** – **один сиди ночью** (Dz) **я боялась, конечно, страшно сидеть одной ночью**

боле baléj (Tz) *v* Abs Tz 1 **болеть**

боли balí (Tz, K) *v* Abs Tz 2, K 2 **болеть** (также о части тела) ♦ **голова боли, кости боли** (Tz) **голова болит, кости болят**

больница balínisə (K) *n* K 3 **больница** ♦ **больница ходи быть больным** ♦ **сегодня живи, больница не ходи, а завтра не** (K) **сегодня живёшь, здоров, а завтра будет иначе**

больно ból'enə (Dz) *atr* Dz 1 **больной**

больше bós'e (Tz) *adv* Tz 1 **больше, ещё** ♦ **а больше старый человек нету** (Tz) **а больше старых людей нет**

большой bə'shój, bolshína Ch (Ch, Dz) *atr* 1. Dz 1, Ch 1 **большой**

2. Dz 1 **особенно хорошо** ♦ **большой не умеи его** (Dz) **хорошо [шить] она не умеет**

ботинок botínəka (Vr) *n* Vr 1 **ботинок**

брала brála (Dz) *v* Perf Dz 1 **брать**

брат bəráte (K) *n* K 1 **брат** ♦ **брата сына его говорила, леса куда его** (K) **племянник рассказывал, что стало с лесом**

бу bu (Sh) *part* Sh 2 **не** (отрицание с прилагательными) ♦ **бу шанго** (Sh) **не** хороший (кит. бу 'показатель отрицания')

буду búdu, búdi Ch (Ch, Shd, Mk, Ar) *mod* Ch 9, Chd 1, Mk 1, Ar 1 **показатель будущего**; ♦ **за его помешай** поторговай **буду** (Ch) **они будут мешать торговать**

буква búkə (K) *n* K 3 **буква** ♦ **китайца буква одинакэ** все, а **говори не** (K) **их буквы** похожи на китайские, но произносятся по-другому

бульдозер bulədózilə (K) *n* K 1 **бульдозер**

бумага gumáǵə (K) *n* K 5 **бумага**, документ любого типа

бутылка butýka (Sp, K) *n* Sp 2, K 1 **бутылка**

бутыль budíli (K) *n* K 3 **бутыль**

бы by (Tz) *part* Tz 2 **бы** **показатель сослагательности** ♦ **а мы раньше надо бы** спросил **бы** (Tz) **ты спросил бы** нас раньше

был byl (Dz) *v Perf. Sg* Dz 5 **был**

была býla (Dz, Tz, Al, K, Kk) **1..** *v Perf. Sg* Dz 8, Tz 2, K 1, Kk 1 **был** ♦ **уде хороши была** (Dz) **удэгеец был** хорошим

2. part Al 2, K 1 **показатель перфектива (плюсquamперфекта?)** ♦ **мая ходи была** (Al) **я приходил**

бьёт b'otə (Dz) *v Praes. Sg* Dz 3 **бить**

В

валяй waláj (Vr) (Vr) *v Abs Vr* 1 **валять** (часть идиома) ♦ **дулака валяй** (Bp) **валять дурака**

Ваня wáni (Dz) *n* Dz 2 **Ваня** (личное имя)

вари warí (Dz) *v Abs Dz* 4 **готовить пищу, варить**

ваша wása, wáshə Ch (Dz, Ya, Ch) *pron* **1.** Dz 1, Ch 1 **вы**

2. Ya 2 **Вы** (вежливое обращение к одному человеку) ♦ **ваша играй-играй не надо** (Ya) **не шути, не издевайся** [надо мной]

3. Ch 6 **ваш** (притяжательное местоимение) ♦ **как ваша закона хорошеньки** (Ch) **как хороши ваши законы**

верху ber'əxú (Dz) *adv* Dz 1 **вверху**; (по течению реки)

весной wisənój (Ar) *adv* Ar 1 **весной**

вечером bécherəm (Dz) *adv* Dz 2 **вечером**

вещи wéshi (Ya) *n* Ya 1 **вещи** (одежда, скарб и т. п.)

видел bídil (K) *v Perf. Sg* K 1 **видеть**

видели bídili (Dz) *v Perf. Pl* Dz 1 **видеть**

види bídi (Dz) *v Abs Dz* 1 **видеть**

видит bídit (K) *v Praes. K* 1 **видеть**

виси bisí (K) *v Abs K* 1 **вешать**

Витя Bídi (K) *n* K 1 **Витя** (личное имя)

внучка unúchəka (Dz) *n* Dz 1 **внучка**

во wó (Vr) *pron* Vr 3 **я** (все надежу) ♦ **во ке и памагай** (Vr) **я могу помочь** (кит. wo 'я')

вода wadá (Sp, K) *n* Sp 2, K 1 **вода**

водка wótka (Vr, K) *n* Vr 1, K 6 **водка**

воды wódy (Ya, Vr) *pron* Ya 1, Vr 1 **я**; I ♦ **воды ницы пилюли давай** (Ya) **я дам тебе лекарство** ♦ **воды па русски не магу** (Vr) **я не умею говорить по-русски**; (кит. wo-dy 'мой')

война wajná (Tz) *n* Tz 2 **война**

воля wólia (Ch) *n* Ch 1 **воля, желание** ♦ **ну, сама воля, после желей буду** (Ch) **ну, своя воля, после пожалеешь**

ворона waróna (Ar) *n* Ar 1 ворона
ворота woróta (Ch) *n* Ch 1 ворота
воротник worteníka (Ch) *n* Ch 1 воротник
Восток Wosətókə (Dz) *n* Dz 1 Восток (топоним)
вот wótə, wot (K) *interj* K 12 вот
вот его wótə iwó (K) *interj* K 1 вот так
время urém'a (Dz, Tz) *n* 1.. Dz 2 время ♦ это время гонял (Dz) в это время года [китайцев] выселили
2. *adv* Tz 1 в это время ♦ война время была (Tz) в это время была война
все se (Tz) *pron* Tz 1 все
всегда sigədə (Dz, Ar) *adv* Dz 1 всё ♦ его всегда умей, всё шей (Dz) она всё умеет, всё шьёт
всё s'o, is'ó (Tz) (Dz, Tz, K, Ar) *1.. pron* Dz 6, Tz 4, K 10 всё, все ♦ дом всё брала его (Dz) он все забрал домой
2. *part* K 8, Ar 1 показатель множественности ♦ люди всё ходи посмотри (K) люди приходят посмотреть
3. *adv* K 1 всё ещё ♦ Талакана мужика исё тама живи (K) Муж Салаганиха всё ещё жив ♦ и всё и всё
всё время s'orém', us'ol'ém'a (K) (Dz, K) *adv* 1. Dz 2, K 2 постоянно, всё время ♦ сёремь боли, эта лечиэ (K) когда [мы] болели, этим лечились;
2. K 2 ♦ сёремь не боли (K) никогда не будешь болеть **3.** K 2 навсегда
всё равно s'oranó (Dz) *adv* Dz 1 также
всякий s'akə (B) *atr* B 1 выгонять
вчера wuchila (B) *adv* B 1 вчера
выгони býgoni (Dz) *v* Abs Dz 2 выгонять
выгоняла bygon'ála (Dz) *v* Perf Dz 1 выгонять
выпил úpíl (K) *v* Perf, Sg K 2 выпивать

Г

гаолян gaol'án (Vr) *n* Vr 1 гаолян (рус. этн.)
где idé (K) *pron* K 2 где, куда ♦ там, где заходила сейчас его когда (K) там, куда я ездил недавно
глаза gəlazá (Dz) *n* Dz 2 глаза
говори gawarí, gawalí (K), kawalí (Ya), gaowulí (B) (B, Dz, Sp, Ya, Vr, K) *v* Abs **1.** Sp 4, B 3, Ya 1, Vr 1, K 4 говорить, рассказывать ♦ Буляома цайна гаовули (B) называй настоящую цену
2. Dz 1, говорит (показатель пересказываемости) ♦ время нету, говори, там дома работа много (Dz) времени нет, говорит, в доме много работы ♦ гавари, не надо бутылка пускай яйцэ (Sp) не надо, говорит, яйца засовывать в бутылку
говорила gavalíla (Vr, K) *v* Perf Vr 1, K 8 говорить ♦ я Вити говорила, надо его такой, шестьсот рубли (K) я сказал Вите, что надо купить такой [женшень] за шестьсот рублей
говорит gavarítə (Dz) *v* Praes Dz 1 говорить
говорю gawar'ú, gaor'ú, gr'u (Dz, K) **1.** *v* Pres, Sg Dz 2, K 1 говорить
2. *part* K 1 грю (показатель пересказываемого наклонения)
говорят gəvəg'á (K) *mod* K 1 говорят, возможно ♦ раньше его тут монгола говоря (K) Говорят, раньше тут жили монголы
год góda (Tz, K) *n* Tz 1, K 1 ГОД (в сочетании "три года")
годиться gadísa (K) *v* Abs K 1 годиться, подходить
голова galawá (Tz, K) *n* Tz 1, K 1 голова
гони ganí (Dz) *v* Abs Dz 1 выгонять
гоняй gan'áj (Dz) *v* Abs Dz 2 выгонять

гонял gan'ál (Dz) *v Perf* Dz 1 **выгонять**
гоняли gan'áli (Dz) *v Perf, Pl* Dz 3 **выгонять**
город górod (Dz) *n* Dz 1 **город**
господин gospodínə (Ch) *n* Ch 1 **господин** (вежливое обращение) ♦ погули еса, господин Далай? (Ch) в гости пришли, господин Далай?
грамм gəráma (K) *n* K 2 **грамм**
грязный gal'ázyna (Sp) *atr* Sp 1 **грязный**
гуляй guláj (Vr) *v Abs* Vr 1 **ездить, ходить**
гуляй-гуляй guláj-guláj (Ya) *v Abs* Ya 1 **гулять, развлекаться**

Д

да da (K) *part* K 1 **да**
давай dawáj (Ya, K) *v Abs* Ya 3, K 2 **давать** ♦ воды ницы пилули давай (Ya) я дам тебе лекарство
давали dawáli (Dz) *v Perf, Pl* Dz 1 **отдавать** ♦ я китайса давали мене ихинь (Dz) меня-то отдали китайцу
давно dawnó (Dz, K) *adv* Dz 3, K 1 **давно**
далёко dal'ókə, tal'ókə, dal'aoka B (B, Dz, Tz, K) *atr* Dz 2, B 1, Tz 1, K 1 **далеко**
дали dáli (Tz) *v Perf, Pl* Tz 1 **сдавать** (продавать в официальную организацию)
дают dajútə (Dz, K) *v Praes, Pl* Dz 1, K 1 **давать** ♦ мене два сына было, не даюта мене ихинь (Dz) У меня было два сына, мне их не отдали
два dwa, duwá (B, Dz, Ar) *num* Dz 5, Ar 2, B 1 **два**
двадцать dəwátsati (Vr) *num* Vr 1 **двадцать**
девушка déwusəkə (K) *n* K 1 **девушка**
дед dédə (Dz) *n* Dz 2 **муж, старик**
делай déləj (Dz, Vr, K) *v Abs* Dz 4, Vr 3, K 4 **делать** ♦ ничего не делай (Dz) ничего не поделаешь ♦ бульдозера ровно делай (K) бульдозером равняли ♦ делай куши (Vr) кормить
делала délala (K) *v Perf* K 5 **делать**
дело délo (Ch) *n* Ch 3 **дело** ♦ Микита особо дело, за тебе особо дело (Ch) Никита одно дело, ты – другое дело
день déna (Ch) *n* Ch 1 **день**
деньги dénégi, z'əŋgə (K), z'ánia (K) (Vr, K) *n* Vr 1, K 3 **деньги** ♦ это дзяня-на их зажигал, наша не знала (K) это были деньги, их жгли, а мы не знали [о китайском обычае жечь бумажные деньги на похоронах]
десять dzés'a (K) *num* K 1 **десять**
директор dilékətalə (K) *n* K 1 **директор**
дождик dózika (Ya) *n* Ya 1 **дождь**
долгой dolój (K) *v Abs* K 1 **долгой** (в выражении "голова долой")
дом dómə, tóma (Dz, Tz, Ya, K) *n* Dz 8, Tz 1, Ya 1, K 1 **дом**
дома dómə (Dz) *adv* Dz 2 **дома** ♦ там дома сиди (Dz) дома сидит
дорогой dorogo (Vr) *atr* Vr 1 **дорогой**
достанешь dasətánish (Tz) *v Praes, 2 Sg* Tz 1 **доставать** (в сочетании "ничего не ДОСтанешь")
дочь dóchə (Dz) *n* Dz 1 **дочь**
дрова dərawá, dəlawá (Dz, Vr) *n* Dz 1, Vr 1 **дрова** ♦ длова лаботай (Vr) [я] зарабатываю рубкой дров
другой dərugój (Sp) *pron* Sp 1 **другой**
дрянь dəriáni (Ch) *atr* Ch 1 **плохой, дрянной**
думай dúmaj (Ya, Vr, Ar) *v Abs* Ya 1, Vr 1 **думать** ♦ тебе думай много-мало? (Vr) долго ли ты будешь думать?

Дункай Duŋkáj (Dz) *n* Dz 2 Дункай; (нанайский род)

дурак duláka (Vr) *n* Vr 1 дурак ♦ дурака валяй (Vr) валять дурака ♦ во мынь ингай шо, ты дулака не валяй (Vr) мы должны сказать, чтобы ты не валял дурака

дырка dírochekei (Ch) *n* Ch 1 дыра

Е

ебенамать ibiəmət' (K) *interj* K 5 нецензурное ругательство

его iwó (Dz, Sp, Ya, Ch, K, Ar) *pron pers* Dz 58, Sp 1 1. Ya 8, K 5, Ar 2 он, она, оно (Им. н.) ♦ его шила его (Dz) она шила его [костюм] ♦ его купи ю мей ю? (Ya) что он купил?

2. Ya 1, K 22 его, ему (Косв. н.) ♦ его думай моя его цена давай (Ya) он думает, я дам ему денег

3. Ch 2, K 1 они ♦ за его помешай поторговай буду (Ch) они будут мешать торговать

4. *pron poss* K 5 его, её

5. *part* K 6 *изафетный показатель притяжательности* ♦ бабушка его захорони чего-то ровно (K) моги-лу бабушки сравнивали

6. *mod* Dz 1, K 32 *показатель 3 л. (в постпозиции)* ♦ дауно его (K) это было давно

7. K 1 это (указат. связка)

еле-еле jéli-jéli (Tz) *adv* Tz 1 еле-еле, едва ♦ я еле-еле ходит (Tz) я едва хожу

ерлан erlán (Ya) *n* Ya 1 доза (спиртного) (кит. er-liang)

еса jésa, jest' (Ch, Shd) *mod* Ch 10, Shd 1 *показатель перфектива, результата*

еси jési, jésy B (Ch, B, K, Vr, Ar) 1. *v Praes* K 8, Ch 1, B 2, Ar 1 *БЫТЬ, иметься* ♦ Ти гэкай дувал есы? (B) У тебя какой товар есть?

2. K 1 *показатель перфектива, результата, хабитуалиса* ♦ моя мала-мала читай еси (Vr) я немного умею читать

ещё is'ó (Dz, Spr, Tz, K, Ar) *adv* 1. Dz 2, Tz 1, K 4 ещё, к тому же ♦ ещё кушай вари (Dz) к тому же он варит пищу

2. K 1 ещё; still ♦ Талакана мужика ещё еси (K) У Салаганихи ещё жив муж

3. Sp 1 снова, больше ♦ ещё совсем тебе не надо купи (Spr) больше тебе не стоит ходить за покупками

4. K 4, Ar 1 ещё ♦ ещё панты еси (K) ещё есть панты

Ж

жалей zaléj (Ch) *v Abs* Ch 1 жалеть, сожалеть ♦ после жалей буду (Ch) потом пожалеешь

жалко záləkə (Dz) *mod* Dz 2 жалко ♦ мене жалко их детей (Dz) мне было жалко детей ♦ его мене сына тоже гоняй, я его жалко (Dz) моих сыновей тоже выселили, мне было жаль их

жена ziná (Dz) *n* Dz 2 жена

женили ziníli (Dz) *v Perf, Pl* Dz 1 жениться, выходить замуж ♦ когда я низ ходила, женили меня его (Dz) когда я ездила вниз по течению реки, он на мне женился

женушки zénushəki (Ch) *n* Ch 4 жена ♦ почето за ваша женушки сюда походи нету? (Ch) почему ваша жена сюда не приехала?

женщина zénəs'inə (Dz) *n* Dz 1 женщина, жена

женьшень zéŋ-séŋ (K) *n* K 10 женьшень

жесток zisətóki (Ch) *atr* Ch 1 грубый ♦ за ваша мужа жесток манера поживу еса (Ch) ваши мужья живут грубым образом

жива zuvá (Al) *atr* Al 1 живой

живи ziwí (Dz, K) *v Abs* Dz 4, K 2 жить

животнэ ziwótəŋə (Dz) *n* Dz 1 зверь (ответ на стимул, со словом "животное")

жил zílə (Dz) *v Perf* Dz 1 жить

жили zíli (Tz) *v Perf, Pl* Tz 3 жить

жильё dzijó (K) *n* K 5 дом, постройка ♦ его загородила на сопка его, сейчас жильё там всё еси (K) эта ограда была на сопке, а теперь там всё застроили

3

за за (Tz) *prep* Tz 1 **за**; fog (в контексте "за мука" за муку)

за за (Ch, K, Mk) *prep* 1. Ch 26 показатель фокуса ♦ за тебе как подумай, за моя пришёл еса (Ch) как ты думаешь, зачем я пришёл?

2. Ch 5, K 2, Mk 1 общее предложное значение ♦ за женушки месяза посиди нету (Ch) с женами вместе не посидят ♦ я за своя роди(н) ходила (K) я ездил к себе на родину ♦ мая за тибби хорошанки цай почивай буду (Mk) я угощу тебя хорошим чаем

забирала zabirála (Dz) *v Perf* Dz 2 забирать (с собой)

заболи zabolí-lə (K) *v Perf* K 1 болеть

забыла zabýla (Tz, K) *v Perf* Tz 1, K 2 забывать

завтра záftra (K) *adv* K 2 завтра

загородила zagradíla (K) 1. *v Perf* K 3 отгораживать, перегораживать

2. *n* K 1 ограда

зад zada (Ch) *n* Ch 1 зад

зажигала tazigálə (K) *v Perf* K 4 зажигать, жечь

заказывай zakázywaj (Ch) *v Abs* Ch 1 заказывать

закон zakóna, zakúónə (Ch, K) *n* Ch 2, K 2 закон, обычай ♦ китайца закона (K) китайский обычай

замети zaméti (Tz) *v Abs* Tz 1 замечать

запирай zapiráj (Ch) *v Abs* Ch 1 запирать

заработай zalabótaj (Vr) *v Abs* Vr 1 заработать ♦ один сонца шесть рубли залаботай (Vr) я заработал за день шесть рублей

заходи zahadí (K) *v Abs* K 1 приходить

заходила zahodíle (K) *v Perf* K 1 ходить, ездить

захорони zaharaní (K) 1. *v Abs* K 3 хоронить ♦ после шестьдесят лета его захорони (K) после шестидесяти лет человека хоронили

2. *n* K 2 могила; ♦ люди захорони куча-ла его не сади (K) могильные холмы раньше не возделывали

зачем zachém (Dz) *pron* Dz 1 зачем

здесь d'es', d'ésia (Dz, K) 1. *adv* Dz 2, K 5 здесь

2. K 1 сейчас

3. *prep* Dz 1, K 1 в ♦ деся сепиэр тоже лоша (K) в спирт тоже кладут (настаивают на спирту)

здоровый darówə (K) *atr* K 2 здоровый

зелёный zil'ónə (K) *atr* K 1 зелёный

земля ziml'á, zimlí (Tz, K) *n* Tz 2, K 8 земля ♦ земля раньше все сади, магазина не купи ничего (Tz) раньше все выращивали на земле, ничего в магазине не покупали

зима zimá (Tz, K) *n* Tz 1, K 2 зима

зимой zimój (Dz) *adv* Dz 1 зимой

знаешь zənáish (Tz) *v Praes*, 2 *Sg* Tz 1 знать (вводное слово)

знай zənáj, zənáo (Vr, K) *v Abs* Vr 2, K 4 знать ♦ люди знай-ла когда его там захоронила (K) человек знал, где его похоронили

знала zənáló, shənalə B (B, K) *v Perf* K 1, B 1 знать ♦ тибби, булятил, я не шеналэ (B) тебя, приятель, я не знаю

знаша zənáša (Ch) *v Abs* Ch 1 знать ♦ за наша знаша, така буди (Ch) мы знали, что будет так

И

и i (Dz, K) *conj* Dz 2, K 9 **и**, а также

и... и i... i (Sp, Dz) *conj* Dz 1, Sp 1 как... так и, и ♦ солнце юла и ми юла (Sp) солнце было и не было [всходит и заходит]

ига íga (Ya) *num* Ya 1 один (кит. *iga* 'один')

игаян igaján (Vr) *adv* Vr 1 одинаково (рус. *эти*)

играй igláj (Vr) *v Abs* Vr 1 баловаться, играть

играй-играй igráj-igráj (Ya, Vr) *v Abs* 1. Ya 1 торговаться

2. Ya 1 насмехаться, издеваться ♦ ваша играй-играй не надо (Ya) не насмехайся [надо мной]

3. Vr 1 играть

или íli (Tz, K) *conj* Tz 5, K 1 или ♦ или чего (Tz) и так далее ♦ капкан постави или мясо или чего (Tz) ставили капканы на промыслового зверя или на что другое

имя ímen (Shd) *n* Shd 1 имя ♦ твоя имен? (Shd) как тебя зовут?

искай iskáj (Vr, K) *v Abs* Vr 1, K 1 искать ♦ сичаса искай нада лаботай (Vr) сейчас надо искать работу

их ix, íxə Dz (Dz, K) *pron* 1. K 1 они; (Им. п.) ♦ это дзяня-на их зажигал, наша не знала (K) это были деньги, они жгли, а мы не знали [о китайском обычае жечь бумажные деньги на похоронах]

2. Dz 2 их; (косв. надежи)

ихинь íxin' (Dz) *pron* 1. Dz 5 они

2. Dz 1 их

К

к чёрту kəchórətu (Dz) *interj* Dz 2 к чёрту

кабан kabán (Dz) *n* Dz 1 кабан, туша кабана

как kákə, gekaj B (B, Ch, K) *conj* Ch 7, B 1, K 2 как ♦ за тибби как подумай? (Ch) как ты думаешь? ♦ как ... одинаковый похожий на ♦ как перца одинаковый (K) похожий на перец

какой kakój (Ya, Ch, Al) *pron interrog* 1. Ya 1, Ch 1 какой ♦ какой люди хочу канка? (Ya) с кем ты хочешь встретиться? ♦ за тебе какой пекинский манера шёлк заказывай буду? (Ch) какие пекинские шелка ты будешь заказывать?

2. Al 1 что? ♦ ты за моя какой май-май? (Al) что ты хочешь у меня купить?

3. Ch 1 как? ♦ какой можно была за его поколоти (Ch) как можно было их победить!

камни káməni (K) *n* K 1 камень

канка kánka (Ya) *v Abs* Ya 1 видеть ♦ какой люди хочу канка? (Ya) с кем ты хочешь увидеться?

каньтрами kan'tramí Vr, kantranií Ya (Ya, Vr) *v Abs* 1. Vr 1 рубить; (рус. *эти*)

2. Ya 1 отрубать голову (кит. *кань* 'рубить')

капитан kapitána (Ya) *n* Ya 2 господин (вежливое обращение к мужчине) ♦ капитан, ваша не касайся (Ya) господин, это вас не касается

капкан kapkán Dz, kapkánə (Dz, Tz) *n* Dz 1, Tz 1 капкан

капуста kapúsa (Sp) *n* Sp 2 капуста

карапчи karápəchi (Ya) *v Abs* Ya 1 воровать, красть (неизвестного происхождения)

караул karaúla (Sp) *n* Sp 1 караул, охрана

карточка kárchikə (K) *n* K 2 картинка, фотография ♦ нанайса карточка тоже еси (K) нанайские книжки с картинками тоже бывают

картошка karətóshəka Tz, kərtúsha Ya (Tz, Ya) *n* Tz 1, Ya 1 картошка

касайся kasájsa (Ya, Vr) *v Abs* Ya 1, Vr 1 касаться (иметь отношение) ♦ капитан, ваша не касайся (Ya) господин, это нас не касается

кашляй káshli (K) *v Abs* K 1 кашлять

ке и ke i (Vr) *mod* Vr I мочь ♦ во ке и помогай (Vr) я могу помочь

километр kilométəla (K) *n* K I километр

китаёза kitájóza (Ya) *n* Ya I китаец (контаминация "китаец" + tzy)

Китай Kitáj (Dz) *n* Dz I Китай

китайски kitájski (Dz) *n* Dz I китаец ♦ посадили китайски эта (Dz) этого китайцы посадили в тюрьму

китайца kitájsə (Dz, K) *n* 1. Dz 5, K I китаец
 2. K 8 китайский Chinese ♦ люди китайца; китаец

когда kadá, katá, gaohuda B (B, Dz, Al, K, Kk) *pron* 1. Dz 7, B 1, Al 1, K 3, Kk I когда ♦ шейсят лета, пийсят лета када, кушай маленька рюмка (K) нужно принимать [настойку пантов] небольшими порциями, когда исполнится пятьдесят-шестьдесят лет
 2. K I где

кожи kózhə (Dz) *n* Dz I кожа

колодец kalódisə (K, Kk) *n* K I, Kk I колодец

колой kolój (Dz) *v* Abs Dz I колоть (дрова)

колонок kolonókə (Tz) *n* Tz I колонок (пушной зверь)

колхоз kaхóзə (Dz) *n* Dz I колхоз

компания kompániə (Dz) *postp* Dz I с, вместе с

конечно kanéshəne (Dz, Tz) *adv* Dz 5, Tz I конечно

контора kantóri (Dz) *n* Dz I контора

кончай kancháj (Vr) *v* Abs 1. Vr I кончать, заканчивать
 2. Vr I заканчиваться ♦ лета кончай (Vr) лето кончилось

кончила kónchilə (K) *v* Abs K 2 заканчивать, кончаться ♦ вот эта уже кончила-ла, щаса нету (K) такой [женьшень] уже кончился, такого теперь нет

копали karáli, karázi K (Tz, K) *v* Perf, Pl Tz 1, K 1 копать

копейка karéka (Vr) *n* Vr 2 копейка

кореец karéjsa (Tz) 1. *n* Tz I кореец
 2. *atr* Tz I корейский

коробка garóbəka (K) *n* K 5 коробка

коса kasá (Dz) *n* Dz I коса (реку)

кости kósti (Tz, K) *n* Tz 1, K 1 кости

который kotorýj (Kk) *pron* Kk I который

красивый kəlasíwə (Ya, K) *atr* Ya 1, K 1 красивый

красный kərásinə (K) *atr* K 3 красный

кричай kəricháj (Dz) *v* Abs Dz I кричать

кругом kurəkómə (K) *adv* K I вокруг, кругом

крупа kəlupá (Tz, Ya) *n* Tz 1, Ya 1 крупа

крючок kriuchóka (Ya) *n* Ya 1 крючок

кто kətó (Dz) *pron* Dz I кто

куда kudá (K) *adv* 1. K 2 где?, куда ♦ а теперь куда собирай? (K) а теперь где собирать?
 2. K I куда-то

куда-туда kəda-tədə́ (K) *intrj* K 1 передает значение "разгонять кого-то"

кукуруза kurúza (Tz, K) *n* Tz 1, K 2 кукуруза

куня kúnia, kúni Vr (Ya, Vr) *n* 1. Ya 1, Vr 1 девушка
 2. Ya 1 дочь (из kum. ku-niang)

купец kupéza (Ya) *n* Ya 1 **купец** ('кунец' + tzy)
купи kupí (Sp, Tz, Ya, Shd, Vr, K) *v* Abs Sp 2, Tz 2, Ya 2, Shd 2, Vr 2, K 2 **покупать, совершать покупки**
купила kupíla (Sp) *v* Perf Sp 7 **покупать**
купили kupíli (Dz) *v* Perf Pl Dz 1 **покупать**
курица kúritsa, kulitsái Ya (Sp, Ya) *n* Sp 2, Ya 1 **курица** ♦ ево курица яйцэ ломай (Spr) он разбил эти куриные яйца
курема kúrema (Ch) *n* Ch 3 **куртка**
кусок kusóka (Ch) *n* Ch 1 **кусок**
куча kúchə (K) *n* K 4 **куча, холмик**
кушай kúshəj (Dz, Vr, K, Ar) **1.** *v* Abs Dz 2, Vr 1, K 4, Ar 1 **есть, кушать, принимать (лекарство)** ♦ а эта женьшень кушай хорошо (K) женьшень очень полезный
2. *n* Dz 1 **еда** ♦ кушай вари не умеи его (Dz) она не может готовить пищу
кушаху kusháxu (Ch) *v* Abs **1.** *Ch* 1 **кушать, есть**
2. *Ch* 1 **пить** ♦ только рюмашка кушаху умеша (Ch) умеет только пить водку
куши kúshi, kúshə (Vr, K) *v* Abs Vr 2, K 3 **есть** ♦ **делай куши (Vr) кормить**
куши-куши kúshi-kúshi (Vr) *v* Abs Vr 1 **есть, кушать** ♦ **куши-куши нету (Vr) нечего есть**

Л

ладно lána (Ya) *interj* Ya 1 **ладно; ОК**
лази lázi (K) *v* Abs K 1 **лазить**
лайба lájba (Vr) *interj* Vr 1 **иди сюда! (рус. этн.)**
Лан lan (Tz) *n* Tz 2 **Лан (фамилия)**
латуза latúza (Vr) *n* Vr 1 **старик (рус. этн.)**
леденец ledenéza (Ch) *n* Ch 1 **леденец**
лекарство likástəfa (K) *n* K 2 **лекарство**
лес liésa (Ya, K) *n* Ya 1, K 3 **лес**
лет let (K) *n* Pl K 9 **годы (о возрасте)**
лето létə (Vr, K) *n* Vr 1, K 1 **лето**
лечи lechiə (K) *v* Perf K 4 **лечить** ♦ всё время боли, эта лечи (K) всё время когда заболеем, этим лечились
ли li (K) *conj* K 1 **или**
лишек lishika (B) *n* B 1 **излишек, лишек** ♦ **лишика набулоси (B) лишка не проси**
лоба lóbə (Ya) *n* Ya 1 **редька (зелёная) (кит. lo-po, дальневост. рус. лоба)**
лодка lótəkə (Dz) *n* Dz 2 **лодка**
лож lósa (K) *v* Abs K 7 **класть** ♦ это сепиэр ложа (K) его настаивают на спирту
ломай lamáj (Sp) *v* Abs Sp 1 **ломать, разбивать, портить** ♦ его курица яйцэ это ломай (Sp) он разбил эти яйца
ломайла lamájla (Ya) *v* Perf Ya 2 **болеть** ♦ его ломайла ю мэи ю? (Ya) он заболел?
ломала lamálə (K) *v* Perf K 2 **рубить (лес)** ♦ всё ломала куда увозила это дом постави (K) всё вырубил и вывезли, дома поставили
лучше lúche (K) *adv* K 1 **лучше**
люда-люда liúda-liúda (Ya) *v* Abs Ya 1 **гулять (кит. liu-ta liu-ta)**
люди l'údi (B, Dz, Ya, Ch, Vr, K, Kk, Ar) *n* **1.** Dz 1, B 1, Ya 1, Ch 1, Vr 1, K 9, Kk 1, Ar 4 **человек** ♦ **ваша это кто хочет люди (Dz) из вас кто хочет [уехать]? ♦ какой люди хочу канка? (Ya) с кем ты хочешь увидеться? ♦ за твоя Микита дрянь люди (Ch) твой Никита дрянной человек**

2. *Dz 1, K 5, Ar 1* люди ♦ много люди китайска (*Dz*) много китайцев
3. *Ar 2* животное, птица ♦ тайга много разный люди есть (*Ar*) в тайге много различных обитателей
ляг l'ag (*Dz*) *v Abs Dz 1* ложиться
лянга liánga (*Ya*) *num Ya 1* два (*kum. liang 'два'*)
лянсуй l'ansúj (*Vr*) *n Vr 1* вода (*рус. этн.*)

М

магазин magazínə, maazínə *K (Dz, Tz, K) Dz 1, Tz 2, K 1 n магазин*
мадама madáma (*Ya, Shd*) *n Ya 2, Shd 1* мадам (*вежливое обращение к женщине*) ♦ мадама, тебе серчай не надо (*Ya*) не сердитесь, мадам
май mái (*Ya, Al*) *v Abs 1. Ya 1, Al 1* продавать ♦ старый вещи май пу май? (*Ya*) ты продаёшь старьё?
2. *Al 1* покупать (*с редупликацией maj-maj*) (*kum. mai*)
мала-мала mála-mála (*B, Ya, Vr, K*) *adv Ya 1, B 2, Vr 3, K*
2 немного ♦ мая мала-мала читай еси (*Vr*) я немного умею читать
малень málín' (*Dz*) *atr Dz 1* маленький
маленький málín'kə, málén'ki *Ch (Ch, Dz, K, Kk) atr Dz 3, Ch 1, K 2, Kk 1* маленький
малица málisa (*Dz*) *n Dz 2* ребёнок, младенец
мало málə (*Ch, Vr*) *mod 1. Ch 1, Vr 1* мало, не только, не просто ♦ погули мало (*Ch*) не только в гости
2. *atr K 1* маленький
малодой maladóǵ (*Tz*) *atr Tz 1* моложе
мама máma (*Dz*) *n Dz 4* мать
маманди mamandí (*Vr*) *interj Vr 1* подожди! (*рус. этн.*)
мамка mámkə (*Dz, Spr*) *n 1. Dz 1* жена ♦ два мамка была папа (*Dz*) у отца было две жена
2. *Dz 1, Sp 5* мать ♦ эта мамка сердица (*Sp*) мать рассердилась
манера manéra (*Ch*) *n 1. Ch 4* обычай, поведение ♦ за ваша особа манера (*Ch*) у вас другие обычаи
2. *Ch 1* вид, сорт ♦ за тебе какой пекинский манера шёлк заказывай буду (*Ch*) что из пекинских шелковых материй ты закажешь?
манты mánty (*Ya*) *n Ya 1* манты (*kum. man-t'ou*)
манула manúla (*K*) *v Perf K 1* обманывать
Мартыниха marətúnixə (*Dz*) *n Dz 1* Мартыниха (*личное имя*)
машина mashína, masínə *K, masén K (Vr, K) n 1. Vr 1* машина ♦ сичаса во машина ю цзю ботинка пятнадцати рубли (*Vr*) сейчас у меня есть машина, сшить ботинки стоит пятнадцать рублей
2. *K 2* автомобиль ♦ надо машина, пять часа надо туда ходи (*K*) туда надо ехать на машине, путь занимает пять часов
машинка mashínka (*Ya*) *n Ya 1* мошенничество ♦ ниды машинка ю (*Ya*) ты мошенничаешь [букв. у тебя есть мошенничество]
мене miné (*Dz*) *pron 1. Dz 11* меня (*Косв. n.*) ♦ мене бьёт его (*дз*) он бьет меня
2. *Dz 2* мой; my ♦ один мене мамка давно помирала (*Dz*) одна из моих матерей умерла давно ♦ его мене сынэ тоже гоняй (*Dz*) моего сына он тоже выгнал
место m'éstə (*Ar*) *n Ar 1* место ♦ его всегда один место стоит (*Ar*) она (Полярная звезда) всегда стоит на одном месте
месяза mésiaza (*Ch*) *postp Ch 3* вместе ♦ женушки месяза поживу еса (*Ch*) вместе с женой живет [живете?]
мех méxa (*Ch*) *n Ch 1* мех
мешай misháə (*K*) *v Abs K 1* смешивать
мешок mishókə (*Sp*) *n Sp 3* мешок

ми *mí* (Sp) **part** Sp 1 **не** (отрицание при связке) ♦ юла и ми юла (Sp) был и не был (*кит. теј*)

миамбо *miambó* (Ya) **n** Ya 1 **хлеб** (*кит. тиен-пао*)

много *pógo* (Dz, Vr, K, Ar) **quant** Dz 4, Vr 1, K 6, Ar 2 **много** ♦ работа много (Dz) много работы

мнужко *pózkə* (K) **adv** K 2 **немного**

мнужко-мнужко *póshkə-póshkə* (Dz) **adv** Dz 1 **немного, немножко**

могу *mógu* (Dz, K) **v** Abs Dz 1, K 1 **мочь, быть способным** ♦ пиши могу (K) можно писать

може *móze* (K) **mod** K 2 **может быть** ♦ ты ещё може помирала, зима (K) а то можешь умереть, особенно зимой

можно *móženo* (Ch) **mod** Ch 6 **можно** ♦ шалтай-болтай можно (Ch) можно договориться

мой *moj* (Sp) **v** Abs Sp 1 **мыть**

мой *moj* (Tz) **pron poss** Tz 1 **мой**

монгол *moŋgólə* (K) **n** K 3 **монгол**

монеза *monéza* (Ch) **n** Ch 1 **деньги** (*монета + tzy*)

морда *morədá* (K) **n** K 2 **лицо** ♦ ниношка такой выпил и морда красный, сёремя нибали, ни кашляй (K) если принимать его понемногу, будет хороший цвет лица, никогда не будешь болеть, простужаться

море *móre* (Vr) **n** Vr 1 **море** ♦ мая море юли юли (Vr) я работаю на море лодочником

мая *majá* (Sp, Tz, Ya, Ch, Shd, Al, Vr, Kk, Mk, Ar) **1.** Sp 1, Ya 2, Ch 9, Shd 1, Vr 7, Kk 1, Mk 1, Ar 4 **pron** Я (*Им. n.*) ♦ мая ходи буду (Shd) я приду

2. Ya 1, Al 1 **меня, мне, мной** (*Косв. n.*) ♦ мая ю ига куня, лянга сынка (Ya) у меня одна дочь и два сына

3. Tz 1, Shd 1 **pron poss** мой ♦ мая старика нахоту ходи (Tz) мой муж ходил на охоту

муж *múza* (Ch) **n** Ch 1 **муж**

мужик *mužíkə* (K) **n** **1.** K 2 **муж**

2. K 1 **мужчина**

мужчина *musínna* (Tz) **n** Tz 1 **мужчина**

мука *muká* (Sp, Tz) **n** Sp 1, Tz 3 **мука; flour**

мур-мур *mur-mur* (Ya) **v** Abs Ya 1 **говорить** ♦ ниды шима мур-мур? (Ya) что ты говоришь?

мучи *múchi* (Dz) **v** Abs Dz 2 **мучиться**

мы *my* (Tz) **1.** Tz 4 **pron** мы (*Им. n.*) ♦ мы приехал корейцы фанза (Tz) мы переехали в корейские дома

2. Tz 1 **нас** (*Косв. n.*) ♦ а мы раньше надо бы спросил бы (Tz) ты бы нас раньше спросил

мясо *m'ásə* (Dz, Tz, Vr) **n** **1.** Vr 1 **мясо**

2. Dz 2, Tz 1 **промысловый зверь** ♦ мясо не убивай, ничего не умеи (Dz) он не добывал зверя, ничего не умел

мять *m'at'* (Dz) **v** Dz 1 **мять** (*о коже*)

Н

на *na* (Ch, K) **prep** Ch 1, K 1 **на** ♦ на тебе посмотри, адали леденеза кушаху еса (Ch) смотреть на тебя, как будто конфету есть ♦ посади на земли, земля сади эта его (K) в землю сажают, землю засеивают, вот так

на сопка *nasópkə* (K) **adv** K 1 **на сопке**

на улице *naúlíca* (K) **adv** K 1 **на улице**

на чёрта *nach'orətə* (Dz) **interj** Dz 1 **на чёрта, зачем** ♦ на чёрта мене живи (Dz) на чёрта мне жить (с ним)

наверно *naérna, náina* (Tz, K) **adv** Tz 1, K 1 **наверно**

надо *náda, nadu* B (B, Dz, Sp, Tz, Ya, Ch, Vr, K, Ar) Dz 5, B 2, Sp 4, Tz 1, Ya 2, Ch 1, Vr 1, K 5, Ar 1 **mod** надо ♦ ихинь не нада (Dz) не нужно их [китайцев] ♦ другой раз тебе не надо купи (Spr) в другой раз не стоит тебе совершать покупки ♦ после отдавай надо буду (Ch) потом надо будет отдавать

называй nazywáj (Ch) v *Abs* ch 1 называть

налей naléj (K) v *Abs* K 1 наливать

налила nalíle (K) v *Perf* K 1 наливать

нанаец nanájsa (K) **1.** n K 2 нанаец

2. *adj* K 1 нанайский

наша nása (Dz, Ch, K) *pron* **1.** Dz 1, K 5, Ch 1 мы (Им. n.) ♦ наша не ходила (K) мы не пошли

2. Ch 1 нас (Косв. n.) ♦ за наша женушки адали бога подумай еса (Ch) мы жен почитаем как божества

3. Dz 1, Ch 1, K 1 наш ♦ наша был дом (Dz) наш дом был там

нашёл nashuóla (Ya) v *Perf, Sg* Ya 1 находить

нашла nashóla (K) v *Perf* K 2 находить

нашли nashlí (Tz) v *Perf, Pl* Tz 1 находить

не ní, ne, na B (B, Dz, Sp, Tz, Ya, Ch, K, Vr) **1.** B 2, Dz 33, Sp 5, Tz 3, Ya 5, Ch 2, Vr 6, K 15 *part neg* не ♦ не спи его (Dz) он не спит ♦ не надо бутылка пускай яйцэ (Spr) не надо засовывать яйца в бутылку ♦ магазина не купи ничего (Tz) в магазине ничего не покупали

2. Tz 1, K 4 не так ♦ а раньше не (Tz) а раньше [было] не так

не выпей níuipéj (K) v *Abs* K 1 не пить ♦ ты когда куши это его, множко не выпей (K) когда его принимаешь, помногу не пей

не знай nínáj (K) v *Abs* K 3 не знать

не могу nímagú (Vr) *mod Abs* **1.** Vr 2 быть не способным (что-л. делать) ♦ один люди делай куши не могу (Vr) один человек не может прокормить [семью]

2. Vr 1 быть не способным сделать ♦ я па русски не магу (Vr) я не умею говорить по-русски

нельзя níž'á (Vr, K) *mod* Vr 1, K 3 нельзя ♦ куча нельзя, земля чего-чего сади, ровно делай (K) холмик [могильный насыпать] нельзя, [на этом месте] сажают разное, потому равняют

немножко nínoškə, nínošhkə (Tz, K) *adv* Tz 1, K 1 немного, чуть-чуть ♦ Лан тоже немножко молодой (Tz) Лан тоже немного моложе [меня]

непреремно nepereména (Ch) *adv* Ch 1 конечно

нет net (Dz) *mod* Dz 2 нет

нету nétu Sp, nítu Ch (Sp, Ch) *part* Sp 2, Ch 5 не (глагольное отрицание) ♦ эта либа помирай нету (Sp) рыба была живая

нету nétu, néta Shd (Dz, Ch, Shd, Vr, K) *mod* Dz 2, Tz 1, Ch 2, Shd 1, Vr 2, K 4 нет, не имеется ♦ а больше старый человек нету (Tz) а больше старых людей нет

нетула nétula (Tz, Ya) *mod Perf* Tz 2, Ya 1 не было ♦ старый уже нетула (Tz) стариков уже не осталось

нехорошо níxarashó (Vr) *adv* Vr 1 плохо, не хорошо

ни ní (*Vr*) *pron* 2 Sg Vr 1 ты (кум. ní)

ниды nídy (Ya, Vr) *pron pers.* 2 Sg **1.** Ya 4, Vr 1 ты (Им. n.) ♦ ниды ходи ю мэй ю? (Ya) ходишь ли ты?

2. Ya 2 тебя, тебе (косв. надежи)

3. Ya 1 твой ♦ ниды сердце крючок (Ya) твоё сердце – крючок [т.е. ты злой] (кум. ní-dy)

низэ nížə (Dz) *adv* Dz 2 вниз (по течению)

никто n'oxtó (K, Dz) *pron* Dz 2, K 2 НИКТО

нинка níjká (Dz) n Dz 1 китаец (удэг. нингка 'китаец')

ничего níchó (Dz, Tz, K) **1.** Dz 6, Tz 3, K 1 *pron* ничего

2. Dz 1 *adv* ничего, неплохо

ничимоза níchimóza Vr (Ya, Vr) *adv* Ya 1, Vr 1 ничего, не страшно ('ничего' + mou+tzы)

ночь nóchə (Dz) *adv* Dz 3 ночью

ночью nóchu (Dz) *adv* Dz 1 ночью

ну nu (Tz, Ch, K) *part* Tz 2, Ch 1, K 1 ну

ну и nu i (Dz) *conj* Dz 1 ну и

нянчи n'ánc̣hi (Dz) *v Abs* Dz 1 нянчить

О

огород ogoródə Dz, nagaródə Tz (Dz, Tz) *n* Dz 1, Tz 1 **огород** (форма Tz, является контаминированным "на огороде")

огурец kuliétsa Ya, agurtsá Vr (Ya) *n* Ya 1, Vr 1 **огурец**

один ədín, adín Vr, odína Ch (B, Dz, Tz, Ch, Vr, Ar) **1.** B 1, Dz 5, Vr 1 *adv* один, в одиночку ♦ один люди делай куши не могу (Vr) в одиночку человек не может прокормить семью

2. *pron* Ch 2 некоторый ♦ одина шуба ниту (Ch) у некоторых шубы нет

3. *num* B 1, Tz 1, Ch 1, Vr 3, Ar 1 **один**

одинаковый ədinákə (Dz, K) *postp* **1.** Dz 2, K 2 как, подобно ♦ трава одинаковый его (Dz) она [рубашка] как трава [зеленая] ♦ раньше как здесь одинаковый (K) раньше там было как здесь

2. K 1 похожий

оженила əziníłə (Dz) *v Perf*, Dz 1 жениться

окно akəpó (Sp) *n* Sp 1 **окно**

она aná (Tz) *pron* Tz 1 он, она ♦ она тоже болей (Tz) он тоже болеет

опускайла apusəkájla (Sp) *v Perf* Sp 1 опускать, класть (в бутылку)

особо osóba (Ch) *atr* Ch 3 другой ♦ за ваша особа манера (Ch) у вас другие обычаи ♦ особо... особо один... другой ♦ Микита особо дело, за тебе особо дело (Ch) Никита одно дело, ты – другое

остави astáwi, osatawl'áj Ch (Ch, Dz) *v Abs* Dz 3, Ch 1 оставлять

отдавай adawáj (Ch) *v Abs* Ch 1 отдавать

отдыхай dixáj (Dz) *v* Dz 1 отдыхать

охота oxótə Dz, naхótu Tz (Dz, Tz) *n* Dz 2, Tz 2 **охота**

охотай oxótəj (Dz) *v Abs* **1.** Dz 1 охотиться

2. Dz 2 добывать ♦ и мяса сѐремь охотай зимой (Dz) зимой [он] постоянно добывал мясо

П

пампушка pampús'əka (Tz, Ya, Vr, K) *n* Tz 1, Ya 1, Vr 1, K 1 **пампушка** (китайский хлеб, приготовленный на пару), хлеб

панты ránty, ránty K (Dz, K) *n* Dz 1, K 4 **панты** (незатвердевшие рога изюбря, используемые как лекарство)

папа rápa (Dz, K) *n* Dz 6, K 4 **отец**

паровоз palawózə (Ya) *n* Ya 1 **паровоз**

пароход paraхóudə (K) *n* K 2 пароход, паровоз ♦ раньше парохуода нету... хадыка туда пошёл (K) раньше поездов не было, шли туда пешком

Пекинский pechinéseki (Ch) **1.** *n* Ch 1 Пекин

2. *adj* Ch 1 пекинский ♦ за тебе какой пекинский манера шёлк заказывай буду (Ch) что из пекинских шелковых материй ты закажешь?

пельмени peleméni (Tz) *n* Tz 1 **пельмени**

перец réricə (K) *n* K 1 **перец**

перед réreda (Ch) *n* Ch 1 **перед**

перёд pir'ót (Dz) *adv* Dz 1 сначала ♦ папа перёд помирала (Dz) сначала умер отец

печи réchi (Tz) *v Abs* Tz 2 печь, готовить на пару ♦ мука хлеба печи, памушка печи (Tz) из муки пекли хлеб, делали пампушки

пили pilí (Dz) *v Abs* Dz 1 **пилить**

пилюли piliúli (Ya) *n* Ya 1 **лекарство, таблетки**

пиши pishí (K) *v Abs* K 4 **писать** ♦ так гумага пиши (K) так написано в документе

плакай plákaj (Dz) v Abs Dz 2 плакать

плати rəlatí (K) v Abs K 1 покупать ♦ китайса эта больница делала, женьшень плати, лекарство делала (K)
эти китайцы построили больницу, покупали женьшень, чтобы делать лекарство

плохо lóxə (Dz) adv Dz 2 плохо

плохо plóxə (Tz) atr Tz 1 плохо

по ро (Tz) prep 1. Tz 2 по (см. "носонка")
2. Tz 2 за (при обмене) ♦ по мука, по крупа (Tz) за муку и крупу

по сопка rəsópka (Tz K) adv Tz 1, K 1 по сопкам, за сопками

повеси rowési (Ch) v Abs Ch 1 вешать, вешаться ♦ за моя соли повеси буду (Ch) я наверняка завтра повешусь

поговори ragawalí (Ch) v Abs Ch 3 говорить ♦ как можно так поговори? (Ch) как можно так говорить?

погули rogúli (Ch) v Abs Ch 2 ходить в гости ♦ погули еса, господин Далай (Ch) в гости пришли, господин Далай?

под рódə (Ch) prep Ch 1 под

поделила toudíləjlə (K) v Perf K 1 делить, поделить

подожди podozədí (Ch) v Abs Ch 1 ждать

подумай radúməj (Ch) v Abs Ch 4 думать ♦ сама подумай можно (Ch) можно подумать о себе

поживи rozíwí (Ch) v Abs Ch 1 жить

поживу razíwu (Ch) v Abs Ch 1 жить ♦ женушки месяза поживу еса (Ch) вы живете вместе с женами

пойдёт pod'ót (Dz) v Fut, 3. Sg Dz 1 пойдёт

полиция ralíca (Ya) n Ya 1 полиция ♦ его цена не давай, полиция ходи (Ya) если он не отдаст деньги, пойду в полицию

показывай pokázywaj (Ch) v Abs Ch 1 показывать

поколоти pokolotí (Ch) v Abs Ch 1 бить, побить ♦ какой можно была за его поколоти (Ch) как можно было их победить!

полноте rólnote (Ch) interj Ch 1 полноте, да что вы (рус. эти.)

полный rólənə (Dz) atr Dz 1 полный

помешай pamisháj (Ch) v Abs Ch 2 мешать

помидор pamitóla (Ya) n Ya 1 помидор

помирай pamiráj (Sp) v Abs Sp 1 умирать

помирала pomirála Dz, pomirlá Tz (Dz, Tz, K) v Perf Dz 6, Tz 1, K 1 умирать

помнила rómilə (K) v Perf K 1 помнить

помогай ramagáj (Dz, Vr) v Abs Dz 1, Vr 1 помогать

помогала ramagála (Dz) v Perf Dz 1 помогать

понимай panimáj (K) v Abs K 1 понимать

поноси ponosí (Ch) v Abs Ch 2 носить (одежду) ♦ за ваша соледаза за наша восещанка поноси было (Ch)
ваши солдаты были одеты в наш холст

попала rapála (Dz) v Perf Dz 1 попасть, оказаться

попало rapála (Tz) v Perf Tz 1 попасть ♦ что попало (Tz) что попало

по-русски parúski (Vr) adv Vr 1 по-русски

посади pasadí (K) v Abs K 1 сажать

посадил pasadíl (Dz) v Perf Dz 1 сажать (в тюрьму) ♦ ихинь посадил его китайса (Dz) этого китайца посадили [в тюрьму]

посадили posadíli (Dz) v Perf, Pl Dz 1 сажать (в тюрьму)

посиди posidí (Ch) v Abs Ch 2 сидеть ♦ за ваша женушки месяза посили еса? (Ch) вы сидите с женами?

после pósəle, pósəlia (Ch, K) *adv* Ch 2, K 1 после, потом
посмотри posəmatrí (Ch, K) *v Abs* Ch 1, K 2 смотреть
постави pastávi (Tz, K) *v Abs* Tz 1, K 1 ставить (о капкане, доме)
поставь pəstávi (Dz) *v Abs* Dz 1 ставить (капкан)
постоянно pəstójánə (Ar) *adv* Ar 1 всё время ♦ моя постоянно охота ходи (Ar) я всё время хожу на охоту
потом potóm (Dz, K) *adv* Dz 6, K 4 потом, а когда ♦ потом его лодка ходи, я компания ходи (Dz) когда он ездил на лодке, я ездила с ним
поторговай potorgowáj (Ch) *v Abs* Ch 1 торговать
поумирай poumiláj (K) *v Abs* K 1 умирать
поумирала poumilájlə (K) *v Perf* K 2 умирать ♦ завтра може там больница ходи поумилайлэ (K) а завтра, может быть, заболеешь и умрёшь
походи roxódi (Ch) *v Abs* Ch 1 ходить, приходить, приезжать
почём rachóma (Vr) *adv* Vr 1 почём, сколько стоит? (рус. *эти.*) ♦ агурца стоит пачёма (Vr) сколько стоят огруцы?
почивай pochiwáj (Mk) *v Abs* Mk 1 угощать
почто rochetó (Ch) *pron* Ch 1 почему ♦ почто за ваша женушки сюда походи нету? (Ch) почему ваша жена не едет сюда?
пошёл pəsól Dz, pasóla Ya (Dz, Ya, K) *v Perf* Dz 1, Ya 1, K 4 ходить, уходить, уезжать
правильно pərávina, burávina (Sp) *adv* Sp 4 правильно
прибавь bulibejwej (B) *v Abs*, B 1 прибавь ♦ ти мала-мала булибэйвэй (B) прибавь немного
приехал pərijéxal (Tz) *v perf*, Tz 1 приезжать, переезжать
пришёл pərishóla, bolishóla B (B, Ch, Al) *v Perf*, *Sg* Ch 1, B 2, Al 1 приходить
пришивай pirishiwáj (Ch) *v Abs*, Ch 1 пришивать
приятель bulijatil (B) *n*, B 1 приятель
провинция pərvínj (K) *n* K 1 провинция (административная единица Китая)
продавай pəradawáj (Shd, Vr) **1.** *n* Shd 1 товар (ситуативно) ♦ продавай мая шангау (Shd) мой товар хорош
2. *v Abs* Vr 1 продавать
продаёт pərodajót (Dz) *v Pres*, *Sg* Dz 1 продавать
пропади pəropadí (Ar) *v Abs* Ar 1 погибать ♦ много люди пропади (Ar) много птиц погибло
проси bulosi (B) *v Abs*, B 1 проси
прямо pəriáma, bul'aoma B (B, Ch) *adj* B 1, Ch 1 верный, истинный ♦ прямо слово (Ch) это правда
прячи pə'áchi (K) *v Abs* K 4 прятать ♦ а чего прячи его? (K) зачем его прятать?
прячила pə'áchila (K) *v Perf* K 2 прятать ♦ его сына прячила (K) его спрятал сын
пускай pusəkáj (Sp) *v Abs* Sp 5 класть, ставить, засовывать ♦ риса правильно мешокэ пускай (Spr) рис следует класть в мешок
пускайла pusəkájla (Sp) *v Perf* Sp 2 класть, засовывать, отпускать
пшеница shinísa (Tz) *n* Tz 1 пшеница
пятнадцать pitnásati (Vr) *num* Vr 1 пятнадцать
пять p'ach (Vr, K) *num* Vr 1, K 1 пять ♦ тебе ю пять капека? у тебя есть пять копеек?
пятьдесят pis'át (K) *num* K 1 пятьдесят
пятьсот p'asózá (K) *num* K 1 пятьсот

Р

работа robótə (Dz, K) *n* Dz 1, K 1 работа ♦ люди всё ходила работа (K) люди пошли на работу

работай robótaj (Dz, rabótai Ya, labótaj Vr (Dz, Ya, Vr) **1.** v Abs Dz 5, Ya 1, Vr 4 работать, зарабатывать на жизнь
 ♦ колхоза работай его магазин там (Dz) он работал в колхозном магазине ♦ его работай не хочу, его гуляй-гуляй хочу (Ya) он хочет не работать, а гулять
2. n Vr 1 работа ♦ сичаса искай нада лаботай (Vr) сейчас надо искать работу

работала lobódalə (K) v Perf K 1 работать

рабочий lobóchi (K) n K 1 рабочий

раз rázə (Sp) n Sp 1 раз ♦ другой раз (Sp) в другой раз

разный ráznə (Ar) pron Ar 1 разный, всякий ♦ тайга много разный люди есть (Ar) в тайге много различных обитателей

раньше lán'se, alán'se (Tz, K) adv Tz 7, K 12 раньше

растёт rast'ó (K) v Praes K 1 расти ♦ кукуруза-лэ, соэ-лэ, всё растё, хорошо растё и кукуруза и соя, всё там хорошо росло

расти rasí (K) v Abs K 2 расти

рис rísə (Dz), lísə (Sp) (Dz, Sp) n Dz 1, Sp 4 рис

ровный róunə (K) atr K 5 ровный, плоский

родина ródiŋ (K) n K 1 родина

Россия Roséju (Dz) n Dz 1 Россия

рубаха rubáxa (Ch) n Ch 2 рубашка

рубль rúblí Vr, K, lúblí K (Vr, K) n Vr 3, K 4 рубль

ругай lugáj (Vr) v Abs Vr 1 ругать

русский rúskə (Dz) n Dz 4 русский ♦ русский гоняли его китайца (Dz) русские выгнали этого китайца

рыба rýba Dz, líba Sp, lípa Ya, lýba Shd (Dz, Sp, Ya, Shd) n Dz 1, Sp 5, Ya 1, Shd 1 рыба

рыбачи ribáchi (Dz) v Abs Dz 1 рыбачить, ловить рыбу

рюмашка riumásheki (Ch) n Ch 1 рюмка только рюмашка кушаху умеша (Ch) умеет только водку пить

рюмка r'úmka (K) n K 2 рюмка

рядом r'ádəm (Dz) adv Dz 1 рядом, поблизости

С

с s (K) prep K 1 с (комитатив) ♦ там пиши, сколько с водка, сколько его (K) там [на коробке] написано, в каких пропорциях его [женьшень] настаивать на водке

с половиной səpalavína (Tz) adv Tz 1 с половиной; ♦ мой старик три года с половиной война была (Tz) мой муж три с половиной годы пробыл на войне

сади sadí (Dz, Tz, K) v Abs **1.** Dz 1, K 1 сажать, обрабатывать (поле, огород)
2. Tz 3, K 3 сажать, выращивать (растение) ♦ земля раньше всё сади (Tz) раньше все выращивали на земле

садила sadílə (K) v Perf K 4 сажать ♦ женьшень его искай его, садила, эта не гадиса (K) Женьшень надо собирать в лесу, если посадить, такой не годится

садили sadíli (Tz) v Perf, Pl Tz 1 сажать, обрабатывать

сажай sazáj (K) v Abs K 1 посадить, сажать

салат salátə (Sp) n Sp 1 салат

сало sála (Ya) n Ya 1 сало

сам sam (Dz, K) pron Dz 3, K 1 сам ♦ сам город пошёл его (Dz) сам он уехал в город

сама sáma (Ch, Dz, Vr) pron **1.** себя Ch 1 (возвр. мест.) ♦ сама подумай можно (Ch) можно подумать о себе
2. Ch 1 свой ♦ сама воля, после жалей буду (Ch) своя воля, после пожалеешь
3. Vr 1, Dz 2 сам ♦ мая сама делай не магу (Vr) сам я не могу этого сделать

сахуан saxuán, saxón (Vr) v *Abs* Vr 2 врать (рус. этн.); ♦ сахуан нехорошо (Vr) врать плохо

свёкла s'ókəlai (Ya) n Ya 1 свёкла

своя swája (K) *pron* K 1 свой

сдаём sɔdajóm (Tz) v 1. *Pl* Tz 1 сдавать

себе sibé (Tz) *pron* Tz 1 себе ♦ всё себе сади: кукуруза, пшеница (Tz) всё сами себе выращивали, кукурузу, пшеницу

сегодня sɔwónni (K) *adv* K 2 сегодня ♦ сегодня шейсят лет и захорони его (K) как исполнится человеку шестьдесят лет, его хоронили

сеза séza (Vr) n Vr 1 мальчик (рус. этн.)

сейчас sis'ás, sh'asə Tz, sichásə (Dz, Tz, Vr, K) *adv* 1. Dz 2, Tz 1, Vr 4, K 4 сейчас

2. K 5 нынче

3. K 2 момент (точка на оси координат)

сердиться serədíza (Spr, Ch) v *Abs* Sp 2, Ch 2 сердиться ♦ эта мамка сердиться (Sp) мать рассердилась ♦ за тебе сердиться буду (Ch) ты будешь сердиться

сердце síerca (Ya) n Ya 1 сердце

серчай sircháj (Ya) v *Abs* Ya 1 сердиться

сесе sése (Vr) *interj* Vr 1 спасибо (рус. этн.)

сиди sidí (Dz) v *Abs* Dz 3 сидеть

сильно síl'nə (Tz) *adv* Tz 1 очень

сказка skázka (Kk) n Kk 1 сказка

сказывай sɔkazywáj (Ch) v *Abs* Ch 2 говорить ♦ за моя Микита сказывай буду (Ch) я скажу Никите

сколько kól'ko, sɔkókə K (Vr, K) *adv* Vr 1, K 6 сколько?

слепой səlipój (Dz) *atr* Dz 2 слепой

слово səlówə, sylaowu B (B, Ch) n Ch 1, B 1 слово ♦ прямо слово (Ch) это правда

слыши səlýshi (Tz) v *Abs* Tz 1 слышать

сметана simitán (Ya) n Ya 1 сметана

сноси sənosi (Dz) v *Abs* Dz 1 сносить (дом)

соболь sóbol', sóbala Tz (Dz, Tz) n Dz 1, Tz 1 соболь

совсем sasémə (Dz, Sp, Tz) *adv* Dz 1, Sp 2, Tz 1 совсем ♦ тебе совсем худэ /.../ исе совсем тебе не нада купи (Sp) ты совсем плохой [никуда не годный] /.../ тебе совсем не стоит ходить за покупками ♦ совсем ничего нету (Dz) совсем ничего не было [у него]

солдат soledátka Ya, soledáza Ch (Ya, Ch) n Ya 1, Ch 1 солдат

соли sóli (Ch) *adv* Ch 1 я уверен (?) ♦ за моя соли повеси буду (Ch) я уверен, что повешусь

солнце sóntsa Sp, sóncia Shd, Vr, sólenca Ya (Sp, Ya, Shd, Vr) 1. Sp 1, Ya 1 n солнце

2. Shd 1, Vr 2 день ♦ твая три сонца купи есть (Shd) ты купил три дня тому назад

сопка sópəka, suópəkə (Tz, K) n Tz 2, K 1 сопка (гора в Сибири и на Дальнем Востоке)

соси sósi (Vr) v *Abs* Vr 1 садиться (рус. этн.)

союз sajúza (Tz) Tz 2 n Охотсоюз (организация по скупке пушینیны и мяса у охотников) ♦ нашли, дали союза по мука, по крупа (Tz) [мы] искали [женьшень], сдавали в Охотсоюз за муку и крупу

соя sóe (K) n K 1 соя

спи sərí (Dz, Vr, Ar) v *Abs* Dz 1, Vr 1, Ar 1 спать ♦ тебе спи, мая буду караулить огонь (Ar) ты спи, а я буду караулить огонь

спи-ла səríla (Sp) v *Perf* Sp 1 спать

спирт səríəg (K) n K 5 спирт ♦ спирт его наша водка тока вода не мешай (K) спирт – это та же водка, только не разбавленная водой

спросил pərasíl (Tz) *v Perf, Sg Tz 1* спросить

сразу sərázu (K) *adv K 1* сразу

стали sətáli (Dz) *v Perf Pl Dz 1* останавливаться

старик sətalíka (Tz, Ya) *n Tz 2, Ya 1* муж

старый sətárə, sətálə K (Tz, Ya, K) **1.** Tz 1 *n* старик ♦ старый уже нетула (Tz) стариков уже не стало

2. Tz 1, Ya 1, K 1 *adj* старый ♦ старый вещи май пу май? (Ya) ты продаёшь старьё? ♦ старий люди (K) старик

стоит stóit (Vr) *v Praes, 3. Sg Vr 1* стоять ♦ огурца стоит почёма (Vr) сколько стоят огурцы (рус. этн.)

стужа sutúza (Ch) *n Ch 1* стужа, мороз

суконный sukóna (Ch) *Adj Ch 1* суконный, сукно

сын sýnə (Dz, Vr, K) *n Dz 6, Vr 1, K 7* сын

сынka sýnka (Ya) *n Ya 1* сын

сите sýte (Vr) *v Abs Vr 1* спать (рус. этн.)

сюда sudá (Dz, Tz, Ch, K) *adv 1.* Dz 3, Tz 1, Ch 1, K 1 сюда, туда

2. Tz 1 здесь ♦ суда карейца жили (Tz) здесь жили корейцы

3. Dz 2 вот ♦ сюда такой (Dz) вот такой

4. Dz 1 *prep* к, в; ♦ сюда Ленька Косой (Dz) к Леньке Косому

Т

та та ды tatadý (Vr) *adj Vr 1* большой (рус. этн.)

Тадуха taduxá (Tz) *n Tz 1* Тадуха (название посёлка)

тайга tajgá (Dz) *n Dz 1* тайга; taiga

так tákə (Ch, K) *adv Ch 4, K 3* так ♦ за моя так не хочи (Ch) я так не хочу ♦ так гумага пиши (K) так написано на бумаге

такие takíe (Tz) *pron Pl Tz 1* такие

такой takój (Dz, K, Kk) *pron Dz 8, K 20, Kk 1* такой ♦ вот такой куша надо (K) надо принимать вот такое [лекарство]

там tamə (Dz, Tz, K) **1.** *adv Dz 6, Tz 2, K 6* там, тут

2. Tz 1, K 1 тогда

3. K 1 например

4. *prep* Dz 2, K 2 в ♦ там город купили (Dz) купили в городе

5. K 5 вот указание на "ось координат" ♦ ещё тама живи (K) всё ещё жив

тамафырщик tamaféner (Ya) *n Ya 1* наркоман (из кит.)

тапинза tapínza (Ya) *n Ya 1* булочка (с кукурузным маком)

таскай taskáj (Dz, Vr) *v Abs Dz 2, Vr 1* носить, таскать, воровать ♦ кабан таскай (Dz) [надо] носить кабаньи туши

твоя təwajá, tvajá (Ya, Shd, Vr) *pron 1.* Ya 1, Shd 1, Vr 1 ты (в том числе и в косв. п.) ♦ мая твая гавалила (Vr) я тебе говорил

2. Ch 1, Shd 1 твой (притяжательное местоимение) ♦ за твоя Микита дряннь люди (Ch) твой Никита нехороший человек

тебе tibé, cibie Ya, tibi B, Ch, Mk (B, Dz, Sp, Ya, Ch, Vr, Kk, Mk, Ar) *pron 1.* Dz 1, B 2, Sp 3, Ch 5, Vr 2, Kk 2, Ar 1 ты ♦ за тебе как подумай, за моя пришёл еса? (Ch) как ты думаешь, зачем я пришёл?

2. Dz 1, Sp 1, Ya 1, Ch 1, Vr 2, Mk 1 тебе, тебя (Косв. п.) ♦ тебе не надо купи (Sp) тебе не стоит ходить за покупками

3. Vr 1 твой ♦ тебе сына иглай, иглай (Vr) твой сын играет [будет играть]

теперь típér' (K) *adv K 3* теперь

тёплый d'óplə (K) *atr* K 1 **тёплый**

товар duwál (B) *n* B 6 **товар** ♦ Тиби дувал гаохуда ходи? (B) У тебя товары когда придут?

тоже tóʒə (Dz, Tz, K, Ar) *adv* Dz 2, Tz 3, K 4, Ar 1 **тоже** ♦ ворона тоже хочу кушай (Ar) ворона тоже голодная

толстый toleséta (Ch) *atr* Ch 1 **толстый**

только tóka, tóliko Ch (Dz, Tz, Ch, K) *adv* 1. Ch 2, K 1 **только** ♦ его не умеи охотай, только огород сади (Dz) он не умел охотиться, только сажал огород

2. Dz 3, Tz 1 как только

травa trawá (Dz) *n* Dz 5 **трав**a ♦ травa был такой его (Dz) он был как травa

три tərí (Tz, Shd, Vr, K) *num* Tz 1, Shd 1, Vr 1, K 1 **три**

тридцать trítsa, trítsati Vr (Tz, Vr) *num* Tz 1, Vr 1 **тридцать**

триста təríta (K) *num* K 3 **триста**

туда tuda (Dz, K) *adv* Dz 4, K 4 **туда**

тут tə, tútə, túta Ch (Ch, K) *adv* Ch 2, K 3 **тут, здесь**

туфа tufá (Ya) *n* Ya 2 **тофу** (соевый творог)

ты ty (B, Al, K, Kk) *pron* **ты** (Им. п.) Al 3, B 4, K 9, Kk 1 ♦ **ты** такэ не купи (K) такой не купишь

тысяча týcha (K) *num* K 6 **тысяча**

тюрьма turémá (Dz) *n* Dz 1 **тюрьма**

У

у них uníx (K) *pron* K 1 **у них**

убежала ubizála (Sp) *v Perf* Sp 1 **убегать**

убивай ubiwáj (Dz) *v Abs* Dz 1 **добывать** ♦ **мясо** не убивай (Dz) **зверя** не добывал

убивали ubiváli (Dz) *v Perf*, 3. Pl Dz 1 **убивать** (на охоте)

увидела uídila (K) *v Perf* K 4 **видеть**

увиди uwídi (K) *v Abs* K 1 **увидеть**

увозила uazílə (K) *v Perf* K 1 **увозить, вывозить**

уде udé (Dz) *n* Dz 1 **удэгеец**

уехал uјéxəl (Dz) *v Perf*, Sg Dz 1 **уезжать** (возможно, опущено конечное /и/, слившись с последующим /ихинь/ – уехали ихинь)

уже uzé, ush (Tz, K) *adv* Tz 1, K 2 **уже** ♦ **вот эта уже** кончила-ла, щаса нету (K) такого [женьшеня] уже нет

уикта wiktá (Ar) *n* Ar 1 **звезда** (yðəz. waikta)

умей uméj (Dz) *v Abs* 1. Dz 6 **уметь**

2. Dz 2 **мочь, быть способным**

умеша uméshta (Ch) *v Abs* Ch 1 **уметь** ♦ **только** рюмашка кушаху умеша (Ch) умеет только пить водку

утром útrəm (Dz) *adv* Dz 1 **утром**

ухаживай uxáziwaj (Dz) *v Abs* Dz 1 **ухаживать**

ухо úxo (Tz) *n* Tz 1 **уши** ♦ **ухо** не слыши, голова боли (Tz) **уши** не слышат, голова болит

учатся úchasa (K) *v Abs* K 1 **учиться**

ученик ucheníkə (K) *n* K 2 **ученик**

учикан uchikán (Ya) *n* Ya 1 **заяц**

Ф

фальшивыйла fal'shíwajla (Ch) *v Perf* Ch 1 **лгать, обманывать** ♦ **за моя фальшивыйла** нету (Ch) **я** не

обманиваю [обманивал?]
фамили famíli (Sp) *n* Sp 1 род, фамилия
фангули fǎnguli (Sp, Vr) *v* Perf Sp 1, Vr 1 ломать, падать (рус. этн.)
фанза ránza Dz, fǎnzə Sp (Sp, Dz, Tz, Ya, Vr) *n* 1. Dz 1 фанза (китайский сельский дом) (кит. fan-tsy)
 2. Sp 1, Tz 1, Ya 4, Vr 1 дом
фынчэза fynchóza (Ya) *n* Ya 1 фынчэза (крупна) (кит. fən-t'iao-tzy)

Х

хадыка хадýкə (K) *adv* K 4 пешком
халат халáза (Ch) *n* Ch 1 халат
ханшин ханshín (Ya) *n* Ya 1 водка
хао хáo (Sp) *adv* Sp 1 хорошо (кит. hao)
харчидан хarchidán (Ya) *n* Ya 1 столовая (контаминация рус. харчи + кит. tien)
хватай хəwátáj (Vr) *v* Abs Vr 1 хватать, быть достаточным ♦ леба не хватай (Vr) хлеба не хватает
хин пу хин хinpíxín (Vr) *adv* Vr 1 годится ли? (рус. этн.)
хлеб хəlébə Tz, líeba Ya, léba Vr (Tz, Ya, Vr) *n* Tz 1, Ya 1, Vr 1 хлеб
хо пу хо хорухó (Vr) *adv* Vr 1 хорошо ли? (рус. этн.)
ходи хадí, хазí Ya, ходí B, Shd, хатí Al (B, Dz, Tz, Ya, Shd, Al, K) *v* Abs Dz 10, B 1, Tz 2, Ya 4, Shd 1, K 6, Al 2 ходить, ездить, приходить ♦ моя старика нахоту ходи (Tz) мой муж ходил на охоту ♦ его цена не давай, полиция ходи (Ya) если он не отдаст деньги, пойду в полицию
ходила хадíла (Dz, Tz, K) *v* Perf Dz 2, Tz 1, K 6 ходить ♦ земля ходила (K) по земле ходят
ходим хódím (Tz, Dz) *v* 1. Praes, 1. Pl Tz 1 ходить
 2. Imper Dz 2 ходить, переезжать ♦ ходим сюда ихинь дом (Dz) пусть она переедет к ним
ходит хódít (Dz, Tz) *v* Praes Dz 1, Tz 1 ходить ♦ я еле-еле ходит (Tz) я едва хожу
хозяин хазáinə (K) *n* K 1 хозяин
хокан хóкан (Ya) *adj* Ya 1 красивый (кит. hao-k'an)
холст хоleséta (Ch) *n* Ch 1 холст
хорошеньки харóshanəki (Ch, Mk) *adj* Ch 1, Mk 1 хорошей ♦ как ваша закона хорошеньки (Ch) как хороши ваши законы
хороший хорóshə, хulaoshi B (B, Dz, Sp, K) 1. *adv* Dz 2, Sp 1 хорошо
 2. *adj* Dz 1, B 1, K 1 хороший ♦ хулаоши дувал эдай (B) хорошего товара продай
хорошо харashó (K) *adv* K 2 хорошо ♦ а эта женьшень кушай хорошо (K) этот женьшень очень полезен
хочет хóchít (Dz) *v* Pres Dz 2 хотеть
хочу хóchu, хаochu, хýchi Ch, хóchi K (Dz, Ya, Ch, K, Ar) *v* Abs Dz 4, Ya 4, Ch 4, K 3, Ar 1 хотеть ♦ какой люди хочу канка? (Ya) с кем ты хочешь увидаться? ♦ хочи женьшень такой кушай всё время молодая (K) он хочет принимать женьшень, чтобы навсегда остаться молодым
храни хəraní (K) *v* Abs K 1 хранить ♦ коробка, бумага, там его храни (K) его [женьшень] хранят в коробке, завернутым в бумагу
худой хúdə (Ar, Sp, Shd) *atr* Ar, Sp 2, Shd 1 1.. плохой, никуда не годный ♦ моя думай это худой люди (Ar) я думаю, это плохие люди
хуерыка хуегýка (Sp) *n* Sp 1 ♦ тебе худа хуерыка (Sp) ты плохой (?)
хунхуз хунхúзə (Vr) *n* Vr 1 хунхуз (таежный разбойник) (рус. этн.)
Хэцзю Хэзjü (Sp) *n* Sp 4 Хэцзю (личное имя) (бестолковый герой анекдотов)

Ц

цветы setý (K) *n* K 1 цветы

цена céna, chéna, sájna B (B, Ya, Vr) *n* Ya 1, B 2, Vr 1 деньги ♦ его думай моя его цена давай (Ya) он думает, что я дам ему денег

цуба tsuba (Vr) *interj* Vr 1 уходи! (рус. этн.)

Ч

чай chaj, cha, saj Mk (Vr, Mk) *n* Vr 2, Mk 1 чай

час chásə (K) *n* 1. K 2 время

2. K 1 час ♦ пять часа надо туда ходи (K) туда ехать пять часов

чашка cháchəka (Sp) *n* Sp 2 открытый сосуд, чашка, таз

чега chéga (Sp, Ya) *pron* Sp 1, Ya 1 этот (кум. shega) ♦ чега фанза бу шанго (Spr) этот дом не хороший ♦ чега фанза шипко шанго (Ya) этот дом очень хороший [красивый]

чего chiwó (Dz, Tz, K) 1. *pron* K 5 что

2. *adv* K 1 и так далее, и тому подобное ♦ и соболю и чего (Dz) соболю и другие пушные звери

3. *adv* Dz 2, Tz 2 K 1 что и как ♦ а, там пиши, ну раньше чего (K) а, записывают, как было раньше ♦ а чего? почему? ♦ а чего бабушка его захорони чего-то ровно? почему бабушкину могилу сравнивали?

чего-то ch'ótə (K) *adv* K 1 чего-то, почему-то

чего-чего chiwó-chiwó (Dz, K, Sp) *pron* 1. Dz 1 то одно, то другое ♦ его жена кричай, чего-чего делай говори (Dz) его жена кричит, заставляет делать то то, то другое

2. Sp 1, K 4 разный, всякий ♦ Хэцзю фамили чего-чего купила (Sp) Человек по имени Хэцзю купил разное

чего? chiwó (Dz, Vr, K) *pron* Dz 1, Vr 1, K 1 что?, зачем? ♦ чего я ходи туда? (Dz) зачем мне туда ходить? ♦ чего говори? (K) что ты говоришь?

человек chilavék (Tz) *n* Tz 1 человек

чёрт знает chortəznáj (Vr) *interj* Vr 1 чёрт знает

чидо пу чидо chidó puchidó (Vr) *adv* Vr 1 знаешь ли? (рус. этн.)

чистый chisəty (Sp) *atr* Sp 1 чисто

читай chitáj (Vr) *v* Abs Vr 2 читать

чифан chyfán, chi fan' (Ya, Vr) 1. *v* Abs Ya 1, Vr 1 есть, кушать (рус. этн.)

2. *n* Vr 1 еда, пища

что cho (Dz, Tz) 1. Tz 1 и так далее, и тому подобное

2. *pron* Dz 1 что ♦ русский чё (Dz) русским что?

3. Tz 1 что ♦ что попало (Tz) самое разное

чтобы chtóby (Tz) *conj* Tz 1 чтобы (вводит придаточное) ♦ чтобы ничё не замети (Tz) чтобы он [зверь] ничего не учуял

чужой chuzój (Dz, Ch) *n* Dz 1, Ch 1 другой человек, чужак

чумиза chumíza (Ya, Vr) *n* Ya 1, Vr 1 чумиза (мелкое пшено) (рус. этн.) (кум. czou-mi-tzy)

чушка chúshka (Ya) *n* Ya 1 свинья

Ш

шалтай-болтай shalətaj-balətaj (Ch) *v* Abs Ch 1 договариваться ♦ шалтай-болтай можно (Ch) можно договориться

шанго shangó, shangáu Shd (Sp, Ya, Shd, Vr) *atr* 1. Sp 1, Ya 2, Shd 2 хороший, красивый ♦ чега фанза шибко шанго (Ya) этот дом очень хороший [красивый] ♦ шан шангау (Shd) очень хороший

2. хорошо ♦ шип шанго (личн) очень хорошо ♦ шанго пу шанго (Vr) хорошо ли?

шей shej (Dz) *v* Abs Dz 1 шить

шесть shes' (Vr) **num** Vr 1 шесть

шестьдесят chijs'át (K) **num** K 9 шестьдесят

шестьсот shisóǝ (K) **num** K 4 шестьсот

шёлк shólǝka (Ch) **n** Ch 2 шёлк

шибко shípkǝ Dz, síbikǝ Sp, shýpka Ya (Dz, Sp, Ya) **adv** 1. Sp 1, Ya 1 очень ♦ шибко бу хао (Sp) очень не хорошо
2. Dz 1 очень хорошо

шила shílǝ (Dz) **v Perf** Dz 3 шить

шима shymá (Ya, Vr) **pron** Ya 3, Vr 1 что ♦ ниды шима мурмур? (Ya) что ты говоришь?

штука sǝtúka (Vr) **n** Vr 1 штука

шуба shúba (Ch) **n** Ch 1 шуба

шыма-шыма shymá-shymá (Ya) **pron** Ya 1 кое-что (кит. *szén-ma szén-ma*)

шьёт s'ot (Dz) **v Pres, Sg** Dz 3 шить ♦ я мучи, все время шьёт, шьёт, шьёт (Dz) мучилась я, все время шью, шью, шью

Э

эта étǝ (Dz, K) **interj** Dz 2, K 2 как его... (хезитация)

это éta, edika B (B, Dz, Sp, K, Kk) **pron** 1. **pron** K 10, Kk 1 **ЭТОТ** (все надежу)

2. **pron** Sp 1, K 16 он, она, оно (анафора) ♦ эта либа купила, эта вода пускайла (Spr) такую рыбу купил и пустил ее в воду

3. K 12 **ЭТО** (демонстративная связка) ♦ эта ланьше иво (K) это было давно

4. Dz 5, Sp 6 **это** показатель определенности ♦ эта мамка сердица (Sp) мать рассердилась

5. **pron** K 1 такой ♦ ты перца садила, это зелёнэ? (K) ты сладкий перец сажал?

6. K 2 **посессивный показатель** ♦ эта ибэнка эта китайса буква (K) у японцев китайские буквы

это его éta iwó (K) **interj** K 2 ну вот

Ю

ю ju (Ya, Vr) **v Praes** 1. Ya 4, Vr 3 **быть, иметь** ♦ моя ю ига куня, лянга сынка (Ya) у меня одна дочь и два сына

2. Ya 2, Vr 1 **показатель утвердительности** ♦ его ломайла ю (Ya) он заболел ♦ мая адин сонца прадавай двадцати штука (Vr) я за один день продаю двадцать штук (кит. *ju*)

ю мэй ю ju mei ju ju mi ju (Ya, Vr) **part** 1. Vr 2 **есть ли?** ♦ ю деньги мэй ю? (Vr) [у тебя] есть деньги?

2. Ya 3 **ли** (вопросительный маркер) ♦ его ломайла ю мэй ю? (Ya) он заболел? (кит. "есть - нет")

юй jǝj (Vr) **n** Vr 1 **рыба** ♦ юй трицати капека (Vr) рыба стоит тридцать копеек

юла júla (Sp) 1. **v Perf** Sp 3 **был**

2. **показатель законченности действия** ♦ караула спи-ла ю-ла (Spr) охрана заснула (кит. *ю-ла*)

юлить julít' (Vr) **v Inf** Vr 1 **грести** (рус. *эти.*)

юли-юли julí-julí (Vr) **n** 1. Vr 2 **подочник-китаец** ♦ моя море юли-юли (Vr) плаваю по морю лодочником

2. Vr 1 **лодка** (китайская джонка) ♦ Я сегодня ездил на юли-юли (Vr) я сегодня ездил на китайской джонке

3. Vr 1 **грести** (на китайской лодке)

4. Vr 1 **гулять, путешествовать**

Я

я ja (B, Dz, Tz, K) 1 Dz 20, Tz 3, K 15 **pron** 1 **Sg** 1. **я** (Им. н.)

2. Dz 1 **меня** (Косв. н.) ♦ я не гоняй (Dz) меня не угнали (в Китай); я сякэ дувал есы (B) у меня есть всякий товар

яйцэ jájtsə (Sp) **п** Sp 3 яйцо

яма jámə (K) **п** K 1 яма ♦ люди поумирала, яма кападзи, ящика делали его (K) когда человек умер, рыли яму, делали ему гроб

ямынь jamýn' (Ya) **п** Ya 1 полиция (кит. ja-men)

ян ди jandí (Vr) **п** Vr 1 глаза (рус. этн.)

японка ibéŋka (K) **п** 1. K 1 японец

2. *adj* Япония; Japan ♦ Ибэнка тёпло тама, туда пошёл (K) в Японии тепло, туда уехал

ящик jásə̀kə (K) **п** K 2 ящик, гроб

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков 1984: Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука, Л.
- Александров 1884: Александров А. Маймачинское наречие // Русский филологический вестник, т XII, №3, Варшава, с. 160-163.
- Алексеев 1968: Алексеев М. П. Словари иностранных слов в русском азбуковнике XVII в. Л.
- Алпатов 1990a: Алпатов В.М. Из истории изучения частей речи // Части речи, с. 6-24.
- Алпатов 1990b: Алпатов В.М. Принципы типологического описания частей речи // Части речи, с. 25-50.
- Алпатов 1991: Алпатов В.М. История одного мифа. М.
- Алпатов 2000: Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.
- Арамилев 1951: Арамилев И. Путешествие на Кульдур. Рассказы охотника. М., Советский писатель.
- Арсеньев 1983a: Арсеньев В.К. В горах Сихотэ-Алиня. М.
- Арсеньев 1983b: Арсеньев В.К. Дерсу Узала, М.
- Арсеньев 1983c: Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю, М.
- Арсеньев 1983d: В.К. Сквозь тайгу. М.
- Арсеньев 1932: В.К. Лесные люди удыхейцы. Владивосток.
- Баландин, Вахрушева 1958: Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Краткие сведения о фонетике, графике и грамматике мансийского языка // Мансийско-русский словарь. Л.
- Беликов 1997: Беликов В.И. Русские пиджины \\\ Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., Изд. МГУ, с. 90-108.
- Беликов 1998: Беликов В.И. Пиджины и креольские языки Океании: Социолингвистический очерк. М.
- Беликов 2005: Беликов В.И. Зигзаги лингвогенеза // Языковые союзы Евразии. Тез. докл. конференции. М.
- Беликов, Головкин 1994: Беликов В.И., Головкин Е. В. Контактные языки на русской основе // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. М.
- Беликов, Крысин 2001: Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., УРС.
- Беликов, Перехвальская 1989: Belikov V., Perekhval'skaya E. Russian-Norwegian *po* reconsidered // Journal of Pidgin and Creole languages. V. 4. 1989, p. 287-289.
- Белл 1980: Белл Р.Т. Социолингвистика. М.
- Бергельсон 1990: Бергельсон М.Б. Проблема частей речи в языках изолирующего типа // Части речи, с. 195-219.
- Бичурин 1831: о. Иакинф (Бичурин), Письмо из Кяхты // Московский телеграф № 21 (141), с. 5.
- Богородицкий 1933: Богородицкий В А Неправильности русской речи чуваш // Этюды по татарскому тюркскому языкознанию, Казань, сс. 88-103.

- Бодуэн де Куртене 1963, II: Бодуэн де Куртене И.А. «Фонетические законы» // Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. С. 189-208.
- Бодуэн де Куртене 1963, I: Бодуэн де Куртене И.А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. С. 362-372.
- Бокситский язык б. г.: Словарь бокситского народного языка (общие систематизированные сведения). Рукопись, автор и место неизвестны.
- Болдырев 2004: Болдырев Б.В. Части речи и грамматические категории эвенкийского языка в сравнительном освещении. Новосибирск.
- Бритова, Самарина 2005: Бритова С.В., Самарина И.В. Тазы и гольды: миф и реальность // Язвковые собзы Евразии. Тез. докл. конференции. М., с. 16-19.
- Бронский 1965: Бронский Б.Ш. На золотой Колыме. Воспоминания геолога. М.
- БТС 1998: Большой толковый словарь русского языка. СПб., «Норинт».
- Булич 1896: Булич С.К. Маймачинское наречие // Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона в 86-ти тт. СПб. Т. 35, с 381. (статья подписана инициалами С. Б-ч.).
- Бурлак, Старостин 2001: Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. М.
- Бурлак, Старостин 2005: Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.
- Бытовой 1951: Бытовой С. Поезд пришёл на Тумнин. Л.
- Вахтин 1985: Вахтин Н.Б. Некоторые особенности русско-алеутского двуязычия на Командорских островах // Вопросы языкознания N 5, сс. 35-45.
- Вахтин, Головки 1987: Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Об одном неординарном следствии языковых контактов: язык алеутов о. Медный // ВФКЯ, М., сс. 27-30.
- Вахтин, Головки 2004: Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка. Учебное пособие. СПб, Изд. центр «Гуманитарная академия».
- Вежбицкая 1996: Вежбицкая А. Прототипы и инварианты // Язык. Культура. Познание. М.
- Володин 1996: Volodin A. P. Interethnic contacts of the aboriginal population of Kamchatka // Atlas 1996, pp. 1003-1006.
- Володин 1994: Володин А.П. О влиянии русского языка на ительменский // Russian linguistics, Vol. 18, N 3, pp. 323-340.
- Врубель 1931: Врубель С. А. Русско-китайские языковые скрещения // Культура и письменность востока, № 7—8. М.
- ВФКЯ 1987: Возникновение и функционирование контактных языков. Материалы рабочего совещания. М.
- Выдрин 2004: Выдрин В.Ф. И опять – части речи в бамана // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В.С. Храковского. М., 2004, с. 143-173.
- Гаврилова 2002: Гаврилова Т.О. Регистр общения с детьми: структурный и социоллингвистический аспекты (на материале русского языка). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, СПб.
- Гвоздев 1961: Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М.
- Глисон 1959: Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.
- Говорят 1996: Говорят дети. Словарь-справочник (Сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева), СПб.
- Головки 1988: Головки Е.В. Материалы для изучения языка медновских алеутов. 1 // Лингвистические исследования: Проблематика взаимодействия языковых уровней. Л., сс.73-78.
- Головки 1989: Головки Е.В. Материалы для изучения языка медновских алеутов. 2 // Лингвистические исследования: Структура языка и его эволюция. М., сс. 67-74.
- Головки 1996a: Golovko E.V. Aleut and the Aleuts in contact with other languages and pidgins // Atlas 1996, cc1095-1101.
- Головки 1996b: Golovko E.V. A case of nongenetic development in the Arctic area: The contribution of Aleut and Russian in the formation of Copper Island Aleut // Language Contact in the Arctic. Northern pidgins and contact languages. Berlin; New York, pp. 63-77.

- Головко 1996с: Головко Е.В. Язык медновских алеутов // Языки мира: Палеоазиатские языки. М. с. 117-125.
- Головко, Вахтин 1990: Golovko E.V., Vahtin N.B. Aleut in contact: the CIA enigma // Acta Linguistica Hafniensia 22, pp. 97-125.
- Головко 2003: Golovko E.V. Language contact and group identity: the role of 'folk' linguistic engineering // The mixed language debate. Y. Matras and P. Bakker (eds.). Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter. P. 177–209.
- Головко 2005: Golovko E.V. The making identity, the making of a language: On some linguistic consequences of the Russian colonization in Siberia // Creating outsiders: Endangered languages, migration and marginalization. Proceedings of the 9th Foundation for Endangered Languages Conference. N. Crawford and N. Ostler (eds.). Stellenbosch, South Africa, 18-20 November, 2005. P. 31–36.
- Гончаров 1956: Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». М.-Л.
- Груздева 1996: Gruzdeva E.J. The linguistic situation on Sakhalin Island // Atlas 1976, pp. 1007-1013.
- Давыдов, Пономаренко, Куратова 1987: Давыдов А.Н., Пономаренко В.Н., Куратова А.А. Руссенорск – арктический пиджин Европы // ВФКЯ, М., с. 43-47.
- Дискуссия 1955: Открытое расширенное заседание Учёного совета, посвящённое дискуссии о теории субстрата. Доклады и сообщения Института языкознания. М.
- Дьячков 1987: Дьячков М.В. Креольские языки // М., «Наука».
- Дьячков 1988: Дьячков М.В. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков // ВЯ № 5.
- Елоева, Перехвальская 1986: Елоева Ф. А., Перехвальская Е. В. К характеристике дальневосточного контактного языка // Историко-культурные контакты алтайской языковой общности. Тезисы и доклады 29-й сессии РИАК, Т. 2. М.,
- Елоева, Перехвальская 1987: Phonetic peculiarities of the Far East Pidgin Russian // Proc. of the XI-th Int. Congress of Phonetic Sciences. Tallinn, Ин-т языка и литературы АН ЭССР, 1987. Vol. 6, pp. 165-168.
- Елоева, Русаков 1990: Елоева Ф. А., Русаков А.Ю. Проблемы языковой интерференции // Л., Изд-во ЛГУ.
- Звегинцев 1996: Звегинцев В.А. Современная лингвистика – её теоретические и практические задачи // В.А. Звегинцев. Мысли о лингвистике. М.
- Клоков 2000: Клоков В.Т. Французский язык в Африке // Саратов, Изд. Саратовского ун-та.
- Клонова 2003: Клонова О.Ю. К вопросу о саамском влиянии в руссенорске // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция общего языкознания. СПб., с. 35 - 38.
- Клонова 2005: Клонова О.Ю. Принципы номинации в редуцированных языковых системах // XXXIV Международная филологическая конференция. Секция общего языкознания. СПб, с. 26-30.
- Клонова 2006: Клонова О.Ю. Контактные языки на севере Европы: к вопросу о формировании руссенорска // Материалы международной научной конференции «Культурное разнообразие в эпоху глобализации» 28 – 30 марта 2006 г. Мурманск, МГПУ, с. 83 – 86.
- Клонова 2007: Клонова О.Ю. Упрощённые языковые системы и формирование пиджина (на материале русско-норвежский языковых контактов) // АКД, СПб.
- Князев 2001: Князев Ю.П. О статье Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке» // сайт архив петербургской русистики. Лев Владимирович Щерба (1880–1944): дополнительные материалы.
- Кобозева 2000: Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.
- Козинский 1974: Козинский И.Ш. К вопросу о происхождении кяхтинского (русско-китайского) языка // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов конференции. М. сс 36-38.
- Коротков и др. 1961: Коротков И.И., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П., Солнцев В.М. Китайский язык. М.

- Максимов 1864: Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 годах). Дорожные заметки и воспоминания С. Максимова. СПб.
- Маслова, Вахтин 1996: Maslova E.S., Vahtin N.B. The Far North-East of Russia // Atlas 1996, pp. 999-1002.
- Масловский 1999: Масловский Ф.Х. Джанго. Роман. Комсомольск на Амуре. Красная власть.
- Мейе 1938: Майе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Л. Гос. социально-экономическое изд-во.
- Меновщиков 1964: Меновщиков Г.А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // Вопросы языкознания, Т 5, с. 100-106.
- Мещанинов 1945: Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л.
- Негневичкая, Шахнарович 1981: Негневичкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети // М., «Наука».
- Николаева 1984: Николаева Т.М. Коммуникативно-дискурсивный подход к интерпретации языковой эволюции. - ВЯ, № 3, с. 111-119.
- НЛ 1972: Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. (Сост. и комм. В.Ю. Розенцвейга). М.
- Перехвальская 1981: Перехвальская Е.В. О значении предлога *kon* в креольском языке чабакано // Лингвистические исследования 1901. Грамматическая и лексическая семантика. М., 1981, с. 168-170.
- Перехвальская 1986: Перехвальская Е.В. Языковые контакты и «прагматический код» // Лингвистические исследования. 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка. М., 1986. С. 172-176.
- Перехвальская 1987: Перехвальская Е.В. К проблеме слов с двойной этимологией. // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников Ин-та востоковедения АН СССР. Т II Языкознание, литературоведение. М., «Наука», 1987, с. 106-109.
- Перехвальская 2001: Перехвальская Е.В. Проблема доказуемости результатов языковых контактов // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 21. Секция общего языкознания, Ч. 2, 1-17 марта 2001, 2001, с. 13-19.
- Перехвальская 2003a: Перехвальская Е.В. Quantification in the Russian- Chinese Pidgin // Collection of papers of the Int. Symp. on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia (ed. Pirkko Suihkonen and Bernard Comrie), Udmurt state Univ., Max Plank Institute for evolutionary anthropology, pp. 153-163.
- Перехвальская 2003b: Перехвальская Е.В. Выражение числа в русско-китайском пиджине // Лингвистика. История лингвистики. Социоллингвистика: Сб. статей (ред. К.А. Долинин), СПб, Изд-во СПбГУ, с. 191-205.
- Перехвальская 2004: Перехвальская Е.В. Clause structure in the Russian-Chinese Pidgin // Proceedings of the Intern. Symp. "Typology of Argument structure and grammatical relations". (eds/ B. Comrie, P. Suihkonen, V. Solovyev), Kazan state Univ., Max Plank Inst. for Evolutionary anthropology, 94-97.
- Перехвальская 2005: Перехвальская Е.В. «Китайский язык аборигенов Приморья» (сайт МИОН)
- Перехвальская, Погосов 1984: Перехвальская Е.В., Погосов З.С. К вопросу об историческом формировании Black English // Лингвистические исследования. 1984. Структура языка и языковые изменения. М., «Наука», с. 148-153.
- Перехвальская, Русаков 1986: Перехвальская Е.В., Русаков А.Ю. Языковые контакты и глоттохронология // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тез. докл. Тбилиси, Изд. Тбил. гос. Ун-та, с. 114-116.
- Петрова 2007: Петрова Е.Б. Предварительные результаты исследовательского проекта на тему: «Вербальное общение англоязычных иностранцев – «покупателей» с русскоязычными «продавцами» (коммуникативная ситуация просьбы)». Сообщение на Второй социоллингвистической школе ЕУ в Санкт-Петербурге. Рошино, 6 июля 2007 г.

- Поливанова 1990: Поливанова А.К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Язык логики и логика языка. М.
- Пясецкий 1880: Пясецкий П.Я. Путешествие по Китаю в 1874-1875 гг: из дневника члена экспедиции. Т. 1, СПб.
- Реформатский 1967: Реформатский А.А. Введение в языковедение. Изд. 4-е. М., Просвещение.
- Рассказы 1849: Рассказы кяхтинского старожила (статья вторая) // Москвитянин. Т. 17, № 6, с. 5-15 (статья подписана инициалами В.П.).
- Розанова 1998: Розанова Т.О. Некоторые особенности соотношения словаря и грамматики в пиджинах на русской основе. Дипломная работа, защищённая на филологическом факультете СПбГУ.
- Русаков 2004: Русаков А.Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). Диссертация в виде научного доклада на соискание учёной степени доктора филологических наук. СПб., 2004.
- Сапунова 1998: Сапунова К.С. Способы выражения темпоральных, аспектуальных и модальных значений в пиджинах на русской основе, дипломная работа, защищённая на филологическом факультете СПбГУ.
- Сводеш 1960a: Сводеш М. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов (на материале племен эскимосов и североамериканских индейцев) // Новое в лингвистике, Вып. 1. М. С. 23-52.
- Сводеш 1960b: Сводеш М. К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике, Вып. 1. М. С. 53-87.
- Селищев 1925: Селищев А.М. Русский язык у инородцев Поволжья // Slavia, вып. 4, с. 26-43.
- Селищев 1927: Селищев А.М. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис // Уч.зап. Ин-та языка и литературы, Т. 1, с. 34-71.
- Симченко 1975: Симченко Ю.Б. Зимний маршрут по Гыдану. М.
- Старостин 2007: Старостин С.А. О доказательстве языкового родства // Труды по языкознанию. М. Языки славянских культур.
- Старостин Г.С. 2007: Старостин Г.С. К вопросу о генетической принадлежности языка хадза // Ольдерогговский сборник – 2007. СПб: МАЭ РАН (в печати).
- Стеблин-Каменский 1974: Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. М–Л.
- Тестелец 2005: Тестелец Я.Г. Существуют ли языки без частей речи? // IV Типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии, Ереван, 21-28 сентября 2005. М., с. 321-323.
- Тимковский 1824: Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Т. II, СПб.
- Толстой 1965: Толстой Л.Н. Набег, М.
- Томпсон 1972: Томпсон Р.У. Заметка о некоторых чертах, сближающих креолизированные диалекты Старого и Нового света. // Новое в лингвистике. вып. VI, М., с. 480-482.
- Томчина 1978: Томчина С.И. Введение в синтагматическую морфологию языка манинка. Л.
- Убрятова 1969: Убрятова Е.И. Язык норильских долган. М.
- Фадеев 1959: Фадеев А. Последний из удэге // Фадеев А. Собрание сочинений, т. 2. М.
- Фёдорова 2002: Фёдорова К.С. Лингвоповеденческие стратегии в ситуации общения с иностранцем (на материале русского языка). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, СПб.
- Фёдорова 2006: Fedorova K. Russian foreigner talk: stereotype and reality // Marginal linguistic identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties (Dieter Stern and Christian Voss, Eds). Harrassowitz Verlag, Wiesbaden. P. 177-189.
- Флуг 1935: Флуг К.К. Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института Востоковедения Академии наук СССР // Библиография Востока, вып. 7. 1934. М.-Л., Изд-во Академии наук, сс. 87-92.
- Хазанович 1986: Хазанович А.М. Мои друзья нганасаны. М.

- Хасанова 2000: Khasanova M.M. The Lower Amur languages in contact with Russian // Languages in contact. Studies in Slavic and general linguistics. Ed. Dicky Gilbers, John Nerbonne, Jos Schaeken. Atlanta: Rodopi. pp. 179-185.
- Хелимский 1987: Хелимский Е.А. «Русский говорка место казать будем» (Таймырский пиджин) // ВФКЯ, с. 84-93.
- Хелимский 1996: Xelimskij E. 'Govorka' – the pidgin Russian of the Taymyr Peninsular area // Atlas 1996, pp. 1033-1034.
- Хелимский 2000: Хелимский Е.А. Говорка – таймырский пиджин на русской лексической основе // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.
- Цейтлин 2000: Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. М.
- Части речи 1990: Части речи. Теория и типология. М.
- Черепанов 1853: Черепанов С.Н. Кяхтинское китайское наречие русского языка // Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 2.
- Шведова 1977: Шведова Н.Ю. О принципах построения и о проблематике «Русской грамматики» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977, № 4.
- Шелудяков 1972: Шелудяков А. Из племени кедра. М.
- Шишков 1968: Шишков В.Я. Угрюм-река. Роман. М.
- Шпринцын 1968: Шпринцын А.Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. Вып. 6., с. 86-100.
- Шпринцын арх: Шпринцын А.Г. Архивные материалы, ГПБ, Отдел рукописей, архив № 1200.
- Шпринцын 1932: Шпринцын А.Г. Китайско-русский диалект в освещении С.А. Врубеля // Революция и письменность, №№ 1-2, М.
- Шухардт 1884: Шухардт Г. Маймачинское наречие // Русский филологический сборник. Варшава, Т XII, № 4, с. 318-320.
- Шухардт 1950: Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М.
- Щерба 1957: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.
- Щерба 1974: Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., с. 77-100.
- Щерба 1916: Щерба Л.В. Верхнелужицкое наречие. Пг.
- Ян Цзе 2007: Ян Цзе, Забайкальско-маньчжурский препиджин. Опыт социолингвистического исследования // ВЯ, № 2, С. 67-74.
- Aikhenvald, Dixon 2001: Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Areal diffusion and genetic inheritance. Oxford.
- Alleyne 1980: Alleyne M.C. Comparative Afro-American. An historical-comparative study of English-based Afro-American dialects of the New World. Ann Arbor, 1980.
- Alleyne 1986: Alleyne M.C. Substratum influences – Guilty until proven innocent // Pieter Muysken and Norval Smith (Eds.), pp. 301-315.
- Alleyne 1993: Alleyne M.C. Continuity versus creativity in Afro-American language and culture // Salokoko Mufwene (Ed.), pp. 167-181.
- Arends 1995: Arends J. Demographic factors in the formation of Sranan // Jacques Arends (Ed.). The Early stages of creolization. Amsterdam-Philadelphia, pp. 233-285.
- Arends 2002: Arends J. The history of the Suriname creoles I: A sociolinguistic survey // Eithne Carlin and Jacques Arends (Eds.) Atlas of the languages of Suriname. Leiden, pp. 115-130.
- Arends et al., 1994 // Pidgins and creoles. An Introduction. Ed. by J. Arends, P. Muysken, N. Smith. Amsterdam-Philadelphia.
- Atlas 1996: Atlas of Languages of Intercultural Communication in the Pacific, Asia, and the Americas // Stephen A. Wurm, Peter Mühlhäusler, Darrell T. Tryon (Eds.). Mouton de Gruyter, Berlin.
- Bailey, Maroldt 1977: Bailey Ch.J., Maroldt K. The French lineage of English // Jürgen Meisel (ed.), Pidgins – creole – languages in contact. Tübingen, pp. 21-53.
- Baker 2000: Baker, Ph. Theories of creolization and the degree and nature of restructuring // Ingrid Neuman-Holzschuh and Edgar W. Schneider (Eds.), Degrees of restructuring in creole languages. Amsterdam, pp. 41-63.

- Baroja 1911: Baroja C. Las inquietudes de Shanti Andía. Madrid.
- Bentolila 1976: Bentolila A., Nougayrol P., Vernet P. // *Ti diksyonnè kreyol-franse. Dictionnaire élémentaire creole haïtien-français*. Port-au-Prince.
- Berwick 1985: Berwick R. The acquisition of syntactic knowledge. Cambridge, Mass.
- Bickerton 1974: Bickerton D. Creolization, linguistic universals, natural semantics and the brain // *University of Hawaii Working Papers in Linguistics* 6 (3), pp. 124-141 (reprinted in 1980).
- Bickerton 1975: Bickerton, D. Dynamics of a creole system. Cambridge Univ. Press.
- Bickerton 1977: Bickerton D. Pidginization and creolization: language acquisition and language universals // A. Valdman (ed.), pp. 49-69.
- Bickerton 1981: Bickerton D. Roots of language // Karoma, Ann Arbor.
- Bickerton 1988: Bickerton D. Creole languages and the bioprogram // *Linguistics. The Cambridge survey*, Vol. 2: Linguistic theory: Extensions and implications, pp. 268-284.
- Bickerton 1999: Bickerton D. How to acquire language without positive evidence: What acquisitionists can learn from creoles. // Michel DeGraff (Ed.) *Language creation and language change*. Cambridge, pp. 49-74.
- Broch 1930: Broch O. Russenorsk Tekstmateriale // *Maal og Minne*, H. 4, Oslo, pp. 113-140.
- Broch 1927: Broch O. Russenorsk // *Archiv für Philologie*, 41, pp. 209-262.
- Broch, Jahr 1981: Broch I., Jahr E. H. Russenorsk – et pidginspråk i Norge // *Tromsø-studier i språkvitenskap* 3. Oslo.
- Broch, Jahr 1984: Broch I., Jahr E. H. Russenorsk: a new look at the Russo-Norwegian pidgin in Northern Norway // *Scandinavian language contacts*. Cambridge, pp. 21-65.
- Broch, Jahr 1990: Broch I., Jahr E. H. Russenorsk: the Russo-Norwegian pidgin. New findings // *Tromsø studies in linguistics* 11, Oslo, pp. 62-68.
- Broch 1996: Broch I. Solombala-English in Archangel // *Language contact in the Arctic. Northern pidgins and contact languages*. Mouton, pp.93-98.
- Bruyn 1995: Bruyn, Adrienne. Grammaticalization in creoles: the development of determiners and relative clauses in Sranan. Amsterdam.
- Cassidy 1961: Cassidy F.G. Jamaica talk: Three hundred years of the English language in Jamaica. London.
- Cassidy 1980: Cassidy F.G. The place of Gullah // *American Speech*, V. 55, N 1, pp. 3-16.
- Chaudenson 1978: Chaudenson R. Creole et le langage enfantin: phylogenese et ontogenese // *Langue française*, 37, p. 76-90.
- Chaudenson 1978: Chaudenson R. Répresentation. - *Langue française. Les creoles français*, 37, 1978, p. 3-20.
- Chaudenson 1979: Chaudenson R. Les créoles français // Nathan, Evreux.
- Chomsky 1965: Chomsky N. Aspects of the theory of syntax // MIT Press, Cambridge (Mass).
- Chomsky 1981: Chomsky N. Lectures on government and binding. Dordrecht.
- Chomsky 1982: Chomsky N. Some concepts and consequences of the theory of government and binding. Cambridge, Mass.
- Cortelazzo 1965: Cortelazzo M. Che cosa s'intendesse per "lingua franca". - *Lingua nostra*, 26, cc. 108-110.
- Crystal 1997: Crystal D. English as a global language. Cambridge.
- Dalton-Puffer 1995: Dalton-Puffer Ch. Middle English is a creole and its opposite: On the value of plausible speculation // *Linguistic change under contact conditions* (Jacek Fisiak ed.), Mouton de Gruyter, Berlin, 1995, pp. 35-50.
- DeCamp 1961: DeCamp D. Social and geographical factors in Jamaican Creole // Le Page (ed.), pp. 61-84.
- DeCamp 1971a: The study of pidgin and creole languages // Hymes, D. P. 13-43.
- DeCamp 1971: DeCamp D. Towards a generative analysis of a post-creole speech continuum // Hymes D. (ed.) *Pidginization and creolization of languages*. Cambridge, 1971.
- DeGraff 1999: DeGraff M. (Ed.). *Language creation and language change*, Cambridge, Mass.
- Dillard 1972: Dillard J.L. Black English, its history and usage in the United States. New York.

- Domingue 1977: Domingue N.Z. Middle English: another creole? // *Journal of creole studies* № 1, pp. 89-100.
- Duponchel 1975: Duponchel L. *Dictionnaire du Français de Côte d'Ivoire*, Abidjan, ILA.
- Faine 1936: Faine J. *Philologie creole: etudes historiques et etymologiques sur la langue creole d'Haïti*. Port-au-Prince.
- Ferguson 1971: Ferguson C.A. Absence of copula and the notion of simplicity: a study of normal speech, baby talk, foreigner talk, and pidgins // D. Hymes, pp. 141-150.
- Finney 2004: Finney M.A. Substratal Influence on the morphosyntactic properties of Krio // *Linguistic discovery*, V. 2, Issue 2, 1-17.
- Frankétienne 1975: Frankétienne. *Dézafi (Roman)* // Port-au-Prince, ed. Fardin.
- Givón 1979: Givón T. *On understanding grammar* // New York–London.
- Grimshaw 1971: Grimshaw A.D. Some social forces and some social functions of pidgin and creole languages // Hymes 1971 (ed.), pp. 427-445.
- Hall 1966: Hall R. jr. *Pidgin and creole languages*. Ithaca.
- Hall 1968: Hall R. jr. *Creole linguistics* // Sebeok (ed.) pp. 361-371.
- Hall, Comhaire-Sylvain, McConnell, Métraux 1953: Hall R.A., Comhaire-Sylvain S., McConnell H.O., Métraux A. *Haitian Creole: grammar, texts, vocabulary*. Memoir 74 of the American Anthropological Association, and Memoir 43 of the American Folklore Society. Philadelphia.
- Hancock 1980: Hancock I. Gullah and Barbadian – origins and relationships // *American Speech*, N. 1, V. 55, pp. 17-35.
- Hancock 1986: Hancock I. The domestic hypothesis, diffusion and componentiality: An account of Atlantic Anglophone creole origins // Pieter Muysken and Norval Smiths (Eds.), pp. 71-102.
- Haspelmath 2004: Haspelmath M. How hopeless is genealogical linguistics, and how advanced is areal linguistics? // *Studies in Language* 28: 1, pp. 209-223.
- Haspelmath M. *Word classes and Parts of Speech* // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Elsevier Science Ltd, 2001, V. 16, pp.536-545.
- Hellinger 1985: Hellinger M. *English-orientierte Pidgin- und Kreolsprachen: Entstehung, Geschichte und sprachlicher Wandel* // *Wissenschaftliche Buchgesellschaft*, Darmstadt.
- Holm 1988: Holm J. *Pidgins and creoles*. V. I-II. Cambridge.
- Holm 2000: Holm J. *An Introduction to Pidgins and Creoles*. Cambridge.
- Hymes 1971: Hymes D. (ed.) *Pidginization and creolization of languages*. Cambridge.
- Irvine 2004: Irvine, Alison. A good command of the English language: phonological variation in the Jamaican acrolect // *Journal of Pidgins and Creole languages*, 19: 1, pp. 41-76.
- Jabłńska 1957: Jabłńska A. *Jezyk mieszany chinsko-rosyjski w Mandzurii*. *Przegląd Orientalistyczny* 21, pp. 157-168
- Jahr 1996: Jahr E.H. On the pidgin status of Russenorsk // *Language Contact in the Arctic*. Northern pidgins and contact languages. Berlin; New York, pp. 107-123.
- Laakso 2001: Laakso J. Reflections on the Verb Suffix –om in Russenorsk and some preliminary remarks on “docking” in language contact. // *Ünnepi könyv Keresztes László tiszteletére [Festschrift to honour László Keresztes]* (Maticsák Sándor, Zaicz Gábor and Tuomo Lahdelma, Eds.). *Folia Uralica Debreceniensia* 8. Debrecen-Jyväskylä.
- Le Page 1961: Le Page R.B. (ed.) *Creole language studies II*. Proceedings of the Conference on Creole Language Studies, University of the West Indies, Mona 1959. London.
- Lefebvre 1993: Lefebvre C. The role of relexification and syntactic reanalysis in Haitian creole: methodological aspects of a research program // S. Mufwene (ed.) pp. 254-279.
- Lefebvre 1996: Lefebvre C. The tense, mood, and aspect system of Haitian Creole and the problem of transmission of grammar in Creole genesis // *Journal of Pidgin and Creole languages* 11: 2, pp. 231-311.
- Lefebvre 1998: Lefebvre C. *Creole genesis and the acquisition of grammar: the case of Haitian creole*. Cambridge, Cambridge Univ. Press.
- Lunden 1978a: Lunden S. *Russenorsk revisited* // *Meddelelser* 15. Oslo.
- Lunden 1978b: Lunden S. Tracing the ancestry of Russenorsk // *Slavia Orientalis* 27, N 2. Warszawa, pp. 213-217.

- Migge 2003: Migge, Bettina. Creole formation as language contact: the case of the Suriname creoles // Creole language library 25. Amsterdam–Philadelphia.
- Mognan 2005: Mognan, Kessé. 'Waa 'won yaa 'yoobho 'won yaa 'ka // St. Petersburg, Nestor-Istoria.
- Mufwene 1986: Mufwene S. The universalist and substrate hypotheses complement one another // Pieter Muysken and Norval Smith (Eds.), pp. 129-162.
- Mufwene 1993: Mufwene S. (Ed.). Africanisms in Afro-American language varieties. Athens (Georgia).
- Mufwene 1999: Mufwene S. On the language bioprogram hypothesis: Hints from Tazie // Michel DeGraff (Ed.) Language creation and language change, Cambridge, Mass., pp. 95-127.
- Mufwene 2000: Mufwene S. Creolization is a social, not a structural, process // Ingrid Neuman-Holzschuh and Edgar W. Schneider (Eds.), pp. 65-84.
- Mufwene 2001: Mufwene S. The ecology of language evolution // Cambridge, Cambridge Univ. Press.
- Mühlhäusler 1986: Mühlhäusler P. Pidgin and creole linguistics // Oxford, Basil Blackwell.
- Muysken, Smith 1986: Muysken P., Smith N. (Eds.) Substrata versus universals in creole genesis. Amsterdam.
- Nan jaden 1985: Nan jaden lèt ak mo. Lekti ak ekriti 2. Port-au-Prince. Editions Deschamps.
- Neuman-Holzschuh, Schneider 2000: Neuman-Holzschuh I., Schneider E.W. (Eds.). Degrees of restructuring in creole languages. Amsterdam.
- Neumann 1966: Neumann G. Zur chinesisch-russischen Behelfssprache von Kjahta. Die Sprache 12. S. 237-251.
- Nichols 1980: Nichols J. Pidginization and foreigner talk: Chinese Pidgin Russian // 4th International Conference on Historical Linguistics (E.C. Traugott, R. Labrum, S. Shepherd - Eds.), Amsterdam, John Benjamins, pp. 397-407.
- Nichols 1996: Nichols J. The bottom line: Chinese Pidgin Russian // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology (W. Chafe, J. Nichols – Eds.). P. 239-257
- O'Donnell, Todd 1980: O'Donnell W.R., Todd L. Variety in contemporary English. London.
- Quilis, Casado-Fresnillo 1995: Quilis A., Casado-Fresnillo C. La lengua española en Guinea Ecuatorial. Madrid, Universidad Nacional de educación a distancia.
- Reinecke, Tsuzaki 1975: Reinecke J., Tsuzaki S. A bibliography of pidgin and creole languages. Honolulu.
- Rejchman 1879: Rejchman B. Trzy dni w Majmaczynie // Ateneum, IV (статья подписана инициалами R.B.).
- Rickford 1999: Rickford J.R. African American Vernacular English: features, evolution, educational implications //
- Romaine 1988: Romaine S. Pidgin and Creole languages. London.
- Schuhardt 1882: Schuhardt G. Kreolische studien I-IX. Sitzungsberichte der Kaiserischen Akademie der Wissenschaften zu Wien. 1882-1891. Bd. I-IX.
- Sebba 1997: Sebba M. Contact languages: Pidgins and Creoles. Hampshire and London, MacMillan Press.
- Sebeok 1968: Sebeok T.A. (ed.) Current trends in linguistics, vol. IV, Ibero-American and Caribbean linguistics, Mouton, The Hague.
- Selinker 1972 – Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics, 10.3, pp. 209-31.
- Singh 2000: Singh I. Pidgins and creoles. An introduction. London.
- Singler 1992: Singler V. Nativization and pidgin/creole genesis: A reply to Bickerton // J. of Pidgin and Creole languages 7:2, pp. 319-333.
- Singler 1993: Singler V. African Influence upon Afro-American language varieties. A consideration of sociohistorical factors // Salikoko Mufwene (Ed.), pp. 235-253.
- Singler 1996: Singler V. Theories of creole genesis: sociohistorical considerations, and the evaluation of evidence: the case of Haitian Creole and the relexification hypothesis // Journal of pidgin and creole languages 11: 2, pp. 185-230.

- Smith 1987: Smith, Norval. The genesis of the creole languages of Surinam. University of Amsterdam.
- Stern 2002: Stern D. Russische pidgins. Die Welt der Slaven XLVII, pp. 1-30.
- Stern 2005a: Stern D. Myths and facts about the Kyakhta trade pidgin // Journal of Pidgin and Creole languages 20: 1. pp. 175-187.
- Stern 2005: Stern D. Taimyr Pidgin Russian (Govorka) // Russian linguistics, pp. 289-318.
- Sylvain 1936: Sylvain S. Le creole haïtien: morphologie et syntax. Port-au-Prince.
- Taylor 1957: Taylor D.R. Spanish contact vernaculars in the Philippine Islands // Word, 13, pp. 489-499.
- Taylor 1963: Taylor D.R. The origin of West Indian creole languages: evidence from grammatical categories // American Anthropologist 65, pp. 800-814.
- Taylor 1971: Taylor D.R. Grammatical and lexical affinities of creoles // D. Hymes (ed.) pp. 293-6.
- Taylor 1977: Taylor D.R. Languages of the West Indies. Baltimore and London.
- Thomason 1980: Thomason S.G. On interpreting "The Indian interpreter" // Language in Society, 9, № 2, 1980, p. 167-193.
- Thomason 2001: Thomason S.G. Language Contact. An introduction. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press.
- Vianello 1955: Vianello N. "Lingua franca" di Barberia e "lingua franca" di Dalmazia // Lingua nostra, v. 16, 67-69.
- Voorhoeve 1973: Voorhoeve J. Historical and linguistic evidence in favour of the relexification theory in the formation of creoles. // Language in Society, V 2, 1973, p. 133-145.
- Wexler, Manzini 1987: Wexler K., Manzini R. Parameters and learnability in binding theory. // Thomas Roeper and Edwin Williams (Eds.) Parameter setting. Dordrecht, pp. 41-76.
- Whinnom 1956: Whinnom K. Spanish contact vernaculars in the Philippine Islands. Hong-Kong, 1956.
- Whinnom 1965: Whinnom K. The origin of European-based pidgins and creoles. // Orbis, 14, 1965, cc. 509-527
- Whinnom 1971: Whinnom K. Linguistic hybridization and the "special case" of pidgins and creoles // Hymes 1971 (ed), pp. 91-115.
- Whinnom 1977: Whinnom K. Lingua franca. Historical problems. // A. Valdman and A. Highfield – eds. Pidgin and creole linguistics. New York, p. 295-310.
- Winword 2003: Winford D. An introduction to contact linguistics. Oxford: Blackwell Publishing.
- Wurm 1971: Wurm S.A. Pidgins, Creoles and lingue franche // Current trends in linguistics. The Hague, V. 8, N. 2, pp. 999-1021.